

ИСТОРИЯ МАЛИ

В новое
и новейшее
время

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АФРИКИ

«Наука»

ИСТОРИЯ СТРАН АФРИКИ

Серия основана в 1981 году

Редакционная коллегия

Ан. А. Громыко (ответственный редактор),

А. М. Васильев, А. Б. Давидсон,

Р. Н. Исмагилова, А. Б. Летнев,

Д. А. Ольдерогге, А. С. Покровский,

Л. Н. Прибытковский

С. С. Новиков, Д. П. Урсу

ИСТОРИЯ
МАЛИ
В НОВОЕ
И НОВЕЙШЕЕ
ВРЕМЯ

Москва
Издательская фирма «Восточная литература»
1994

ББК 63.3(6)
Н73

Редакторы тома
А. Б. ЛЕТНЕВ, Ю. В. ЛУКОНИН

Редактор издательства
А. Ф. ДЕРИБАС

Новиков С. С., Урсу Д. П.

Н73 История Мали в новое и новейшее время.— М.:
Наука. Издательская фирма «Восточная литерату-
ра», 1994.— 288 с.
ISBN 5-02-017799-7

Одиннадцатая книга в серии «История стран Африки» — это исследование западноафриканской страны Мали, в прошлом мощного очага древней государственности. В книге анализируются процессы возникновения, эволюция общественных структур, экономическая, социальная и политическая история страны и ее культуры.

Н 0503030000-032 125-94
013(02)-94

ББК 63.3(6)

Научное издание

Новиков Сергей Савельевич, Урсу Дмитрий Павлович

ИСТОРИЯ МАЛИ

в новое и новейшее время

Утверждено к печати Институтом Африки РАН

Заведующий редакцией *И. М. Дижур*. Редактор *А. Ф. Дерибас*. Младший редактор *Н. Л. Скачко*. Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *Г. А. Никитина*. Корректор *Н. В. Морозова*

ИБ № 17364

Сдано в набор 08.09.93. Подписано к печати 15.03.94. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18,0. Усл. кр.-отт. 18,25. Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 320 экз. Изд. № 7567. Зак. № 366.
«С»—1

ВО «Наука». Издательская фирма «Восточная литература»
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография ВО «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое

28

ISBN 5-02-017799-7

© С. С. Новиков,
Д. П. Урсу, 1994

Читателю предлагается очередная книга из серии «История стран Африки» — история Мали.

Современное государство — Мали — возникло в «год Африки», в августе 1960 г. Название его уходит корнями в глубь веков — Мали было одним из трех великих государств западносуданского средневековья. Новое государство олицетворяло возрождение континента. Мир воспринял появление еще одной независимой республики под необычным названием в междуречье Сенегала и Нигера.

Мали — крупнейшая страна региона с довольно причудливой территориальной конфигурацией. Она расположена сразу в трех широтных почвенно-климатических зонах — сахарской, сахельской и суданской, или зоне саванн. Это предполагает резкие перепады в среде обитания человека и несомненную суровость климата. Весьма существенным фактором является значительная удаленность страны как от Атлантического побережья на западе, так и от Гвинейского залива на юге. Как и прочие африканские государства, не имеющие выхода к морю, Мали испытала и продолжает испытывать сильнейшее влияние этого фактора на территориально-отраслевую структуру своего хозяйства. И еще одно обстоятельство, связанное с географическим положением страны: малийцы живут на перекрестке торговых путей, пересекающих западноафриканский регион в меридиональном и широтном направлениях. Это издавна ставило их в положение своеобразных посредников между кочевниками севера и оседлыми земледельцами юга [128, с. 3, 5, 15].

Территория современной Мали занимает центральную часть обширного историко-географического региона южнее Сахары, простирающегося на запад от оз. Чад до побережья Атлантического океана. Эту область принято называть Западным Суданом (от арабских слов «Биляд ас-судан» — «земля черных»). Верховья Сенегала и Нигера, горный массив Мандинг, внутренняя дельта Нигера являются историческим ядром Мали. Это относительно развитые в хозяйственном и культурном отношении области Африки.

Плодородные земли среднего течения Нигера являются районом древнейшего земледелия, ремесел и оживленной торговли. Археологические находки показали, что на этой территории первобытный человек еще в V—IV тысячелетиях до н. э. вел активную хозяйственную деятельность, занимался разведением скота, ловлей рыбы, охотой. Земледелие на берегах Нигера, как предполагают ученые, появилось в начале III тысячелетия до н. э. Границы пустыни Сахара (зона Сахеля) располагались тогда намного севернее, так как климат был влажнее.

Предки современных малийцев жили в достаточно благоприятных природно-экологических условиях. С северных отрогов нагорья Фута-Джаллон берут начало реки Сенегал и Нигер. На запад, в сторону океана, текут Гамбия, Бафинг; последняя, сливаясь с р. Бакой, и дает начало Сенегалу. В другую сторону, на северо-восток, направляется одна из великих африканских рек — Нигер, образующий у границ пустыни огромную петлю; затем он круто поворачивает на юго-восток и, пронеся свои воды еще 2 тыс. км, впадает в Гвинейский залив.

Верховья Сенегала и Нигера разделяет горный массив Мандинг, ставший колыбелью близкородственных народов языковой подгруппы манде — бамбара, малинке, сонинке. У большой излучины Нигера, между городами Томбукту и Гао, а также далее вниз по реке, издавна жили сонгаи. Следует назвать еще два автохтонных народа, внесших немалый вклад в историю Республики Мали: южнее среднего течения Нигера, на плато Бандиагара, живут догоны, а на крайнем юге — сенуфо. Пустынные районы населяют различные племена туарегов, а примерно с XV в. на берегах Нигера появились и кочевники-фульбе. На языках трех подгрупп — манде, вольтийской и западноатлантической (все они входят в нигеро-конголезскую языковую семью) — говорит более 80% малийцев. Примерно две трети населения страны исповедуют ислам суннитского толка, одна треть придерживается традиционных верований. Доля христиан крайне незначительна.

История малийцев отмечена значительным своеобразием. Мали была первым в истории Западной Африки раннефеодальным обществом [113, с. 369]. Приобщенность этой страны к великим западноафриканским средневековым цивилизациям имела важное последствие, а именно: достаточно развитую культурную и политическую традицию. И хотя традиция эта была надолго прервана в конце XVI в. испано-марокканским завоеванием Сонгайской державы, все же ко времени колонизации Западного Судана европейцами малийцы в целом опережали многих своих соседей, в осо-

бенности южных, не знавших в прошлом государственности. Мы говорим «в целом», ибо в самой Мали всегда существовали градации * (кочевники и полукочевники северных и северо-восточных областей были носителями иных социальных отношений, нежели основная масса земледельческого населения центральных и западных областей).

Район издавна привлекал к себе внимание соседей. Сначала арабы, а затем и европейцы пришли на берега Сенегала и Нигера.

Важнейшую роль в истории Мали сыграла Франция. Французская экспансия в Западном Судане обуславливалась колониальной политикой страны в 70—80-е годы XIX в., когда Франция начала преодолевать последствия поражения во франко-прусской войне 1870—1871 гг. Завершение промышленного переворота, наличие больших свободных капиталов, потребность в новых рынках сбыта и источниках сырья заставили Париж искать новые колонии в Африке и Азии в условиях быстрого раздела сфер влияния между крупнейшими европейскими державами. Для французских торгово-промышленных кругов, в частности, Бордо, Лиона и Марселя Западный Судан с его ресурсами и важными водными артериями представлял немалый интерес. Захват верховьев Сенегала и Нигера объединил французские владения в Северной и Западной Африке.

Вторжение в глубинные области Западного Судана оказалось гораздо более сложным делом, чем это представлялось чиновникам парижских канцелярий. И все же в кровопролитных войнах эта цель была достигнута. Франция установила свой контроль над огромными пространствами от Средиземного моря до Гвинейского залива.

Приход к междуречье Сенегала — Нигера колонизаторов повлек за собой действие новых факторов. Французы нашли в Мали афроисламские общественные структуры, традиционную власть и традиционные отношения. Они вошли в страну с богатой культурной традицией, но значительно отстававшую от культуры Франции по уровню общественного развития. Это не только давало колонизаторам определенные, очевидные преимущества, но и ставило перед ними задачу — поднять захваченную территорию до уровня, обеспечивающего оптимальную выгоду от «пребывания» Франции в Мали. Соответственно и действия метрополии определялись здесь

---

* Последние впоследствии всегда учитывались при разработке систем колониального управления. Да и правительства независимой Республики Мали не могли не считаться с особенностями административного управления в районах расселения туарегов, сонгаев или фульбе, в отличие от этнических территорий основных народностей страны — бамбара, малинке, сонинке и т. д.

прежде всего этой целью *, для достижения которой создавались основы социально-экономической инфраструктуры, отвечающей требованиям времени. Местные жители вовлекались в современные общественные отношения, одновременно приобщаясь к французскому языку, культуре, моральным ценностям.

Захват французами глубинных районов Западного Судана был осуществлен при активной помощи со стороны ранее покоренных ими западноафриканских народов, в особенности сенегальцев. Французскими военачальниками широко применялась игра на противоречиях между самими малийскими правителями. При этом некоторые из них вступали с французами в длительные союзнические отношения. Все это в сочетании с достаточно произвольными границами между соседними территориями, установленными новыми хозяевами края, а также с неоднократным и не менее произвольным перекраиванием границ захваченных колоний создавало почву для последующих междоусобиц на национально-этнической почве.

Франция утвердила свое господство на территории нынешней Республики Мали, имея опыт «анклавной», на первых порах, колонизации соседних Сенегала, Гвинеи, Дагомеи и сплошной — соседнего Алжира. Действуя в новой колонии методом «проб и ошибок», она медленно отработывала варианты решений в различных сферах (экономика, система колониального управления, отношение к религии, культурная политика и т. п.), которые полагала оптимальными. Лишь значительно позднее, уже в начале XX в., пионерам «освоения» страны стало ясно, что повторение алжирского варианта (переселенческая колония с развитым европейским плантационным хозяйством) в Мали практически нереализуемо. Основным производителем сельскохозяйственной продукции, ориентированной на рынок метрополии, оставался африканский общинник. Вместе с Сенегалом новая колония стала частью крупного в масштабах Французской Западной Африки (ФЗА) хозяйственно-транспортного комплекса (строительство железной дороги Дакар — Куликоро снабдило этот комплекс как бы станovým хребтом). Но и идея создания крупного плантационного хозяйства не была похоронена окончательно. В среднем течении Нигера было создано агрообъединение — Управление долины Нигера, или «Оффис дю Нижер», призванное обеспечивать метрополию дешевыми

---

* Речь идет, разумеется, лишь об общей оценке политики колониальной державы; этим вовсе не преуменьшается огромная гуманитарная и социальная роль многих французов в Мали — миссионеров, врачей, учителей, инженеров, геологов, агрономов и т. д., искренне и честно трудившихся во имя прогресса африканцев.

хлопком и рисом, по образцу британского сельскохозяйственного проекта Гезира в тогдашнем англо-египетском Судане.

В итоге в конце 50-х годов нашего века Французский Судан превратился в многоцелевой резервуар, из которого метрополия черпала сырье и значительное количество рекрутов для своих колониальных частей. Что же касается его соседей по ФЗА, то Сенегал получал из Французского Судана зерно и рабочую силу для сезонной работы на арахисовых плантациях, Французская Гвинея и БСК — скот, вяленую рыбу, другие продукты питания. Таким образом, активно функционировали два грузопотока (они же — миграционные потоки) — традиционный вертикальный (север — юг) и сравнительно новый, горизонтальный (запад — восток), дополнявшие друг друга.

В 1960 г. малийцы твердо заявили метрополии и всему миру, что отныне берут свою судьбу в собственные руки. С этого рубежа начинается новый отсчет их исторического бытия, продолжающийся и поныне.

Три десятилетия независимого существования страны — предмет особого разговора. С одной стороны, довольно трудно вести такой разговор, когда исторический материал еще не успел отлежаться, когда многие важнейшие документальные источники еще недоступны исследователю. С другой — имеющийся в наличии материал дает, хотя бы в первом приближении, достаточно обильную пищу для размышлений и первых обобщений. Понимая всю сложность исследования феномена истории современности, авторы сочли тем не менее возможным отвести в книге значительное место именно постколониальной истории Мали. В книге не только рассматривается фактическая сторона дела, но и по возможности непредвзято характеризуются особенности трех бурных десятилетий независимости. В работе прослеживаются особенности социально-экономического и политического развития страны в годы так называемой I Республики, характеризуются причины и последствия военного переворота 1968 г., выявляется основной социально-политический вектор последующих десятилетий. Цель при этом ставилась одна: показать, почему сменявшим друг друга политическим режимам не удалось привести страну ни к стабильности, ни к процветанию. Почему Республике Мали, входящей, по данным ООН, в число наименее развитых стран Африки и соответственно всего мира, так и не удастся полномерно и полнокровно войти в этот мир? Почему через 30 с лишним лет после обретения независимости все еще приходится говорить о выходе страны из тупика, в который завели ее различные руководители — военные или гражданские, сторонники «со-

циалистического выбора» или ярые антисоциалисты? Иными словами, авторы стремились обозреть ход истории некогда великого и вновь возродившегося, но далекого от величия африканского государства и показать движение сложное, непрямолинейное, нередко драматическое, проанализировать прошлое (в том числе и еще совсем недавно бывшее настоящим) вплоть до переломного момента исторического развития и Мали, и мира в целом — последнего десятилетия XX в.

Авторы стремились к тому, чтобы источниковедческая база исследования была как можно более широкой и разнообразной. В первую очередь изучались документы органов государственной власти колониальных времен и периода независимости, разнообразные дипломатические материалы, программы политических партий, официальная статистика. Значительное место среди использованных источников занимают неопубликованные документы и материалы. В малийских и французских архивах была изучена переписка чиновников французской администрации, содержащая разнообразные сведения о развитии Французского Судана. В отечественных архивах обнаружены дипломатическая переписка и донесения сотрудников российского посольства в Париже, с большим вниманием следивших за колониальным разделом Западной Африки. Эти материалы проливают свет на тайные пружины французской колониальной экспансии, сообщают новые факты, живые наблюдения и размышления.

Важным источником при написании книги стали свидетельства очевидцев, мемуары политических деятелей. Среди них выделяются публикации участников завоевания и раздела Западного Судана, французских офицеров и администраторов. Э. Пероз, П. Л. Монтей, Ж. Меньо, М. Делафос, капитан Маж, генералы Галлиени и Гуро описали весьма подробно, хотя и небеспристрастно, события 20-летнего периода войны западносуданских народов и государств против иностранных завоевателей. Близким к этому виду источников являются книги генерала Дюбока и Гатле, написанные на основе личных наблюдений с привлечением многих неопубликованных документов французских военных штабов. Особое место занимает группа работ видных теоретиков французского колониализма, образуя как бы переход между источниками и исследовательской литературой. Это книги П. Леруа-Болье, П. Гаффарея, Ж. Арди, А. Сарро, А. Лабуре и других авторов. Они содержат большой фактический материал, программы реформ, которые в той или иной степени осуществлялись французской администрацией.

Богатая и разнообразная информация о политическом,

социальном, экономическом и культурном развитии Мали конца прошлого века содержится в газетах и журналах Франции. Были изучены ведущие политические газеты «Тан», «Фигаро», «Монд», «Юманите» (Франция), а также «Эссор» (Мали), многочисленные журналы. Среди последних стоит выделить главный орган колониалистских кругов — «Африк франсез», а также малотиражное ведомственное издание агропромышленной фирмы «Офис дю Нижер».

Изучена также и обширная исследовательская и публицистическая литература, краткий обзор которой следует ниже.

Малийские авторы, как правило, основное внимание уделяют изучению доколониального прошлого своей страны. Это и понятно, так как в общественном сознании укоренилась мысль о преемственности между современным государством Мали и одноименной средневековой империей. Гордость за достижения цивилизации Ганы, Мали и Сонгаи призывает местных историков вновь и вновь обращаться к отдаленным временам. Периоду колониализма и после него посвящены немногочисленные работы. Историко-географическое описание округа Каес в контексте экономического развития страны дает Р. Кейта. В книге А. Магасы, для написания которой были собраны воспоминания свидетелей, показана эксплуатация крестьян колониальными властями. Ш. Диара представил в несколько идеализированном виде политическое и экономическое развитие Мали в первые годы независимости. Широкую известность получила вышедшая в 1990 г. в Париже книга Бинту Сананкуа «Падение Модибо Кейты», анализирующая причины военного переворота 1968 г., положившего конец I Республике. Интересные социальные исследования проводил в Мали сенегалец М. Диоп.

Много информации по истории страны, в особенности после достижения независимости, почерпнет для себя исследователь из малотиражных и в силу этого труднодоступных для иностранцев работ, написанных молодыми малийскими учеными в 70—80-е годы. Работы эти ценны тем, что, будучи малодоступными для широкого читателя, они слабее подвергались цензурному контролю и потому содержат немало откровенных оценок положения в стране (при военном правлении М. Траоре) и событий ее недавней истории (особенно периода правления М. Кейты).

Зарубежная историография посвятила новой и новейшей истории Мали немало обстоятельных исследований. Остановимся на наиболее значительных. Завоеванию Западного Судана посвящены труды А. Канья-Форстнера, И. Сен-Мартена, фундаментальная трехтомная книга И. Персона — настоящая энциклопедия народной жизни и богатейший источник

фактических данных. Однако с некоторыми выводами автора можно согласиться далеко не во всем. Общие проблемы раздела Африки во второй половине XIX в. разрабатываются в трудах английского историка Дж. Харгривса; он же издал ценный сборник документов «Франция и Западная Африка». Наконец, молодой американский ученый Р. Робертс исследует соотношение политики и экономики в период завоевания континента. Он выдвинул оригинальную концепцию «казарменного колониализма», которая объясняет борьбу различных политических течений и фракций в стане французских колонизаторов.

Кроме книги Робертса экономическая история Мали освещается в книге известного египетского экономиста и историка С. Амина, насыщенной богатым статистическим материалом, и в работе Э. Шрейгера о строительстве и эксплуатации гидротехнических сооружений на Нигере в 30—50-е годы. Отмена рабства в Западной Африке, развитие образования в колониях ФЗА исследуются в книгах Д. Буш, а участие африканцев в первой мировой войне — в работе М. Мишеля. Интересна книга К. Гаррисона об отношениях французских колониальных властей к исламу. Автору удалось избежать односторонности, показав диалектическое единство сопротивления и приспособления различных религиозных течений к колониализму.

Следует сказать о крупном вкладе в историографию Мали польского ученого М. Тымовского. Кроме ряда содержательных статей по средневековой и новой истории его перу принадлежат исследование по истории Мали с древнейших времен до 1960 г. и научно-популярная работа о г. Томбукту. Последняя книга Тымовского — «Винтовка и власть в Африке XIX в.» — анализирует состояние армий африканских государств на территории современного Мали — Васулу и Кенедугу, их сопротивление колониальным захватчикам. Работа выполнена на основе тщательного изучения многочисленных архивов, других источников.

Слабо освещена в зарубежной историографии тема национально-освободительной борьбы. Можно отметить лишь работы 30-летней давности — книги американцев Р. Моргантау, У. Фольца и Ф. Снайдера. Исключение составляют лишь публикации французского историка-марксиста Ж. Сюрэ-Каная (о Мали в них, однако, мало материалов), а также А. Годио. Немного вышло за рубежом и серьезных работ, посвященных периоду независимого развития.

Этот пробел в изучении новейшей истории Мали частично заполняют работы отечественных авторов. Наша наука имеет определенные успехи в познании прошлого малийцев. Например, широкое признание за рубежом получили работы по

средневековой истории и культуре Л. Е. Куббеля. Колониальным завоеваниям Франции в Африке, в том числе Западной, посвящена книга В. А. Субботина. История национально-освободительной борьбы нашла отражение в публикациях А. Б. Летнева. Его книга исследует эволюцию общественной мысли в Западной Африке между мировыми войнами. Книга вскрывает малоизвестный пласт истории освободительного движения — ее идеологическую сферу, дает развернутую картину идейных столкновений, анализ политических программ различных организаций, живые портреты духовных вождей освободительного движения. А. Б. Летневу принадлежит также книга по аграрной истории Мали. Антиколониальная борьба малийского народа освещается в книгах Г. С. Кондратьева и Д. Н. Филипенко. Помимо историков внесли свой вклад в исследование Мали и сопредельных стран региона экономисты (Г. О. Витухина), юристы (Н. С. Мерзляков), географы (Г. Ф. Радченко), религиоведы (Б. И. Шаревская, Ю. Ю. Федутин).

Не все в книгах, вышедших в 60-е, 70-е, а иногда и в 80-е годы, выдержало проверку временем. Тогда, в 60-е, да и в последующие годы в обстановке эйфории, возникшей в связи с крушением колониальной системы, первым советским исследователям Мали казалось, что перед этой страной, как и перед многими другими бывшими колониями Африки и Азии, открылась реальная возможность укрепить, опираясь на помощь социалистического лагеря, политическую самостоятельность, добиться экономической независимости, демократизировать сверху донизу всю общественную жизнь и т. п. [102, с. 60, 70; 108, с. 32, 90; 107, с. 38—39; 116, с. 149; 139, с. 5]. На практике все оказалось гораздо сложнее. Жизнь показала, что советские первоисследователи новой Африки, в том числе независимой Мали, зачастую совершенно неправомерно отождествляли имущественную дифференциацию и классовую, антиимпериалистические акции африканских лидеров с антикапиталистическими. К таким выводам мы можем прийти сегодня, с высоты десятилетий, с учетом кардинальной переоценки многих ценностей, считавшихся обществоведами незыблемыми вплоть до конца 80-х годов (теория так называемой социалистической ориентации). Подобные перекосы — неотъемлемая часть истории отечественного африкановедения. Эволюция методологии и методики наших исследований по истории Африки, отказ от неумеренных восторгов, постепенный переход к более трезвому, взвешенному и объективному анализу исторических реалий — не что иное, как свидетельство вступления нашей африканистики из юношеского в более зрелый возраст.

Резюмируя, следует признать, что новая и особенно но-

вейшая история Мали изучены недостаточно. Отсутствуют обобщающие работы, и, за исключением книги М. Тымовского, читатель лишен возможности получить связный и доступный свод знаний о прошлом и настоящем страны. Восполнить этот пробел и призвана настоящая книга.

Введение монографии написано авторами совместно (при участии А. Б. Летнева), главы I—IV — Д. П. Урсу, V—VIII — С. С. Новиковым. В главе VII используются материалы малийского исследователя У. Траоре. Научно-техническая подготовка рукописи осуществлена Н. И. Рогожиным и В. П. Хохловой.

ДОКОЛОНИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МАЛИ

1. Западный Судан на пороге нового времени

На очерченной выше территории Западного Судана с IV в. установилась прочная традиция политической организации общества в виде государственных образований (империй) — сначала Гана, потом Мали, наконец, Сонгаи. Именно непрерывность существования государства на протяжении более тысячи лет является самой характерной чертой общественного развития народов бассейна Сенегала и Нигера.

Эту часть Западного Судана с IV по конец XVI в. занимали три средневековые державы — Гана, Мали, Сонгаи. Они как бы переходили, переливались одна в другую: как Мали долго была зависимой от Ганы провинцией, так, в свою очередь, Сонгаи был отдаленным владением Мали. Интересно отметить, что в момент наибольшего могущества все три государства занимали почти ту же территорию. Это, можно сказать, уникальный случай для всей Тропической Африки.

Древняя Гана (IV—XIII вв.). Возникновение этого раннегосударственного образования было итогом длительного хозяйственного и социального развития народа сонинке. Об этом свидетельствуют результаты археологических раскопок, а также устная историческая традиция и сведения арабских путешественников. Гана занимала земли к северу от верховьев Сенегала, в природной зоне Сахеля. Сегодня это северо-западная область Мали и юг Мавритании. Политогенез на этой территории связан с развитием земледелия и скотоводства, отделением ремесла, появлением городов и расцветом дальней транссахарской торговли [100, с. 71]. В устной традиции сонинке это государство известно как Вагаду, или Кайямага, в арабской географической литературе оно именуется Ганой. Интересно отметить, что это слово означало одновременно титул царя, столицу страны и само государство [228, с. 20].

Впервые о Гане упоминает арабский ученый аль-Фазари (VIII в.), называя ее «страной золота», позже о ней постоянно пишут арабские географы, историки, путешественники.

Ибн Хаукал в середине X в. и аль-Бекри сто лет спустя говорят о военном и экономическом могуществе этого государства. Первый из них писал, что правитель Ганы — «богатейший из царей земли благодаря имеющимся у него богатствам и запасам золота». Крупнейший город страны, Аудагост, вел активную торговлю с рынками Северной Африки: караваны пересекали пустыню, «приносили большую прибыль, крупную выгоду и огромные богатства» [70, с. 288—289]. Кроме торговли жители Ганы занимались земледелием и скотоводством. Вокруг Аудагоста, по аль-Бекри, росли пальмовые сады. «...А больше всего у них овец и крупного рогатого скота... Жители — обладатели значительного благосостояния и больших богатств. Рынок Аудагоста все время многолюден». Вывозили купцы «чистое золото, в виде плетеных нитей. А золото Аудагоста — это лучшее золото, какое есть у жителей земли, и самое чистое» [70, с. 293—294]. О золотоносном районе Бамбук писал также аль-Идриси.

Столицу страны аль-Бекри называл Ганой и говорил, что она состояла из двух частей: мусульманской, где были мечети и где проживали приезжие купцы, вторая часть города населена местными жителями-язычниками, хотя у царя было много советников-мусульман. Доходы царя состояли прежде всего из золотых самородков и из налогов на вывозимую соль. Кроме золота и соли торговали также медью, эбеновым деревом и рабами.

Наблюдения арабских путешественников подтверждают и дополняют данные археологии. Всего на территории современной Мали инвентаризовано 970 археологических памятников как в зоне Сахеля, так и в районе внутренней дельты Нигера; это главным образом остатки поселений, отдельных построек, зернохранилищ, захоронения и др. Богатые находки свидетельствуют об оседлости населения и его хозяйственных занятиях [254, с. 511]. Что касается древней Ганы, то археологи после долгих поисков установили местоположение ее столицы (городище Кумби-Сале), а также главного торгового центра Аудагоста (городище Тегдауст).

Археологические и нарративные источники позволяют утверждать, что дальняя транссахарская торговля имела для Ганы исключительно важное значение, это был главный источник благосостояния страны и могущества ее царей. В этой односторонности развития экономики за счет внешнего фактора таилась большая опасность. Она проявлялась в медленных темпах развития земледелия и ремесла, застойности форм общественной организации [114, с. 68]. Вместе с тем нельзя не отметить влияние золота Западного Судана на экономику Северной Африки и Западной Европы: именно сюда стекалось золото, добытое тяжким трудом рабов на ко-

пях Ганы. Из этого золота начали чеканить в XIII в. первые золотые монеты во Флоренции и Венеции, во Франции и в Англии [119, с. 37]

Об общественном строе древней Ганы известно мало. Из разрозненных данных арабских авторов можно сделать вывод о имущественном и социальном неравенстве, делении общества на свободных и рабов. Труд невольников широко использовался при добыче золота и соли, транспортировке грузов. Кроме того, рабы были одним из основных товаров на экспорт. Л. Е. Куббель отмечает появление одного «протокласса» — господствующей прослойки, связанной с караванной торговлей [114, с. 63]. Царская власть существовала за счет налогов с торговли, присвоения львиной части золотодобычи (самородков), нерегулярных поборов с сельского населения. На окраинах державы имелись зависимые цари-данники.

В середине XI в. у северной границы Ганы возникло воинственное государство кочевников-берберов, начавших священную войну против «неверных». В 1055—1056 гг. они захватили Аудагост, и, таким образом, под их контроль перешла дорога золота Гана — Северная Африка. Около 1075 г. была разорена столица Кумби-Сале. После этих событий начинается медленный упадок Ганы. В середине XIII в. она подпала под власть Мали, став ее вассальным владением.

Империя Мали (XIII—XVI вв.). Изначальное название Мали — «Маллил» — впервые встречается у арабского географа IX в. аль-Якуби. Перечисляя государства Западного Судана, он упоминает Маллил и добавляет, что его царь именуется манса [70, с. 269]. Больше ничего об этой стране ему не известно. Спустя двести лет о Мали писал аль-Бекри, а еще позже — аль-Идриси. Наиболее полное описание этой страны дал в середине XIV в. аль-Омари.

Возникновение Мали связано с ослаблением центральной власти в южных районах Ганы, где в конце XI в. возникает несколько мелких государств, боровшихся между собой за первенство. Как свидетельствует устная историческая традиция, победу одержал клан Кейта, принявший перед этим ислам. Его вождь Сундиата в 1235 г. разгромил своего соперника Сумаоро, царя Сосо, и основал централизованное государство, получившее название империи Мали. Понятно, что слово «империя», как и другие понятия этого семантического ряда (королевство, царство), следует применять условно, поскольку речь идет о европейских терминах, которые весьма сложно отнести к африканскому средневековью.

Около 1240 г. Сундиата захватил столицу Ганы и присоединил эту страну к своим владениям. За 25 лет своего правления Сундиата значительно расширил территорию Ма-

ли. Посвященный ему мандингский эпос повествует: «...войска Сундиаты покорили все страны саванны. От Вагаду на севере до страны мандингов на юге, от Мемы на востоке до Фута на западе все страны признали власть Сундиаты» [74, с. 131]. Столицей государства был город Ниани на берегах Санкарани, в самом сердце Мандинга. От нее мало что сохранилось сегодня, так как все постройки были сделаны из необожженной глины (банко); тем не менее археологи нашли следы оживленной торговли, развитого ремесла, городской культуры.

В состав империи Мали входили в качестве провинций покоренные Сундиатой области и города Сосо, Гана, Беледугу, Синсани, Мандинг, Кита, Бамбук, Мема, Дженне [219, с. 17]. Они платили дань царю, выставляли войско во время походов. Сундиата не только создал большое централизованное государство и систему его управления, но и положил основание сословно-кастовому разделению населения Мали. Различные версии устной традиции малинке, основного народа империи, утверждают, что именно Сундиата разделил население Мали на два сословия: свободных, с одной стороны, ремесленников и рабов — с другой. Эти сословия, в свою очередь, были разбиты на 33 клана, из которых 16 кланов пленников, служивших в пехоте (лучники), и четыре клана ремесленников, составлявших особые неполноправные касты [79, с. 181]. Сам Сундиата, как и его предки, относился к клану охотников, одному из самых благородных. Напротив, его соперника Сумаоро традиция относит к низшей касте кузнецов [85, с. 239]. Традиция повествует, что Сундиата закончил с набегами сонинке и мавров, бравших рабов в стране Мандинг; он запретил также продажу в рабство своих подданных. Тем не менее рабство и работорговля сохранились: Сундиата и его приближенные имели села с рабами, была целая область Дундугу, земли которой обрабатывали невольники [79, с. 195—203]. Значительная часть населения завоеванных областей превращалась в рабов, которые либо прикреплялись к земле, либо продавались в далекие северные страны.

Укреплению власти Сундиаты способствовали два фактора: большое войско и распространение ислама. Состоявшая из крестьян-общинников армия имела в своем составе отряды лучников из рабов и дружины вассальных князей, она составляла основу государственной структуры. Мусульманство проникает в Западный Судан с середины XI в. главным образом через арабских купцов. Однако если столица Ганы лишь наполовину состояла из мусульман, то в Мали ислам охватывает широкие круги населения, прежде всего городского. Распространению мусульманской религии всячески

способствовали правители государства, военная верхушка, служители культа — марабуты и факихи.

Преемники Сундиаты продолжали политику завоеваний. Территориальная экспансия была направлена на запад, север и восток. На западе правители Мали овладели низовьями рек Сенегал и Гамбия, золотоносными районами Бамбук и Буре, северными отрогами Фута-Джаллона, где произрастает высокоценный африканцами орех кола; на востоке была завоевана долина Нигера с городами Дженне, Томбукту, Гао и далее по течению вплоть до Кукийи. На севере границы терялись в песках Сахары, малийскому царю принадлежали Валата и соляные копи Тегаззы. Таким образом, границы средневековой империи Мали выходили далеко за пределы современного государства под тем же названием.

Своего расцвета империя Мали достигла в царствование мансы Мусы по прозванию Канку Муса и его брата Сулеймана (первая половина XIV в.). Их могущество описывают арабские авторы. По рассказу Ибн Халдуна, всеобщее удивление в Каире вызвали богатство и щедрость Мусы, прибывшего с 80 вьюками золотого песка, огромной свитой; аль-Омари говорит о 100 вьюках. По подсчету Ж. Девиса, в них было 12 т золота [180, с. 375].

Арабские и европейские источники повествуют о хозяйственном развитии Мали, торговле, распространении ислама среди правящей верхушки. Арабский путешественник Ибн-Баттута, посетивший Мали в 1352—1354 гг. в царствование Сулеймана, пишет о порядке в стране — «ни путешественный, ни оседлый житель в ней не боится ни вора, ни притеснения», он отмечает благочестие людей и их «упорство в молитвах» [70, с. 364]. Нельзя не привести слова другого средневекового автора: «Страна изобилует зерном, мясом и хлопком... очень много ремесленников и купцов... Жители богаты благодаря торговле... У них имеется много храмов, а также священнослужителей и учителей... Это самые цивилизованные, самые искусные и наиболее уважаемые из всех черных, потому что они первыми примкнули к вере Мухаммеда» [71, с. 304]. Европейские авторы (Ка да Мосто, В. Фернандиш) подробно пишут о дальней торговле малийцев золотом и солью. Они отмечают широкое распространение рабского труда: в золотых копях трудятся королевские рабы, пишет один; царь использует «множество рабов при обработке своих имений», пишет другой [70, с. 382, 412—413]. Источники свидетельствуют об использовании рабов при переноске грузов внутри страны («только на невольниках и на невольницах», — пишет Ибн Халдун), вьючные животные применяются лишь при дальних путешествиях [70, с. 371].

Не только широкое распространение труда рабов и торговли золотом и солью роднит Мали с Ганой. Преемственность двух западносуданских империй проявилась в примате внешнего обмена над внутренним производством. Вновь, как и прежде, в центре экономической жизни государства находится транссахарская караванная торговля, а не организация производственной деятельности своего собственного населения. Сельское хозяйство оставалось почти неизменным, господствовала подсечно-огневая система земледелия, продолжала быть крайне низкой общественной производительность труда. Добыча золота, дальняя торговля обогащали лишь узкий круг знати, народному хозяйству Мали такое одностороннее развитие принесло скорее вред, чем пользу. Как в Мали, так и в Гане именно в этом коренится первопричина определенной стагнации материальной цивилизации этого региона. Демографическая ситуация, весьма неблагоприятная, привела к тому, что плотность населения не достигала чаще всего минимального порога, необходимого для успешной хозяйственной деятельности. Земли было много, а людей для ее обработки — мало.

С начала XV в. начинается ослабление Малийской державы, манса теряет контроль над окраинными областями. Раньше других отпала крайняя восточная провинция с центром в Гао, населенная сонгаями: вскоре здесь возвысится новая, третья по счету, великая держава Западного Судана. После смерти мансы Сулеймана (1460 г.) начинается междоусобная борьба за власть, происходят дворцовые перевороты. Несколько раз на трон возводились вольноотпущенники, предводители войска. Идет неукротимый процесс дробления государства. Л. Е. Куббель пишет: «Главной причиной все ускорявшегося упадка державы было то, что крупные сановники и отдельные зависимые правители упорно старались освободиться от зависимости, стремились превратиться в самостоятельных государей» [114, с. 130].

Постепенно Мали сокращается в своих границах. Уже в 1400 г. правитель Гао напал и разграбил столицу Мали. В 1433 г. туареги (коренное берберское население Сахары) овладели Томбукту и Валатой, затем сонгаи захватили Сегу, Масину и Дженне. На западе появился другой опасный противник — кочевники фульбе, создавшие в середине XVI в. сильное государство в Фута-Джаллоне. Их вождь Тенгела около 1530 г. завоевал область Бамбук. В это же время восстали племена бамбара и моси, добившиеся своей самостоятельности. Примерно через 15 лет правитель сонгаев послал своего брата с войском против Мали. Сопrotивление малийцев было сломлено, страна была вновь разграблена, а манса спасся бегством [219, с. 31]. Однако благодаря владению

богатыми землями в бассейне Гамбии Малийское государство могло противостоять сонгаям до конца XVI в., признавая время от времени вассальную зависимость от Сонгаи. Таково мнение малийского историка М. Ли-Талл. Только в начале XVIII в. произошел окончательный распад Мали на три небольших государства, одно из которых занимало те же земли у впадения Санкарани в Нигер, где пятью веками ранее началось возвышение государства мандингов. Одряхлевшая империя, отжив свой исторический срок, вернулась в колыбель.

Сонгайская держава (XV—XVIII вв.). От большой излучины Нигера вниз по течению до впадения в него р. Сокото (на территории современной Нигерии) исконно проживали сонгаи. Историческое ядро этого народа — область Денди, где, по преданию, еще в VII в. возникло небольшое государство, точнее, вожжество с центром в г. Кукийя. Постепенно сонгаи, продвигаясь вверх по реке, освоили новые земли, на которых был основан г. Гао, ставший к концу IX в. столицей единой державы. Правители этого государства носили титул сонни (иначе — ши); первый из них, Али Колен, о котором можно говорить с уверенностью, был некоторое время заложником малийского царя в Ниани [73, с. 152]. Вернувшись на родину, попытался добиться независимости от мансы, но этого ему не удалось. Только к концу XIV в. государство Сонгаи обрело самостоятельность.

Вершины своего могущества третья империя Западного Судана достигла при сонни Али Бере (1464—1492) и его преемнике. Суданские хронисты пишут о сонни Али с неприкрытой ненавистью, но признают, что он превзошел своих предшественников «в мощи и многочисленности войска», и добавляют: «всегда — победитель, никогда — побежденный» [73, с. 45]. При нем сонгаи покорили Томбукту и Дженне [73, с. 200—203].

После его смерти власть вскоре захватил военачальник Мухаммед Туре (1493—1529), положивший начало новой династии. В хрониках он известен под именем Аския Мухаммед (аския — титул правителя). В своей деятельности он получил серьезную помощь от мусульманских богословов, так как проводил в стране политику исламизации. Вскоре после прихода к власти аския совершил паломничество в Мекку. Хроника «Тарих ал-Фатташ» пишет, что его сопровождали 300 рабов с различными подарками: аския раздал беднякам священных городов Аравии 100 тысяч динаров золотом и такую же сумму отдал на благотворительность [73, с. 25].

Аския Мухаммед правил государством сонгаев в течение 37 лет. При нем оно достигло огромных размеров, простира-

ьясь от Атлантического океана на западе до г. Кано (в Борну) на востоке. Если считать по прямой линии, то с запада на восток это расстояние превысило 2500 км. На севере правитель Сонгаи захватил соляные копи в Тегаззе и Тауденни, на северо-западе — бывшие города Ганы Валату и Кумби-Сале, а также провинции Мали. Аския создал стройную централизованную систему управления, назначил своих наместников в главные торговые центры — города Дженне и Томбукту.

В 1529 г. аския был свергнут с престола, после чего начались длительные смуты. «Вспыхнула усобица, и война сделалась неизбежна», — пишет хронист [73, с. 216]. Новая стабилизация наступила в царствование Дауда (1549—1582), это был период позднего расцвета государства сонгаев.

Основой богатства Сонгаи, в отличие от Ганы и Мали, была не транссахарская торговля, а земледелие и ремесло. Крупнейший знаток истории этого государства Л. Е. Куббель отмечает: «Экономической основой царской власти и могущества державы сделалось все более расширявшееся собственное сельскохозяйственное производство, построенное на труде многих тысяч зависимых людей» [114, с. 199]. Этот вывод сделан на основе анализа суданских хроник. В одной из них сказано, что у аския были многочисленные невольничьи поселки, где выращивали рис. Под началом каждого надсмотрщика было до ста рабов. Например, в царском имении Абда трудились 200 рабов, производящих ежегодно тысячу мешков (250 т) риса, шедшего в амбары аския [114, с. 83]. Рабы, как и прежде, составляли основную часть трудящегося населения страны, аския Дауд считал даже воинов своей армии рабами. Военные походы чаще всего имели чисто хищнические цели — захват людей в рабство. Однако, как считает Л. Е. Куббель, по своему статусу рабы в Сонгайской державе были полурабами-полукрепостными [114, с. 193—214]. Свободные земледельцы и скотоводы жили немногого лучше рабов; по словам Льва Африканского, с них «король» взимал тяжелые поборы, оставляя им «ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть» [71, с. 307].

Вместе с тем вывод Л. Е. Куббеля о том, что «сонгайское общество имело заверченный классовый характер» [113, с. 337], представляется излишне категоричным. Для такого заключения приводимые источниками факты не дают достаточных оснований. Скорее можно говорить о весьма развитом сословно-клановом или сословно-кастовом делении этого общества. Во втором издании книги «Страна золота», вышедшем посмертно в 1990 г., не завышается уровень социального и политического развития Сонгайской империи [114, с. 203—225].

Говоря об экономическом развитии Сонгаи, нельзя не привести мнение Льва Африканского о его столице: «По сравнению с другими этот город (Гао) очень цивилизован. Хлеб и мясо есть там в необычайном изобилии... Риса там огромное количество». Развита большая торговля: «Дороже всех других товаров — соль». Кроме нее высоко ценятся невольники. Есть один рынок, свидетельствует очевидец, где в базарные дни продают огромное количество рабов, как мужчин, так и женщин [71, с. 307].

При внешнем блеске и могуществе Сонгайская держава была внутренне непрочна. После смерти аскии Дауда вновь начались кровавые династические распри. Кроме того, во второй половине XVI в. начинается территориальная экспансия Марокко в Сахару с целью захвата месторождений соли. В 1577 г. было совершено нападение на Тегаззу. Затем, привлеченный рассказами о сказочных богатствах Гао, марокканский султан готовит военную экспедицию против Сонгаи. Отряд в 3 тыс. пехотинцев и кавалеристов, по данным суданской хроники, с большими трудностями преодолел пески Сахары и вышел к берегам Нигера [73, с. 257]. В марте 1591 г. у Тондиби, недалеко от Гао, произошла решающая битва, где марокканцы, вооруженные огнестрельным оружием, наголову разбили во много раз превосходящее их сонгайское войско. «И умерло множество пеших начальников в тот день, — скорбно повествует хронист. — Повелитель и войско его обратились в бегство» [73, с. 258].

После этого поражения наступил быстрый распад Сонгайского государства. Богатство и спокойствие, лишет очевидец событий, сменились страхом, бедой и насилием: «Люди начали пожирать друг друга повсеместно, вдоль и вширь, завидуя и воюя за богатства, за людей и за рабов. Эта порча была всеобщей». Таким был конец великой державы, по словам хроники «Тарих ас-Судан» [73, с. 260].

2. Западный Судан в XVII—XVIII вв.

Начало нового времени. Падение Сонгайской державы можно считать условным рубежом перехода от средневековья к новому времени в истории Республики Мали. Период существования великих империй Ганы, Мали и Сонгаи сменился эпохой политической нестабильности, экономического упадка и разрыва дальних торговых связей. В общем, это проявление неравномерности исторического процесса, диалектического сочетания прогресса и регресса, чередования периодов процветания и упадка.

Вместе с тем для такой ситуации имеется и ряд более

частных предпосылок. Одна из них — перемещение торговых путей, падение роли стран Средиземноморского бассейна в мировой торговле, сокращение, если не полное прекращение, торговли золотом Западного Судана с Северной Африкой. Еще более разрушительное воздействие на дальнюю караванную торговлю сыграло открытие Америки и падение в связи с этим спроса на африканское золото в Европе. «К этому времени из Нового Света ввозили уже столько драгоценных металлов, что не было особой нужды получать золото из Судана через североафриканских посредников» [114, с. 230]. Торговые пути через Сахару сместились далеко на восток, теперь они начинались в хаусанских городах Северной Нигерии и выходили к берегам Триполитании. Появление европейцев у берегов Западной Африки, основание ими постоянных торговых факторий, усиление работорговли в прибрежной зоне — все это тоже сильно повлияло на ситуацию в Западном Судане. Значительная часть золота, добываемого в коях Бамбука и Буре, шла не на север, как прежде, а на юг и запад, к европейским торговцам на берегах Гвинейского залива [111, с. 202—203].

Глубокий затяжной социально-экономический кризис обществ и народов суданской зоны стал логическим итогом отставания от более развитых регионов Северной Африки, которое накапливалось столетиями. Торговля золотом и рабами не способствовала росту материального производства. Хозяйственная деятельность веками оставалась неизменной, производство было на очень низком технико-экономическом уровне [114, с. 234]. Кроме того, преобладание рабского труда также не способствовало росту экономики.

Застойные явления в экономике дополнялись и усиливались особенностями социальной структуры, обеспечивших ее необычайную прочность и неизменность. Это в первую очередь относится к базовой общественно-политической единице кафу, традиционной для народов мандинго. На языках манде это слово означает «собрание»; перевод этого понятия как «деревенская община» неточен, лучше сказать «вождество». Кафу объединяет несколько близлежащих сел, во главе его стоит манса — предок, хозяин, глава. Оно представляло микромодель государства, которое было большим кафу. Образование империи Мали можно рассматривать как экспансию кафу во главе с родом Кейта, подчинившего себе другие кафу малинке. Прочность кафу обусловлена сословно-кастовым делением общества, его строгой иерархией не столько по уровню материального богатства, сколько по уровню социального престижа. Кафу пережило гибель царей и государств, сохранившись без особых потерь вплоть до XX в.

XVII и XVIII столетия в истории Западного Судана ста-

ли периодом определенного упадка. Костяком всех средневековых империй была военно-политическая структура, ее крушение означало запуск механизма центростремительного процесса. Регресс проявился прежде всего в политической нестабильности, дроблении государств, бесконечных войнах. Происходили обезлюдение целых районов, повсеместная пауперизация широких народных масс, часто повторялись голод и эпидемии. Отсутствие безопасности передвижения приводило к упадку внутренней торговли. Сокращение спроса на золото толкало правителей к мысли компенсировать потери за счет захвата и продажи рабов. Таким образом, началась настоящая «охота на человека», росла работорговля.

Однако абсолютизировать проявление регресса, как это делают некоторые историки, нет оснований. Упадок проявлялся неравномерно в пространственном плане и асинхронно — в плане времени. Особенно сильно хозяйственное разорение и политические неурядицы поразили восточную часть изучаемого региона — область в треугольнике Дженне — Томбукту — Гао, которая оказалась под властью пришельцев из Марокко. В меньшей степени регресс проявился в Мандинге, Беледугу, Масине. На фоне уменьшения политической роли одних этносов (сонинке, малинке, сонгаи) растет значение других, в особенности бамбара и фульбе, создавших в XVII—XVIII вв. довольно сильные государственные образования.

Пашалык арма. После разгрома Сонгайского государства марокканское войско, а в его составе было немало испанцев, захватило Томбукту, затем Дженне. Здесь, как и в Гао, были поставлены постоянные гарнизоны. Некоторое время султан продолжал высылать новые отряды, всего в Судан было направлено 23 тыс. солдат. В Марокко, однако, быстро разочаровались в новом владении и потеряли к нему всякий интерес. Захваченная добыча оказалась гораздо меньше ожидаемой. По этой причине, а также из-за трудностей преодоления пустыни связи с Марокко быстро ослабли.

Со временем пришельцы, вступив в брак с местными женщинами, образовали особую этническую группу арма. Возникло государство со столицей в Томбукту, во главе которого стоял паша, вначале назначаемый султаном Марокко, а затем избираемый командирами военных отрядов. Это государство получило название «пашалык арма»; с 1660 г. оно стало формально независимым. Ему принадлежала полоса земли по берегам Нигера от Дженне до Ансонго (к югу от Гао), власть паши признавали некоторые кочевые племена туарегов.

История этого государственного образования изобилует переворотами, мятежами, распрями. За время его существо-

вания (полтора столетия) сменилось 150 пашей. Такой политический калейдоскоп вряд ли можно найти в другой части Африки [114, с. 229].

Источники отмечают грабительский характер этого государства, где верхушку составлял паразитический слой профессиональных солдат, главная забота которых состояла в захвате богатств и рабов. Паши вели непрерывные войны со своими соседями — сначала с сонгаями, укрепившимися в Денди, затем с кочевниками-фульбе, заселившими Масину и окружившими Дженне, связь которого с Томбукту поддерживалась только по реке. Туареги Сахары лишь номинально признавали власть паши, часто восставали и нападали на торговые караваны. Арма, в свою очередь, довели хозяйство до полной разрухи, налагая непомерные контрибуции на купцов и горожан.

Естественно, в таких условиях государство арма не могло долго существовать. К концу XVIII в. пашалык исчез с политической карты Западного Судана. Томбукту перешел под власть туарегов, а Дженне покорился правителю бамбара.

Государства бамбара. Мандеязычный народ бамбара, ближайший родственник малинке, населял южные районы древней Ганы, впоследствии расселился по берегам Нигера вниз по течению до его внутренней дельты. После гибели Ганы бамбара входили в состав империи Мали и, будучи искусными земледельцами, платили ее правителям дань зерном. Затем их земли перешли под власть сонгайских аскиев. После крушения Сонгаи многочисленные вожества (кафу) бамбара консолидировались в два государства. Столицей одного стал город Сегу в среднем течении Нигера. Другое возникло в зоне Сахеля, в области Каарта, удаленной от берегов Нигера. Основаны они были, согласно легенде, двумя братьями из рода Кулибали.

Наибольшего могущества королевство Сегу достигло во время продолжительного правления Битона Кулибали (1712—1755). В начале царствования он в союзе с фульбе отразил нападение с юга государства Конг. Продвигаясь вверх по Нигеру, он покорил золотодобывающий район Галам, а также Банбугу и Буре. На севере ему подчинились вожди сонинке, приходилось ему ходить с походами на Дженне и Томбукту [219, с. 43; 220, с. 60].

После смерти Битона Кулибали в Сегу началась борьба за престол между командирами военных отрядов, составленных первоначально из рабов. После почти десятилетнего периода анархии к власти пришел военный вождь Нголо Джара (1766—1790), положивший начало новой династии. Он продолжал завоевательные походы на восток, покорил

Дженне, заставил платить дань Масину и Томбукту. На юге он подчинил себе населенную сенуфо область Кенедугу с главным городом Сикасо.

Самым знаменитым правителем королевства Сегу был фама (таков титул королей бамбара) Да Монзон, правивший в начале XIX в. (1808—1827). В это время Сегу покорились населенная преимущественно фульбе область Васулу, находящиеся в верховьях Нигера города Куруса и Канкан. Да Монзон имел активные торговые сношения с европейскими купцами в Гамбии и на побережье Гвинейского залива; основными товарами были золото, орехи кола, рабы и огнестрельное оружие. При этом правителе в королевстве бамбара произошла, по словам А. Конаре-Ба, «настоящая экономическая революция» [220, с. 112], выразившаяся в расцвете сельского хозяйства, прежде всего производства зерна. Главной производительной силой были посаженные на землю пленники. Были созданы «рабские деревни», как прежде в Сонгайской державе, где трудились королевские рабы. Кроме того, были рабы-скотоводы, фульбе по этнической принадлежности. Рабы являлись предметом экспорта из Сегу: они в большом количестве продавались в Северную Африку и на нагорье Фута-Джаллон. Все источники единодушно утверждают, что в королевстве Сегу в начале XIX в. рабов было больше, чем свободных людей [179, с. 243; 220, с. 113].

Что касается второго государства бамбара — Каарты, то оно было слабее своего соседа и соперника Сегу, так как расположено в более суровой природно-климатической зоне. Правившая здесь младшая ветвь Кулибали — Масаси — испытывала постоянную угрозу со стороны сильного южного соседа. Ей пришлось, обороняясь от атак со стороны Сегу, несколько раз менять месторасположение своей столицы. Последний раз ею стал г. Ниоро, у северной границы Сахеля, на подступах к Сахаре.

Государство фульбе в Масине. Почти одновременно с королевствами бамбара формируется политическая общность скотоводов-фульбе. Они мигрировали на восток несколькими волнами из района прежнего обитания — нагорья Фута-Торо в нижнем течении Сенегала. Уже в конце XIV в. они заселили Масину, область у впадения р. Бани в Нигер, к северу от Дженне, где во внутренней дельте имелись прекрасные пастбища [179, с. 243]. Следует отметить, что время прихода фульбе в Масину установить довольно трудно, некоторые ученые считают, что они здесь появились еще в XII в. [245, с. 60].

Племенные вожди (ардо) фульбе долгое время были независимыми друг от друга. Только к середине XVIII в. в

условиях исламизации правящая верхушка, владевшая стадами и невольниками, объединилась под властью верховного вождя из рода Джало. Мусульмане — правители Масины допускали значительные отклонения от правоверного ислама; их же подданные оставались язычниками, исповедуя культ предков и сил природы. В общественном сознании назревал серьезный религиозный конфликт. Одновременно углублялись социальные противоречия между военной аристократией и неполноправными членами общества.

Социальная организация фульбе несколько отличалась от организации других народов Западного Судана — каст, в сущности, у них не было. Верхушка была представлена знатью, основным занятием которой была война; низ общественной лестницы занимали рабы и крепостные. Рабы ухаживали за скотом и выполняли определенные сельскохозяйственные работы; их дети теряли статус раба и превращались в крепостных-римайбе. Последние вели собственное хозяйство и отдавали хозяину часть урожая или скота. Разница между рабом и римайбе состояла также в том, что раба можно было продать или отпустить на волю, крепостной же сохранял свой статус всю жизнь [245, с. 67—69]. Сервильные группы пополнялись в значительной степени за счет соплеменников-фульбе, что в будущем приведет к глубокому кризису общества фильбе Масины.

Основание государства Касо. В XVIII в. возникло государство у мандеязычного народа смешанного происхождения касонке в верховьях Сенегала (нынешние округа Каес и Бафулабе). История Касо (так называется их страна) стала известной благодаря исследованиям С. М. Сисоко [166, 167]. Долгое время разрозненные вожества касонке вели оборонительные войны против окружавших их более сильных соседей: фульбе и малинке — на западе, бамбара Каарты — на востоке. Основатель государства Сега Дуа (умер в 1725 г.) оставил свой трон трем сыновьям, царствовавшим по очереди. Им пришлось отстаивать независимость в борьбе с бамбара после того, как Битон Кулибали разбил короля Каарты и часть населения бежала на запад, в земли Касо [166, с. 120].

Касо достигло расцвета при короле Демба Сеги (1758—1796). Ему удалось отразить наступление бамбара и укрепить центральную власть. Общественный строй касонке представлял типичную для этой части Судана картину: свободные люди состояли из военной аристократии и земледельцев, нижнюю ступень занимали многочисленные рабы. Между ними — кастовые группы кузнецов, кожевников, гриотов (барды и скоморохи). Как и в других странах, в Касо были целые деревни, населенные невольниками. Так, в области

Томора из 36 сел одна половина была занята свободными земледельцами, а другая прикрепленными к земле рабами [166, с. 162]. Собственно говоря, это были полурабы-полукрепостные, которых социологи относят к сервильным группам, а историки лишь по инерции называют весьма условным термином «рабы».

Государство касонке просуществовало менее столетия. После смерти короля Сега в Касо начались династические распри. Бамбара заняли столицу страны Кониакари. К 1810 г. Касо разделилось на пять мелких государств, враждовавших друг с другом. Остается добавить, что именно Касо было первой областью Западного Судана, с которой французы, продвигаясь вверх по Сенегалу, установили торговые и политические отношения. С этих же земель позже началось систематическое покорение народов бассейна Сенегала и Нигера.

3. Западный Судан в первой половине XIX в.

Перемены в долине Нигера. В начале XIX в. в долине Нигера происходили экономические и политические перемены к лучшему: активизировались хозяйственная деятельность, торговые отношения. Стагнация, точнее, регресс, которые характеризовали предыдущие столетия, сменялись ростом сельскохозяйственного производства за счет освоения новых земель, возрастанием численности населения, повышением роли городов, ремесла и торговли. Оживилась дальняя караванная торговля. Росли сила и могущество новой этно-профессиональной группы — мусульман-диула, торговцев рабами, тканями, орехами кола и главным образом огнестрельным оружием [249, т. 1, с. 217—218].

Правда, отмеченные выше положительные сдвиги не были столь значительными, чтобы говорить о новом подъеме экономики Западного Судана. Скорее это лишь наметившаяся тенденция, которая требовала и времени, и благоприятных внешних условий для своей реализации. К сожалению, начавшаяся колониальная экспансия прервала эту тенденцию.

В тот же период произошли серьезные перемены в государстве Масина, а к середине века на среднем Нигере возникло новое сильное государство тукулеров. Наконец, нельзя не отметить и новые явления в идеологической сфере — попытки возрождения ислама под лозунгами его очищения и войны против «неверных».

Исламская революция в Масине. В 1807 г. среди фульбе Масины объявился проповедник «священной войны» мусульман (джихада) против вероотступников и язычников. Звали

его Амаду Хамади Бубу, в молодости он прошел кораническое образование в Томбукту, где вступил в религиозное братство Кадирийя. Пропагандируемые им пуританские и уравнилельные идеи раннего ислама встретили поддержку среди низших слоев фульбского общества (кастовых групп, крепостных-римайбе, пастухов), недовольных политикой правящей верхушки. Успеху проповедей Амаду Хамади Бубу способствовала победа джихада фульбе в землях хауса под руководством Османа дан Фодио, образовавших новое государство — султанат Сокото (на территории современной Северной Нигерии).

Потребовалось десять лет горячих призывов и организационной работы, прежде чем под зеленое знамя «священной войны» в Масине собралось большое число ревностных сторонников очищения ислама. Главный свой удар повстанцы направили против верховного правителя Масины ардо Амаду, объявленного вероотступником и врагом ислама, а также против окружавшей его родо-племенной знати. В 1818 г. недалеко от Дженне объединенное войско правителя Масины и пришедших ему на помощь из Сегу бамбара было разбито [220, с. 157].

Победитель сменил имя на Шеку Амаду и объявил себя «амир аль-муслимин» (предводителем правоверных). Так возникло второе по счету государство фульбе в Масине, получившее название Дина. «Исламская революция» привела к созданию сильного теократического режима: правитель Дины, носивший титул эмира, одновременно был верховным религиозным вождем. Недалеко от Мопти была построена новая столица, которую называли Хамдаллахи («Слава Аллаху»).

За годы правления Шеку Амаду (1818—1845) Дина значительно расширила свои границы. В 1819 г. был захвачен важный торговый центр на Нигере — г. Дженне, в 1826 г. из Томбукту были изгнаны туареги и он стал платить дань эмиру Дины. Город, однако, сохранил определенную автономию и продолжал управляться вождями из арабо-берберского племени кунта. На востоке власть Дины признали жители Хомбори, а на юге и западе шли беспрерывные войны с бамбара и догонами с целью обращения язычников в мусульман. Взятые в плен подвергались усиленному религиозному просвещению, и согласных принять ислам освобождали, остальных обращали в рабство.

Следует подчеркнуть, что Шеку Амаду главное свое внимание уделял религиозным вопросам, а также реорганизации управления государством на принципах подлинного, очищенного ислама. Во главе Дины стоял большой совет из 40 марабутов-богословов, имевший законодательные и ис-

полнительные функции, сам эмир был его членом, но не главой. Большой совет, ссылаясь на заповедь Корана «все верующие — братья», потребовал уничтожить касты, чему воспротивился Шеку Амаду. Было решено, что впредь среди прикрепленных к земле пленников-римайбе могут быть лишь немусульмане; это были, как правило, взятые в бою крестьяне-бамбара. Стало правилом, что относиться к членам каст нужно с милосердием и что подавать им милостыню есть богоугодное дело.

Все свободные жители Дины являлись военнообязанными с 20 до 60 лет; те же, кто не мог служить в армии, должны были платить особый налог «пабе». Торговцы и ремесленники платили золотом или каури, пастухи вносили 300—500 каури за голову скота, наконец, этот налог уплачивали и рабы, принадлежавшие отдельным лицам. Перед походами кавалеристы и пехотинцы получали из казны по 10 тыс. и 5 тыс. каури соответственно для приобретения вооружения. Члены каст — кузнецы, кожевники и пр. — имели рабов, данных им государством для работы в мастерских по вооружению армии.

Налоговая система была организована на принципах коранического права. Все жители страны ежегодно платили десятину с урожая или поголовья скота. Кроме того, земледельцы платили оброк верховному собственнику земли — эмиру. Существовала также таможенная пошлина усуру, составлявшая 1/10 цены вывозимого товара. Пятая часть всей военной добычи, включая пленников, принадлежала государству. Из этих денег содержались многочисленные коранические школы, в одном Хамдаллахи их насчитывалось 600.

Шеку Амаду в своей реформаторской деятельности не оставил без внимания вопрос о поощрении торговли. Были введены единые меры веса, за которыми был установлен строгий контроль. Большой совет вмешивался в установление цен, хотя в различных городах они зависели от местных условий. Эмир всячески стремился приучить фульбе к оседлому способу жизни. По его приказу была проведена перепись основных кланов фульбе (патронимы Сидибе, Джало, Ба, Сангаре). Старейшинам больших семей было указано построить постоянные жилища из банко. Несмотря на то что главное хозяйственное занятие фульбе — отгонное скотоводство — требовало ежегодного перемещения вслед за своим стадом, часть населения перешла к оседлой жизни, что способствовало стабилизации общества.

В последние годы жизни Шеку Амаду обострились отношения с туарегами в области Томбукту. В 1840 г. войско фульбе потерпело поражение, и город на некоторое время перешел под власть туарегов. Тогда фульбе подвергают

Томбукту блокаде, не пропуская к нему продовольствие и торговые караваны. Начавшийся голод заставил горожан пойти на переговоры. В Хамдаллахи был послан вождь племени кунта, который смог ценой ряда уступок добиться мира [219, с. 55]. Блокада была снята, городу была дана автономия, он должен был управляться представителями кунта и арма (потомками марокканцев), взамен этого была обещана ежегодная уплата традиционной дани и право фульбе иметь в городе своего сборщика налогов.

После смерти Шеку Амаду эмиром Дины стал его сын Амаду Шеку (1845—1853). Ему пришлось вести многочисленные войны на юге страны против бамбара Сегу и области Саро, находившихся в вассальной зависимости от Сегу. На севере границы государства подвергались прабительским набегам туарегов. При следующем эмире, Амаду Амаду (1853—1862), государство фульбе встретилось с грозной опасностью — нападением с запада победоносной армии тукулеров. Правитель фульбе вынужден был пойти на союз с королем Сегу, принявшим ислам. Однако в решительном сражении объединенная армия фульбе и бамбара была разбита. Бежавший в Томбукту Амаду Амаду был схвачен и в 1862 г. казнен. Дина как государство перестала существовать.

Государство тукулеров. В начале 60-х годов XIX в. основная часть территории современной Республики Мали была объединена в единое государство, во главе которого стал воинственный религиозный реформатор Эль-Хадж Омар из рода Таль. Родился он в конце XVIII в. в знатной, но обедневшей семье тукулеров на нагорье Фута-Торо, далеко от берегов Нигера. Сами тукулеры считают себя особой и высшей нацией; в сущности же это этническая группа фульбе — так считают большинство современных этнографов. Есть и другая точка зрения: тукулеры — особый народ, говорящий, как и фульбе, на языке фула. Так, в частности, считает малийский ученый Бокар Н'Диай [245, с. 422—466].

Дискуссия о происхождении фульбе и об их последующем распространении на огромных пространствах Западной Африки ведется давно. Предполагается, что фульбе пришли в низовья Сенегала в незапамятные времена откуда-то с востока, возможно с Эфиопского нагорья. Часть из них смешалась с автохтонным негроидным населением. Разделение фульбе на тукулеров-земледельцев и фульбе-скотоводов отмечал еще арабский географ Ибн Саид в XIII в. [70, с. 327]. Различия между ними позже усилились в связи с тем, что тукулеры приняли ислам, а большая часть фульбе оставались язычниками вплоть до начала XIX в. Остается добавить, что во франкоязычной литературе фульбе-скотоводы

получили наименование «пель» от слова «пулло», обозначающее единственное число от слова «фульбе».

Как общность между тукулерами и фульбе-пель, так и отличия между ними отмечались многими европейскими путешественниками. Так, один из них отмечал, что существенного различия между тукулерами и пель нет, оба народа относятся к фульбе. Тукулеры, утверждал он, «есть результат смешения пришельцев-фульбе с коренным населением Фута-Торо, поэтому цвет их кожи темнее, чем у пель» [93, с. 262—266]. Другой путешественник, капитан Э. Маж, в опубликованной в России книге писал, что тукулеры — «помесь фульбе с другими племенами, между которыми главное место занимают, по-видимому, сонинкейцы». И добавляет, что тукулеры — «народ смысленый и воинственный» [72, с. 11].

Именно этот «смысленый и воинственный» народ поднял на «священную войну» Омар Саиду Таль, который после паломничества в Мекку стал именоваться Эль-Хадж Омаром. Смолоду отличавшийся благочестием, он стал активным членом мусульманского братства Тиджанийя, соперничавшего с другим распространенным среди фульбе братством — Кадирийей. Сторонники Тиджанийи разделяли идею «священной войны» против «неверных» и нечестивых. В начале 40-х годов Омар поселился в горах Фута-Джаллон, создал здесь военно-религиозную общину. Он окружил себя верными талибами (буквально «ищущие знания») — фанатически преданными последователями, готовыми на любые жертвы во имя Аллаха. В 1848 г. было основано военно-теократическое государство с центром в Дингирае; его правитель Эль-Хадж Омар начал насильственную исламизацию расположенных по соседству районов, населенных язычниками-малинке. Постепенно в Дингирае собралась мощная армия, воодушевленная идеями религиозной реформации и скрепленная строгой дисциплиной религиозного братства.

В 1854 г. Эль-Хадж Омар объявил «священную войну» «неверным», войско тукулеров двинулось на север. Первыми жертвами религиозного фанатизма стали вожества малинке по берегам Фалеме и в районе Кита. Оказавшие сопротивление села безжалостно уничтожались, женщины и дети продавались в рабство, мужчин убивали. Спасти свою жизнь можно было, лишь перейдя в мусульманство. Жители Касо, не дожидаясь разорения, признали власть тукулеров; они были к этому принуждены, так как французы, укрепившиеся в Бакеле, недалеко от впадения Фалеме в Сенегал, отказались продавать им оружие и боеприпасы. Была еще одна причина, почему вожества касонке на первых порах поддерживали или, во всяком случае, не оборонялись от тукуле-

ров,— это их надежда на освобождение от постоянных нападений бамбара Каарты [167, с. 35—41].

Покорив весь бассейн верхнего Сенегала, Эль-Хадж Омар неизбежно должен был вступить в решительную схватку с самым сильным государством региона — Каартой. У короля бамбара-масаси Мамади Кандиана (1843—1856) было 4 тыс. воинов-софа, армия же тукулеров была значительно сильнее. В первой битве (январь 1855 г.) бамбара потерпели тяжелое поражение. Вскоре пала их столица Ниоро, король погиб в бою, а государство уничтожено. Завоевав Каарту, Эль-Хадж Омар сделал Ниоро главным городом своей империи, переселил сюда тукулеров с Фута-Джаллона.

Очень скоро Эль-Хадж Омар покорил обширные территории Западного Судана, его владения простирались от Фута-Джаллона до пределов Сахары. На западе границы государства тукулеров вплотную подступили к французской колонии Сенегал. В сентябре 1855 г. на землях Касо на берегу Сенегала французы под руководством губернатора Федерба начали строительство крепости Медина. Здесь когда-то (1829 г.) был французский укрепленный пункт, но он просуществовал всего несколько месяцев, так как был разграблен и сожжен жителями близлежащих сел [219, с. 357—358]. Теперь Федерб подписал договор о союзе с шестью вождями (королями, как они названы в документе) касонке [167, с. 56—58].

В начале 1857 г. большая армия тукулеров двинулась из Ниоро на запад. Земли Касо были подвергнуты жестокому опустошению, многие вожди казнены. В апреле началась осада Медины, которую защищали 2,5 тыс. сенегальских стрелков под командой французских офицеров. Им оказывал помощь вождь касонке Самбала со своими воинами. Осаждавших тукулеров было около 10 тыс. во главе с Эль-Хадж Омаром. Бои в Медине продолжались три месяца. Оборонявшихся от верной гибели спасло прибытие нового французского отряда, который добрался из Бакеля благодаря подьему воды в Сенегале. Эль-Хадж Омар был вынужден отступить с большими потерями. Таким образом, экспансии тукулеров в западном направлении был поставлен предел. Обе вовлеченные в конфликты стороны — тукулеры и французы — в августе 1860 г. подписали мирное соглашение. По нему земли на правом берегу Сенегала переходили под власть правителя тукулеров, а на левом берегу вождества касонке оставались независимыми, но под протекторатом французов [167, с. 102—109].

Наступление Эль-Хадж Омара теперь развернулось в восточном направлении. В апреле 1860 г. он выступил в поход на Сегу. Несмотря на то что правитель бамбара Али

Джара принял ислам и призвал на помощь фульбе из Масины, он был разбит. В марте 1861 г. Сегу был взят, а государство бамбара ликвидировано. Город, однако, не был разрушен; напротив, его оборонительные рубежи были усилены, в нем были построены дворец правителя и мечеть, а языческие символы уничтожены.

Теперь пришла очередь государства фульбе. Бегство короля Сегу в Масину стало предлогом для войны против Амаду Амаду. Армия тукулеров двинулась на столицу Дины — Хамдаллахи. Недалеко от города произошла решительная битва (май 1862 г.), фульбе были разбиты, а их предводитель бежал в Томбукту [28, с. 70—71].

Таким образом, Эль-Хадж Омар, разрушив государства бамбара и фульбе (Каарту, Сегу, Дину), создал обширную империю, которая объединила различные народы долины Нигера. Завоеватели-пришельцы были в ничтожном меньшинстве среди коренных народов. Внутренняя слабость империи, непрочность власти тукулеров обнаружили сразу же после победы над Сегу и Диной.

На завоеванных землях вспыхнули восстания бамбара и фульбе, возглавляемых оставшимися в живых представителями правящих династий. Стихийно сложилась целая коалиция анитукулерских сил: фульбе Масины, бамбара Сегу, кунта Томбукту. К ним присоединились догоны Бандиагары, прежде враждовавшие с фульбе [245, с. 466]. В таких условиях тукулерам пришлось очень трудно. Эль-Хадж Омар был осажден фульбе в Хамдаллахи, а его сын Ахмаду окружен войсками бамбара в Сегу. Оборона Хамдаллахи продолжалась восемь месяцев, у осажденных кончились припасы, начался голод. В этих условиях правитель тукулеров решился на прорыв и убежал в горы Бандиагары, надеясь на помощь догонов. Здесь в феврале 1864 г. он погиб при невыясненных обстоятельствах [260, с. 74—75].

Его сын и преемник Ахмаду с большим трудом смог усмирить восставших бамбара и несколько стабилизировать обстановку. Как раз в это время в Сегу прибыл французский капитан Маж с письмом от губернатора Сенегала Л. Федерба, в котором предлагалось Ахмаду «переговорить о делах... относительно торговли». Однако его миссия окончилась безрезультатно; видимо, у вождя тукулеров были другие, более важные заботы.

Действительно, государство тукулеров продолжало тяжелую борьбу за существование. Главными его противниками по-прежнему остаются бамбара и фульбе; осколки их государств сохранились и продолжали сопротивление. Брат погибшего короля Сегу сумел отстоять независимость небольшой области вокруг г. Сансандинга, на левом берегу Ниге-

ра. От государства тукулеров отделились вождества бамбара в области Беледугу, оставаясь при этом раздробленными.

Не меньшую опасность для империи Ахмаду представляли центробежные силы; она состояла из четырех частей со столицами в Сегу, Ниоро, Дингирае и Бандиагаре. В последнем городе правил дядя султана (таков был титул Ахмаду) Тиджани, управлявший Масиной и часто проявлявший непокорность. Братья султана в Дингирае и Каарте подняли в 1870 г. мятеж. Усмирять их пошел сам Ахмаду, который оставался в Ниоро несколько лет, затем вернулся в Сегу — столицу всей империи. Только теперь государство тукулеров обрело на некоторое время политическую стабильность.

Государство тукулеров с самого своего возникновения держалось на силе военно-религиозной организации талибов Эль-Хадж Омара и их потомков. Их было лишь несколько десятков тысяч, но только они обладали полнотой политической власти. Средства на содержание войска поступали как за счет налогов, так и в виде поборов с населения и прямых грабежей. Пятая часть военной добычи шла султану. Купцы уплачивали десятину на ввозимые товары и 2% — на вывозимые. Был также налог на живой скот с кочевников-фульбе.

Особо следует сказать о рабстве и работорговле в империи тукулеров. Джихад против язычников-бамбара, как и против единоверцев-фульбе, сопровождался захватом в плен множества людей — мужчин, женщин и детей. Часть из них использовалась для производства сельскохозяйственных продуктов в невольничьих поселениях. Другие продавались на рынках рабов в Фута-Джаллоне, причем один раб стоил трех быков, которые были необходимы для обеспечения питания многочисленных войск. За счет работорговли пополнялись запасы оружия и пороха [153, с. 192—193].

Перед лицом колониальных захватов государство тукулеров не обладало достаточной устойчивостью. Даже абстрагируясь от таких факторов, как социально-экономическая отсталость и низкий технический уровень, оно было обречено на поражение. Власть тукулеров в долине Нигера не имела прочной опоры, ни социальной, ни этнической, ни религиозной. Религиозная нетерпимость тиджанийцев, жестокое преследование единоверцев-фульбе оттолкнули от них мусульман страны. Тем более против них должны были выступить все народы, придерживавшиеся традиционных верований. Поэтому, когда на империю Эль-Хадж Омара обрушилась грозная сила французской колониальной армии, она не смогла оказать серьезного сопротивления.

Европейцы и народы долины Нигера. К концу XVIII в. внутренние районы Западного Судана стали вызывать в Ев-

роле большой интерес, прежде всего географический. Кроме известий средневековых арабских ученых и отрывочных, из вторых и третьих рук, сведений португальских мореплавателей, ничего не было известно о природных богатствах этого региона, народах и государствах. Распространены были всевозможные легенды о его сказочных богатствах, диковинных обрядах и обычаях населения. В течение многих веков оставалось загадкой местоположение истоков Нила. Арабские географы, например, считали, что он течет в западном направлении, поэтому присваивали его имя разным рекам Западной Африки — то Сенегалу, то Нигеру. Лев Африканский так пишет: «Посредине земли черных протекает река под названием Нигер. Она выходит из очень большого озера на востоке и течет на запад, пока не впадает в море-океан... Нигер является ответвлением Нила» [71, с. 16].

Кроме мечты открыть истоки Нила в глубь «земли черных» европейцев привлекал загадочный город, «жемчужина пустыни» Томбукту. Первую попытку достичь его сделал шотландец Мунго Парк в 1795—1797 гг. Выйдя из Гамбии, он прошел к верховьям Сенегала и далее через Каарту вышел к Сегу. До Томбукту дойти он не смог, остановился в Сансандинге, на левом берегу Нигера, напротив столицы бамбара. Король его не принял, так как, по словам путешественника, был ограблен по дороге и не имел с собою подарков. Парк оставил подробное описание своего путешествия, опубликованное в двух томах и являющееся ценным источником по истории и этнологии.

М. Парк следующим образом описывает столицу королевства бамбара: «Вид этого большого города (по его мнению, здесь проживает 30 тыс. человек), многочисленные суда, активное население, обработанные поля, далеко простиравшиеся вокруг,— все это составляло картину изобилия и цивилизованности, которую я не чаял встретить в центре Африки». Далее он пишет: «...вокруг Сегу — прекрасная страна, очень хорошо обработанная, она напоминает скорее Англию, чем середину Африки» [91, т. 1, с. 311—312, 320]. Во втором томе он подробно рассказывает о золоте Мандинга, о слоновой кости, рынках рабов [91, т. 2, с. 62—91]. Вообще М. Парк поражен количеством рабов в этой стране; он считает, что здесь на одного свободного приходится в среднем три раба [91, т. 2, с. 45].

Спустя 30 лет после этого путешествия достигнуть Томбукту попытался англичанин А. Лэнг. Из Триполи через Сахару он достиг своей цели, но на обратном пути в 1826 г. погиб, а записи его пропали.

Новую попытку добраться до Томбукту, на сей раз удачную, сделал француз Р. Кайе; его успех объясняется не толь-

ко мужеством и целеустремленностью, но и тщательной подготовкой: он выучил арабский язык, хорошо знал обычаи африканских народов, относился к ним с уважением. Он вышел из Фритауна, пересек Фута-Джаллон и через Дженне достиг Томбукту год спустя, в апреле 1828 г. Осенью того же года, преодолев Сахару и Марокко, он вышел к берегам Средиземного моря у Танжера. Напечатанное в 1830 г. в трех томах описание путешествия содержит массу ценной информации. Так, например, очень интересен рассказ о Дженне, входившем тогда в состав государства Шеку Амаду [78, т. 2, с. 199—214].

Что касается Томбукту, то он вызвал у французского путешественника полное разочарование. «Таинственный город», так он его именуется, не был ни столь большим, ни столь богатым, как о том ходила молва. Рынок почти пустынен, на нем царит полнейшая тишина. «Все дышало самой большой грустью и печалью», — меланхолически восклицает автор [78, т. 2, с. 302]. Главное богатство Томбукту — это соль, только благодаря ей город еще существует. Купцы ведут также торговлю рабами, продавая их в Марокко и Триполи [78, т. 2, с. 309—310]. Сам Томбукту давно потерял политическую самостоятельность, теперь он платит дань кочевым туарегам [78, т. 2, с. 323—325].

К середине XIX в. поездки европейцев в глубинные районы Западного Судана теряют научно-познавательный смысл, все более приобретая характер военно-политической и экономической разведки. Это хорошо видно на примере экспедиций А. Раффенеля (1844—1845) и капитана Э. Мажа (1863—1866).

Раффенель впервые проявил, если можно так сказать, стратегический подход к оценке региона и его населения. Очень внимательно изучая природные богатства, политический и социальный строй, этнический состав, он работал с дальней перспективой — дать колониальной администрации практические рекомендации. Так, например, Раффенель тщательно изучил и подробно описал месторождения золота на р. Фалеме. Интересны его наблюдения над общественными отношениями среди фульбе [93, с. 262—266], бамбара Каарты [93, с. 298—301], которых он наблюдал впервые после Мунго Парка, малинке [93, с. 392]. У последних он отмечает отсутствие централизованного государства; этот народ, пишет он, объединен в «маленькие независимые республики», т. е. такие политические образования, которые сегодня принято называть вождествами. Много сведений можно найти у Раффенеля о сословно-кастовой системе народов бамбара, малинке, касанке и фульбе, о распространении рабства в обществах Западного Судана [93, с. 149]. Следует подчерк-

нуть, что отмеченное всеми европейскими путешественниками усиление работорговли в странах Западного Судана подтверждается новейшими исследованиями историков. Прекращение торговли рабами на побережье Атлантического океана, утверждает М. Клейн, сопровождается ее ростом во внутренних районах. Такие крупные города, как Сегу, Сикасо, Бисандугу, были окружены деревнями невольников, производивших продукты питания для многочисленных армий. Один из крупнейших рынков рабов был расположен в Банамбе, к северу от Бамако. Да и в самой Медине, на глазах у французов нагло занимались своим гнусным ремеслом три работорговца [218, с. 39—52].

Миссия капитана Мажа в Сегу имела, как отмечалось выше, дипломатические цели. Тем не менее написанная им книга дает обильный материал об империи Эль-Хадж Омара. Дополнением к книге являются письма Мажа из Сегу, опубликованные лишь недавно; в них он более откровенен, чем в книге. Маж, например, не скрывает, что принимал участие на стороне тукулеров в битве против бамбара в начале 1865 г., когда победители захватили в рабство более 3,5 тыс. женщин и детей, а все мужчины были казнены [86, с. 39].

Первые европейские путешественники, посетившие земли, входящие сегодня в состав Республики Мали (Парк, Кайе, Раффанель, Маж), описывали лишь то, что видели, — другими словами, дали моментальный снимок непосредственно наблюдаемых событий и явлений. Их книги ценны как исторический и географический источник. Иначе следует рассматривать результаты путешествия немецкого ученого Г. Барта. Кроме наблюдений очевидца в его книге впервые сделана попытка заглянуть в далекое прошлое. Барт восемь месяцев провел в Томбукту (в 1853—1854 гг.), где изучал историю города и всего региона. В 3-м томе книги Барта особая глава посвящена истории Сонгайской державы и Томбукту [I, с. 281—299]. Именно Барту принадлежит огромная заслуга открытия хроники «Тарих ас-Судан» и ее введения в научный оборот. Правда, немецкий ученый ошибочно посчитал, что ее написал знаменитый Ахмед Баба (умер в 1627 г.); это, однако, несколько не умаляет вклада Барта в изучение великой империи Западного Судана.

Упомянутые выше книги английских, французских и немецких авторов не могли не возбудить во Франции интерес к внутренним районам Западной Африки. Обладая Сенегалом и превратив его в плацдарм, французы могли продвигаться в глубь континента. Идеи колониальной экспансии становятся популярными в эпоху II Империи. Показательна в этом отношении серия статей во влиятельном журнале «Ревю де Дё Монд» в 1858 г. Их автор, Ж. Дюваль, рассу-

пался в похвалах губернатору Сенегала Л. Федербу, напомнил, что идея построить военную крепость на верхнем Сенегале была высказана еще в 1831 г., а осуществлена лишь недавно. Речь идет о крепости Медина; подробно описана ее осада войсками Эль-Хадж Омара в 1857 г. Автор призывает к активизации усилий проникновения в глубь Западного Судана, привлекая колонизаторов золотом Бамбука [82, с. 858—863]. Конечная цель, следуя Дювалю, состояла в покорении далекого Томбукту [82, с. 878—879].

Что касается миссии капитана Мажа, то она носила разведывательно-дипломатический характер. Формально ее цель состояла во вручении письма губернатора Сенегала предводителю тукулеров. В феврале 1864 г. состоялась встреча с Ахмаду, который скрыл от французов факт смерти своего отца. Два года французская миссия содержалась в полуплену в Сегу. Только в феврале 1866 г. был подписан торговый договор.

Выводы Дюваля и Мажа о слабости мусульманских государств на Нигере не могли не ободрить сторонников решительной колониальной экспансии. Однако внутреннее и международное положение Франции в 60—70-х годах XIX в. не способствовало осуществлению их планов. Это время наступило лишь спустя 20 лет.

УСТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА В ВЕРХОВЬЯХ СЕНЕГАЛА И НИГЕРА (1880—1918)

1. Завоевание французами Западного Судана

Народы и государства верховьев Сенегала и Нигера к началу 80-х годов XIX в. На рубеже 70—80-х годов XIX в. в жизни народов Западного Судана произошли существенные перемены, началом которых положили колониальные захваты Францией обширных территорий в верховьях Сенегала и Нигера. Естественное историческое развитие этих народов, хрупкое политическое равновесие между борющимися за первенство государствами были грубо нарушены внешней силой. Настала новая эпоха жестокой вооруженной борьбы против иностранных завоевателей, обладавших превосходством в экономической и политической организации, вооружении и боеспособности войск. Вместо сплочения перед лицом внешней агрессии, угрожавшей самому существованию африканских государств, они продолжали внутренние распри и вооруженные конфликты. Это в значительной степени облегчило Франции завоевание Западного Судана, хотя оно и растянулось на два десятилетия.

Военно-теократическая держава Васулу во главе с Самори занимала верховья Нигера и правобережную сторону среднего течения, а также большую часть Гвинейского нагорья. В 1881 г. ее территория составляла примерно 80 тыс. кв. км с населением 300—350 тыс. человек и продолжала расширяться и после первых военных столкновений с французами. Спустя пять лет площадь Васулу увеличилась вдвое, а население превысило 1 млн. [249, т. 1, с. 346; т. 3, с. 2089].

Империя тукулеров-фульбе со столицей в Сегу, во главе которой почти 30 лет стоял султан Ахмаду, занимала плодородные земли на обоих берегах среднего Нигера и его внутренней дельты (область Масина), а также Каарту на севере этого региона. Правда, после 1870 г. от этого государства отпала Масина, тоже населенная фульбе, и Беледугу, жители которого, бамбара, постоянно боролись против султана

Сегу. Тем не менее его империя с площадью около 300 тыс. кв. км сохраняла значительную военную мощь и оказала впоследствии серьезное сопротивление французам [249, с. 77].

Третье крупное государство Западного Судана образовалось к 1870 г. на землях народа сенуфо в области Кенедугу, его столицей стал город Сикасо, крупный торговый центр и мощная военная крепость. Правитель этого государства Тиеба продолжал расширение своей власти к югу, завоевав область Фолона. По р. Багоэ граница Кенедугу шла с землями, подвластными Самори [273, с. 116—118]. По свидетельствам очевидца, земля в Кенедугу прекрасно обработана, здесь в большом количестве выращивается хлопок, зерновые, пасутся тучные стада, налажено производство железа и изделий из него [88, с. 41—43].

Границы этих государств не были точно определены и находились в постоянном движении. На периферии владений Самори, Ахмаду и Тиебы то там, то здесь возникали своего рода «силовые поля», где после вооруженных столкновений отдельные области или ряд деревень переходили под власть победителя. Особенно подвижной была граница Васулу в связи с экспансией Самори на юго-восток. Иным было положение империи Ахмаду: она переживала период раздробленности в связи с сепаратизмом его братьев, бывших наместниками в окраинных областях (Буре, Каарта, Кхасо).

На стыках между крупными государствами и в некоторых внутренних районах существовали зоны, образно говоря, низкого политического давления, где в условиях относительной самостоятельности находились крестьянские сообщества или отдельные крупные села. Во главе их стояли традиционные вожди, которые в случае военной опасности объединялись в оборонительные союзы. На территории Васулу, Сегу и Кенедугу нередко были восстания покоренных племен, доходившие до отделения целых областей.

Вместе с тем представляется необоснованным тезис колониалистской историографии о том, что территория Западного Судана накануне французского завоевания находилась в состоянии «перманентной гражданской войны», кровопролитных религиозных столкновений мусульман с фетишистами, «войны всех со всеми». Об этом, например, писал П. Гаффарель; к перечисленным выше проявлениям нестабильности он добавляет нападения на купеческие караваны, разорение сел и захват их жителей в рабство [197, с. 99]. Нет, разумеется, оснований и для чрезмерной идеализации государств Самори, Тиебы и Ахмаду; тем не менее их достоинства и пороки, положительные и отрицательные качества не могут оправдать экспансию.

Франция в течение 20 лет завоевывала эти государства.

Очевидно, что такой большой срок объясняется не только сопротивлением населявших эти земли народов и государств, но и в не меньшей степени серьезными противоречиями в правящих кругах и в общественном мнении Франции по вопросу о покорении внутренних районов Западной Африки.

Западный Судан в колониальных планах Франции. Колониальная политика Франции на рубеже 70—80-х годов была производной борьбы двух тенденций в выборе приоритетов внешней политики страны. Камнем преткновения различных политических партий, организаций и «групп давления» был вопрос о способах преодоления последствий поражения в войне 1870—1871 гг. и возвращения отторгнутых Германией французских областей Эльзаса и Лотарингии.

Разнородный блок политических сил (националисты и монархисты, часть радикалов и социалистов) считал основной задачей внешней политики наращивание военной мощи на Европейском континенте, с тем чтобы нанести немцам решительный удар. Подготовка к реваншу должна была стать сердцевиной внешней политики Франции. Эти политические силы, в руках которых находилась почти вся пресса, рассматривали колониальные завоевания как предательство национальных интересов, сознательное ослабление страны перед лицом грозного противника. Русский посол в Париже писал в 1880 г.: «Общественное мнение Франции враждебно колониальной экспансии. Оно видит в этом уловку Бисмарка, чтобы ослабить Францию» [1, 1880, д. 124, л. 182 об.]. Спустя год, во время оккупации французами войсками Туниса, посол сообщал о том, что «африканские дела» полностью поглотили внимание правительства и это вызвало осуждение значительного числа политиков, опасавшихся, что Франция станет играть в Европе пассивную роль [1, 1881, д. 106, л. 40—41]. В конце 1881 г., обозревая основные дипломатические события прошедшего года, посол России прямо писал: «План захвата Туниса инспирировал Бисмарк... Бисмарк хотел ослабить Францию и в этом преуспел» [1, 1881, д. 105, л. 286]. В проекте инструкции представителю России на Берлинской конференции по колониальным вопросам в Африке отмечалось, что Франция стала на путь колониальной политики по совету Бисмарка, причем подчеркивалось, что она «бросилась в эту авантюру с легкостью и поспешностью» [1, 1884, д. 23, л. 6—7]. С последним утверждением, однако, согласиться никак нельзя.

Неверно и утверждение о том, что все политические партии Франции стояли в эти годы на антиколониальных позициях. Об этом пишет, например, известный знаток истории колониализма в Африке английский профессор Дж. Харгривс. Он утверждает, что в 70-е годы «все французы отда-

вали приоритет во внешней политике возрождению военной мощи и престижу в Европе» [205, с. 199]. Дело обстояло иначе: антиколониальному блоку противостоял все более усилившийся колониальный союз, требовавший проведения активной политики приобретения новых территорий в Африке и Азии. К такому развитию событий вели объективные факторы: завершился промышленный переворот, образовались свободные капиталы, возникла необходимость в новых рынках сбыта и источниках сырья. К этому надо добавить рост производства товаров, а также усиление конкуренции на мировом рынке. Уже в 1881 г. наблюдательный русский дипломат заметил «много сторонников распространения французской торговли в Африке и в будущем этот вопрос будет играть первостепенную роль» [1, 1881, д. 105, л. 151].

Главным стимулом для европейских держав в погоне за колониями было достижение торгово-экономических выгод: приобретение новых рынков и источников сырья. Эта мысль удачно сформулирована в подготовленной МИД России записке к Берлинской конференции, обсуждавшей африканские дела: «По мере того как в Европе сделалось известным, что внутри Африки постоянно открываются новые рынки для европейских товаров и новые богатства природы, туда направляются англичане, французы, немцы и голландцы, и каждый представитель этих национальностей старается захватить именем своего отечественного правительства какой-нибудь кусок земли» [1, 1884, д. 23, л. 77 об.].

Наконец, к колониальным захватам Францию толкала военно-стратегическая обстановка в мире — стремительный раздел колоний и сфер влияния между крупнейшими европейскими державами, боязнь отстать от Англии, а позже — и от Германии. Соперничество с Англией за обладание Египтом, как известно, закончилось для Франции неудачно, но можно было компенсировать эту потерю за счет «свободных» земель в других частях Африки.

Переход Франции к активной колониальной экспансии на рубеже 70—80-х годов объясняется не только грубыми материальными интересами, но и определенными переменами в идеологической сфере. Эти изменения явились следствием прежде всего целенаправленной пропагандистской кампании в печати. Здесь следует, видимо, отделить возвышенно-романтическое направление, призывающее идти в Африку с цивилизаторской миссией, от агрессивно-колониаторского, не скрывавшего свои корыстные цели. Создать новую Африку, открыть древний континент для современной цивилизации, построить здесь дороги, порты, города — вот к чему призывал великий поэт-гуманист В. Гюго. В речи 18 мая 1879 г. с присущей ему патетикой он звал покорить

Африку не пушками, а плугом; не саблей, а торговлей; не завоеванием, а братством. Это будет великий мирный поход к гармонии, братству и миру [68, с. 111]. О «мирной социалистической колониальной политике» говорил один из лидеров социалистов, Ж. Жорес, а архиепископ Алжира Лавижери, ставший в 1868 г. одновременно главой католической церкви Сахары и Судана, видел главную цель колониальной политики в уничтожении работорговли. С этой целью он основал в 1888 г. Антирабовладельческое общество, много сделавшее для мобилизации общественного мнения Европы и всего мира на борьбу с этим отвратительным явлением [256, т. 2, с. 484—506].

Однако на правящие круги страны гораздо большее влияние имели апологеты колониализма, лишь для маскировки употреблявшие слова о цивилизаторской миссии белого человека, прогрессе и гуманизме. Так, влиятельный экономист П. Леруа-Болье в переиздававшейся много раз книге о колонизации у современных народов предлагал вооруженной рукой открыть путь из Сенегала к берегам Нигера, «вовлечь в сферу нашей цивилизации миллионы людей, населяющие берега этой великой реки и ее притоки вплоть до Сокото» [226, с. 8—15]. Он же в опубликованной годом ранее статье (1879 г.) выдвинул предложение о постройке двух железных дорог, идущих из Алжира на юг через Сахару, чтобы, как он открыто признавал, расширить французские владения и успешнее эксплуатировать Сахару и Судан, тогда еще неподвластный французам [227, с. VI—IX].

В газетах и журналах распространялись приукрашенные рассказы о природных богатствах Судана, сказочных месторождениях золота, густонаселенных и плодородных землях среднего Нигера. Так, влиятельная газета «Тан» опубликовала в 1880 г. обширную статью, в которой со слов очевидца говорилось, что область Мандинг (к юго-западу от Бамако) является одним из самых прекрасных мест в мире. Пейзаж вокруг напоминает ухоженный английский парк. Автор живописует яркими красками область Буре, изобильную золотом: только в одной деревне он насчитал 80 рудников [306, 2.8.1880]. Возник миф о «французском Ниле», который мог бы соперничать с Египтом.

Большой интерес к расширению французских владений в Западной Африке проявляли торгово-промышленные круги Бордо и Марселя, а также колониальные чиновники Сенегала, богатые коммерсанты его столицы Сен-Луи. Во Франции возникают капиталистические «группы давления», имевшие своих людей в правительстве, парламенте, прессе. К концу 70-х годов в правящих кругах страны созрела идея создания в Западной Африке обширной колониальной империи, вклю-

чающей суданские области, через которые старые владения — Сенегал и Алжир — могут соединиться путем постройки транссахарской железной дороги [231, с. 15—16; 148, с. 21—32]. Первой и наиболее важной частью этого проекта был выход французских войск к берегам среднего Нигера. Эти предложения, однако, не были новыми — двадцатью годами ранее их пытался реализовать губернатор Сенегала Л. Федерб.

От Федерба до Галлиени. План расширения французских владений в верховьях рек Сенегал и Нигер изложил Федерб в программной статье 1863 г. В ней он подчеркивал экономические выгоды завоевания земель по берегам Нигера: «Чтобы овладеть торговлею Судана, весьма значительной, и в особенности торговлею хлопком, который, по словам путешественников, растет в этой стране в изобилии и стоит баснословно дешево, нужно овладеть верховьем Нигера, устроив ряд постов, которые соединили бы эту реку с Сенегалом, между Мединой и Бамако» [72, с. 1].

В том же году Федерб представил императору Наполеону III особый меморандум, где вновь отмечал особую значимость торгового пути по Нигеру до Томбукту. Предложения сенегальского губернатора были одобрены министром военно-морского флота, в ведении которого находились тогда колониальные вопросы [64, с. 144—147]. Детали были изложены в инструкции капитану Мажу, посланному в 1863 г. в Сегу, к правителю тукулеров Эль-Хадж Омару. Инструкция объясняла, что для французской торговли выгодно вытеснение с рынков Судана марокканских купцов, в чьих руках находилась, по мнению Федерба, внешняя торговля страны.

Энергичный губернатор Сенегала не только доказывал необходимость активного продвижения в восточном направлении, но и принял ряд практических мер для реализации этих проектов. По его инициативе в верховьях Сенегала, в 12 км от г. Касса, где кончался судоходный участок реки (888 км от Сен-Луи), в 1854 г. начал строиться военный пост Медина. Менее чем через год здесь вырос укрепленный лагерь, ставший главным плацдармом завоевания обширных районов Западной Африки.

Медина, крайняя восточная точка французских владений, представляла серьезную угрозу для африканцев. Поэтому неудивительно, что владевший землями области Кхасо правитель тукулеров Эль-Хадж Омар сделал попытку захватить и разрушить французскую крепость. Осада продолжалась с апреля по сентябрь 1855 г., когда французы получили значительные подкрепления по реке благодаря начавшемуся половодью. Войска тукулеров потерпели поражение.

Однако вовлеченные в конфликт стороны еще не были готовы к продолжительным боевым действиям, поэтому между ними начались переговоры, и 18 августа 1860 г. был подписан договор об определении границы между французскими владениями и землями Эль-Хадж Омара. Она прошла по р. Бафинг от г. Бафулабе (где эта река, соединяясь с Бакоем, дает начало Сенегалу) до Медины. Далее в договоре перечислялись области под властью тукулеров — Диамбоко, Каарта, часть Кхасо на правом берегу Бафинга, а также лежащие далее на восток Беледугу и Фуладугу. Главный принцип разграничения, навязанный на переговорах французами, состоял в том, что левые берега Бафинга и Сенегала признавались территорией под протекторатом Франции. Это, в свою очередь, предполагало возможность распространения политического влияния французов далее на восток до Бафулабе [260, с. 60—61].

Несмотря на отказ от активной колониальной экспансии, планы Федерба и его мечты о великой суданской империи под управлением Франции не были забыты. Да и сам престарелый губернатор, будучи сенатором, в 70-е годы активно пропагандировал свои взгляды. Его сторонники как в метрополии, так и в Сенегале считали, что, прежде чем станет возможным прямое вооруженное вторжение, следует хорошо знать политическую и экономическую обстановку в Западном Судане, изучить его природно-географические ресурсы. Поэтому министерство военно-морского флота и колоний между 1874 и 1886 гг. организовало более 30 экспедиций в страны Тропической Африки. Большая их часть направлялась в суданские области и преследовала цели военно-политической разведки. Так, современный историк консервативного направления признает, что посланный в Сегу в 1878 г. П. Солейе был, в сущности, разведчиком: «Его вклад в географию был невелик. Он не был первым, кто посетил Сегу, и не открыл ничего такого, что не было бы известным. Сам того не сознавая, он выполнял роль ценного шпиона губернатора Сенегала при дворе Ахмаду» [161, с. 160—163]. Несколько позже роль экономического разведчика сыграл Колэн, проведший 18 месяцев в золотоносной стране Бамбук. Здесь он тщательно исследовал золотые рудники, подписывал договоры о протекторате с местными вождями [161, с. 73].

Было бы, разумеется, упрощением считать всех европейских путешественников по Судану лишь лазутчиками. Многие из них вдохновлялись благородными целями научного познания (Мунго Парк, Рене Кайе, Генрих Барт сделали большие географические открытия). Вместе с тем нельзя не признать, что накануне завоевания различные экспедиции

французов преследовали не научные задачи, а искали пути военного проникновения. Они проводили топографические съемки, которые нужны были для строительства телеграфных линий и железной дороги. Любопытно отметить, что когда власти Сегу в 1879 г. остановили на несколько месяцев в Нанго миссию капитана Галлиени, то французы получали все необходимое для жизни, кроме бумаги: Ахмаду не хотел, чтобы они вели записи и наносили съемки местности [197, с. 103].

Первая фаза: строительство крепостей, захват территории. Первые выстрелы французских войск, возвестившие о начале 20-летней войны за покорение Западного Судана, прозвучали в сентябре 1878 г. недалеко от Медины. Здесь располагалась крепость (тата) Сабусире, в которой находился гарнизон тукулеров примерно в 1200 человек. Французские войска при четырех пушках и с помощью многочисленного отряда союзников из местного населения после кровопролитного боя заняли крепость и разрушили ее до основания [136, с. 40].

Этот бой не был изолированным, случайным событием. Он свидетельствовал о решимости французов силой оружия изгнать отряды тукулеров с берегов Сенегала, ссылаясь на условия соглашения 1860 г. Это была ближайшая цель, а на перспективу, как предлагал Федерб,— овладение всей долиной Нигера вплоть до Томбукту.

Покорение Западного Судана можно условно разделить на три фазы. Первая фаза (примерно до 1885 г.) предполагала медленный, но систематический захват территории, создание на занятых землях военно-политической структуры: крепостей с постоянными гарнизонами, строительство железной дороги и телеграфной линии до берегов Нигера.

Вторая фаза (1885—1890) характерна мощным дипломатическим наступлением французских властей: военной силой, а также обещаниями субсидий. Местные вожди как больших государств (Ахмаду, Самори, Тиеба), так и на уровне областей, районов и отдельных сел склонялись к принятию протектората Франции. Если в первом периоде основное географическое направление экспансии было восточное, то теперь оно сменилось на южное, к верховьям Бафинга и Нигера. Продвижение колониальных войск на восток и на юг имело задачей оттеснение и максимальное ослабление как империи Ахмаду, так и государства Самори. Наконец, третья фаза (1890—1898) ознаменовалась решительной атакой на Сегу, а затем Васулу и Кенедугу и их уничтожением.

На всех этапах покорения Западного Судана периоды активной военной деятельности чередовались с более спокойными, когда основная забота колониальной администрации

состояла в освоении покоренных земель, ликвидации очагов партизанской войны, подготовке к новым решительным действиям.

Год спустя, после боя у Сабусире, отряд капитана Галлиени, выйдя из Медины и пройдя 130 км на восток, достиг Бафулабе. Здесь он подписал соглашение с вождями малинке, собравшимися, чтобы осадить в тата (крепости) Тиекоро, вассала Ахмаду. Соглашение давало французам право на строительство военного форта и проведение через эту местность железной дороги. 21 декабря 1879 г. была заложена французская военная крепость в Бафулабе, ставшая первой по осевой линии продвижения к берегам Нигера [197, с. 99].

Весной следующего года Галлиени получил приказ отправиться с дипломатической миссией в Сегу, к султану Ахмаду. Перед ним были поставлены трудные задачи. С одной стороны, он должен был добраться до Бамако через Бафулабе, Киту и горный проход Мандинг, изучая возможности железнодорожного строительства. Хотя эти районы находились под верховной властью Ахмаду, Галлиени должен был установить над ними французский протекторат. Ему это отчасти удалось: в Ките, расположенной на полпути к Нигеру, вождь этой области Токонта подписал соответствующее соглашение [197, с. 74]. Затем французская миссия вступила в населенную бамбара страну Беледугу, где была встречена враждебно. 11 мая 1880 г. возле Дио, в 45 км от Бамако, подверглась нападению большой армии, которая незадолго до этого штурмом взяла одну из лучших крепостей Ахмаду. Вооруженный скорострельными винтовками французский отряд едва избежал полного разгрома, но потерял обоз, половину личного состава и богатые подарки для Ахмаду стоимостью до 150 тыс. фр. [306, 02.08.1880]. С большим трудом Галлиени добрался до Бамако и, перейдя на правый берег Нигера, углубился в страну тукулеров.

С другой стороны, Галлиени должен был склонить Ахмаду подписать договор о протекторате, дающий Франции право постройки железной дороги, свободного продвижения по стране и плавания по Нигеру. Нетрудно заметить лицемерие французских властей: на левом берегу Нигера среди малинке и бамбара, настроенных враждебно к власти султана Сегу, Галлиени должен был выступить его решительным противником. Переправившись же на правый берег, он неожиданно становился другом Ахмаду, должен был осыпать его подарками и уверениями в дружбе [260, с. 126—129].

Между тем в Париже проект соединения Алжира и Сенегала железной дорогой через территорию Судана получил поддержку в парламенте. Уже в сентябре 1879 г. было выде-

лено 500 тыс. фр. на проектно-изыскательские работы. Были организованы четыре экспедиции, причем на севере, в алжирской Сахаре, работали представители министерства общественных работ, а путь из Сенегала на Нигер намечали изыскательские отряды министерства морского флота [306, 02.08.1880]. В июле 1880 г. палата депутатов проголосовала за чрезвычайный кредит в 9 млн. фр. морскому министерству для проведения подготовительных работ по строительству железной дороги от Дакара до Сен-Луи и далее на Медину и до берегов Нигера [306, 15.07.1880]. Чуть позже были дополнительно выделены 1,3 млн. фр. для начала строительных работ от Медины до Бамако [48, с. 69]. В это же время было принято решение о формировании второго батальона сенегальских стрелков и военно-строительной роты. Задание перед новым отрядом было поставлено в декрете президента: строительство военных фортов, телеграфной линии, подготовка трассы железной дороги. К этим работам должно было привлекаться на основе принудительного труда большое число местных жителей. Еще одно очень важное решение было принято 6 сентября 1880 г., когда президентским декретом была установлена должность главнокомандующего войсками, действующими в Судане [306, 10.09.1880].

Миссия Галлиени 1 июня 1880 г. была остановлена по приказу Ахмаду в Нанго, возле Сегу, где ей пришлось провести почти 10 месяцев в неторопливых переговорах с вождем тукулеров. Ахмаду не торопился подписать столь опасный для суверенитета договор с французами. Кроме того, в это время он ждал результата переговоров с эмиссарами англичан из Гамбии и Сьерра-Леоне.

Пока Галлиени вел переговоры в Нанго, главнокомандующий войсками подполковник Борни-Деборд решил закрепить присоединение Киту. 9 февраля 1881 г. колонна в составе 180 стрелков, 25 конников-спаги и 70 рабочих при 4 пушках прибыла в Киту. Началось быстрое строительство военного укрепления. Для снабжения войск французы, как и прежде, начали реквизицию скота и зерна у местного населения. В происшедшем затем бою у деревни Губанко участвовали как войска султана Сегу, так и ополчение крестьян-малинке. С помощью артиллерийского огня французы сломали сопротивление плохо вооруженной и неорганизованной вольницы, потерявшей около 300 человек убитыми. Со стороны французов было пять убитых и 24 раненых [197, с. 105—106; 198, с. 35—38]. В мае 1881 г. сооружение форта в Ките было закончено. Телеграф связал Медину с Китой, проводились топографические съемки для строительства железной дороги на этом участке.

Султан Ахмаду, узнав о результатах боя у Нанго, согла-

сился наконец подписать договор о протекторате [64, с. 153—160]. По договору от 10 марта 1881 г. Франция получила исключительное право на плавание по Нигеру от истоков до Томбукту и свободу торговли на территории государства Ахмаду (статьи 6 и 7). В Сегу должен был находиться французский резидент (статья 14). В обмен султану были обещаны субсидия в 10 тыс. фр. ежегодно, 200 ружей и 4 орудия. Кроме того, за переход Бамако к французам надо было уплатить 50 тыс. фр. одновременно. Следует заметить, что французский текст отличался от арабского [260, с. 126—129]. Но не это вызвало критику в Париже. Против каких-либо уступок правителю Сегу был и главнокомандующий Борни-Деборд, который фактически дезавуировал своего подчиненного Галлиени. Месяц спустя после подписания соглашения в Нанго он писал, что французы должны добиваться «полного уничтожения этой ненавистной империи». Она, — продолжал главнокомандующий, — находится в полном упадке, «бамбара и фульбе, живущие вокруг Сегу, ждут нашего прихода» [64, с. 160]. Прошло немного времени, и Борни-Деборд круто изменил свое мнение о государстве Ахмаду.

В 1882 — начале 1883 г. французское наступление продолжалось в двух направлениях — на юг, к истокам Нигера и Гамбии, и на восток — к Бамако. В январе 1882 г. началось строительство форта в Бадумбе, вверх по р. Бауле. Вскоре произошли первые столкновения с войсками Самори, о котором французы имели самые смутные представления.

К концу 1882 г. главной задачей французского командования стал захват Бамако — важного стратегического пункта на Нигере, перекрестка торговых путей. Из Франции прибыло подкрепление — две роты морской пехоты. В конце декабря экспедиционный корпус, во главе которого стал сам Борни-Деборд, прибыл в Киту. Прежде чем выступить в сторону Бамако, войска были направлены против тукулерской крепости Мургула, в 60 км к юго-востоку от Киты. Военачальник султана Сегу, Абдаллах, оставил крепость без боя; она была немедленно снесена французами. Затем все французское войско двинулось на Бамако, встречая по дороге вооруженное сопротивление жителей Беледугу. 31 января 1883 г. французы вошли в Бамако, а 7 февраля был положен первый камень в основание военной крепости на горе Кулуба. В апреле оккупанты вынуждены были выдержать наступление войск Самори, которыми командовал его брат. Французам удалось их отбросить к юго-западу, в горы Мандинг [198, с. 48; 260, с. 131].

После занятия Бамако начался период интенсивного освоения захваченной территории, представлявшей собой узкую полосу вдоль строившейся железной дороги. Были воз-

ведены военные укрепления Бафулабе, Бадумбе, Кита, Бамако. В январе 1884 г. возник еще один форт — в Кунду (между Китой и Бамако). Вниз по Нигеру от Бамако, за порогами, в Куликоро была спущена на воду канонерская лодка, доставленная в разобранном виде из Франции [48, с. 69—70]. С большим упорством, хотя и довольно медленно, шло строительство железной дороги. Очевидцы сообщали о высокой смертности от болезней, прежде всего желтой лихорадки: погибли до 45% солдат и рабочих, до 20% офицеров. На стройку были завезены рабочие-китайцы [92, с. 73—74, 82]. К концу 1883 г. железная дорога протянулась от Каеса до Диаму на расстояние 54 км (и на нее было израсходовано 13,5 млн. фр.), к концу 1885 г. ее длина достигла 63 км [198, с. 132]. Качество строительства было низким («все придется переделать», замечает очевидец), поезда не ходили, так как не были готовы мосты и виадуки.

В 1884—1885 гг., когда произошли серьезные изменения в колониальной политике Франции, ситуация в Западном Судане оставалась весьма запутанной. Французам не удалось нанести противостоящим агрессии африканским государствам решительного поражения. Если империя Ахмаду оказалась разрезанной выходом французов к Нигеру на две части (Каарту и собственно Сегу), то Васулу под руководством Самори укрепила свои позиции и расширила границу на северо-западе, в непосредственной близости от французских крепостей. Продолжало усиливаться и Кенедугу. Кроме того, большие расходы на содержание войск и строительство железной дороги, потери в живой силе обусловили отказ от активных военных действий, переход к тактике дипломатического наступления на местных правителей.

Вторая фаза: освоение занятых земель, дипломатическое наступление. События 1884—1885 гг. в мировой политике оказали непосредственное влияние на колониальную экспансию Франции в Западном Судане. Прежде всего, это Берлинская конференция, собравшая представителей 14 больших и малых европейских государств. Ее задача состояла в том, чтобы «определить взаимные территориальные отношения и торговые права западноевропейских государств на западном побережье Африки» — так была сформулирована повестка дня Берлинской конференции в документе МИД России [1, 1884, д. 23, л. 79—79 об.]. В отчете представителя России говорилось: «Новизна задачи и разнообразие многочисленных встречающихся в этой области интересов значительно усложняли труды конференции» [1, 1884, д. 24, л. 230 об.]. В самом деле, ведь речь шла о разработке общих принципов колониального раздела Африки. Заключительный акт

Берлинской конференции ускорил захват территорий Западной Африки колониальными державами — Францией, Англией, Германией.

Вместе с тем важно отметить, что стратегическая цель дипломатического наступления второй половины 80-х годов — превратить Самори, Ахмаду и Тиебу в вассалов французских колонизаторов — не была достигнута. Оценка итогов второй фазы покорения Судана вызвала большие споры во Франции. Политике стабилизации отношений с африканскими государствами на базе соглашений о протекторате была противопоставлена политика их быстрого военного разгрома и полной ликвидации.

В опубликованной в 1891 г. книге Галлиени подверг резкой критике своего преемника Аршинара, не принимавшего в расчет политические и коммерческие выгоды мирного наступления, взявшего курс на вооруженную борьбу с африканскими государствами.

Если Берлинская конференция в определенной степени стимулировала погоню за колониями, то ситуация в Индокитае, напротив, требовала более осторожной колониальной политики, при меньших расходах и человеческих жертвах. Уже в 1884 г. парламент выделил бюджет Судану в размерах предыдущего года, не добавив ни сантима. Перед колониальной администрацией стояла, таким образом, задача укрепления и расширения французского влияния новыми дипломатическими средствами, лишь в крайнем случае прибегая к использованию оружия. Важными моментами в этой новой тактике являлись подрывная деятельность в тылу противника, натравливание друг на друга местных правителей, стремление к их разгрому поодиночке.

Особенно успешно применялась тактика подписания соглашений о протекторате с местными вождями, как правило, небольших политических образований, боявшихся своих более сильных соседей. Некоторые из них, подписывая документ, смутно понимали его содержание, других прельщали подарки французских офицеров. Первый договор о протекторате, как упоминалось выше, подписал Токонта, вождь города и области Кита в 1880 г. В следующем году под протекцию Франции перешел, как он именуется в документах, «король Мандинга Мамби», разрешивший французам беспогонную торговлю и размещение военных гарнизонов. Подвластные королю местные вожди обязаны были предоставить рабочих на строительство железной дороги, которым было обещано платить по 1 фр. за 10-часовой рабочий день [48, с. 118—119]. В 1883 г. был подписан договор о протекторате с Баси, королем Гудугу. Целую серию соглашений о протекторате подписали в январе — апреле 1887 г. Галлиени

и по его поручению лейтенант Пероз с правителями земель вдоль Фалеме и Бафинга и в верховьях Гамбии. Например, по договору, подписанному 14 вождями области Бамбуг, их земли составляли часть Французского Судана и находились под протекторатом Французской Республики. Вожди обязывались не заключать торговых соглашений с другими государствами, направлять только во французские торговые пункты свои товары, в частности золотой песок, каучук и гуммиарабик. Важным пунктом соглашения было разрешение свободного прохода торговых караванов, французские граждане могли селиться везде для торговли или для добычи золота [48, с. 110].

В это же время под протекторат Франции перешли правители областей Сако, Бамбугу, Соколо, Боке. Особое значение имело признание французского суверенитета Агибу, правившего в Дингирае брата султана тукулеров Ахмаду. Империя Сегу теряла важную область на западе. Получивший в начале 1887 г. новое звание главнокомандующего Французского Судана, Галлиени смог дипломатическими усилиями отодвинуть границы французских владений в юго-западном направлении на 300 км. Богатые районы в верховьях рек Фалеме, Бафинг и Гамбия, на северных склонах Фута-Джаллона перешли под власть Франции. Кроме того, заключенные соглашения и договоры давали французам юридические основания для военно-политического давления на Самори и Ахмаду.

Более слабым звеном оказалось государство Ахмаду. Против власти султана поднялись покоренные народы — бамбара в Беледугу и фульбе в Масине. Его брат Мунтага, правивший на севере, в Каарте, поднял знамя мятежа, на подавление которого выступил сам султан. В июне 1885 г. мятеж был подавлен, его руководители казнены, а столица государства перенесена в г. Ниоро.

В такой обстановке султан Ахмаду, стремясь отвести угрозу полного разгрома государства, проявил инициативу и послал своих представителей в Каес, где начались переговоры с французами. Окончательный текст договора был подписан в Гури 12 мая 1887 г. Весьма конкретно были обозначены права французов: протекторат над землями султана, даже теми, что будут завоеваны им; свобода передвижения по Нигеру, Сенегалу и их притокам; свободная беспошлинная торговля на территориях, подвластных Ахмаду, а также покровительство с его стороны французским путешественникам и торговым караванам. Права же султана, напротив, были изложены туманно и расплывчато: границы его государства не были определены; ему была обещана денежная субсидия, но не оговорена точная цифра. Хотя французы взяли на се-

бя обязательство не воевать против султана и его подданных, не строить на его землях военные крепости, это условие можно было нарушить в случае грабежа торговых караванов и коммерсантов [69, с. 138—140; 260, с. 138—139].

Намного сложнее развивались отношения французов с правителем Васулу. Мирным переговорам предшествовал трехлетний период военных действий, начавшихся весной 1883 г. возле Бамако. В марте 1885 г. французы начали строительство форта Ниагасола, который рассматривали как плацдарм для продвижения на юг, в золотоносный район Буре, и на восток, к Кангабе, важному торговому пункту на Нигере. Войсками Васулу командовали братья альмами (верховного правителя) Кеме-Брема (Фабу) и Малинка-Мори. Первый к осени занял весь Мандинг, второй с 8 тыс. воинов на левом берегу Бакоя угрожал Ките и по-прежнему держал в осаде Ниагасолу. Только в конце года, когда к французам подошли значительные силы, Самори распорядился отвести основную часть армии на юг. В начале 1886 г. один из его отрядов был разбит, после чего софа отступили на правый берег Нигера.

Между тем в тылу французских владений вспыхнуло восстание сонинке во главе с марабутом Мамаду Ламином. В апреле 1886 г. его войска осадили Бакель, город на р. Сенегал, входивший тогда в состав Судана. Как Самори, так и французское руководство в таких условиях вынуждены были пойти на переговоры. В Каес прибыл доверенное лицо правителя Васулу Амара Диели, а к Самори был направлен французский офицер. В конце марта 1886 г. в Кениеба-Куре (возле Сигири) был подписан договор, а несколько позже — дополнительное соглашение. Их условия были выгодны Самори, так как за ним закреплялся не только весь правый берег Нигера, но и области на левом берегу — Буре и Кангаба и земли к югу от р. Тинкисо. Коменданты фортов Ниагасола и Бамако должны были воздерживаться от нападения на позиции софа.

Договор в Кениеба-Куре был признан в Париже неудовлетворительным, и парламент его не ратифицировал. Тем не менее он дал французам возможность сосредоточить наличные военные силы и разгромить восстание Мамаду Ламина. Нельзя не упомянуть о том, что на помощь французам для борьбы с единоверцами прибыл отряд воинов султана Ахмаду. Со вступлением в ноябре 1886 г. Галлиени в должность главнокомандующего дипломатическое наступление на независимые африканские государства усилилось. В министерстве морского флота и колоний был взят курс на экономию денежных средств и на отказ от широких наступательных операций. Поскольку договор в Кениеба-Куре не

был ратифицирован, Галлиени попытался добиться от Самори более выгодных условий — перехода к Франции всего левого берега Нигера, в том числе важного опорного пункта Сигири. Здесь пересекались торговые пути из Васулу к Фута-Джаллону, Верхнему Сенегалу и портам Сьерра-Леоне.

В начале 1887 г. в Бисандугу, столицу Васулу, прибыла дипломатическая миссия во главе с лейтенантом Э. Перозом. Сам Пероз позже признавался: «Наша миссия состояла в том, чтобы не только попытаться вырвать у Самори с помощью угроз лучшие его провинции, но и доказать ему, что тех чернокожих правителей, которые переходят под наш протекторат, ожидает подлинное счастье» [92, с. 15]. Это были переговоры с позиции силы и угрозы ее применения; французы никогда не признавали возможность вести с африканскими руководителями переговоры как равные. Пероз предъявил вождям Васулу жесткие требования: принять протекторат Франции, передать французам обширные районы на востоке страны, в том числе Сигири, открыть Васулу для французской торговли и для экспедиций, которые могли бы собрать как можно больше научной, географической, топографической информации [92, с. 87—88]. Можно добавить: и военно-политической информации также. Одним словом, французы собирались получить за столом переговоров то, что им не удалось завоевать на полях сражений.

Трудные переговоры завершились подписанием 23 марта 1887 г. соглашения. Над Васулу устанавливался французский протекторат, не ограничивая, однако, суверенитет Самори ничем конкретным. Граница устанавливалась по Нигеру до Тигивири и далее по р. Тинкисо до ее истоков. К французам, таким образом, переходили горная область Мандинг и богатый золотом район Буре, а также г. Сигири. В январе следующего года здесь был основан военный форт [69, с. 230—231]. Обе договаривающиеся стороны получили право беспешлиной торговли на территории друг друга, что для Самори, опиравшегося на социальный слой торговцев-диула, имело немаловажное значение.

Настойчивость французов в желании установить свой контроль над внешними сношениями Васулу объясняется боязнью проникновения на эти территории англичан, посылавших свои миссии к Самори. Этому должны были служить и другие договоры: с Агибу, с султанами Фута-Джаллона, а также подписанный в следующем году союз с Тиебой, правителем Кенедугу. Вся эта система договоров и соглашений должна была исключить поползновения англичан из Сьерра-Леоне и Гамбии угрожать французской экспансии в Западном Судане. Оценивая значение договора в Бисандугу, Галлиени писал, что он достиг две цели — возвел военные

укрепления в Сигири и прикрыл с юга самый опасный участок французской колониальной империи. «Соглашение никак не стесняет нашу свободу действий,— продолжал он,— единственная цель — расширение нашего торгового пространства и закрытие земель на Нигере от иностранного вторжения» [216, с. 149].

Что же касается Самори, то вполне вероятно, как это считает Дж. Харгривс, что он понимал отношения протектората совсем иначе, чем французы: скорее как отношения союзничества, чем зависимости. Он думал, что подписанные им документы не затрагивали полноту его суверенитета. Самори, видимо, рассчитывал получить от французов определенную помощь для осуществления собственных планов расширения Васулу в северо-восточном направлении [207, с. 77]. Началась кровопролитная война Самори против Кенедугу.

Война 1887—1888 гг. между двумя африканскими государствами резко ослабила возможность их сопротивления французам. Многомесячная осада Сикасо, столицы Кенедугу, закончилась для Самори бесславно в августе 1888 г. Это поражение нанесло ему большие потери и падение престижа. Французы не оказали ему никакой поддержки, напротив, они как раз в это время подписали договор с его врагом Тиебой. Следствием неудачной войны был рост недовольства подданных Самори, его солдаты захватили продовольствие, скот, началась политика насильственной исламизации. В 1888—1889 гг. империю Самори потрясло мощное народное восстание, которое историки рассматривают как поворотный пункт в ее истории [249, т. 2, с. 1049—1141].

Тяжелым положением правителя Васулу воспользовался новый французский главнокомандующий, Аршинар, навязавший ему договор в Ниако (21 февраля 1889 г.). Граница теперь проходила строго по Нигеру от его истоков; это означало, что Самори терял территорию на левом берегу, к югу от Сигири. Вскоре на этих землях была построена крепость Куруса. Вновь был подтвержден французский протекторат над государством Самори. Наконец, согласно новому договору, обе стороны обещали не переходить Нигер без разрешения [69, с. 152—153].

Еще раньше договора в Ниако был подписан документ, ограничивавший суверенитет Кенедугу. Во время осады Сикасо армией Самори (18 июня 1888 г.) в Бамако король Тиеба, его брат и наследник престола Бабемба и главный гриот, советник короля Умару поставили подписи под договором, по которому лишались права подписывать международные соглашения без предварительного согласия французского правительства (§ 3). Король должен был информировать коменданта Бамако о политических событиях на границах

своей державы (§ 4), оказывать помощь французским коммерсантам (§ 6) и путешественникам, ученым и офицерам (§ 7) в поездках по Кенедугу. Важным для французов в перспективе был § 5, по которому они получили право в случае необходимости размещать гарнизоны и строить дороги, а король обязывался обеспечить рабочую силу. Со своей стороны, французы обещали Тиебе помощь в случае внешней угрозы (§ 2). Такой помощи он не дождался, напротив, сам был вынужден участвовать на стороне французов весной 1891 г. в боевых действиях против Самори [93, с. 142—146, 229—230; 89, с. 54].

Галлиени предпринял ряд мер для экономического освоения покоренных земель. Главным было ускорение строительства железной дороги от Каеса до Бамако. Были дополнительно набраны 600 рабочих, стройка была милитаризована — руководство перешло в руки офицеров морской артиллерии. К июню 1886 г. полотно шириной 1 м протянулось на 129 км от Каеса до станции Махина, где у слияния Бафинга и Бакоя начато было строительство большого моста. Поезда стали ходить, да и то только в сухой сезон, в 1891 г. [198, с. 132].

Давая общую оценку второй фазы покорения Западного Судана, следует признать, что договоры о протекторате 1886—1889 гг. позволили французам без больших людских потерь и финансовых затрат значительно увеличить свое присутствие в регионе. Только за два года (с конца 1886 до конца 1888 г., когда был отозван Галлиени) к колонии Французский Судан была присоединена территория в 900 тыс. кв. км с населением 2,6 млн. человек [191, с. 153]. Африканские государства Судана — Васулу, Сегу и Кенедугу — были сильно ослаблены. Французам удалось заблокировать продвижение англичан с юга, не допустить их выхода к верховьям Нигера и к Фута-Джаллону.

Вместе с тем важно отметить, что стратегическая цель дипломатического наступления второй половины 80-х годов — превратить Самори, Ахмаду и Тиебу в вассалов французских колонизаторов — не была достигнута. Косвенное управление осталось неосуществимым. Оценка итогов второй фазы покорения Судана вызвала большие споры во Франции. Политике стабилизации отношений с африканскими государствами на базе соглашений о протекторате была противопоставлена политика их быстрого военного разгрома и полной ликвидации.

В опубликованной в 1891 г. книге Галлиени подверг резкой критике своего преемника Аршинара, не принимавшего в расчет политические и коммерческие выгоды мирного наступления, а взявшего курс на вооруженную борьбу с афри-

канскими государствами. Эти соображения, однако, не были услышаны. В правительственных кабинетах победила линия на военное решение проблемы покорения Судана.

Третья фаза: разгром и присоединение Сегу, Каарты, Васулу и Кенедугу. К решительным действиям французских администраторов толкала усилившаяся борьба за раздел Африки между европейскими державами. Признанный Берлинской конференцией принцип «эффективной оккупации территории» не всегда было легко осуществить. Сомнения в его универсальности были остроумно определены в документе МИД России: «Нельзя признать тот факт, что достаточно установить древко с флагом на какой-то территории, чтобы считать себя ее собственником» [1, 1884, д. 23, л. 11]. Этот принцип все чаще стал заменяться разделом африканских земель между европейскими колонизаторами «по карте». «На картах Африки (дипломаты) пролагают несколько случайных, длинных и неопределенных линий через страны, пределы которых не исследованы и богатства которых неизвестны», — не без юмора доносил русский посол в Париже, считая «проведение этих абстрактных линий невинной детской забавой» [1, 1890, д. 74, л. 73].

В международную практику вошли такие понятия, как «сфера действия» и «зона влияния», которые долгое время отвергали юристы и дипломаты и которые не вошли в документы Берлинской конференции. Впервые они появились в англо-германских соглашениях по Восточной Африке 1886 г., затем в англо-французской конвенции от 5 августа 1890 г. [161, с. 135]. В соответствии с последней были разграничены сферы влияния между Францией и Англией в Западной и Центральной Африке. В документе кратко признавалось: «Зона влияния Франции расположена к югу от ее средиземноморских владений до линии, идущей от Сай на Нигере до Баруа на оз. Чад» [63, с. 7]. Была признана, таким образом, власть французов над обширными районами Южной Сахары и среднего течения Нигера, включая Томбукту. Плавание по Нигеру и его притоку Бенуэ объявлялось свободным. Теперь Франция имела «юридические основания» для оккупации не принадлежащих ей земель.

К этому времени во французских правящих кругах усилились позиции сторонников активных колониальных захватов. В 1890 г. был создан Комитет Французской Африки; в его манифесте со ссылкой на вышеприведенную англо-французскую конвенцию говорилось о том, что настала пора соединить французские владения в Сенегале и Алжире через Сахару и Судан. Комитет объединил представителей торгово-промышленных кругов Гавра, Марселя, Лиона, Бордо, видных пропагандистов колониальной экспансии, таких, как

Леруа-Болье, генерал Борни-Деборд и др. «Этот комитет направляет постоянно африканские дела», — писал русский посол, имея в виду активную деятельность его членов во французском парламенте [1, 1898, д. 79, л. 193 об.]. Колониальная фракция на своих заседаниях регулярно обсуждала многие важные вопросы, оказывала на правительство большое влияние [1, 1896, д. 139, л. 425].

Решающая фаза в завоевании Западного Судана связана с именем полковника Л. Аршинара, бывшего в 1888—1891 гг. главнокомандующим войсками, а в 1892—1893 гг. первым губернатором колонии Французский Судан. Прибыв в Каес в конце 1888 г., он решил разгромить африканские государства, находившиеся юридически под протекцией Франции, по отдельности. Наиболее слабой из них представлялась империя Ахмаду, разделенная французскими укреплениями по диагонали от Каеса до Бамако на две части. Сам Ахмаду с 1885 г. находился на севере, в Каарте, столицей которой был Ниоро. Прежняя столица тукулеров, Сегу, и окружающая его область управлялись его сыном Мадани.

Первый удар был нанесен по окруженной французскими владениями крепости Кундиан (в 70 км к югу от Бафулабе). Тукулеры, во главе которых был Букари Фофана, мужественно оборонялись. Однако крепость была разрушена артиллерийским огнем, командир крепости и многие из защитников погибли. Так, в феврале 1889 г. в руки французов перешла полностью долина Бафинга. Теперь их удары были направлены на восток, на Сегу, и на север, на столицу Ахмаду.

Используя как предлог для атаки якобы оскорбительное для французов письмо султана, Аршинар решил сначала захватить Сегу. К весне 1890 г. французы собрали значительные военные силы — около 1 тыс. солдат, в том числе отряд бамбара во главе с Мари Диара, потомком королей Сегу. Появление французской армии у ворот столицы тукулеров было для них полной неожиданностью. 6 апреля 1890 г. после сильного орудийного обстрела Сегу был взят, Мадани убежал на север, в руки французов попала богатая казна султана стоимостью 500 тыс. фр. [260, с. 146—150]. Поставив во главе города Мари Диара с титулом короля (фама), Аршинар двинул свои войска на северо-запад для покорения Каарты.

Хотя у Ахмаду оставалась довольно большая армия (до 10 тыс. конников), свойственные ему нерешительность и фатализм привели к тому, что в период с июня 1890 по февраль 1891 г. и вторая половина его державы — Каарта была утрачена. Некоторые крепости оказывали французам отчаянное сопротивление. Первая из них, Уосебугу, была взята 25 апреля с большим трудом. Руководитель обороны Бан-

диугу Диара взорвал себя. Взятые в плен тукулеры под конвоем, которым командовал капитан Мамаду Расин, были отправлены в Фута-Торо, нагорье на левом берегу Сенегала, откуда они пришли в 50-е годы во главе с Эль-Хадж Омаром [198, с. 149—151]. Затем французская армия вернулась на исходные позиции, затем ее основные силы были переправлены в Каес.

Между тем в тылу французов, в Сегу, произошли драматические события. Новый правитель, Мари Диара, организовал заговор с целью освободиться от власти оккупантов, но был предан и вместе с двадцатью своими приближенными расстрелян. На престол был поставлен другой представитель традиционной власти — бамбара Бодлин Кулибали, отец которого правил в Каарте до прихода тукулеров [268, с. 183—187; 241, с. 117].

Только в декабре 1890 г. французские войска при 12 орудиях выступили из Каеса на Ниоро. Главным руководителем обороны Каарты стал не султан Ахмаду, а изгнанный правитель государства Бурда-Джолоф в Сенегале Аль-Бури Ндьяй, получивший почетное прозвище «лев Джолофа». В двух битвах на подступах к Ниоро, несмотря на его решительность, тукулеры потерпели поражение. 1 января 1891 г. французы заняли покинутую Ахмаду столицу. Решительная битва произошла 3 января в 30 км к северу от Ниоро. Из-за нерешительности султана, не верившего в победу, а также в связи с многократным огневым превосходством французов битву тукулеры проиграли. Ахмаду бежал сначала на север, в Сахару, затем добрался до Бандиагары, столицы Масины, где правил его брат Муниру [260, с. 153—156]. Вскоре султан устранил брата от власти (предполагают, что он был отравлен) и в течение двух лет правил Масиной, не подвергаясь атакам французов.

В декабре 1890 г. территория созданного французами королевства была разделена на две части: правобережная часть осталась под властью фамы Бодиана, на левом берегу Нигера расположился верный французам Мадемба Си, бывший телеграфист, тукулер. Столицей его марионеточного государства стал Сансандинг. Именно против этих ставленников оккупантов и восстали местные жители. У Мадембы было всего 200 солдат регулярной армии, у восставших намного больше — до 3 тыс. пехоты и 400 конницы. Против Бодиана в январе 1891 г. поднялись его соплеменники-бамбара в районе Банианка (к югу от р. Бани) во главе с Бафи Диара. В феврале сильные бои развернулись вокруг большого села сенуфо Диена. Карательную экспедицию возглавил сам губернатор: было сожжено несколько деревень, на другие же был наложен большой штраф. Подавлено бы-

до восстание только в июле в битве при Уморель (более 300 крестьян-бамбара были убиты) [268, с. 189—199].

Стало ясно, что окончательное замирение этих областей наступит лишь тогда, когда Ахмаду будет изгнан из Масины. В правящих кругах Франции в это время преобладала тенденция решительных военных действий, в августе 1892 г. Судан был административно отделен от Сенегала и превращен в самостоятельную колонию, а полковник Аршинар назначен его военным и гражданским губернатором. Прибыв в марте 1893 г. в Сегу, он отстранил фаму Бодиана от власти, в следующем месяце начал наступательные действия против Масины. 12 апреля был взят после орудийного обстрела и уличных боев Дженне, через пять дней сдался без боя Мопти, 29 апреля пала Бандиагара. У ее подступов в гористой местности Кори-Кори произошел последний бой, где неустранимый Аль-Бури пытался остановить наступление французов. Султан Ахмаду бежал на восток, где умер в Сокото в конце 1897 или начале 1898 г. [260, с. 153—156]. Правителем в Бандиагаре французы поставили брата бежавшего султана Агибу, отдавшего Дингирае за шесть лет до этого во власть французов. Правил он здесь до 1902 г. Так было покончено с империей тукулеров, в состав французского Судана включены Каарта, Сегу, Масина.

Быстрое покорение Сегу и Каарты дало Аршинару возможность обратить оружие против Самори. Уже в апреле 1891 г. под предлогом нарушения договоров французы перешли на правый берег Нигера и заняли Канкан, где был заложен форт. Французы было подвинулись дальше на юг и с большими боями вошли в столицу Васулу — Бисандугу, но удержать его не смогли.

Одновременно с наступлением военных колонн французы организовали подрывную деятельность в тылу у Самори, используя желания многих сел и сообществ перейти под власть французов, где они надеялись найти защиту от грабительских набегов, захвата населения в рабство, реквизиции продовольствия и скота. Не был забыт и Тиеба, правитель Кенедугу, который без особого успеха также включился в войну против Васулу. Надо сказать, что не сидел сложа руки и Самори: он готовил свои силы к обороне центральных районов Васулу, закупая оружие в Сьерра-Леоне. Кроме того, местные умельцы научились производить опнестрельное оружие; есть сведения, что у Самори в оружейных мастерских трудились 300—400 кузнецов [225, с. 102—104]. Тем не менее дальновидный альмами хорошо понимал, что силы неравны, и начал массовое переселение жителей своей державы на восток.

В январе 1892 г. из Канкана вышла колонна француз-

ских войск невиданного прежде состава: более 1 тыс. солдат, 2 тыс. носильщиков, четыре горные пушки. Она двинулась на юг, вдоль долины р. Мило, в направлении Бисандугу. Самори проводил тактику выжженной земли, свидетельствует очевидец, уводя все население и скот с собой, не оставляя захватчикам ничего. Война приняла партизанский характер, поскольку крупных столкновений софа избегали. Французы захватили крупные торговые и политические центры Васулу — Бисандугу и Керуане. В непрерывных боях французская колонна провела 2,5 месяца. За это время она потеряла убитыми троих офицеров и 38 солдат [90, с. 102].

Количество потерь французов было несравненно меньше, чем в войсках африканских правителей. Так, в кампании против Каарты в 1890 г. во французских частях было пятеро убитых и 55 раненых, против Самори в следующем году — четверо убитых и 12 раненых, штурм Дженне в 1893 г. обошелся в 11 убитых и 109 раненых. Причем подавляющая часть потерь, почти 100%, были солдаты из местных уроженцев, как правило бамбара, служившие в батальонах сенегальских стрелков [216, с. 201]. Взятие крепости Уосебугу привело к гибели 15 и ранению 82 солдат. Эти цифры необходимо привести, чтобы опровергнуть фантастические сведения, приводимые в советской исторической литературе о 72 батальях, в которых Самори якобы уничтожил более 30 тыс. вражеских солдат и наемников [139, с. 24]. Можно сказать, что за все 20 лет завоевательных походов такого количества солдат французы не имели на территории Судана. Нет никаких оснований идеализировать правителя Васулу.

В 1893 г. французское командование объявило Самори главным врагом. На сей раз против него были посланы три экспедиционные колонны. Удар, однако, пришелся по пустому месту. Население Васулу под охраной отрядов софа по прямому приказу альмами эвакуировалось на восток. В 1892—1895 гг. далеко от родных мест, в стране Конг (север Берега Слоновой Кости), в междуречье Белой Вольты и Комоэ, возникла вторая держава Самори. Ее столицей стала Дабакала.

Остается лишь добавить, что французские войска, преследуя Самори на территории Кенедугу, вышли к границам Сьерра-Леоне. Здесь в 1893 г. произошло вооруженное столкновение между английским отрядом Эллиса и французами. Были жертвы с обеих сторон; инцидент был решен по дипломатическим каналам. «Единственным результатом этого события будет более точная делимитация границы» — это предвидение русского дипломата вскоре оправдалось [1, 1894, д. 67, л. 18].

Активные военные действия французской армии в Запад-

ном Судане привели к резкому увеличению бюджетных расходов. Министерство морского флота и колоний, пытаясь скрыть финансы Судана от парламентского контроля, решило заморозить ассигнования на уровне 3,5 млн. фр. На деле же агрессивная позиция Аршинара привела к росту расходов до 6 млн. фр. ежегодно, а в 1893 г.— до 8 млн. фр. [216, с. 202]. Такая расточительность вызвала возмущение в метрополии не только среди тех кругов, которые выступали против колониальной экспансии. Недовольны были и представители торгово-промышленных групп, надеявшиеся на извлечение экономических выгод. Они требовали создания мирных условий для хозяйственного освоения новой колонии. Их сторону принял и Т. Делькассе, бывший статс-секретарь по делам колоний. Отставка воинственного губернатора Судана вызвала бурную кампанию в прессе. Газета «Фигаро» выступила с резкой статьей против Аршинара, где писала, что Судан стал личной собственностью амбициозных офицеров морской артиллерии [291, 11.08.1893]. Другая влиятельная газета, орган либеральных кругов «Тан», напротив, помещала материалы в защиту завоевателей новой колонии [306, 05.10.1894].

Эти дискуссии и споры достигли своего апогея в начале 1894 г., когда французские войска потерпели самое тяжелое поражение. В конце декабря 1893 г. отряд моряков на речных судах занял порт Кабара на Нигере, а затем после сильных боев с кочевыми туарегами и жителями города и близлежащий Томбукту. На помощь окруженному гарнизону, несмотря на запрет нового гражданского губернатора Судана, выступил подполковник Э. Бонье на 300 пирогах. На обратном пути этот отряд ночью 15 января 1894 г. был окружен возле Такубао или Дугое (недалеко от Гундама, на левом берегу Нигера). Погибло более 80 человек, но особенно сильное впечатление во Франции вызвало то, что среди убитых было 14 белых офицеров и сержантов [251, с. 137—140; 203—208]. Были резкие запросы премьер-министру в парламенте, а Делькассе выступил против своеволия офицеров и за прекращение широких завоевательных походов в Судане [306, 13.02.1894]. «Бонье совершил очень серьезное нарушение воинской дисциплины»,— писала газета «Тан» [306, 01.03.1894], хотя другая авторитетная газета, «Фигаро», считала, что занятие Томбукту было санкционировано сверху и погибший Бонье лишь выполнял свой воинский долг [291, 16.02.1894].

В беседе с русским дипломатом Делькассе сказал, что захват Томбукту был политической ошибкой.

Русский дипломат так передает слова Делькассе: «По его мнению, военная экспедиция с неизбежными реквизициями и

обращает в бегство туземцев и превращает в пустыни именно те местности, в которых желательно увеличение населения. Делькассе опасается, что занятие Томбукту задержит удачно начатое установление железнодорожного пути через Сахару, но вместе с тем надеется, что, удержав по необходимости этот пункт, можно будет убедить племя юллиминден в том, что нападение при Дугое было лишь случайным и что в их интересах не начинать неравной борьбы с французами» [2, л. 57].

В Судан срочно были посланы дополнительные войска, спешно формировался 4-й батальон сенегальских стрелков [306, 12.02.1894]. В начале февраля в Томбукту прибыл майор Жоффри с воинской колонной в 400 солдат. Началось систематическое истребление кочевых племен, уничтожение их скота. Лишь во время одной карательной экспедиции в районе между Дире и Гундамом у племени тенгереди было захвачено 8 тыс. овец, 400 быков, много верблюдов, лошадей, ослов. Всего на поле брани polegло 120 туарегов. «Это племя,— доносил Жоффри,— уничтожено или по крайней мере полностью дезорганизовано» [306, 16.04.1894]. Тем не менее бои в районе Томбукту продолжались еще более трех лет.

Поражение возле Такубао, а также предстоящая борьба с такими сильными противниками, как Самори и правитель Кенедугу (место умершего Тиебы занял его брат Бабемба), вынудили французское правительство принять меры по укреплению войск, действовавших в Африке. Они усиливались передачей восьми батальонов сухопутных войск; увеличились до 6 тыс. фр. расходы на их содержание [7, оп. 5, д. 2, л. 4—44]. Такая армия была способна довести до конца завоевание территории Западной Африки (Судана, Берега Слоновой Кости, Гвинеи) и вести наступление далее на восток, в район оз. Чад с выходом на Верхний Нил, где неизбежным было столкновение с Англией.

Среди более близких задач было покорение земель народа моси в верховьях Белой и Черной Вольты. В 1895 — начале 1898 г. были покорены области Ятенга и Липтако, заняты города Вахигуя, Бобо-Диуласо и Уагадугу. Французские владения, таким образом, окружили с трех сторон Кенедугу, где теперь правил более решительный Бабемба. Оставалось лишь ждать удобного предлога для нападения.

Такой случай представился в феврале 1898 г., когда король Кенедугу выслал из страны французского резидента. Французы стали готовиться к атаке на Сикасо, представлявший собой мощную крепость, которую не смогли в течение многомесячной осады взять софа Самори. В середине апреля войска французов общей численностью до 1600 солдат и

офицеров подошли к столице Кенедугу. Под начальством Бабембы находилось 12—14 тыс. воинов, но главная надежда была на крепкие высокие стены укреплений. Участник боев пишет, что Сикасо — самый крупный укрепленный город, который французам пришлось штурмовать во время колониальных войн в Тропической Африке [77, с. 86]. Город был окружен двойной стеной 6 м высотой и 5 м шириной у основания и длиной около 9 км [273, с. 138—139]. Внутри крепости находился замок (тата) самого короля с высокими каменными стенами.

1 мая 1898 г. после мощного орудийного обстрела начался штурм Сикасо. Через пролом в стенах сенегальские стрелки проникли в город, где началась рукопашная битва за каждую улицу и дом. Бои шли в течение всего дня. Лишь на следующий день был взят центральный редут. Бабемба героически погиб, взорвав себя [289, 1972, № 2, с. 33—39; 187, с. 178—180].

Происшедшие в Западном Судане колониальные присоединения французов и их выход к Томбукту и землям моси и гурма, с одной стороны, и продвижение англичан с юга в районах Золотого Берега и Нигерии — с другой, потребовали нового соглашения о разграничении сфер влияния. Установленная в 1890 г. линия Сай — Баруа оказалась слишком неопределенной. Уточнение границы было необходимо, так как назревали споры за обладание городами в среднем течении Нигера — Бусу, Никки, Буну. Овладение ими давало французам возможность полностью изолировать Самори и овладеть севером Берега Слоновой Кости. «Речь идет о жизненно важном для нас деле. До тех пор пока англичане будут иметь хоть одну точку соприкосновения с Самори, мы не будем спокойны», — писал влиятельный французский журнал [303, 1898, т. 9, с. 790].

В июле 1897 г. была подписана конвенция с Германией, по которой была проведена граница между французскими владениями на юго-востоке Судана и западе Дагомеи, с одной стороны, и немецкими владениями в Того — с другой [1, 1897, д. 86, л. 204—208; 61]. Оставалось уточнить границу с владениями Англии. На следующий год начались переговоры с англичанами.

Подписанная 14 июня 1898 г. в Париже новая англо-французская конвенция определила восточные и юго-восточные границы Французского Судана, включив в его состав земли народов моси, гурма и часть территории гурунси. Французы добились также соединения своих территорий в Судане с владениями на севере Дагомеи. Кроме того, за ними были признаны территории между большой излучиной Нигера и оз. Чад, причем линия 1890 г. во многих местах

была отодвинута на юг [63]. Англичане здесь отступили и взяли реванш на Ниле.

Между тем в Западной Африке произошло событие, поставившее точку в многолетней эпопее сопротивления африканских народов колониальным захватам. Разгром Кенедугу в мае и подписание соглашения с Англией в июне дали возможность французам сосредоточить все внимание на уничтожении своего последнего и самого опасного противника — Самори. Правда, надо учитывать, что второе государство Самори было несравнимо слабее первого. Сопротивление местного населения, непрерывные атаки как французов (с юга и запада), так и англичан (с востока) не дали ему возможность укрепить свою власть в Конго.

К лету 1898 г. французы сосредоточили в Судане до 4 тыс. солдат, вооруженных новыми скорострельными винтовками, хорошо обеспеченных боеприпасами и продовольствием. Армия имела артиллерию различных калибров, в том числе горные орудия. Мобильность французских войск обеспечивали тысячи чернокожих носильщиков. У Самори осталось около 4 тыс. софа, 8 тыс. необученного, плохо вооруженного ополчения, 2 тыс. конников. За ним шла огромная масса людей (взрослых, детей, рабов) — до 120 тыс. человек, что резко снижало боеспособность войск. Тысячи его солдат дезертировали и сдавались в плен французским войскам.

Понимая свою обреченность, Самори в августе попытался вступить с французами в переговоры на условиях прекращения борьбы и возвращения на родину, в Васулу [84, с. 184—189; 216, с. 252—253]. Эти переговоры не привели ни к чему. В Париже требовали беспощадной борьбы с Самори и его безусловной капитуляции. Самори ничего не оставалось, как продолжить сопротивление, отступая через тропические леса Берега Слоновой Кости на запад, надеясь скрыться на территории Либерии. Здесь, недалеко от границы, он был взят в плен вместе с многочисленной семьей и придворными. Две с половиной тысячи софа были разоружены и отправлены на принудительные работы по строительству железной дороги Каес — Бамако.

Окончательный раздел Западного Судана между колониальными державами произошел вскоре после разгрома Самори. По соглашению между Францией и Англией от 21 марта 1899 г., оформленному в виде декларации к конвенции от 14 июня 1898 г. [62], к Франции переходили крупные области Центрального Судана в районе оз. Чад, полупустынные, малонаселенные. Кроме того, французы получили право беспрепятственной торговли по Нилу. Оценивая итоги этих переговоров, русский посол в Париже с полным

основанием писал: «Великобритания получила все, что она желала, предоставив своему сопернику взамен пространства земли, ей не принадлежащие, и общие торговые права, в которых ей не было бы возможно отказать никакой дружественной нации» [1, 1899, д. 75, л. 63]. Несмотря на столь скудную компенсацию, Франция наконец только теперь, сокрушив Самори и урегулировав территориальные споры с Англией, могла считать себя полностью владычицей огромных пространств Западной Африки от оз. Чад до устья Сенегала, соединив в единую империю Алжир, Судан и Сенегал, к которым добавились на юге Дагомея, Берег Слоновой Кости и Гвинея.

Событиями 1898—1899 гг. завершается в основном растянувшийся на два десятилетия период покорения Западного Судана. Военные действия тем не менее продолжались в районах Томбукту и Гао против непокорных туарегов. Однако в целом на рубеже XIX—XX вв. в истории Мали наступает новая эпоха — эпоха колониального господства, медленных социально-экономических и политических перемен.

2. Система колониального управления

Реорганизация колонии, изменение ее границ. Французский Судан, как ни одна другая французская колония в Африке, многократно менял свое название, а его границы подвергались произвольным изменениям несколько раз. Все это делалось, само собой разумеется, по прихоти колониальных чиновников, без всякого учета исторических, экономических и этнических факторов. Все изменения диктовались исключительно интересами колониальной администрации, с тем чтобы успешнее эксплуатировать местное население, держать его в покорности, сократить расходы на управление.

Как указывалось выше, эта территория без четко обозначенных границ в 80-е годы юридически относилась к компетенции губернатора Сенегала и носила название Верхний Сенегал-Нигер (ВСН). В 1890 г. главнокомандующий войсками стал главой отдельной колонии Французский Судан с особым бюджетом. Хотя в политическом отношении он сохранил зависимость от Сенегала, Французский Судан решал основные вопросы самостоятельно. С 1892 г. это было юридически оформлено, столицей новой колонии оставался Каес, занимавший неудобное географическое положение на крайнем западе. Постепенно в центре страны рос Бамако, особенно быстро после 1904 г., когда к нему подошла железная дорога.

Говоря о запутанности границ между французскими ко-

лониями Западной Африки, газета «Тан» писала в 1894 г., что ни один губернатор не знает точно, где кончаются границы его владений. Где проходит граница между Суданом и Сенегалом, между Гвинеей и Суданом, между Суданом и БСК, никто не знает [306, 20.03.1894]. Такая ситуация долго не могла длиться; 16 июня 1895 г. по предложению министра колоний Э. Шотана был принят декрет о создании генерал-губернаторства Французской Западной Африки (ФЗА). Эта новация была встречена в штыки французской прессой, писавшей, что колонии обходятся «слишком дорого» и что их объединение в ФЗА приведет к административной неразберихе [11, л. 26].

При создании ФЗА были уточнены границы между входившими в нее колониями. От Судана к Сенегалу отошли округ Бакель и часть округа Каес (район Бамбука). После этого западная граница страны не подвергалась изменениям. Иначе обстояло дело на юге: здесь к Гвинее перешел лишь округ Фарана в верховьях Нигера.

К концу 1895 г. территория Судана представляла собой огромный треугольник с вершинами Каес — Томбукту — Бейла (на Гвинейском нагорье), общая площадь которого составляет 450 тыс. кв. км. Его граница с Либерией определена соглашением 1894 г. и с Сьерра-Леоне — в 1895 г. К началу 1899 г. Судан занимает территорию в два раза больше Франции. В административном отношении колония делилась на пять областей: Западную (центр в Бамако), Салель (Ниоро), Северную (Дори), Нигер-Вольта (Бобо-Диуласо) и Южную (Сигири). Две последние области впоследствии отойдут от Судана: Нигер-Вольта будет преобразована в отдельную колонию, а Южная через несколько месяцев отойдет к Гвинее. Кроме областей имелось четыре независимых округа: Каес, Медина, Бафулабе и Сатадугу. Всего же в составе Французского Судана в январе 1899 г. было 34 округа и 5 протекторатов во главе с местными вождями (Масина, Ятенга, Дори, Моси, Гурунси) [198, с. 326—329, 505—507].

Но уже 17 октября того же года после совещания губернаторов французских колоний в Западной Африке Французский Судан был ликвидирован и расчленен между своими соседями. Это мотивировалось большими военными расходами, несогласованностью действий гражданских и военных властей; говорилось о том, что Судан возник «как явно искусственная и временная территория». К Гвинее перешли шесть юго-западных округов: Дингирае, Сигири, Куруса, Канкан, Кисидугу и Бейла, расположенные в верховьях Нигера, в пределах Гвинейского нагорья. Эти районы останутся навсегда в составе Гвинеи. Три округа в верховьях Бандамы

и Комозэ (Одиенне, Конг и Буна) были переданы БСК и также остались в ее составе. К Дагомее перешли округ Сай и земли к югу от Липтако. Вся восточная и юго-восточная часть Судана вошла в состав двух военных территорий (Томбукту, Зиндер) под непосредственным контролем генерал-губернатора ФЗА [247, с. 121].

Основная часть прежнего Судана (округа Каес, Кита, Бамако, Сегу, Ниоро и др.) перешла к Сенегалу; новая обширная колония стала называться Верхний Сенегал—Средний Нигер. Внутренне она делилась на две неравноправные части: одна администрация управляла прибрежными сенегальскими городами с особыми привилегиями, другая — внутренними территориями. Чтобы преодолеть это противоречие, укрепить центральное руководство в экономической области, в 1902 г. из большей части Сенегала и прежнего Судана была сформирована колония Сенегамбия-Нигер со столицей в Каесе [247, с. 124].

Через два года по декрету 18 октября 1904 г. была восстановлена отдельная колония Верхний Сенегал-Нигер (ВСН), название которой сохранилось неизменным до 1920 г. Ее столицей был Каес, а с 1908 г. — Бамако [300, 1904, № 11]; южные (с БСК и Гвинеей) и западные (с Сенегалом) границы остались вплоть до независимости такими, какими они определены после реорганизаций 1895—1899 гг. Формирование государственных границ современной Мали продолжалось еще почти 50 лет, так как неоднократно они изменялись на востоке и юго-востоке; демаркация северной границы была проведена лишь в 1947 г. Но уже в 1911 г. военная территория Нигер выделилась из состава ВСН.

Управление колонией. Неоднократно менялись и общие принципы политико-административного управления колонией на берегах Сенегала и Нигера. Наблюдались колебания между прямым правлением, традиционным для французского колониализма, и косвенным, успешно практиковавшимся англичанами. В речи перед местными вождями после занятия Сегу в апреле 1890 г. Аршинар говорил: «Я собрал вас, чтобы объяснить французскую политику. Французы пришли в Сегу не для того, чтобы забрать себе страну и ею править, а чтобы вернуть ее бамбара... С сегодняшнего дня фамой будет Мари Диара, с тем чтобы он заботился о благополучии страны, обеспечил свободу торговли, не грабил жителей правого берега». Далее французский офицер заявил, что следить за соблюдением названных выше условий в городе останется французский резидент; он не будет вмешиваться в местные дела, но фама не может вести войны и вступать в переговоры с соседними странами без его разрешения. Кроме того, фама должен делить с французами доходы от

торговых пошлин, а также сборов с торговых караванов и пирог, перевозящих товары [238, т. 1, с. 517—520].

В период завоевания Среднего Нигера в 1890—1893 гг. французское командование было заинтересовано привлечь на свою сторону традиционную верхушку покоренных народов, прежде всего бамбара и тукулеров. Из их среды были назначены правители в условиях, когда французское командование не имело достаточных сил для эффективной оккупации территории. В 1891 г. в Сансандинге был образован особый район, куда были переселены тукулеры из разных мест Сегу и Каарты, во главе его был поставлен Мадемба Си, сам тукулер. В 1893 г. Масина была отдана другому тукулеру, Агибу, брату изгнанного султана. Эти правители не имели реальной власти, они были марионетками в руках французских резидентов. Между ними французы сеяли раздоры и соперничество. Со своими отрядами правители этих протекторатов (или, точнее, резидентур) привлекались к завоевательным походам и к подавлению восстаний [216, с. 196—201].

Нужно заметить, однако, что Аршинар и другие колониальные деятели не были принципиальными сторонниками косвенного правления. Они были, собственно говоря, прагматиками и выбирали наиболее выгодную на данный момент форму правления. Как только закончилась эпоха широких завоевательных походов, местные правители были лишены последних прерогатив. Бодиан Кулибали был отстранен от власти еще в 1893 г., Мадемба — в 1900 г., Агибу — в 1902 г. В 1904 г. был издан декрет об окончательной ликвидации любых форм протектората и о переходе всей полноты власти в руки французской администрации [272, с. 331].

В 1909 г. генерал-губернатор ФЗА В. Понти, управлявший в 1904—1908 гг. ВСН, произнес важную речь о «туземной политике», в которой говорил о необходимости ликвидации власти традиционных королей и вождей. Он предложил расчленить слишком крупные и оттого опасные административные единицы, создать мелкие, легче управляемые [286, 1909, № 10, с. 348—350]. К этому времени в колонии ВСН самые мелкие административные единицы — кантоны возглавляли назначенные колонизаторами чиновники из представителей местной традиционной верхушки. Именно назначаемые кантональные вожди-чиновники и стали главной социальной опорой колониального режима.

Место и роль созданного колониализмом нового социального строя определил с предельной откровенностью генерал-губернатор Ван Волленховен в циркуляре 1917 г. В нем сказано, что местные вожди — всего лишь чиновники. Суверенитет французской власти в колониях неделим, поэтому у

них нет иной власти, чем та, которая делегирована администрацией. Не может быть двух авторитетов: только французский комендант обладает полнотой власти, он отвечает за состояние дел на территории округа. Туземный вождь, говорится далее в циркуляре, всего лишь помощник, лишь инструмент. Вместе с тем признавалась необходимость совместной работы, которая являлась краеугольным камнем туземной политики. Нужны были посредники между африканцами и французами, и именно вожди могли выполнить эту роль, так как только они имели доверие населения [64, с. 210—212]. Итак, местные вожди были призваны быть инструментами в руках колониальной администрации и проводниками ее политики и идеологии.

В этом же направлении шла реорганизация правосудия. Для правильного отправления правосудия важно было хорошо знать местные обычаи, этнический и религиозный состав населения, экономическую географию и историю. В 1909 г. губернатор колонии ВСН Ф. Клозель (1908—1915) издал распоряжение, обязующее всех комендантов собрать всевозможную информацию о своем округе, дать статистику населения и скота, а также традиционные исторические повествования, генеалогии правящих родов, сведения о религии, языках, занятии населения. Эти материалы были обработаны и изданы М. Делафосом в трех томах [178]; материалы по географии и экономике опубликовал в двух томах Ж. Меньо [238]; оба издания вышли в свет в 1912 г. По каждому округу были составлены обширные сводные сборники (они называются «монографии»), которые хранятся в рукописном виде в Национальной библиотеке Мали. Эти монографии представляют собой исключительно ценный источник по истории страны, широко используются, правда часто некритически, при написании книг о Мали.

Окончательно деревенские вожди были лишены юридических полномочий в 1912 г.: была отменена их юрисдикция в гражданских и уголовных делах. Отныне все дела должны разбираться в судах кантона. Хотя судьями были чиновники-африканцы, но секретарем суда непременно становился француз. О низком качестве правосудия говорят жалобы на перегрузку судов делами, слабое знание судьями французского языка и юриспруденции [223, с. 50]. Как бы то ни было, в колонии ВСН была создана такая судебная система, которая защищала и укрепляла режим колониального угнетения.

Составной частью тактики создания политической и социальной опоры колониализму в африканском обществе стало все более широкое привлечение местных жителей в вооруженные силы. Здесь французам пригодился многолетний опыт управления Алжиром, где были созданы батальоны ту-

земных стрелков из добровольцев и эскадроны кавалерии — спаги. Кстати, один из эскадронов алжирских спаги участвовал в завоевании Судана [9, д. 293, л. 76—82].

В трех батальонах сенегальских стрелков служило около 2000 солдат и офицеров; в 1891 г. дополнительно создан батальон суданских стрелков. Подавляющее большинство солдат и сержантов ($\frac{2}{3}$ общего состава) были бамбара. Уже в первом батальоне сенегальских стрелков, в 1880 г., было несколько младших офицеров из местных уроженцев: Мамаду Расин, дослужившийся впоследствии до чина капитана, Алакамеса, Йоро Кумба, Демба Малал, Демба Пенда и загадочный Федерб, видимо крестник знаменитого губернатора [47, с. 632].

Продолжительная служба во французской армии стала школой приобщения к языку, культуре, моральным ценностям колонизаторов. В докладе комиссии по военным делам палаты депутатов говорилось (в изложении русского военного агента): «Туземцы во время службы знакомятся с нравами, обычаями, языками европейцев, и, если их пребывание в армии длится достаточно долго, они затем ассимилируются победившей нацией и вне армии оказывают на окружение в своей колонии ценное влияние умиротворения и единения... Это вклад в дело цивилизации» [7, оп. 4, д. 11, л. 232]. За несколько десятилетий через эту «школу ассимиляции» прошли тысячи суданцев. Уйдя из французской армии по тем или иным причинам, они составили вместе с кантональными вождями и торговцами основную социальную базу поддержки колониализма. Торговцы вошли в эту категорию потому, что прекращение междоусобных войн, объединение страны в единую политико-административную систему, введение однопобразных ставок налогов и таможенных ставок привели к стабилизации торговли, сделали ее весьма прибыльным делом. Благодаря французской администрации было покончено с нападениями на торговые караваны, грабежом товаров и захватом людей в рабство, с непомерными поборами многочисленных вождей и правителей. Правда, у местных купцов со временем появились опасные конкуренты — французские торговые фирмы, но понимание этой опасности пришло позже.

3. Экономические и социальные перемены

Казарменный колониализм. Американский ученый Р. Робертс с полным основанием назвал установившуюся с начала завоевания Судана экономическую модель казарменным колониализмом. Сущность его состояла в том, что все

социально-экономические вопросы решались вооруженным путем, реквизицией материальных ресурсов и рабочей силы. Начиная с 1879—1880 гг. и до завершения военных действий колониальные власти изымали национальные богатства из экономики Судана. У местного населения систематически отбирались продовольствие, прежде всего зерно, и скот для обеспечения экспедиционных колонн. Тысячи африканцев были насильственно мобилизованы на строительство железной дороги, использовались в качестве носильщиков. Неоднократно вводились запреты на торговлю с тем или иным районом, где находились враждебные французам местные правители. Так, после занятия Бамако в 1885—1886 гг. была запрещена торговля с правым берегом Нигера, который находился под властью Самори [258, с. 148].

Кроме прямых реквизиций существовал еще легальный способ ограбления местного населения — торговые пошлины, подушный налог. Традиционно существовавшая в суданской зоне ввозная пошлина «усуру» (десятая часть стоимости товара) в годы активных военных действий доходила до половины, ибо купцам приходилось платить по нескольку раз при въезде и выезде. Разорительные поборы вызывали возмущение торгового сословия, что тревожило представителей администрации. Так, один из них в 1891 г. считал чрезмерные налоги на торговлю опасными и предлагал снизить усуру до $\frac{1}{20}$ стоимости товара [258, с. 159].

После перехода тех или иных земель под власть французов на местное население налагался подушный налог. Его размер в середине 90-х годов составлял до 3 фр. с человека, оплачивался он чаще в натуре — золотом, слоновой костью, каури (раковины, выполнявшие в Африке функции денег), а также ценными продуктами растительного мира — каучуком и гуммиарабиком. Один из свидетелей вспоминает, как молодым офицером он прибыл в 1894 г. в Судани и был назначен собирать налоги в округе Кита. Из-за неразвитости товарно-денежных отношений население не могло уплатить налог наличными. Большинство сел платили налог каури из расчета 24 раковины за 1 су ($\frac{1}{100}$ франка) [84, с. 67]. Позже было разрешено уплачивать налог и зерном (просо и сорго). Особый интерес для французов представлял каучук, добываемый из дикорастущих лиан на юге, в лесах Гвинейского нагорья. В 1898 г. впервые в виде налога было собрано 80 т хлопка [198, с. 494—496].

Сбор подушного налога был регламентирован позже. С 1 января 1904 г. он стал обязательным для всех жителей колонии Сенегамбия-Нигер. Величина его варьировалась по округам, выплачивался он наличными, а в исключительных случаях — натурой [286, 1903, № 9, с. 50].

Общая сумма поступавших налогов быстро росла и в 1896 г. достигла 2 млн. фр.; она состояла из подушной подати, 10% которой оставались в распоряжении деревенских вождей и сборщиков налогов, торговой пошлины и налога на караваны. Последний налог уплачивался за проход продаваемого скота через французскую территорию в размере $\frac{1}{40}$ его стоимости и десятой части других товаров [247, с. 118]. Налоговые поступления в бюджет колонии постоянно росли: 1901 г.— 3,4 млн. фр., 1902 г.— 4,2 млн., 1905 г.— 5,7 млн., 1909 г.— 8,2 млн., 1910 г.— 8,3 млн. фр. [238, т. 2, с. 275].

Следует, однако, учитывать, что при поступлении в бюджет в виде налогов 2 млн. фр. в 1896 г. расходы были намного выше. В 1894 г. они достигли максимума — 11 млн. В последующие три года расходы на армию и администрацию составляли в среднем по 7,5 млн. фр. [247, с. 118]. Понятно поэтому недовольство политикой казарменного колониализма, требования экономического освоения колонии, ее перехода к самофинансированию.

Недовольство в метрополии вызывала и практика беззастенчивого грабежа природных богатств, захвата земельных угодий без всякой оплаты. С этим произволом было покончено в 1893 г., когда была введена плата за земельные участки, а прежние стали считаться временными и отбирались [202, с. 92]. Что касается концессий на разведку и добычу природных ископаемых, то их раздача была регламентирована по декрету от 14 апреля 1896 г. Было разрешено брать участки размером до 25 тыс. га на срок до 25 лет с оплатой, в зависимости от наличия минералов, от 20 сантимов до 1 фр. за гектар. Эти концессии в основном создавались в золотодобывающих районах Бамбук, Буре и Лоби. Однако поскольку они давали право извлекать золото только шахтным способом, а добыча с поверхности оставалась занятием африканцев, то концессии здесь не получили распространения [202, с. 150]. Вообще концессионная система во Французском Судане не привилась. Добыча золота и соли (в Сахаре), сбор дикорастущих каучука и гуммиарабика (камеди) в засушливых районах, т. е. самые ценные для метрополии промыслы Судана, были по-прежнему в руках местных жителей. Вкладывать свои капиталы в развитие горнодобывающей промышленности и сельского хозяйства французские капиталисты не собирались. Об этом красноречиво свидетельствует распределение французских капиталовложений по регионам. К 1902 г. из общей суммы в 30 млрд. фр. в Африке было вложено лишь 3,7 млрд.: в основном это такие колонии, как Египет, Тунис, Конго, Абиссиния. В экономику Судана не было вложено ни одного франка [8, л. 68—69].

Грабительская система казарменного колониализма должна была исчерпать себя с завершением завоевательных походов. Это хорошо понимали наиболее дальновидные политики. Конфликт между официальной доктриной свободы торговли и практикой казарменного колониализма закончился к концу 90-х годов переходом к экономическим методам эксплуатации Судана, хотя прямое насилие над местным населением продолжалось и в последующие десятилетия.

Экономическое развитие. Судить о развитии народного хозяйства Судана можно лишь по косвенным данным, отраженным в статистике внешней торговли с конца 90-х годов. Известно, однако, что еще в 70—80-е годы Бамако считался центром обширной зоны выращивания зерновых [258, с. 142], в Каесе торговали гуммиарабиком, золотом, хлопком. Судан был важной животноводческой зоной, крупный рогатый скот в большом количестве ежегодно перегоняли на рынки английской колонии Золотой Берег. Наконец, через Томбукту шла соль на рынки всех стран Западной Африки.

Колониальная экономика подняла спрос на экспортные товары, нужные промышленности метрополии: хлопок, каучук, гуммиарабик*. Хлопок в большом количестве потреблялся на месте, тем не менее уже в 1898 г. в Каесе было собрано 200 т для отправки в Гавр [202, с. 187]. Впрочем, его качество оказалось невысоким, поэтому продажа впоследствии колебалась от 21 до 58 т в год [48, с. 406]. Между тем текстильная промышленность Франции остро нуждалась в длинноволокнистом хлопке, местные же сорта на богаре не годились для фабричного производства. Начались опыты по выведению новых сортов и орошению плантаций. Колониальная администрация в принудительном порядке внедряла хлопок, но всячески препятствовала его переработке на месте. В 1904—1905 гг. среди крестьян было распространено 20 т семян для экспериментальных посевов [258, с. 168—169]. П. Леруа-Болье в вышедшей в 1904 г. книге предложил фантастический проект превращения внутренней дельты Нигера в «хлопковую империю», которая должна дать Франции по меньшей мере 400—500 тыс. т хлопка в год [227, с. 367]. Была создана Колониальная хлопковая ассоциация, которая выделила 10 тыс. ф. для экспериментов в районе Дженне [286, 1903, № 2, с. 50; 300, 1903, № 3].

Ценным сырьевым товаром, вывозимым из Судана, был каучук. Его производили из сока дикорастущих лиан в ок-

---

* Гуммиарабик, или камедь,— вязкая прозрачная жидкость, собираемая с некоторых видов акаций жителями полупустынных районов Западного Судана. Употреблялась в пищу. В Европе в конце XIX — начале XX в. получила широкое применение в кондитерской, фармацевтической, химической промышленности, а также в парфюмерии.

ругах Сикасо, Бугуни, Сан, Кутиала. Его экспорт постоянно возрастал: 1896 г.— 110 т, 1900 г.— 120, 1909 г.— 950 т. Пик был достигнут в 1909—1911 гг.— более 1 тыс. т, после чего началось быстрое падение: в 1913 г. вывезено только 130 т [136, с. 142; 48, с. 316; 51, с. 920]. В 1909 г. вывоз каучука дал около 10 млн. ф., или 60% всех экспортных поступлений колонии [128, т. 1, с. 280]. Однако накануне войны цены на мировом рынке резко упали из-за конкуренции более качественного продукта, производимого на плантациях Юго-Восточной Азии [304, 1914, № 240, с. 567]. Кризис больно ударил по собиравшим каучук африканцам, заставил их переходить к выращиванию таких экспортных культур, как хлопок и арахис.

Под давлением колониальной администрации началось возделывание арахиса на экспорт, в основном в западной части страны (район Верхнего Сенегала) и вдоль железной дороги на Бамако. Накануне мировой войны через таможенную Каес было вывезено 7 тыс. т арахиса на сумму более 1 млн. фр. [48, с. 403]. Гораздо более широко его стали выращивать в годы войны.

В засушливой судано-сахельской природной зоне главным занятием населения было животноводство. По приблизительной оценке, в 1911 г. в стране насчитывалось 8 млн. голов крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов и лошадей. Живой скот экспортировался по преимуществу на юг. В этом году, например, было вывезено 60—70 тыс. быков, 100—120 тыс. баранов общей стоимостью более 4 млн. ф. [48, с. 407].

Сильно возросли добыча и продажа золота. В 1895 г. его было вывезено через таможенную лишь 1 кг, в 1847 г.— уже 47 кг, а в 1898 г.— 96 кг ценой 300 тыс. фр., но много уходило за границу контрабандой. К началу мировой войны, по официальным данным, в колонии ВСН добывалось 300 кг золота [202, с. 396; 48, с. 408]. Кроме местных старателей к добыче драгоценного металла приступили французские фирмы. «Компани миньер дю Судан Франсэ» получила концессию на разведку и добычу золота площадью 120 тыс. га; «Сосьете Фалеме» начала промывку золотоносного песка на р. Фалеме с помощью драги; ее концессия протянулась вдоль реки на 70 км [238, т. 2, с. 184].

Внешняя торговля была нестабильной, она резко сократилась в годы первой мировой войны. Официальная статистика только с 1911 г. стала приводить данные отдельно по ВСН, до этого ее внешняя торговля учитывалась совместно с Сенегалом. Динамика экспорта и импорта ВСН видна из табл. 1.

Как следует из приведенных цифр, импорт значительно

**Внешняя торговля ВСН в 1911—1919 гг.*,
млн. фр.**

Год	1911	1912	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919
Импорт	17,5	9,8	10,8	6,6	4,7	4,8	5,5	12,3	9
Экспорт	4	3,5	3,7	3	1,7	1,6	2,6	6,6	4

* [53, с. 174—175].

превышал экспорт. Следует, однако, учитывать, что стоимость экспорта учтена далеко не полностью: с одной стороны, значительные суммы вошли в таможенную статистику Сенегала и Гвинеи, через порты которых вывозилась основная часть товаров ВСН, а с другой — большой размах приняла контрабанда.

В колонию Верхний Сенегал-Нигер ввозились прежде всего ткани фабричного производства (до $\frac{2}{3}$ общей стоимости), различные бакалейные товары, алкогольные напитки, а также соль [48, с. 404; 198, с. 504]. Торговля солью, как и прежде, шла через Томбукту. На его рынках редко можно было встретить французских коммерсантов, здесь господствовали купцы из Марокко. Соль, традиционный для Сахары товар, обменивалась на продукты долины Нигера — зерно, ткани, орехи кола, а также чай и сахар [301, 1897, № 3, с. 183—184].

Развитию экономики колонии Верхний Сенегал-Нигер способствовало завершение строительства железной дороги Каес — Бамако. 19 мая 1904 г. в торжественной обстановке жители Бамако встретили первый поезд, открывший регулярное сообщение на расстоянии почти 500 км. Две великие африканские реки были соединены важной транспортной магистралью [286, 1904, № 6, с. 206]. Ее строительство потребовало почти 25 лет упорного труда и сотен жизней рабочих-африканцев. Общие расходы на строительство железной дороги обошлись казне в 50 млн. фр. На следующий год вступила в действие ветка в 58 км до г. Куликоро, расположенном на Нигере ниже порогов Сотюба. В 1905 г. на железной дороге Каес — Нигер трудились 560 постоянных и сезонных рабочих [217, с. 69].

Вскоре началось строительство железной дороги от Каеса на запад, к Дакару, главному порту Западной Африки. За 1908—1912 гг. было построено 40 км пути до Амбидеди на берегу Сенегала, затем дорога повернула на запад до сенегальской границы и к 1923 г. подошла к г. Тиесу. Осталась нереализованной, однако, мечта французских колонниалистов.

соединить Сенегал с Алжиром Транссахарской железной дорогой.

Железная дорога Каес — Бамако — Куликоро дала толчок к развитию товарно-денежных отношений, способствовала проникновению французского торгового капитала. Торговый центр страны переместился из Каеса в 80—90-е годы в Киту, а после завершения дорожного строительства — в Бамако. Этому перемещению центра экономической жизни на восток способствовало и перенесение столицы колонии в Бамако в 1908 г. Росло число торговых предприятий, принадлежащих французским фирмам. В 1898 г. здесь была постоянно представлена одна фирма и еще несколько посылали время от времени своих агентов [258, с. 162]. Но уже к 1904 г. число коммерческих предприятий в Бамако возросло до 20. Они покупали каучук, золото, арахис, слоновую кость, продавали ткани, бакалею и соль. Единственное промышленное предприятие — кирпичный завод — было открыто в 1912 г. [237, с. 8].

Наибольший оборот в торговле с новой колонией имели французские фирмы «Морель и Пром», «Пейрисак», «Ришо и Шваб». Первые две укрепились в столице Сенегала Сен-Луи, затем довольно робко распространили свою деятельность на Каес, где занимались экспортом гуммиарабика и хлопка, а позже — и арахиса [65, с. 274; 217, с. 95—97]. Особенно большие доходы давала торговля арахисом в Каесе и гуммиарабиком в Ниоро, так как транспортные расходы были невелики: купленные у африканцев за бесценок товары вывозились по р. Сенегал в Сен-Луи. Обосновавшись в Ниоро, фирма «Ришо и Шваб» скупала гуммиарабик, слоновую кость, перья страуса, продавая местному населению ткани низкого качества французского производства. Ее доходы составляли 110%, но «нормальным» на рынках Киты и Бамако считался доход в 300% [258, с. 162—165]. О размахе оборота от торговли колониальных коммерсантов дают представление следующие цифры: в 1903 г. в Ките была 21 принадлежащая европейцам фирма; они вывезли в метрополию 300 т арахиса, 315 т каучука и 4 т слоновой кости [155, с. 38].

К 1914 г. на территории Судана действовало 99 французских торговых фирм и их филиалов; они распределялись по крупным городам следующим образом: Каес — 12, Бамако — 17, Сикасо — 9, Бобо-Диуласо — 8, Бугуни — 5 и т. д. [238, т. 2, с. 243—246]. Они покупали экспортные культуры, принудительно выращиваемые африканцами, по сильно заниженным ценам. Так, хлопковая ассоциация Судана платила по 15 сантимов за килограмм, хотя рыночная цена была 30—40 сантимов. Еще меньше (20—30 сантимов) платили

за дикорастущий капок, который надо было сдавать в кантональных центрах за два-три дня пути от места сбора. По таким же заниженным ценам принималась сельскохозяйственная продукция, выращенная принудительным трудом африканцев на так называемых полях коменданта в тысячи гектаров [169, т. 1, с. 184]. Нельзя не согласиться с известным французским ученым-африканистом К. Кокри-Видрович, когда она пишет, характеризуя экономику африканских колоний Франции на Сенегале и Нигере: «До 1914 г. это была экономика примитивного товарообмена, близкого к прямому грабежу, когда предлагались промышленные изделия низкого качества (ткани, галантерея, алкогольные напитки) по сверхценам в обмен на плоды дикорастущих растений» [171, с. 597]. В самом деле, экономическое развитие колонии в 1899—1914 гг. представляет собой довольно противоречивую картину. Нельзя отрицать, с одной стороны, что стабилизация политической обстановки, прекращение военных действий благотворно влияли на хозяйственную деятельность населения. Были уничтожены внутренние таможи, упорядочены торговые сборы, построена железная дорога, что способствовало развитию внутренней и внешней торговли. Товарно-денежные отношения проникали в города и села; начал формироваться экспортный сектор априкультуры. С другой стороны, все эти изменения шли, как правило, за счет труда и средств африканцев. Прямой грабёж казарменного колониализма сменился экономической эксплуатацией за счет неэквивалентного обмена. Прежние порядки, однако, не исчезли: сохранились такие его элементы, как принудительный труд, выращивание обязательных экспортных культур, большие налоги, полное бесправие населения.

Социальные перемены. Превращение Западного Судана во французскую колонию повлекло за собой серьезные изменения в социальной структуре африканского общества, что явилось результатом прекращения работорговли и ликвидации института рабства. Р. Робертс считает освобождение рабов «фундаментальным изменением в социальной и экономической организации народов долины Среднего Нигера». Для доколониальной экономики, считает он, характерны монополия отдельных этносов на тот или иной вид деятельности, природные ресурсы и несвободный труд. Ликвидация рабства, по мнению ученого, явилась двойной революцией: победил свободный труд и пришел конец этническим ограничениям на природные ресурсы. Это, в свою очередь, положило начало капиталистическим производственным отношениям, переходу к свободному рынку [258, с. 174—175, 193, 207]. Эти выводы нельзя не считать обоснованными, поскольку рабство продолжало занимать в экономической и соци-

альной жизни Судана даже в конце XIX в. исключительно важное место.

За два десятилетия военных действий на территории Верхнего Сенегала и Среднего Нигера не только не было покончено с рабством, как того требовала официальная французская доктрина, оформленная законом 1848 г.; напротив, количество рабов резко возросло. Широкое распространение получили практика превращения пленных в рабов и торговля людьми. Ежегодно на рынках только Бакеля и Карарты продавалось до 60 тыс. рабов [256, т. 2, с. 18]. Рабы представляли наиболее ценную добычу вспомогательных частей и нередко — сенегальских стрелков, не гнушались и французские офицеры захватывать трофеи в виде пленников [255, с. 46—47].

Французское завоевание вызвало новые потребности в подневольной рабочей силе. Рабы прежде всего пополняли воинские части сенегальских и суданских стрелков на $\frac{3}{4}$ их состава. Численность же этих войск быстро росла: уже к 1895 г. она достигла 6 тыс. и удвоилась к 1911 г., а в 1914 г. достигла 18 тыс. [190, с. 311]. Многие тысячи рабов трудились на строительстве железной дороги, сопровождали в качестве носильщиков экспедиционные колонны. Кроме того, огромная масса несвободных принадлежала африканцам и была занята в сельском хозяйстве, на добыче соли и многих других работах. Общее число рабов к концу XIX в. достигло, по одним подсчетам, 900 тыс., т. е. по два раба на одного свободного [183, с. 37]. По другим подсчетам, на территории Верхнего Сенегала и долины Нигера их насчитывалось 600 тыс. при населении 4 млн. человек [159, с. 528]. Хотя цифры значительно расходятся, остается несомненным массовый характер рабства и его несовместимость с новыми порядками, порожденными вхождением африканского общества в колониальное состояние. Определенную роль играли и гуманистические традиции Франции, международное аболиционистское движение.

Начиная с 1887 г. рабов, захваченных у африканских правителей, французы стали собирать в особые поселения, которые получили название «деревни свободы». Они располагались по осевой линии проникновения в Судан: Каес — Бамако, которая обезлюдела во время боевых действий. Переноска грузов людьми до ввода в действие железной дороги была единственным способом обеспечить действующую армию продовольствием и боеприпасами. Именно этим занимались жители «деревень свободы». На 1 октября 1895 г. насчитывалось 44 поселения с 8 тыс. жителей, а к 1906 г. их число возросло до 75 и население до 12 тыс. [157, с. 113].

Эти деревни, по удачному выражению Д. Буш, были ка-

торгами и богадельнями одновременно, покинуть их по своей воле жители не могли. Впрочем, часто и свободные крестьяне не могли менять место жительства. Так, жители одной деревни, расположенной на важной для снабжения военного поста в Ниоро, покинули ее, несмотря на запрет коменданта. Они были возвращены силой, а организаторы ухода наказаны тюрьмой и денежным штрафом [157, с. 116—117]. Главное занятие жителей «деревень свободы» состояло в обслуживании военного поста, прежде всего в транспортировке разнообразных грузов. Начальство, правда, рекомендовало оставлять им один-два дня в неделю для обработки собственного поля. Однако для них не хватало земли, а главное, не оставалось времени для работы на своем участке [157, с. 146—151].

После вступления в действие железной дороги Каес — Бамако и далее до Куликоро необходимость в носильщиках упала, а вскоре исчезла совсем. Поэтому в 1908—1911 гг. «деревни свободы» прекратили свое существование. Их жители получили возможность уехать на родину или в такие места, где не знали об их рабском прошлом. С мест снимались целые села и уходили на новые земли.

Миграция бывших жителей «деревень свободы» совпала с полным освобождением невольников, принадлежащих африканским рабовладельцам. К 1911 г. в ФЗА, главным образом в Судане, «великое переселение» охватило до 500 тыс. человек [157, с. 161; 258, с. 197]. Путь к нему был долгим и трудным. Отношение колониальных чиновников к рабству было непоследовательным, многие считали, что освобождение рабов приведет к полному разорению колонии и упадку торговли. Среди них в ходу были такие утверждения: «Прцветание Судана прямо зависит от числа рабов», «Рабы составляют основу торговли» и т. д.

Ликвидация рабства в Судане началась лишь тогда, когда на борьбу за свое освобождение поднялись сами рабы. Первое восстание рабов произошло в Банамбе в 1895 г., а в 1901 г. из Ниамины бежала группа вооруженных рабов, давшая настоящий бой преследовавшим их рабовладельцам [258, с. 189—190]. Особенно широкий размах бегство рабов приняло в деревнях сонинке (марка): в районе Гумбу от хозяев ушло более половины рабов [236, с. 97]. Начались вооруженные столкновения и в других местах (Беледугу, округа Бугуни, Сикасо, Кутиала). Движение за освобождение охватило всю колонию.

В таких условиях генерал-губернатор ФЗА издал 12 декабря 1905 г. декрет о безусловном освобождении всех рабов и запрещении торговли людьми. Начался массовый исход населения. Уже к маю следующего года из районов прожи-

вания сонинке (Банамба, Ниамина) покинуло своих хозяев 20 тыс. человек [258, с. 192]. Движение освобождения рабов «снизу» вскоре охватило всю территорию колонии, оно продолжалось до 1911 г. Большая часть освободившихся рабов вернулась в родные места. Так, много людей вернулось в округ Бугуни, их деревни были разрушены Самори, и они бежали на север, на левый берег Нигера. Из освободившихся в округе Сегу осталось лишь 20%, остальные вернулись в родные места [258, с. 197—198].

В Масине рабы-римайбе перешли на положение арендаторов-издольщиков. Прежде они должны были отдавать своим хозяевам-фульбе шестую часть урожая и сверх того 5 ц зерна с каждого мужчины и 2,5 ц с женщины. Теперь была введена единообразная ставка в треть урожая. Положение римайбе, таким образом, несколько улучшилось, ослабла их зависимость от владельцев земли [136, с. 269]. У кочевников Сахары особых изменений в положении рабов не произошло.

Самоосвобождение рабов ВНС в 1906—1911 гг. имело большие экономические и социальные последствия. Прежде всего не оправдались опасения колониальных чиновников о грозящей экономической катастрофе в случае ухода рабов. Напротив, в ближайшие несколько лет экономика переживает подъем. Бывшие рабы быстрее адаптировались к новым экономическим условиям, они охотнее переходят на выращивание экспортных культур (хлопок, арахис). Тысячи из них селились вдоль железной дороги Бамако—Каес и далее на запад, до сенегальской границы, где выращивали арахис. В районе же Сегу они занялись хлопководством. Благодаря их труду закупки хлопка в этом районе быстро возрастают: в 1907—1908 гг. было закуплено всего 25 т, в 1912/1913 г.— 400 т [236, с. 99; 257, с. 298].

В эти же годы на территории ВСН появляются зачатки наемного труда, получают дальнейшее развитие товарно-денежные отношения. Источники отмечают новый феномен: на обработку земли при выращивании арахиса и хлопка богатые крестьяне нанимали до 70—80 человек с оплатой 30—50 сантимов в день и питанием. В годовом отчете губернатора колонии за 1910 г. говорится о преимуществах новых экономических отношений: «Экономический результат этих социальных перемен (ликвидации рабства) явно вдохновляющий. Везде свободный работник доказывает свое превосходство и предприимчивость перед невольником» [257, с. 299—301].

Освобождение рабов стимулировало и такое новое явление, как отходничество. В 1910 г. только из округа Бамако более 2 тыс. молодых людей, преимущественно из семей

бывших рабов, ушли на рудники Сигири (в Гвинее) и на строительство железной дороги в БСК [258, с. 200]. В западных районах колонии работники-отходники выращивали арахис в Сенегале и Гамбии. Они получили название «наветаны» (от волофского слова «навете» — сезон дождей). В канун первой мировой войны в Сенегал уходило примерно 10 тыс. человек, в английские колонии Гамбию и Золотой Берег — до 40—50 тыс. Наветаны в последней колонии, как правило, не производили арахис, а работали на рудниках, промышленных предприятиях, плантациях [136, с. 296, 353]. Наветанство получило широкое развитие в период мировой войны и в 20—30-е годы. Причем главным поставщиком рабочей силы всегда оставался ВСН (с 1920 г. вновь обретший название Французский Судан).

Таковы были основные социальные перемены, произошедшие как в период завоевания Судана, так и в первые 15 лет его существования в качестве французской колонии. Эти перемены свидетельствуют о медленной и болезненной трансформации традиционного сословного общества, полурабовладельческого и полуфеодального, в классовое общество колониального типа.

4. Повстанческие движения 1899—1914 гг.

В первые годы после покорения Судана наибольшее беспокойство колониальным властям доставляли кочевые народы в районе Томбукту. Хотя сам город подпал под власть французов в декабре 1893 — январе 1894 г., но население обширных территорий на севере, востоке и юге, вдоль берегов Нигера, еще целых десять лет продолжало сопротивление. Здесь проживали арабо-берберы кунта, различные племенные объединения туарегов: юллиминден, тенгерегиф, кель-антасар и др. Только к 1896 г. признал французскую власть аменокаль (верховный вождь) племени тенгерегиф Шейбун, управлявший землями к западу от Томбукту. На следующий год началась оккупация земель к востоку от города, которыми владели туареги-юллиминден. Их аменокаль Мадиду поначалу склонялся к признанию французов. Однако вскоре начались военные столкновения. Французам удалось завладеть городами Бурем, Гао и Ансонго (конец 1898 — начало 1899 г.), но пустынные пространства оставались в руках кочевников.

Французы вынуждены были сменить тактику, в условиях войны в пустыне отряды сенегальских стрелков не могли соревноваться в мобильности с коренными жителями. Поэтому в Томбукту и других военных пунктах стали формироваться

части мехаристов (мехари — одногорбый верблюд). Верблюжья кавалерия оказалась вполне способной наносить серьезные потери свободолюбивым туарегам. Стала шире практиковаться политика «разделяй и властвуй». Французам удалось привлечь на свою сторону Хамоади, вождя Кунта, который стал помогать в войне с туарегами [271, с. 210—211].

Главным противником французов на протяжении многих лет стал Фирхун, ставший аменокалем юллиминден после внезапной смерти его предшественника Мадиду. Он продолжал сражаться до января 1903 г., когда в Гао дал клятву верности французам. Тем не менее волнения среди юллиминден вспыхнули еще в 1910 г., затем в 1912 г. [272, с. 322—324].

Не прекращались повстанческие движения в другом районе Судана, нагорье Бандиагара. За период 1896—1908 гг. против них было направлено 13 карательных экспедиций [139, с. 71]. Несмотря на то что в 1908 г. верховный вождь и жрец из Песемы был арестован и выслан в Ниоро, волнения догонов продолжались. Комендант округа Бандиагара Г Бонасье доносил губернатору, что восстание охватило четыре кантона в северной и северо-восточной части страны догонов. В течение четырех лет деревни Хоги и Гитран отказывались подчиниться администрации, не платили налогов, не выделяли носильщиков [10]. В 1909 г. в ущелье Пелинга была атакована французская миссия, проводившая топографические съемки. Тогда была составлена карательная экспедиция во главе с майором Казо [178, с. 425—426], который получил приказ «обеспечить полное и окончательное подчинение района Карза (всего девять деревень), где население с 1903 г. сопротивляется нашим предложениям мира и согласия». Восставшим был предъявлен ультиматум; текст одного сохранился в архиве: «Деревни Антага-Де и Антага-Леи должны сдать все холодное и огнестрельное оружие (не менее 150 стволов); уплатить штраф в тысячу франков; уплатить подушный налог за прошлые годы; выдать сорок заложников, которые будут содержаться в Бандиагаре». На этих же условиях должны сдать остальные семь сел [10].

В начале декабря 1909 г. колонна майора Казо в 300 солдат вышла из Бандиагары. В первой телеграмме губернатору французский офицер сообщает: «12 декабря занята деревня Сантаба. Население скрылось в горах. Сильно укрепленная деревня Пелинга подвергнута артиллерийскому обстрелу. Произошел рукопашный бой, 10 убитых, 10 раненых». На следующий день сообщалось: «Пелинга взята, убито 15, пленных 16. Село будет разрушено, население переселено» [10]. По позднейшим данным, восставшие потеряли только убитыми 85 человек. После покорения районов Карза и Бар-

ке каратели начали операцию в массиве Кибара. Особенно сильный бой произошел у села Киншан, где было убито два сенегальских стрелка и шесть ранено; потери со стороны догонов были неизмеримо выше [187, с. 204—205]. Замирение края закончилось несколько месяцев спустя, в Санге был оставлен постоянный военный гарнизон.

Повстанческие движения туарегов и догонов являлись, в сущности, примитивной, незрелой формой антиколониализма. Они стали возможными в особых природно-географических условиях (пустыня, горные утесы). Основная же масса населения колонии, уставшая от двух десятилетий войны, примирилась, казалось, с новыми порядками, жаждала мира и порядка. Эти иллюзии были развеяны с началом мировой войны в далекой Европе. Метрополия потребовала от колониальных народов огромных жертв. Экономическая и политическая обстановка в ВСН резко изменилась.

5. Верхний Сенегал-Нигер в годы первой мировой войны

Мобилизация. Метрополия для своей защиты прежде всего нуждалась в воинской силе, в людях. Началась срочная мобилизация молодежи, а имевшиеся батальоны сенегальских стрелков были переброшены во Францию. Уже в первых боях с прорвавшими фронт немцами в Бельгии осенью 1914 г. погибли почти поголовно десять батальонов сенегальских стрелков [185, с. 99].

Что касается колонии ВСН, то ход и динамика мобилизации показаны в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Мобилизация в ВСН в 1914—1918 гг.*

	1914—1915 гг.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	Всего
Вся колония	13 844	20 672	4 438	32 948	71 903
Только Судан	10 072	14 853	2 273	14 233	41 431
Только Верхняя Вольта	3 772	5 819	2 165	18 716	30 472

* [240, с. 48].

Из таблицы явствует, что за время войны на территории всей колонии было мобилизовано 72 тыс. человек. Если исключить округа, которые вскоре после войны были выделены в особую колонию Верхнюю Вольту, видно, что мобилизовано было более 41 тыс. человек малийцев. По националь-

ному составу это были преимущественно бамбара, а также догоны и сенуфо (из округа Сикасо).

Кампания по набору в армию шла с большим трудом. Добровольцев было совсем мало, много молодых людей дезертировало. Так, по плану набора на 1915—1916 гг. ВСН при плане 23 тыс. рекрутов смог набрать лишь 14 тыс. (для сравнения: Сенегал — 6,5 тыс., Гвинея — менее 6 тыс.). В сообщении министру колоний признавалось, что только 7—8% из этого числа записались в армию добровольно [212, с. 497]. На завершающем этапе войны, с января 1918 г., набор возглавил авторитетный политический деятель ФЗА Блез Диань. Он с удовлетворением отмечал, что на его призыв спасти Францию первыми откликнулись жители ВСН: за два месяца записалась 21 тыс. [212, с. 501]. Правда, более половины из них были признаны негодными к воинской службе по состоянию здоровья.

Массовый характер приняло в годы войны дезертирство. Только за один год на юг, в английские колонии, убежало из ВСН около 6 тыс. молодых людей [212, с. 506]. Одновременно шла миграция населения из деревень сонинке на запад, в районы экспортного земледелия [236, с. 100].

Франция требовала в армию не только людей, но и продовольствия. Начались массовые реквизиции зерна и других продовольственных культур (арахис). Особую активность по заготовке сельскохозяйственной продукции развил Л. Перике, назначенный губернатором ВСН в мае 1917 г. Он планировал подготовить для отправки в метрополию 30 тыс. т зерновых и 6 тыс. т арахиса [240, с. 214—215]. Мобилизация рабочей силы привела к временному спаду производства. За годы войны налоговый пресс усилился на 60% (по сравнению с 1913 г.) [240, с. 444]. Жизненный уровень жителей колонии Верхний Сенегал-Нигер заметно снизился.

Восстания 1915—1918 гг. В такой обстановке недовольство населения приняло форму вооруженных восстаний. Центральную и юго-восточную часть колонии охватила волна отказов от военной службы, нападений на полицейские участки, расправы со сборщиками налогов.

Первыми выступили бамбара Беледугу, союзники французов в период завоевания Судана. В феврале 1915 г. в селах округа Бамако население поднялось против набора в армию. В первых рядах восставших шли рекруты под руководством деревенских старост Диосе Траоре и Самбы Диары. Губернатор Ф. Клозель, управлявший колонией в 1888—1915 гг., решил послать на подавление небольшой отряд во главе с комендантом округа. Однако, не дойдя до центра восстания — Нонко, тот послал губернатору телеграмму о помощи, поскольку ему «угрожали 4—5 тыс. восставших,

вооруженных ружьями». В начале марта карательная экспедиция в составе 300 стрелков и 260 носильщиков встрети-лась с отрядом бамбара в 1800 человек и нанесла ему пора-жение. На поле боя осталась сотня убитых, еще больше бы-ло раненых. Последним очагом сопротивления стала деревня Куми, где в крепости со своими сторонниками скрылся Дио-се Траоре. Жестокий бой продолжался несколько часов, французам пришлось брать дом за домом. Считая сражение проигранным, вождь восставших покончил с собой. Даль-ше на север, в деревне Япа, после сильного боя был пленен другой командир бамбара, Дипа Мангаса, приговоренный позже к пожизненному тюремному заключению [240, с. 54—57, 69]. Десятки деревень Беледугу должны были уплатить тяжелые штрафы, а также выделить определенное число людей на общественные работы.

Большое восстание вспыхнуло в ноябре 1915 г. в между-речье Черная Вольта — Бани, охватившее территорию в 60 тыс. кв. км с населением 500 тыс. человек. Оно по праву получило название «Великий мятеж», так как продолжалось восемь месяцев и распространилось на округа Дедугу, Уага-дугу, Бобо-Диуласо, Сан и Кутиала. Наконец, важно отме-тить и его надэтнический характер, так как в нем участво-вали различные этнические группы: сонинке-марка, бобо, минианка, гурунси, бва.

Вначале взялись за оружие жители нескольких деревень сонинке в округе Дедугу; они отказывались платить налоги, сопротивлялись набору в армию, разрушали телеграфные линии. Посланный против них карательный отряд в 600 сол-дат с пушками потерпел поражение у Янгасо, которое защи-щали 8—10 тыс. восставших. Это произошло в конце декаб-ря 1915 г., а уже в январе следующего года восстало более 500 деревень. Вскоре поднялось население округов Сан и Кутиала. Военные действия приняли небывалый масштаб. Восставшие села подвергались обстрелу из пулеметов и пу-шек, каратели безжалостно сжигали их. Только на р. Воль-та было уничтожено 110 деревень, а в округе Сан — еще 56 [187, с. 206—209; 240, с. 100—105].

К июлю 1916 г. основные очаги восстания были подавле-ны. На население шести округов, участвовавших в «Великом мятеже», был наложен штраф в 553 тыс. ф. Производилось полное изъятие оружия. Только в округе Сан власти конфис-ковали 19 тыс. ружей и 8 тыс. луков [240, с. 105].

Неспокойно было на северо-восточной окраине ВСН, где среди туарегов еще до войны распространялись призывы к «священной войне» против «неверных». В феврале 1916 г. находившийся в тюрьме в Гао аменокаль племенного объе-динения юллиминден Фирхун совершил побег и поднял туа-

регов на борьбу. Центром движения стал г. Менака, откуда восставшие совершали походы на юг, на земли сонгаев и джерма. В апреле воины Фирхуна атаковали военный пост Филинге, но потерпели неудачу. В мае лагерь восставших был захвачен врасплох правительственным отрядом, у них конфисковали стада верблюдов, баранов и крупного рогатого скота — основу жизни в пустыне. Вскоре Фирхун погиб в стычке с воинами другого племени. В сентябре новый аменокаль, Акаракор, прибыв в Гао, признал французскую власть [272, с. 360—361; 274, с. 131].

Восстания 1915—1918 гг., как и повстанческие движения предыдущего периода, носили консервативный характер, так как их участники не имели никакой политической программы. Это был стихийный протест против произвола колониальной администрации, обусловленный желанием вернуться к традициям и обычаям прошлого.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ РЕЖИМ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ (1918—1945)

1. Перемены в системе управления

Изменение границ колонии. Едва закончилась первая мировая война и наступил долгожданный мир, как в Верхнем Сенегале-Нигере произошли изменения: было сменено название колонии, перекроены ее границы. Декретом от 1 марта 1919 г. из ВСН были выделены шесть юго-восточных округов, населенных преимущественно моси, и создана колония Верхняя Вольта. Официальное обоснование этого раздела состояло в том, что ВСН — «колония слишком обширная и состоит из разнородных частей, поэтому в ней не обеспечено хорошее управление» [51, с. 87; 283, 1919, № 5—6, с. 163—165]. Более важная, но скрываемая причина состояла в необходимости обеспечить дешевой рабочей силой север Берега Слоновой Кости, где на кофейных плантациях, лесоразработках, железнодорожном строительстве ощущалась ее нехватка.

В следующем году по декрету от 4 декабря 1920 г. колония Верхний Сенегал-Нигер вновь стала именоваться Французским Суданом, и это название сохранилось до получения независимости. Наконец, в 1922 г. военная территория Нигер, юридически входившая в ВСН, получила статус отдельной колонии. После всех этих территориальных изменений границы Французского Судана, за исключением северной, получили ту конфигурацию, которая соответствует очертаниям Мали на современной политической карте Африки.

В 1932 г. Верхняя Вольта вновь присоединилась к Судану. Эти превращения объясняются экономическими процессами во Французском Судане, который прежде экспортировал рабочую силу в соседние колонии, а в начале 30-х годов стал остро испытывать ее недостаток. Дело в том, что в районе Масины началось большое гидротехническое строительство и освоение под хлопок орошаемых земель. Именно поэтому к Судану присоединили часть ликвидированной Верх-

ней Вольты, населенной искусными земледельцами-моси. По декрету 10 сентября 1932 г. к Судану переходили округ Вахигуя (страна Ятенга), кантон Арибинда округа Дори, часть округа Дедугу на левом берегу Черной Вольты. В итоге территория Судана увеличилась примерно на 60 тыс. кв. км, а население возросло почти на 800 тыс. человек [12, 87 с. 519].

Административные реформы. Повстанческие движения в годы войны заставили колониальную администрацию попытаться привлечь на свою сторону влиятельные слои африканцев, прежде всего традиционных вождей. О необходимости серьезных перемен в политической области писал в 1921 г. генерал-губернатор ФЗА М. Мерлен министру колоний. Он предлагал избрать среднюю линию между английской системой опоры на традиционных вождей и французской практикой их систематического устранения от власти. Такая линия, как надеялся Мерлен, должна была обеспечить колониальной администрации поддержку со стороны авторитетных «элементов прежнего общества» и одновременно «гарантировать основные права местного населения». Именно исходя из этих соображений и возник после окончания мировой войны такой институт, как «советы нотаблей» («советы старейшин»).

В соответствии с декретом 21 мая 1919 г. в кантонах создавались совещательные советы, в состав которых губернатор назначил от 8 до 16 представителей местной верхушки. Эти советы могли обсуждать хозяйственные вопросы местного значения: распределение налогов и трудовой повинности, выполнение разнообразных общественных работ [283, 1919, № 9—10, с. 342].

По закону 4 декабря 1920 г. был создан административный совет Французского Судана в составе 10 членов, из них пятеро — французские чиновники и офицеры и пятеро — представители населения, причем только один из них избирался; остальные назначались губернатором. В 1925 г. было введено изменение в этот закон, по которому было расширено представительство африканцев и введено выборное начало. Отныне совет колонии состоял из четырех чиновников и шести избираемых членов [15]. Впрочем, административный совет не имел реальных полномочий, он существовал лишь как совещательный орган при губернаторе.

В 1925 г. была создана «туземная курия» по выборам во французский парламент, насчитывавшая всего 2500—3000 избирателей. Право голоса получили нотабли, чиновники, богатые торговцы, отставные офицеры колониальной армии, а также участники войны, награжденные орденами и медалями. Крупные города Судана — Бамако, Каес и Мопти — по-

лучили статус «смешанных коммун», имевших некоторую самостоятельность в решении местных вопросов. Как их мэры, так и члены муниципальных советов не избирались, а назначались сверху. Французские власти предпринимали определенные шаги в направлении демократизации общественной жизни. Однако до превращения африканцев из «подданных», какими они считались по законам метрополии, в полноправных граждан прошло много десятилетий.

В 1924 г. в колониях ФЗА была проведена судебная реформа. В судеустройстве африканцы были полностью устранены от всех дел. Местные вожди, которые прежде имели некоторые прерогативы в отправлении правосудия, по новому закону их потеряли. Отныне председателем суда первой инстанции мог быть лишь чиновник-француз (раньше таковым был секретарь суда). В столице колонии учреждался высший суд, имевший право контроля за деятельностью окружных судов. Нормы обычного права, как и наличие в суде представителей традиционной власти, исключались из правосудия. Следует сказать, что этот закон вызвал критические замечания, прежде всего в связи с плохим знанием французского языка подсудимыми и полным незнанием африканских языков судьями. Кроме того, суды были перегружены делами (в среднем 240 дел в год), и говорить о подлинном правосудии в таких условиях трудно [223, с. 51].

Как и прежде, основным источником поступлений в бюджет Судана оставался подушный налог с африканцев. Перемены здесь состояли в том, что была введена гибкая шкала ставок: в 1927 г. она колебалась от 5 до 19 фр. в зависимости от занятия налогоплательщиков, места расположения их села и др. В среднем налог составлял 10,5 фр. по сравнению с 2 фр. в 1915 г. [11, 145, с. 40]. Более чем пятикратный рост можно объяснить не только усилением налогового пресса со стороны администрации, но и обесцениванием денег, а также некоторым ростом благосостояния населения.

В 20—30-е годы оставалось в силе законодательство о принудительном труде на общественных работах. Декрет от 31 октября 1926 г. не внес особых изменений.

От ассимиляции к ассоциации. Реформы начала 20-х годов явились следствием более глубоких перемен, затронувших общую концепцию французского колониализма. Ее сущность, как известно, состояла в стремлении превратить жителей колонии в образцовых французских граждан. Сторонники политики ассимиляции исходили из того, что у африканских народов нет культуры, нет цивилизации: «Наша цивилизация пришла на пустое место». Однако по мере развития научных знаний стало ясно, что «у этих народов есть своя культура, особая цивилизация, у них есть история,

основанная на устных традициях» [204, с. 43—44]. Была и другая причина отказа от политики ассимиляции — «появление новой элиты, которая всем обязана колонизации... Она выступила одновременно и против старых традиций, и против опеки европейцев». Автор этих строк Ж. Арди, проводивший много лет во главе ведомства просвещения ФЗА, гласит: «Колониальная администрация растерялась, словно курица, которая вывела утят,— она с опаской поглядывала на этих гадких детей» [203, с. 149].

На смену ассимиляции после первой мировой войны шла более гибкая политика, когда основная масса африканцев сотрудничала с администрацией, а «гадкие утята» были изолированы от народа. Новая колониальная политика получила название «политика ассоциации». Ее центральным пунктом было следующее заявление: «Мы желаем обращаться с различными народами (колониальных стран) в соответствии с их моралью и уровнем развития. Мы попытаемся объяснить им, что такое прогресс, но не будем навязывать им наши принципы» [209, с. 156]. «Привлечь местное население к сознательному участию в колониальных делах» — к этому призывал один из пропагандистов новой политики [209, с. 158].

Прежнюю политику ассимиляции невозможно было проводить в таких колониях, как Французский Судан, писали французские юристы в учебнике колониального права. Вторым методом управления нашел выражение в декретах от 30 марта 1925 г. и 5 ноября 1928 г., по которым вводились выборы с участием местного населения в административные советы и торговые палаты [195, с. 27—28]. Особенно большие надежды возлагались на обучение и образование молодежи в духе сотрудничества (чаще говорили «солидарности») с колонизаторами [283, 1930, № 6, с. 33].

На основе общих принципов ассоциации генерал-губернатор ФЗА Брелие издал в 1932 г. циркуляр, в котором рекомендовал новые подходы по отношению к местным вождям: «Они не должны более рассматриваться как простые инструменты управления». Кантональные вожди должны выполнять тройную роль: исполнителя решений французского коменданта, его советника и, наконец, информатора. Им передавались некоторые права, чтобы повысить их авторитет, с тем чтобы они смогли осуществить «самое активное сотрудничество» с колониальными властями [64, с. 220].

В 1935 г. был издан декрет, регламентировавший права и обязанности вождей. Много лет спустя заместитель коменданта округа Каес в обширном юридическом трактате исследовал политические аспекты этого акта и сравнил вождей с «приводными ремнями» колониальной администрации. Че-

рез них передавались приказы коменданта населению, с их же помощью он получал необходимую информацию [302, 1955, № 1, с. 177].

Серьезных перемен в методах и формах управления колониями, таким образом, смена официальной доктрины не принесла. В годы правительств Народного фронта (1936—1938) произошли некоторые позитивные изменения, главным образом в области социальной политики.

Народный фронт и перемены в Судане. Большие надежды возлагали жители Западной Африки на правительство Народного фронта, пришедшее к власти в июне 1936 г. Министр колоний социалист М. Муте, выступая на конференции генерал-губернаторов французских колоний, выдвинул обширную программу демократических реформ. Новое правительство, сказал он, стремится к тому, чтобы в колониях царствовали социальная справедливость и социальная солидарность. Главная цель — поднять материальный уровень масс населения [37]. «Максимум социальной справедливости», «завоевание сердец и умов» [39], «союз и дружба», «социальное и экономическое развитие туземных народов в их собственных интересах» [38] — таковы были общие положения новой колониальной политики Франции, которые Муте развивал в многочисленных выступлениях. Нельзя согласиться с утверждением о том, что это «явная демагогия в худших традициях» [117, с. 188]. В искренности министра-социалиста сомневаться не приходится, основные его мысли вполне соответствовали доктрине ассоциации 20-х годов. Так, министр колоний предыдущего кабинета выражался почти как Муте: «Мы должны продолжать политику солидарности и доброты по отношению к туземцам; в частности, нужно принять меры в интересах элиты, которую мы создали с помощью нашей культуры и чья лояльность к нам вне сомнения» [306, 17.02.1936].

Однако из больших планов Муте осуществить удалось немного; реформы коснулись главным образом социальной сферы [40; 46, с. 66]. Губернатор Судана Ф. Ружье, сторонник Народного фронта, сократил применение принудительного труда. В ноябре 1937 г. был введен минимум зарплаты [154, с. 97, 149]. В том же году была облегчена участь военнообязанных второй категории, занятых на строительстве каналов. Им был сокращен рабочий день, улучшено снабжение одеждой и орудиями труда, при демобилизации стали выплачивать денежное пособие [26]. Была разрешена деятельность профсоюзов. Однако в политической области Народный фронт не провел никаких реформ: не были расширены избирательные права африканцев, по-прежнему колонии не имели внутреннего самоуправления. Такой скромный

результат можно объяснить как нехваткой времени (правительство просуществовало чуть более двух лет), так и нерешительностью в реализации намеченной программы. Нельзя не принять во внимание упорное сопротивление проводимым реформам со стороны реакционно-консервативных сил как в метрополии, так и в колониях. Так, настоящей травле был подвергнут Ружье в правой прессе, которая обвиняла его в «чрезмерной преданности Народному фронту». Отставка Муте повлекла за собой через непродолжительное время и увольнение «красного губернатора» Французского Судана.

2. Социально-экономическое развитие

Демографический рост. Урбанизация. Период 1918—1945 гг. в социально-экономическом развитии Судана характерен прежде всего ростом населения и развитием городов. Первая послевоенная перепись прошла 1 июля 1921 г. Общее число жителей колонии составляло 2473 тыс., из них «граждан» — 1164 человек. К последней категории относились как французы, так и небольшое число африканцев, получивших политические права за особые заслуги. Наиболее крупный город Бамако насчитывал 14,4 тыс. жителей, Каес — 11,3 тыс., Томбукту — 7,2 тыс., Сикасо — 7,1 тыс., Сегу — 6,6 тыс. Интересны сведения о национальном составе Судана. Выделяются восемь крупных этнических групп, крупнейшая из них, бамбара, насчитывала почти 700 тыс. человек. За нею следовали фульбе (425 тыс.), сонинке-марка (222 тыс.), малинке (182 тыс.), минианка (172 тыс.). Сонгаи, сенуфо и мавры превышали 100 тыс. человек каждая [300, 1922, № 2, с. 59—60].

Изменение численности населения Французского Судана в межвоенный период представлено в табл. 3, данные которой извлечены из официальных архивных источников [26].

Резкое увеличение населения в 1932 г. объясняется включением в состав Судана районов ликвидированной Верхней Вольты.

Что касается процесса урбанизации, то городское население росло довольно быстрыми темпами. В 1931 г. в Бамако насчитывалось 20 тыс. жителей, а в Каесе — 12 тыс. [283, 1932, № 8, с. 487]. В целом за 46 лет (1910—1956) численность жителей Судана возрастала ежегодно на 4,1% [116, с. 83]. Вместе с ростом городов шло формирование новых социальных слоев и групп. Возник рабочий класс и интеллигенция. Вместе с тем следует признать, что Судан по-прежнему оставался страной полунатурального, мелкотоварного крестьянства.

**Население Французского Судана в 1925—1937 гг.,
тыс. человек**

1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	1930 г.	
2663	2635	2646	2803	2776	2781	

1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1) 37 г
2836	3556	3527	3550	3569	3600	3635

Сельскохозяйственное производство. Положение крестьянства. Происшедшие в 20—30-е годы социально-экономические изменения обязаны прежде всего неустанному труду крестьянства, составлявшего более 95% населения. Благодаря ему Судан стал житницей Западной Африки; он экспортировал продукты земледелия и животноводства в соседние колонии. Несмотря на расширение производства таких технических экспортных культур, как хлопок и арахис, Судан не стал, как другие колонии ФЗА, страной монокультуры. Диверсификация сельского хозяйства позволила обеспечить население продуктами питания сравнительно лучше, чем в соседних странах. Следует подчеркнуть и следующий момент: внедрение экспортных культур не есть абсолютное зло, как это иногда пытаются представить отдельные историки. Напротив, в экономическом плане это был шаг в сторону разрушения застойного натурального хозяйства, включения Судана в мировое разделение труда, в мирохозяйственные связи. Делалось это методами принуждения, часто за счет нещадной эксплуатации крестьянства. Производить как можно больше сельскохозяйственной продукции, необходимой метрополии, по возможно низким ценам — в этом состояла суть «экономического освоения» колоний Западной Африки, в том числе Судана. Составленный в 1932 г. отчет констатировал, что «за последние пять-шесть лет в сельском хозяйстве произошли радикальные перемены»; вместе с тем в нем признавалось глухое недовольство крестьян внедрением обязательных экспортных культур и низкими закупочными ценами на хлопок и арахис [22]. Следует учитывать, однако, что комиссия посетила французские колонии в разгар мирового экономического кризиса.

Предыдущие же десять лет были периодом весьма быст-

рого роста сельскохозяйственного производства в Судане. Хотя урожайность основных культур оставалась неизменной, значительно расширилась посевная площадь как под зерновыми (просо, сорго, маис, рис), так и под экспортными культурами (арахис, хлопок). За 11 лет (1928—1939) производство проса и сорго выросло на 13%, а риса — на 30% [149, с. 24]. Особенно быстро в межвоенные годы росло производство арахиса, большая часть которого шла на экспорт. Так, в 1928 г. из Судана его было вывезено 14 тыс. т на сумму 13 млн. фр., в следующем году — уже 25 тыс. т стоимостью 21 млн. фр. [52, с. 111]. Площадь, занятая под арахис, с 1928 по 1939 г. выросла в три раза (с 60 тыс. до 180 тыс. га) [149, с. 24]. В отдельные годы изменения бывали еще более разительными: в 1936 г. под арахисом было занято 195 тыс. га, а в следующем году — 270 тыс. га. Такой скачок объясняется тем, что арахисом были засеяны новые земли после того, как выращиваемое на них просо было уничтожено саранчой. Тем не менее, как указывает статистический отчет, урожай зерновых был очень хороший [46, с. 75].

В межвоенные годы быстрыми темпами развивалось в Судане животноводство. Благодаря улучшению ветеринарного обслуживания и обеспечению пастбищ водой росло поголовье крупного и мелкого рогатого скота, верблюдов, лошадей. Экспорт скота дал немалый доход владельцам стад, преимущественно традиционной аристократии фульбе. В 1928 г. всего было вывезено скота на 315 млн. фр., а в 1939 г. — 565 млн. фр. [149, с. 28].

Развитие земледелия и животноводства явилось основой для общего весьма удовлетворительного состояния всей экономики Судана. После кратковременного кризиса 1921—1922 гг. начался экономический подъем, который в официальных отчетах именовался не иначе как «процветание». В политотчете генерал-губернатора за 1924 г. говорилось о процветании экономики, о том, что налоги поступали без затруднений. Далее отмечалась ориентация туземцев на экспортные культуры и делался любопытный вывод: «В таких условиях не может быть и речи о классовой борьбе» [14]. Об «эре экономического процветания» сообщалось в отчетах за 1925 и 1926 гг. [13, 12]. В 1927 г. произошло некоторое сокращение экспорта и импорта, «но нельзя забывать, что предыдущий год был исключительно благоприятным», — говорилось в официальном документе [11].

Вскоре, однако, экономическая конъюнктура резко изменилась. Отчет за 1929 г. отмечал ухудшение экономической ситуации в связи с падением цен на мировом рынке на сырьевые товары [16]. Мировой экономический кризис 1929—

1930 г. больно ударил по африканскому крестьянству. К 1932 г. основные экспортные товары Судана — хлопок и арахис — потеряли на мировом рынке $\frac{2}{3}$ их стоимости. Так, цена за тонну хлопка упала с 13 тыс. до 4,5 тыс. фр. [283, 1932, № 2, с. 91]. Сильно уменьшился экспорт этих продуктов. В 1932 г. из Судана вывозилось менее четверти производимого арахиса. Это объяснялось тем, что при низких закупочных ценах крестьяне предпочитали потреблять арахис или засеивать поля просом и сорго [171, с. 606]. Документы колониальных властей полны тревожных слов «экономический кризис» (1931 г.), «торговый застой», к которому прибавились засуха и нападение вредителей сельскохозяйственных растений (1932 г.) [18, 19].

Крестьяне-африканцы, производители экспортной продукции, стали главными жертвами мирового кризиса начала 30-х годов. Они испытали «двойной удар»: и как продавцы сельскохозяйственного сырья, и как покупатели промышленных товаров. Торговые фирмы стремились сохранить прежние доходы, перенеся максимум своих потерь на местное население. В условиях роста цен на импортные товары крестьяне сокращали покупки сначала тканей и сахара, затем и риса. Поскольку таможенные доходы падали, колониальная администрация увеличивала налоговый пресс. Это, в свою очередь, заставляло крестьян уходить на заработки в города или другие колонии, повышать товарность своего хозяйства. В селах усиливалась социальная напряженность из-за массовой неуплаты налогов, тысячи крестьян были брошены в тюрьмы, подвергнуты разорительному штрафу [23]. В целом экономический кризис привел к дальнейшему развитию товарно-денежных отношений в суданской деревне [145, с. 538]. Произошли и другие важные изменения: сезонные миграции крестьян Судана приняли массовый и регулярный характер, углубилось имущественное расслоение в деревне. Богатые крестьяне давали семена в долг своим односельчанам при ростовщических процентах, причем оплата шла как натурой, так и деньгами [217, с. 135]. Наконец, в селах стали возникать общества взаимопомощи, которые назывались «обществами предусмотрительности». В отчете генерал-губернатора за 1928 г. говорилось, что задача этих обществ состояла в создании запасов зерна, совместном строительстве колодцев, внедрении новых культур [20]. В 30-е годы появляется частное землевладение [23], о развитии которого трудно судить из-за отсутствия достоверной статистики.

Отходничество не было новым явлением для Судана, уход на заработки практиковался и до мировой войны. Однако после мировой войны оно стало постоянным и оказало определенное влияние на аграрную историю Судана в 20—

30-е годы. Первый поток сезонных рабочих был направлен на запад, в сторону Сенегала. Они выезжали в дождливый сезон и выращивали арахис на полях зажиточных земледельцев. Рабочих поставляли трудоизбыточные округа Ниоро, Нара, Каес, Бамако, Кита, Бугуни. В районах проживания сонинке в округе Ниоро на заработки выезжали до 40% и более населения, в основном молодые мужчины. Очевидец описывает, что многие деревни полностью оставались на попечении стариков, женщин и детей [236, с. 102].

Доходы сезонных рабочих полностью зависели от собранного урожая арахиса: в удачный год за пять месяцев тяжелого труда можно было заработать до 2 тыс. фр., в неурожайный год — не более сотни франков. Вернувшись в родное село, рабочий отдавал, как правило, половину заработка главе семьи на уплату подушного налога, покупку скота или для уплаты долгов. Молодые люди, составлявшие большинство отходников, тратили деньги на свадьбу [283, 1930, № 5, с. 242—243]. Всего из Судана на выращивание арахиса ежегодно выезжало 60—70 тыс. человек в Сенегал и до 10 тыс. в Гамбию. В 1939 г., например, в Сенегал прибыло 64,5 тыс. суданцев [217, с. 125].

Второе направление сезонной миграции из Судана — южное, во французскую колонию БСК на плантации кофе и какао, в английские владения Золотой Берег и Нигерию. Южный поток охватывал сухой сезон (с октября по февраль). Кроме работы на плантациях рабочие трудились в портах Золотого Берега и БСК, на рудниках, где добывали золото, алмазы, марганец. В южную сторону шли в основном моси и гурунси из районов Верхней Вольты, догоны из округов Бандиagara и Хомбори. Общее число мигрантов колебалось от 160 тыс. до 225 тыс. человек.

Социальные последствия сезонной миграции можно кратко резюмировать так: «в Западной Африке рождался класс пролетариев» [283, 1930, № 5, с. 244]. Действительно, мигрирующие сельскохозяйственные рабочие составляли своего рода «аграрный пролетариат с наделом» или, во всяком случае, предпролетариат. Экономические последствия отходничества заключались в более или менее регулярном притоке в Судан значительных денежных средств, что является обычным результатом экспорта рабочей силы. Это ускоряло имушественное расслоение сельского населения.

Гидротехническое строительство. «Офис дю Нижер». В 20—30-е годы на территории Судана начал осуществляться один из самых амбициозных проектов во всей истории французской колониальной империи. Проводившиеся с 1903 г. в районе Сегу опыты с американскими сортами хлопка показали, что они не могли произрастать без ирригации [51, с. 916;

300, 1920, № 11, с. 179—182]. Между тем потребности французской текстильной промышленности в хлопке постоянно росли, цены же на него за годы мировой войны поднялись в пять раз. Среди первостепенных задач послевоенного восстановления было более эффективное использование возможностей колоний, сведение к минимуму импорта промышленного сырья из других стран, в частности из США [263, с. 18—19].

В 1920 г. был разработан план экономического освоения французских колоний, инициатором которого стал министр колоний А. Сарро. Его главная идея состояла, по словам автора, в переходе от «бессовестной эксплуатации» к «ассоциации метрополии с колониями, которые являются частью Франции и должны участвовать в ее научном и экономическом прогрессе» [264, с. 85]. В план Сарро в качестве составной части вошел разработанный инженером Э. Белимом проект гидротехнического строительства в средней долине Нигера. Предполагалось в течение шести-восьми лет построить плотину у порогов Сотюба (7 км ниже Бамако), которая позволила бы выделить 250 тыс. га орошаемой земли под хлопок. С этой площади планировалось собирать 100—120 тыс. т хлопка-волокна и до 200 тыс. т семян [264, с. 404—407]. Прежде чем начать строительство плотины и каналов, следовало провести большие работы: разнообразные исследования почвы, климата, водного режима реки, подготовить транспортную сеть для вывоза продукции. Имелось в виду завершение железной дороги Океан — Нигер (от Дакара до Куликоро) протяженностью 1200 км и строительство ее до Баруэли (еще 90 км) и шоссе Бамако — Бугуни — Сикасо и Бугуни — Канкан. Реализация этих планов в большой мере зависела от наличия рабочей силы, поэтому намечался ряд мер по увеличению плотности населения в зоне строительства [264, с. 378—379, 390]. Именно в этой перспективе следует рассматривать ликвидацию Верхней Вольты и присоединение ряда районов к Судану.

Проект Сарро был представлен в парламент, но не утвержден. Тем не менее он в доработанном виде вышел в свет в виде книги, ставшей вскоре «колониальной библией, которую каждый сторонник экспансии должен был иметь на своем столе и постоянно изучать». Так эта книга оценивалась в одной из первых рецензий [283, 1922, № 12, с. 522]. Из многочисленных проектов, предлагаемых Сарро по экономической перестройке колониальной империи Франции, претворяться в жизнь стал лишь один — ирригационное строительство в Судане, на среднем Нигере.

То, что работы начались, в немалой степени объяснялось энергией и предприимчивостью Э. Белима, сумевшего убе-

дить в реальности плана как влиятельные торгово-промышленные круги метрополии, так и колониальную администрацию [289, 1975, № 13, с. 63]. В марте 1924 г. он был назначен руководителем созданного отдела гидротехнического строительства при генерал-губернаторе ФЗА. В декабре 1925 г. начались работы по строительству плотины и канала Сотюба, на что были открыты кредиты в 20 млн. фр. Предполагалось оросить 7 тыс. га земли под хлопок. На работах было занято до 4 тыс. рабочих, мобилизованных по трудовой повинности. На церемонию сдачи плотины и оросительного канала длиной 22 км прибыл тогдашний министр колоний А. Мажино. В своей речи 12 февраля 1929 г. он говорил о том, что строящиеся на Нигере каналы «принесут сказочное богатство» населению и превратят Судан в житницу всей Западной Африки. Кроме хлопка французская индустрия должна была получить шерсть, которую приходилось ввозить из Австралии и Южной Африки [283, 1929, № 3, с. 151—153].

К окончанию работ в Сотюбе Белим закончил подготовку плана гидротехнических сооружений на Нигере ниже г. Сегу, в районе Маркала-Сансандинг. Проектировалось возведение плотины и прорытие двух магистральных каналов. Всего намечалось освоить 960 тыс. га, из них более 500 тыс. га под хлопок, остальные земли занять рисом. Нужно было переселить на освоенную территорию 300 тыс. человек из трудоизбыточных районов Верхней Вольты. Общая стоимость строительства должна была достичь 300 млн. фр. [263, с. 49—51].

В том же, 1929 г. начались работы по строительству каналов Сахеля и Масины, а спустя пять лет было начато возведение плотины в Маркале длиной 800 м, окончание которого намечалось на 1941 г. (фактически сдана только в 1947 г.). Что же касается каналов, то они сдавались в эксплуатацию по частям, поэтому источники сильно разнятся в датах их окончания: Сахель в 1935—1937 гг., Масина в 1935—1951 гг. Ясно одно: гидротехническое строительство на Нигере растянулось на несколько десятилетий.

Декретом от 5 января 1932 г. была создана специальная государственная организация «Офис дю Нижер», имевшая целью как строительство ирригационных сооружений, так и их дальнейшую эксплуатацию. Ее административный совет находился в Париже, а непосредственное руководство во главе с Белимом расположилось в Сегу [283, 1932, № 1, с. 59—60]. Эта организация сосредоточила в своих руках все финансовые ресурсы, а также рабочую силу из призванной в армию молодежи. «Офис дю Нижер», таким образом, превратился в государственно-монополистическую корпорацию

с большими правами, занимавшую господствующие позиции в экономике Судана в 30—40-е годы.

Занятая на строительстве плотин и каналов рабочая сила состояла из двух основных групп — солдат и рабочих. Последние носили специфическое название «военнообязанные второй категории». И те и другие набирались в принудительном порядке по закону 1919 г. о всеобщей воинской обязанности. Первая группа, солдаты или стрелки, в течение 6—10 месяцев получали военную подготовку, носили мундир, возвращались в родную деревню, имея определенный авторитет. Незавидным было положение военнообязанных второй категории: с первого дня призыва они становились чернорабочими, в течение трех лет тяжело физически трудившиеся без всякой оплаты [4, д. 669, л. 127—128]. Всего по трудовой повинности (т. е. военнообязанных второй категории) в год набиралось 2—2,5 тыс. человек. Так, в 1924 г. было призвано 2040 человек, в 1926 г. — 2800 человек [14, 12]. В 1930 г. их число составляло 2 тыс., распределялись они следующим образом: одна тысяча направлена на стройки ирригационных объектов, другая тысяча — на ремонт железной дороги [16]. С 1932 г. отбывающие трудовую повинность использовались только на территории Судана, в «Офис дю Нижер» [25].

Общие данные за период 1928—1946 гг. таковы: всего было мобилизовано 104 тыс. молодых людей, которые почти поровну были разделены на солдат и рабочих. Из этого числа 6 тыс. использовались в 1928—1934 гг. на железной дороге, остальные возводили гидротехнические сооружения. С началом второй мировой войны все призванные в армию (около 7 тыс.) отправлены в Европу, но в результате капитуляции вернулись назад, и уже к октябрю 1942 г. в «Офис дю Нижер» снова работали 13,5 тыс. человек по трудовой повинности [190, с. 541—542].

Условия труда в районах Сотюба, а позже Маркала для африканских рабочих были поистине каторжными. Работали они от восхода до захода солнца, поскольку инструкция о 9-часовом рабочем дне не соблюдалась, содержались в лагерях, в каждой хижине по четыре человека, нередко и больше. Питание было плохое, отсюда частая заболеваемость. Так, в 1935 г. на 4,6 тыс. рабочих было всего два врача и 16 фельдшеров [190, с. 543; с. 71—73]. По воспоминаниям рабочих, к ним применялись физические наказания. Исса Тесуге из Бандиагары рассказывает, что не выполнявших дневную норму лишали еды. Другой рабочий вспоминает, что на стройке был бригадир, жестоко избивавший нерадивых [232, с. 58—66]. Эти факты опровергают печатавшиеся в колониалистской прессе материалы о том, что население в

районе ирригационного строительства якобы очень довольны своим положением. Об этом, например, поведал посетивший Судан в начале 1933 г. Э. Рум, бывший в 1902—1908 гг. генерал-губернатором ФЗА. В частности, он рассказал о том, что на строительстве работают три экскаватора, причем один из них закуплен в США за 5 млн. фр. Эта техника функционирует безостановочно, день и ночь; африканцы любят свои машины, содержат их в отличном состоянии [283, 1933, № 4, с. 209—210].

Совсем другого мнения о положении дел на Нигере был министр колоний М. Муте, подвергший острой критике «Офис дю Нижер» на конференции в ноябре 1936 г. Он отметил расточительность и бесхозяйственность, низкую эффективность освоенных земель [37].

Говоря о низкой рентабельности «Офис дю Нижер», Муте был прав. Освоение земель в районе канала Сотюба началось в 1930 г. на площади 1,5 тыс. га из планировавшихся 7 тыс. га. К 1933 г. на орошаемых участках поселилось 225 семей колонов, выращивали они в основном рис и совсем немного хлопка. В районе Сегу по временной схеме стали обрабатывать участки Кокри (в 1935 г.) и Нионо (с 1937 г.). Их полное освоение было закончено лишь к 1944 г., когда здесь было основано 20 деревень колонов-арендаторов, в основном переселенцев из Верхней Вольты. Выращивали они рис, а не столь нужный текстильным фабрикам метрополии хлопок [289, 1975, № 13, с. 64—65].

К концу 30-х годов итоги деятельности «Офис дю Нижер» выглядели весьма скромными. Накануне второй мировой войны было произведено всего 422 т хлопка вместо обещанных 100 тыс. т. Правда, риса компания заготовила намного больше — 6 тыс. т [263, с. 111]. Объективность требует тем не менее признать, что гидротехническое строительство на Нигере дало определенный импульс развитию сельскохозяйственного производства и внесло вклад в социально-экономическое развитие страны. Эти результаты стали заметны лишь после второй мировой войны, на рубеже 40-х и 50-х годов.

Развитие промышленности, ремесла, торговли. Общие итоги экономического развития Судана в межвоенный период характеризуют следующие цифры. По подсчетам С. Амина, валовой национальный продукт в 1928 г. оценивался в 32,8 млрд. фр., к началу второй мировой войны он превысил 41 млрд. фр. За этот же срок сумма инвестиций составила 14,4 млрд. фр., из них 12 млрд. фр. пошло на гидротехническое строительство, остальные деньги — на строительство дорог и административных зданий [149, с. 34, 38]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что развитие экономики

в 1918—1945 гг. шло главным образом за счет экстенсивного роста мотыжного земледелия и животноводства. Строительство ирригационных систем было подчинено интересам метрополии, нуждавшейся в таких продуктах, как хлопок и арахис.

Промышленность находилась в зачаточном состоянии. В ответе на парламентскую анкету сообщалось, что в середине 30-х годов во Французском Судане насчитывалось 19 промышленных предприятий с числом рабочих более десяти. Основная масса была сосредоточена в Сегу, где располагалась промышленная и ремонтная база «Офис дю Нижер» [36]. Другие промышленные предприятия обслуживали железную дорогу Бамако—Дакар, вступившую в действие в 1923 г.

Первая гидроэлектростанция была пущена в 1927 г. в Фелу, выше Каеса, на р. Сенегал; ее мощность составляла 600 кВт. Двумя годами раньше вступила в строй тепловая электростанция в Бамако. В 1935 г. подобная электростанция начала давать ток для промышленных объектов «Офис дю Нижер»; она была расположена в Маркале. К этому времени в Судане эксплуатировалось 50 км дорог с твердым покрытием [65, с. 209, 234].

Таковы более чем скромные результаты развития промышленности колонии в межвоенный период. Внутренние потребности населения в товарах первой необходимости, как и прежде, удовлетворялись за счет традиционного ремесла. Десятки тысяч ткачей на примитивных ручных станках выделывали хлопчатобумажные ткани, пользовавшиеся большим спросом в сельской местности. Другие изготавливали гончарные изделия, обрабатывали кожи и т. п. Многие из них возделывали небольшие участки земли. Численность ремесленников не отражена в статистических сборниках.

Дальнейшее развитие получила внутренняя и внешняя торговля Судана. Усилилось проникновение в страну французского торгового капитала. Об этом дают представление цифры расширения деятельности двух самых крупных компаний, господствовавших на рынках ФЗА. Так, «Сосьете Коммерсиаль дел л'Уэст Африкэн» в 1924 г. имела 140 местных отделений, а к 1940 г. их число возросло до 250; еще сильнее увеличила свои филиалы «Компани Франсез де л'Африк Оксиданталь» [211, с. 407]. По-прежнему сильные позиции в торговле Судана занимали фирмы «Морель и Пром», «Пейриссак».

Внешняя торговля Судана за 11 лет (1928—1939) выросла более чем в два раза. По подсчетам С. Амина, за эти годы стоимость традиционных товаров, вывезенных за рубеж,— скота, сушеной рыбы, зерна — выросла незначитель-

но, зато резко увеличился экспорт арахиса и хлопка. Если в 1928 г. стоимость этих товаров составила лишь 0,8 млрд. фр. (в неизменных ценах 1959 г.), то к началу второй мировой войны она поднялась до 2,6 млрд. фр. [149, с. 53]. Сократился экспорт таких традиционных для Судана товаров, как каучук и гуммиарабик, вследствие применения в промышленности их химических заменителей. В импорте преобладали потребительские товары; доля машин и оборудования была незначительной (чуть более 5%). Заслуживает упоминания немаловажный факт: если в 1928 г. баланс внешней торговли, как и прежде, сводился с большим дефицитом (импорт превышал экспорт на 1,3 млрд. фр.), то в 1939 г. экспорт и импорт сравнялись [272, с. 357].

Достигнутое равновесие говорило о том, что предпринятые Народным фронтом во Франции меры политического и социального характера дали во второй половине 30-х годов определенные положительные результаты. Как отмечалось в отчете генерал-губернатора за 1937 г., в Судане исключительно высокий урожай создал ситуацию экономического процветания, благоприятную для улучшения политического положения [26]. Общественно-политическая обстановка, однако, не всегда была столь спокойной, после окончания второй мировой войны она изменялась волнообразно, хотя ее тесная связь с экономической конъюнктурой бесспорна.

3. Формирование новых общественных сил

Участники мировой войны. С окончанием первой мировой войны из Европы вернулись десятки тысяч молодых людей, прошедших жестокую жизненную школу. Они стали основой для активизации общественного движения, направленного как против иностранных поработителей, так и против ретроградных институтов и обычаев африканского традиционного общества. Вместе с тем источники позволяют рассматривать политическую роль ветеранов мировой войны более дифференцированно. В исторической литературе доминировало мнение об их революционизирующем влиянии на общественное движение в странах ФЗА вообще, Судана в частности. Фактов достаточно много для такого вывода. Вместе с тем несомненно и то, что в ряде мест бывшие сенегальские стрелки влились в ряды тех политических сил, которые лояльно относились к колониальной администрации, служили ей верой и правдой. Борьба двух тенденций — сопротивления колониализму и служения ему — составляет сердцевину политической истории Судана в 20—30-е годы.

Французская администрация еще в январе 1918 г. дала

африканцам — участникам войны ряд важных льгот, надеясь привлечь их на свою сторону. Солдаты и их семьи были освобождены от налогообложения в натуральной и денежной форме. Кроме того, они были выведены из-под действия так называемого эндижената — наказания африканцев колониальными властями без суда и следствия [4, д. 546, л. 50—51]. После демобилизации бывшие солдаты нередко становились помощниками кантональных вождей: стражниками, полицейскими, мелкими чиновниками. По праздникам они демонстрировали свою верность метрополии, получая от местных властей подарки, новые орденские ленты и «добрые советы с напоминанием об их славных деяниях на полях сражений» [30].

Вместе с тем именно ветераны мировой войны стали новой общественной силой, выказывавшей непослушание властям и недовольство существующими порядками. Собственно говоря, это еще не было сознательное антиколониальное движение, но лишь подход к нему. В письме министру колоний в начале 1921 г. генерал-губернатор отмечал две группы недовольных: первая — «это бывшие сенегальские стрелки, обманутые в своих надеждах на то, что возвращение из армии будет означать для них настоящий золотой век», вторая категория недовольных — это «молодые образованные люди» [21]. Обманутые ветераны вряд ли надеялись на «золотой век», они добивались прежде всего осуществления своих законных прав. Осенью того же года в суданском городе Дженне состоялась демонстрация трехсот участников войны с требованием выплаты пенсий [215, с. 414]. Такие выступления происходили и в других городах колонии.

Возвращение солдат с первой мировой войны имело серьезные последствия для африканского общества. Многие из мобилизованных не были свободными, занимая различные ступеньки на лестнице сервильной зависимости. Теперь, вернувшись домой со славой победителей, ветераны отказываются признавать авторитет вождей, старые, архаичные порядки. Таких «диссидентов» особенно много было в стране сонинке. Бывшие солдаты сделали гораздо больше для уничтожения рабства, чем все предыдущие решения колониальных властей [236, с. 101].

Появление национальной интеллигенции. К концу 20-х годов первенство в общественном движении переходит от ветеранов мировой войны к формирующейся национальной интеллигенции. К ней принято относить людей, получивших французское образование хотя бы в объеме начальной школы и называемых термином «эволюэ». Многие из суданских интеллигентов были выпускниками школы им. В. Понти в Дакаре, где получили дипломы учителей, администраторов;

в Катибугу, возле Бамако, в 1934 г. была открыта педагогическая школа для подготовки преподавателей агрономических и зоотехнических предметов. Трудно определить общее число «эволюэ», ибо статистические данные отсутствуют, но косвенные показатели позволяют утверждать, что их было 3 тыс., из них около 200 африканцев-учителей [139, с. 110]. Прослойка «эволюэ» в Судане не была столь велика и влиятельна, как в соседнем Сенегале, но превосходила такие колонии ФЗА, как Нигер, Гвинея, Мавритания.

Именно молодая национальная интеллигенция стала основной силой антиколониального движения в конце 20—30-х годов. Из ее рядов выдвинулись руководители и участники первых освободительных организаций. Большинство из них были учителями по профессии: Фили Дабо Сисоко, Мамби Сидибе, Мамаду Конате, Модибо Кейта, Тьемоко Гаран Куяте. Это неудивительно, так как именно в педагогических школах царила атмосфера свободомыслия.

Одним из очагов формирования кадров освободительного движения стал педагогический институт в южнофранцузском городе Экс. Сюда присылали доучиваться лучших учеников школы им. В. Понти из числа уроженцев Сенегала и Судана. Уже в 1923 и 1924 гг. здесь произошли враждебные администрации выступления [154, с. 31—35]. Инциденты продолжались и позже. Так, в 1926 г. официальный документ сообщает: «Большинство студентов, посланных два года назад в педагогический институт в Эксе, отличаются духом недисциплинированности; некоторые из них покинули обучение и примкнули к антиколониальным организациям» [12].

Антиколониальные организации, о которых упоминает архивный документ, объединяли выходцев из многих владений Французской колониальной империи, проживавших в метрополии. Это были Комитет защиты негритянской расы (1926 г.), Лига защиты негритянской расы (1927 г.) [138]. В отчете генерал-губернатора ФЗА за 1928 г. среди самых опасных фигур антиколониального движения назван Т. Г. Куяте. Далее говорится: «Учителя, почтальоны, писари, железнодорожники являются усердными читателями публикаций, в которых открыто проповедуется восстание против колониального империализма» [17]. Куяте родился в начале века в Сегу, окончил педагогическую школу в Дакаре, после чего два года учительствовал. Затем был послан на переподготовку в Экс; из института, по сведениям полиции, был отчислен «за коммунистическую пропаганду: он распространяет революционные взгляды, состоит членом Французской коммунистической партии» [42]. Куяте вел регулярную переписку с сочувствующими его идеям жителями Бамако и Сегу. В архиве сохранилось письмо от Лиги защиты в Бамако некоему Ама-

ду Тиаму с призывом создавать ячейки, работать в массах. [41]. Куяте, по-видимому, первый уроженец Судана, посетивший СССР, о чем имеются документальные подтверждения [117, с. 152, 168].

Его неугомонная деятельность привела к созданию в 1932 г. во Франции Союза негритянских трудящихся, а в следующем году была основана Лига борьбы за независимость народов Сенегала и Судана. В документах французской полиции говорилось, что эта организация издает подрывную литературу, ведет антивоенную пропаганду среди сенегальских стрелков, несущих службу в различных гарнизонах ФЗА [24].

Если Куяте по своим идейно-политическим воззрениям относится, по типологии А. Б. Летнева, к радикальным националистам (хотя до 1933 г. он состоял в компартии), то другой представитель суданской интеллигенции, Ф. Д. Сисоко, исповедовал «феодалный национализм» на неконфессиональной основе. Это был национализм особого рода, национализм без сложившихся наций. Собственно говоря, идейно-политические позиции суданских интеллигентов в 30-е годы были весьма эклектичными; это была смесь патриотизма с демократическими идеями, их антиколониализм не шел дальше требования политических прав, автономии в местных делах, усиления экономической помощи со стороны метрополии. Все они поддерживали политику Народного фронта в колониальных вопросах. Только после 1945 г. в общедемократическом освободительном движении произошло разделение на несколько течений, оформившихся в политические партии.

В первой половине 30-х годов в Судане возник ряд общественно-просветительских организаций, еще далеких от политической деятельности. Они мало отличались от традиционно существовавших в городах Судана землячеств, молодежных клубов, обществ взаимопомощи. Такой, например, была основанная в 1931 г. организация «Эсперанс» («Надежда»), где проводили досуг интеллигенты Бамако. Позже возникло первое объединение «эволюэ» под названием «Фу-айе дю Судан» (1935 г.) во главе с М. Конате, директором местной школы [117, с. 122—123]. Эти организации активизировали свою деятельность в 1936 г., когда к власти в метрополии пришло правительство, опиравшееся на партии Народного фронта.

Рабочий класс и профсоюзы. Вторая общественная сила, вышедшая на политическую арену Судана в предвоенный период, была составлена из рабочего класса и профсоюзов. Наиболее многочисленным и организованным отрядом африканского пролетариата были железнодорожники. В архивах

найден датированный 1907 г. проект создания рабочего Общества железнодорожников Каеса, который подготовил Амаду Муса. Власти одобрили его устав при условии, что это будет общество взаимопомощи. О конкретной деятельности этой рабочей организации сведений нет, но известно, что спустя шесть лет губернатор Верхнего Сенегала-Нигера потребовал подготовки нового устава [154, с. 38].

После первой мировой войны общества взаимопомощи железнодорожников приняли вид профсоюзов, но разделились по расовому и географическому признаку. Рабочие и служащие европейского происхождения создали два профсоюза: в первый объединились работники линии Каес — Нигер, в другой — те, кто трудился на линии Тиес — Каес. Позже они объединились в профсоюз под длинным названием «Товарищество и профессиональная ассоциация работников железной дороги Тиес—Каес—Нигер». Квалифицированные рабочие-африканцы создали в 1929 г. свой собственный профсоюз, который десять лет возглавлял Франсуа Гнинг. Управление железной дороги находилось на узловой станции в сенегальском городе Тиес, там же располагалось руководство профсоюзов. Поэтому все акции железнодорожников проводились совместно по всей магистрали Океан — Нигер, от Дакара до Куликоро, охватывая обе колонии — Сенегал и Судан.

Волнения и забастовки железнодорожников происходили неоднократно. В 1919 г. вспыхнула забастовка с требованием повысить зарплату. Несколько раз прекращались работы в 1924—1926 гг. в связи с низкими заработками, большой продолжительностью рабочего дня. Так, рабочий в ремонтных мастерских трудился 60 час. в неделю, машинист паровоза — 70 час., а станционный смотритель — 92 часа при одном выходном дне. В 1925 г. вспыхнула всеобщая забастовка, которая, по словам генерал-губернатора, «полностью парализовала торговлю» [13]. Это было движение солидарности с землекопами-бамбара, которых после завершения строительства линии Каес — Тиес не отпустили домой. Посланные против забастовщиков сенегальские стрелки отказались стрелять в своих братьев. Администрация вынуждена была пойти на уступки [139, с. 103—104].

К середине 30-х годов на территории Судана насчитывалось до 1,5 тыс. рабочих, так или иначе связанных с железной дорогой. Кроме того, еще примерно 500 человек трудились в мастерских и на предприятиях строительной индустрии (каменоломни, кирпичный завод и т. п.). Кроме кадровых рабочих на ремонт путей, мостов, станционных зданий ежегодно привлекались тысячи чернорабочих. Общее их число по всей магистрали от Дакара до Нигера доходило до

7—8 тыс. человек. Оплата даже квалифицированных рабочих-африканцев была низкой: 650—690 фр., тогда как рабочий-француз получал более 7 тыс. фр. [139, с. 97—98]. Невыносимо тяжелое положение неквалифицированных рабочих толкнуло их на забастовку, которая вспыхнула в сентябре 1938 г. в железнодорожной столице Тиесе и охватила всю магистраль. Однако между рабочими не было единства: в забастовке не участвовал профсоюз европейских сотрудников, да и профсоюз африканцев недостаточно активно поддержал своих товарищей. Полиция расстреляла демонстрацию забастовщиков, были убиты и много раненых [154, с. 194—195].

Трудовое законодательство в Судане было введено лишь в 1925—1926 гг. В соответствии с декретом французского правительства «О туземном труде», дополненным решением генерал-губернатора ФЗА, вводилась система контрактов (устных или письменных) при найме на работу. Продолжительность его колебалась от трех месяцев до двух лет, за нарушение полагался штраф или тюремное заключение. На основании этих правовых норм губернатор Судана в декабре 1926 г. регламентировал продолжительность рабочего дня, размер зарплаты, а также пособия семье в случае гибели главы семьи. Вводился 10-часовой рабочий день, причем предприниматель имел право его увеличить при чрезвычайных обстоятельствах, дневная зарплата устанавливалась в 2 фр. Пособие в случае потери кормильца составляло 500 фр. [139, с. 102]. В связи с ростом цен минимальная дневная зарплата в Судане была поднята в 1937 г. до 3,5—4,5 фр. [154, с. 149].

В 1932 г. были созданы инспекции по трудовым отношениям, главная забота которых состояла в том, чтобы разрешались трудовые конфликты. К концу 30-х годов в условиях хорошей экономической конъюнктуры забастовки в Судане были редки. Об этом свидетельствуют следующие данные: в 1937 г. из пяти трудовых конфликтов забастовкой закончились два (с числом участников 50 человек), в следующем году было три конфликта, два закончились примирением, лишь один — забастовкой [154, с. 140]. Во всех случаях первопричиной конфликтов рабочих с хозяевами была низкая заработная плата.

Общественное движение в годы Народного фронта. С лета 1936 г. общественно-политическая жизнь Французского Судана оживилась в связи с переменами в метрополии. С поддержкой Народного фронта раньше выступили французы, создавшие в апреле 1937 г. особую организацию под названием «Друзья народного объединения во Французском Судане», во главе которой стал школьный инспектор Ш. Гро. На следующий год в ее состав были приняты и африканцы.

Стала выходить проправительственная газета «Судан» (напечатано всего 14 номеров). Среди активных сторонников Народного фронта источники отмечают ряд африканцев, имевших статус французского гражданина; среди них — Исаак Диоп, Макан Макумба.

Различные кружки, ассоциации и организации, стоявшие на платформе Народного фронта, объединились в феврале 1938 г. На торжества по случаю открытия Народного дома, где размещалась новая организация, прибыли генерал-губернатор ФЗА М. де Коппе и губернатор Судана Ф. Ружье. В их речах были сформулированы весьма туманные цели деятельности: «просвещение, народная солидарность, социальное действие, поддержка профсоюзов, защита республики» [265, с. 27—28]. Народный дом, однако, не стал массовой организацией, среди участников начались распри. Из руководства ушел Макумба, на его место пришел молодой учитель Модибо Кейта.

В эти годы оживилась деятельность эмигрантов из колоний ФЗА в Париже. Их лидером по-прежнему оставался Т. Г. Куяте. Он стал издавать газету «Африка», в которой приветствовал создание Народного фронта и его победу на выборах. Газета оказывала полную поддержку реформам нового правительства в колониальной области, занимала антифашистские, патриотические позиции. Куяте неоднократно обращался к министру колоний Муте и генерал-губернатору де Коппе с проектами углубления проводимых мероприятий, демократизации политической жизни в колониях, усиления экономической помощи. Полицейский агент доносил в 1937 г. о связях Куяте с демократами Судана, которые с энтузиазмом поддерживали его предложения о всеобщем избирательном праве африканцев [41]. В другом документе, направленном Куяте министру колоний, он рассказывал о своих планах создания крестьянских кооперативов для повышения жизненного уровня населения, требовал финансовой и технической помощи от метрополии [41]. Среди политических требований — создание местных парламентов, более широкое участие африканцев в местных органах власти, в частности в управлении «Офис дю Нижер» [41]. Пытался Куяте создать и ряд новых организаций из эмигрантов из Африки; было объявлено об учреждении Ассоциации студентов Западной Африки (1938 г.), среди членов которой был и Л. С. Сенгор, будущий президент Сенегала, Французской федерации африканской молодежи (1939 г.). Все эти организации, однако, были малочисленными и не оказали особого влияния на общественное движение непосредственно в Судане. Добавим, что в годы фашистской оккупации Франции Куяте погиб при невыясненных обстоятельствах.

Одним из главных результатов существования Народного фронта было разрешение деятельности профсоюзов. Кроме профсоюза железнодорожников возникли профсоюз торговых служащих в 1936 г. (по другим данным — в 1938 г.) [154, с. 139; 237, с. 68], профсоюз учителей ФЗА, в числе основателей и руководителей которого были суданцы М. Конате и М. Сидибе [117, с. 186—187]. Курьезом может показаться объединение в профсоюз кантональных вождей — их в 1939 г. было около семисот. Во главе стоял Ф. Д. Сисоко, идеолог традиционной знати, ставший на путь применения новых форм политической борьбы [193, с. 120]. Этот факт, разумеется, характеризует противоречивость общественно-политической обстановки в Судане, переплетение новых и старых форм антиколониального протеста.

Архаичные формы антиколониального протеста. Хотя в 30-е годы преобладают новые общественные силы (интеллигенция, рабочий класс, профсоюзы), на политической арене продолжают выступать традиционные социальные группы в архаичной форме мятежей, бунтов, нападений кочевников на военные посты или на соседние племена, отказа от уплаты налогов, дезертирства и т. п. Большую тревогу колониальной администрации вызвало возникновение среди мусульман Судана новой секты, или, другими словами, религиозного братства. Вообще столкновение на религиозной почве не только среди мусульман, но и между христианами и язычниками не были редкостью.

Хотя вооруженных восстаний и боев в межвоенные годы не происходило, но один эпизод, связанный с покорением догонов, носит отпечаток предшествующего периода. Речь идет об «орлином гнезде» на неприступной горе в деревне Таби в округе Хомбори. Его жители постоянно бунтовали, отказываясь платить налоги, наложенные на них штрафы. В 1918 г. деревня не выставила ни одного рекрута, в следующем году сельчане не выполнили приказ о переселении на равнину. В ноябре 1920 г., исчерпав все дипломатические возможности, французы двинули против непокорных военных отряд в 120 солдат с пушками и пулеметами. Сверху на них бросали камни, звучали выстрелы из охотничьих ружей. Штурм продолжался сутки, в результате 16 догонов погибли, 20 ранены. Главари восстания были взяты в плен и судимы, само село разрушено до основания. Участник этого сражения делает вывод: взятие Таби можно считать последним эпизодом в покорении Судана [300, 1922, № 8, с. 208—239]. В самом деле, военные действия на берегах Нигера прекратились навсегда.

Продолжались, однако, вооруженные столкновения с кочевыми племенами в районе Томбукту. Сначала в 1923 г.,

затем в 1928 г. в окрестностях города были разбиты отряды туарегов [15, 17]. Больше о подобных событиях в документах не упоминается, зато есть сообщения о выступлениях населения против злоупотреблений кантональных вождей. Такие протесты отмечались в округах Сегу, Мопти, Исса-Бер в 1930—1931 гг. [18, 19]; случались они и позже, например в 1936 г. в округе Гурма-Парус [25]. Возмущения местного населения действиями миссионеров произошли в округе Сан в 1931 г., позже — в населенных моси округах Дедугу, Уагадугу и Бобо-Диуласо [18, 25]. Все эти выступления не угрожали колониальному режиму и легко подавлялись властями.

Более серьезное значение имело религиозно-социальное движение среди мусульманского населения Судана. Идеологи французского колониализма постоянно рассматривали ислам как «непреодолимое препятствие для умиротворения завоеванных стран и ассимиляции населения» [1, 1913, д. 122, л. 4]. Этот вывод делался главным образом по опыту завоевания и управления Алжира. Антиисламский синдром поразил с особой силой офицеров морской пехоты, на протяжении многих десятилетий ведших кровавые войны против мусульманских народов. Нельзя не признать тот факт, что ислам оказывал мощное идеологическое и культурное противодействие политике ассимиляции.

В странах Западной Африки главными пропагандистами мусульманского учения были религиозные братства (иначе — ордены) Кадирийя, Тиджанийя, Сенуссийя. На территории Французского Судана были распространены сторонники двух первых. Известный путешественник А. В. Елисеев писал: «Религиозные воззрения некоторых из этих религиозных братств до того спутанны и затемнены мистическими толкованиями, что они непонятны даже большинству их» [9, д. 228, л. 207—208]. Тем не менее французские власти весьма болезненно реагировали на религиозные споры как между братствами, так и внутри каждого из них. Неудивительно поэтому, что в отчете генерал-губернатора за 1924 г. появился особый раздел «Исламская агитация», в котором среди наиболее тревожных явлений названо оживление тиджанизма в районе Ниоро [14]. Вскоре появилось и имя «возмутителя спокойствия»: это был марабут (мусульманский ученый, святой) по имени Шериф Хамаллах.

Свою реформистскую религиозную деятельность в рядах Тиджанийи Хамаллах начал еще в 1908—1910 гг. Он пытался очистить доктрину тиджанизма, вернуться к первоначальной ортодоксии. Споры с другими лидерами ордена шли по вопросам религиозных догматов и о тонкостях отправления культа. Талант проповедника привлек к Хамаллаху большое

число последователей, что вызвало зависть со стороны местной мусульманской верхушки. Постепенно сформировалось новое братство, получившее название Хамалийя, а его сторонников стали называть хамалистами.

На первый взгляд религиозные распри никак не касались колониальных властей. Тем не менее в учении хамализма было требование о пассивном сопротивлении иностранному угнетению, точнее — гнету со стороны иноверцев над правоверными мусульманами. Это проявлялось в том, что Хамаллах и его ученики избегали любых контактов с французами, стали на позицию внутренней эмиграции. Был и другой момент, вызвавший беспокойство колониальных властей и ненависть богатой верхушки других религиозных орденов, — социальный аспект хамализма. Некоторые радикальные сторонники мятежного марабута проповедовали равенство всех мусульман, т. е. освобождение рабов и уничтожение каст. В целом же нельзя не согласиться с автором новейшей работы по этим проблемам К. Гаррисоном, который считает, что опасность Хамаллаха для французских колониальных порядков была в значительной степени преувеличена. В глазах перепуганных чиновников он превратился в опасного фанатика [210, с. 173].

Во время богословских диспутов хамалистов с представителями других сект накал страстей приводил к острым конфликтам. Инциденты произошли в Бамако (1917 г.), Ниоро (1923 г.), Киффе (1924 г.), в селах округа Каес. Некоторые из них превращались в настоящие побоища. Хамаллах был обвинен в их организации, был вызван к коменданту округа, но не явился. В декабре 1925 г. он был арестован и по решению генерал-губернатора отправлен в ссылку в Мавританию на десять лет [13]. Здесь тоже действовали его сторонники, устроившие потасовку в Каэди в 1930 г., поэтому Хамаллах был переведен в БСК.

Хотя в Политическом отчете за 1926 г. говорится, что после депортации основателя хамализма в Судан вернулось спокойствие [12], действительная обстановка оказалась иной: Хамалийя не была уничтожена, ее сторонники продолжали действовать. В октябре 1929 г. Якуб Сила организовал в Ниоро уличную демонстрацию, во время которой, как доносила полиция, раздавались антифранцузские призывы. Организатор выступления был доставлен в суд и приговорен к двум годам тюрьмы [16]. «Якубисты», как стали называть радикальное крыло хамализма, переместили центр своей деятельности на юго-восток, в округ Кутиала. Именно к ним примкнули многочисленные представители низших каст и бывшие рабы, поскольку в их проповедях зазвучали уравнительные мотивы. Кроме того, «якубисты» отвергали этно-

центризм и трибализм, поэтому к Хамалийи примкнули мусульмане различного происхождения — мавры, сонинке, малинке, фульбе.

В 1933 г. отчет генерал-губернатора сообщает: в округе Кутиала продолжают исламскую агитацию «якубисты», во главе которых Фоде Сила [23], брат осужденного Якуба. Было объявлено о раскрытии «настоящего заговора» с целью убийства французского коменданта. Фоде якобы объявил себя Махди и проповедовал «священную войну» против французов. По доносу Фоде и 13 его сторонников были схвачены и получили от 10 до 20 лет тюремного заключения. Что касается Хамаллаха, то в январе 1936 г. он вернулся из ссылки и стал жить более уединенно, чем прежде, но число его сторонников не уменьшалось. «Хамаллах, — пишет современный исследователь, — стал жертвой узости понимания ислама французской колониальной администрацией». Всех сановников мусульманской религии, шейхов и марабутов, французы делили на две категории: коллаборационистов, кто активно поддерживал администрацию (таких было большинство), и тех, кто не разделял коллаборационистских взглядов [210, с. 179]. Если верхушка Кадирийи и Тиджанийи сотрудничала с колониальными властями и имела от этого немалую выгоду, то Хамаллах и его последователи были зачислены в ряды фанатиков и сепаратистов. Вместе с тем трудно отрицать, что под религиозной оболочкой скрывались смутные освободительные идеалы.

4. Французский Судан в годы второй мировой войны

Социальное и экономическое положение. Начало второй мировой войны повлекло за собой всеобщую мобилизацию в колониях Французской Западной Африки. Между сентябрем 1939 г. и прекращением военных действий в июне 1940 г. в Судане было призвано в армию около 60 тыс. человек. В этот же промежуток времени по трудовой мобилизации 4 тыс. человек работали на строительстве плотины Маркала и на железной дороге Дакар — Нигер. К этим людям следует добавить 40 тыс. сезонных рабочих, трудившихся на выращивании арахиса в Сенегале; производимое из него масло шло в метрополию. Таким образом, в общей сумме около 110 тыс. суданцев внесли свой вклад, в той или иной форме, в военные усилия Франции [215, с. 280—281]. Цифра потерь неизвестна, но подсчитано, что на полях сражений погибли или пропали без вести 24 тыс. солдат-африканцев из ФЗА [163, с. 459].

Как и в годы первой мировой войны, африканцы шли в армию без желания, поскольку не знали причин и целей военных действий в далекой Европе. Снова повторялись такие формы пассивного сопротивления, как неявка на призывной пункт, бегство в английские колонии. Вслед за мобилизацией началась реквизиция продуктов питания [217, с. 124—128].

Война тяжело отразилась на хозяйственном положении Судана. На несколько лет страна оказалась в состоянии почти полной политической и экономической изоляции. Это привело к демографической стагнации, прекращению инвестиций в производство, сильному сокращению импорта. Уровень экспортной продукции упал, за исключением производства арахисового масла: его вывоз поднялся с 6 тыс. т в 1941/42 г. до 31 тыс. т в конце войны [272, с. 364; 213, с. 263]. Все усилия населения колоний ФЗА должны были быть сосредоточены на помощи метрополии — такую задачу поставил генерал-губернатор Л. Кайла в начале войны [283, 1940, № 1, с. 22—24]. С весны 1940 г. власти перестали выдавать денежное довольствие военнообязанным второй категории, занятым на гидротехническом строительстве в «Офис дю Нижер». Вскоре все работы вообще были прекращены, а трудовые батальоны распущены.

Вместе с тем следует сказать, что отношение местного населения к войне было разным. Конечно, в силу неграмотности, политической отсталости большинство африканцев не желали нести жертвы на алтарь войны. В то же время ряд социальных групп проявили лояльность к Франции, став еще в предвоенные годы на антифашистские позиции. Поэтому наряду с фактами дезертирства было немало случаев добровольного вступления в ряды французской армии. Интеллигенция Судана разделила патриотический подъем в метрополии и поддержала военные усилия Франции.

Военное поражение в июне 1940 г. и приход к власти профашистского правительства привели африканцев в замешательство. Вскоре, однако, вполне явно обнаружилась антинародная политика новых властей. Из администрации были уволены все сотрудники, так или иначе связанные с Народным фронтом. Был составлен проскрипционный список «коммунистов и масонов», на самом деле демократов, за которыми устанавливается полицейский надзор; среди них находился и бывший губернатор Судана Ф. Ружье [28]. Начались репрессии против кочевников-хамалистов. В июне 1941 г. были арестованы несколько сот сторонников Хамаллаха, а он сам отправлен сначала в Алжир, затем во Францию, где в январе 1943 г. скончался в тюрьме [210, с. 179].

Антифашистская, патриотическая деятельность. С июня 1940 по июнь 1943 г. на территории ФЗА, в том числе и Су-

дана, власть находилась в руках генерал-губернатора П. Буассона, назначенного новым правителем Франции — Петеном. Различные кружки и организации, прекратившие деятельность с началом войны, постепенно восстановили свои ряды и в нелегальных условиях начали борьбу против фашистского режима. Прежде всего это проявилось в пропагандистских материалах «Свободной Франции» во главе с генералом де Голлем. В секретной телеграмме губернатор Судана сообщал в сентябре 1941 г., что в колонии принимаются подрывные радиопередачи три раза в неделю и что поэтому антиправительственные настроения ширятся среди местного населения [28]. Речь, видимо, идет о передачах патриотических радиостанций из Браззавиля или Батерста (ныне Банжул) в Гамбии. В специфических условиях Судана размах Движения сопротивления был невелик; тем не менее погибло до 30 человек [118, с. 47].

Демократическое движение развернулось с новой силой во второй половине 1943 г., после смещения и ареста Буассона и его приспешников. Были предприняты меры по укреплению антифашистского фронта, возобновилась мобилизация африканцев в армию де Голля, создаваемые части направлялись в Северную Африку. Были введены чрезвычайные налоги на войну, вновь экономика ориентировалась на помощь метрополии в борьбе против фашизма. Основная цель всех патриотических, демократических сил африканского общества состояла в том, чтобы максимально способствовать быстрой победе над гитлеризмом.

Именно так понимали свою задачу возникшие в конце 1943—1944 г. различные кружки, группы и организации, некоторые из них действовали в Судане в предвоенное время. Возобновила свою деятельность ассоциация «Фуайе дю Судан», которую возглавлял, как и прежде, Усман Эль Мадан. Среди ее влиятельных членов следует назвать М. Конате и М. Макумбу. Адвокат Фоде Туре основал общество «Эсперанс», объединившееся вскоре с группой Модибо Кейты. До этого Кейта вместе со своим братом Каесе руководили патриотической группой в Сикасо. В Каесе действовала группа «Комба АОФ», которую возглавлял Гей Баба Сисоко. «Фуайе дю Судан» стремилась объединить и координировать деятельность всех остальных организаций и групп; ей удалось привлечь на свою сторону и профсоюзы, запрещенные при режиме Виши [265, с. 40—43].

В демократическом движении Судана в 1944—1945 гг. активную роль играли французские коммунисты — учитель П. Морле и почтовый служащий М. Файет. Как вспоминает один из руководителей колониальной секции ФКП, коммунисты в Черной Африке действовали по собственной инициати-

ве, на свой страх и риск. В партии действовало строгое правило: покидая на длительный срок территорию Франции, ее члены сдавали партбилет и больше не считались принадлежащими к ФКП [81, с. 213]. Ж. Сюрэ-Каналь пишет, что по принципиальным соображениям руководство ФКП всегда отказывалось создавать партийные организации вне национальной территории [266, с. 16—17].

Живущие в Африке коммунисты тем не менее на индивидуальной основе создали в крупных городах политкружки, получившие название «группы по изучению коммунизма». Была такая группа и в Бамако; в ней французы и африканцы изучали пропагандистскую и политическую литературу, обсуждали актуальные вопросы общественной жизни, обменивались информацией.

Наиболее важным практическим результатом деятельности различных общественных организаций, групп и кружков явился сбор денежных средств в фонд победы: в 1943 г. было собрано около 20 млн. фр., в следующем году — 8 млн. фр. [139, с. 121]. Кроме того, они распространяли в массах правдивую информацию о ходе войны, о странах антигитлеровской коалиции. В Бамако и Каесе открылись секции общества «Франция — СССР». Организационное размежевание различных общественных сил Судана привело к тому, что в 1945 г. возникли ячейки будущих политических партий. К концу войны наибольшим политическим влиянием пользовались две партии метрополии: коммунистическая и социалистическая. В феврале 1945 г. с помощью коммунистов образовалась ассоциация «Демократия Судана», ее возглавляли Сикай Диаките и Мамаду Диоп; в конце года она была преобразована в Демократическую партию. Местная секция социалистов имела влияние на группы М. Конате и Ф. Д. Сисоко, которые впоследствии тоже выросли в политические партии [139, с. 145—151].

Браззавильская конференция 1944 г. Активизация общественной жизни в Судане в 1944—1945 гг. в немалой степени объяснялась решениями совещания губернаторов французских владений в Африке. Оно состоялось в Браззавиле с 30 января по 8 февраля 1944 г.

Принятые конференцией в Браззавиле резолюции стали в послевоенные годы программой новой колониальной политики Франции [252, с. 62—69, 180—181]. В этой программе отразились два направления общественно-политической мысли времен второй мировой войны: демократический дух антифашистского сопротивления и пробуждение народов колоний к активной деятельности [139, с. 24]. Несмотря на то что в документах конференции не говорилось о самоопределении африканских народов, логика освободительного процес-

са определила Браззавиль в качестве отправной точки на долгом пути к независимости. Идеи конференции со временем уточнялись, становились более решительными и масштабными. И хотя в ее работе африканцы не участвовали, именно благодаря их настойчивости произошла радикализация программы, лишь в самом общем виде намеченной в начале 1944 г.

СУДАН НА ПУТИ К НЕЗАВИСИМОСТИ (1945—1960)

1. Социальное и экономическое развитие

Изменение социальной структуры. В истории Судана пятнадцать послевоенных лет были насыщены важными процессами и событиями. После вызванного войной падения производства, прекращения строительства ирригационных сооружений, резкого сокращения экспорта наступил период довольно быстрого экономического развития, сопровождавшийся демографическим ростом и дальнейшей урбанизацией страны. Население Судана с 3,5 млн. человек в 1945 г. увеличилось до 4,2 млн. человек в 1949 г. При этом территория колонии сократилась, так как на севере была выровнена граница с Мавританией, а ряд юго-восточных округов передан восстановленной Верхней Вольте [149, с. 21]. Увеличился рост городского населения, особенно это касалось Бамако: с 1910 по 1960 г. число его жителей выросло в 20 раз. Еще в 1948 г. Бамако населяло всего 38 тыс. человек, а к моменту получения независимости — уже 130 тыс. [237, с. 9—10]. В целом по стране после войны в городах проживало 100 тыс. человек, а в 1959 г. городское население составляло 250 тыс. человек (или 6% всего населения) [149, с. 22].

Постепенно изменилась социальная структура суданского общества: росло число рабочих и служащих, местной интеллигенции, усилилась дифференциация крестьянства, в деревне появился наемный труд. Вместе с тем сохранилось большое число торговцев, причем их социальная и политическая роль даже возросла; в экономике по-прежнему значительное место занимали ремесленники. Лишь к концу 50-х годов в силу больших политических перемен упал авторитет традиционных вождей, за исключением кочевых племен, как и раньше руководимых феодальной знатью.

О социальном составе населения Судана судить затруднительно, так как статистические данные весьма противоречивы; трудно отделить рабочих от служащих, в число рабо-

чих нередко включалась домашняя прислуга. Кроме того, не всегда можно определить количество лиц европейского и африканского происхождения в той или иной социальной группе. Тем не менее табл. 4 дает представление о росте числа лиц наемного труда африканского происхождения за 10 лет (1948—1958) [184, с. 45].

Т а б л и ц а 4

Лица наемного труда в Судане,
тыс. человек

Год	Взрослое население	Лица наемного труда	Из них рабочих		
			квалифицированных	неквалифицированных	
1948	15,0	33,7	5,5	20,4	25,9
1958	1850	36,2	8,6	18,6	27,2

Приведенные данные показывают рост как занятых наемным трудом, так и рабочих. Следует отметить более быстрое увеличение числа квалифицированных рабочих по сравнению с неквалифицированными. Доля последних в общей массе пролетариата, хотя и остается чрезвычайно высокой, за указанный период упала примерно на 10%.

По другим данным, в 1954 г. в Судане насчитывалось 30 тыс. рабочих, из них в государственном секторе трудилось 11 тыс., а в частном — 19 тыс. человек [65, с. 141]. По всей вероятности, в это число включены как европейцы, так и африканцы.

В послевоенные годы выросло и число сельскохозяйственных рабочих, почти все они были заняты на плантациях «Офис дю Нижер». Накануне независимости их количество превысило 11 тыс. человек [116, с. 109].

Очень сильно в 40—50-е годы увеличилась численность служащих. Следует учесть, что в эту группу кроме чиновников входили учителя, медики, руководящий состав госпредприятий. Если с 1928 по 1945 г. количество служащих возросло только на 700 человек, то в послевоенные годы оно увеличилось на 6 тыс. и достигло 17 тыс. человек [149, с. 46]. Высший и средний эшелон, как правило, составляли выходцы из метрополии; встречались среди них и уроженцы вестиндских колоний Франции, а также сенегальцы. Младший состав, а он составлял более 10 тыс. человек, состоял из представителей местного населения.

Одной из самых многочисленных групп населения были ремесленники, их численность к середине 50-х годов превы-

шала 200 тыс. [116, с. 126]. Ремесленников в Судане было больше, чем во всех французских колониях Западной Африки, вместе взятых. В этой социальной группе произошло перемен меньше, чем в других. Как и прежде, ремесленник производил вручную нехитрые изделия из хлопка, глины, металла или кожи, сбывая их на ближайшем рынке. Новым было применение наемного труда; статистика зарегистрировала 70 наемных работников, занятых в ремесленном производстве.

Влиятельной общественной силой в годы борьбы за независимость Судана проявили себя торговцы. Они составляли около 17% активного населения страны, обладали высоким самосознанием, контролировали сбыт и распределение основных товаров [183, с. 145—148]. Многие из них (20—25 тыс. человек) вели торговлю за границами колоний, переводили домой немалую часть своих доходов, способствуя, таким образом, пополнению бюджета твердой валютой [193, с. 46]. Традиционные коммерсанты торговали главным образом тремя видами товаров: крупным рогатым скотом, рыбой и орехами кола. В послевоенные годы особенно возросли доходы торговцев скотом; укрепила свои позиции группа коммерсантов, основным товаром которых был арахис. Они имели дело, как правило, с крупными экспортными фирмами, владельцы которых находились в метрополии.

Крестьяне земледельцы и скотоводы (в пустынных и полупустынных районах севера и востока) составляли, как и до войны, основную часть населения Судана — примерно 85%. Хотя урожайность основных культур мелкотоварных крестьянских хозяйств (посо, рис-падди, маис) остается довольно низкой, общее производство продукции растет за счет освоения новых земель. Получило дальнейшее распространение плужное земледелие, хотя $\frac{3}{4}$ хозяйств обрабатывали свои поля традиционной мотыгой. В среднем на каждое хозяйство приходилось по 3 га земли, но примерно 5% из них имели свыше 10 га. В 50-е годы в районах интенсивного земледелия на плодородных землях выделяется группа зажиточных крестьян, производивших на рынок значительное количество зерна. Они давали займы деньги своим соседям под ростовщические проценты, пользовались наемным трудом. Так, в 1956 г., согласно официальным данным, 43 богатых крестьянина нанимали 600 батраков во время уборки урожая [116, с. 123].

Тем не менее социальная дифференциация основной массы крестьянства едва намечалась. Иначе обстояло дело на землях «Офис дю Нижер», где в послевоенные годы крестьяне-колоны благодаря росту урожайности и высокой торговой конъюнктуре стали обладателями крупных денежных

сумм. Встречались семьи, имевшие годовой доход в 300—400 тыс. афр. фр. [116, с. 121—122]. Однако в их руках не происходило концентрации земли, так как в районе орошаемого земледелия нельзя было продавать землю. На остальной же территории Судана, где имелись обширные пространства незанятой земли, богатство крестьянина определялось не количеством гектаров, а наличием рабочей силы, тяглого скота, посевного материала и главным образом естественным плодородием почвы. Поэтому внутреннее расслоение крестьянства шло не по величине надела, а по доходам.

В обществах судано-сахельской зоны скотоводы всегда занимали важное место. К концу 50-х годов, накануне получения независимости, скотоводством как основным занятием занимались 500 тыс. фульбе Масыны (крупный рогатый скот) и 200 тыс. жителей Сахары — мавров и туарегов (разводили верблюдов, коз, овец) [183, с. 102—103]. В условиях роста поголовья и экспорта живого скота в английские колонии обострились противоречия между непосредственными производителями и скототорговцами, которые наживали большие барыши. Несмотря на развитие товарно-денежных отношений, в обществах скотоводов сохранялись прежние архаичные социальные связи.

Экономическое развитие. Период 1945—1960 гг. в экономической истории Судана характерен более активной политикой метрополии по расширению инвестиций в экспортный сектор земледелия, в промышленность и строительство дорог. В основе такого поворота в колониальной политике Франции лежали решения Браззавильской конференции 1944 г., где говорилось о финансовых расходах по «модернизации и оснащению» хозяйства африканских владений. Этот пункт получил воплощение в условиях демократического подъема во Франции в первые послевоенные годы.

В апреле 1946 г. Учредительное собрание приняло Закон о создании Инвестиционного фонда экономического и социального развития заморских территорий (сокращенно ФИДЕС). Если прежде колонии получали необходимые средства под высокий процент, то теперь основная нагрузка ложилась на правительство метрополии, которое через ФИДЕС финансировало различные экономические проекты. Приток капиталов в колонии по сравнению с довоенным периодом увеличился в несколько раз; часть денег шла из помощи, получаемой от США по «плану Маршалла» [142, с. 81—83]. Несколько возросли и частные капиталовложения. В целом если в экономику Судана в 1945 г. было вложено 1 млрд. фр., то в последний год накануне независимости эта сумма возросла до 5,6 млрд. фр. Динамика и структура инвестиций показана в табл. 5 [149, с. 42].

Т а б л и ц а 5

Рост инвестиций в экономику Судана,
млрд. фр.

	1945 г.	1959 г.
Государственные	0,4	3,1
Частные	0,6	2,5
Всего	1	5,6

Всего за 13 лет (1947—1959) в экономику Судана было вложено 28 млрд. фр. (в неизменных ценах), в том числе более 8 млрд. пошло на расширение и модернизацию ирригационной системы «Офис дю Нижер» [149, с. 39]. Если взять лишь государственные инвестиции за 1947—1957 гг., то эта цифра будет иной — 12,6 млрд. фр., ³/₄ из которой выделено «Офис дю Нижер» [193, с. 41].

После 1946 г. экономика африканских колоний стала рассматриваться как составная часть хозяйства метрополии, поэтому соответствующие показатели вошли в программу послевоенного восстановления Франции.

Намечались меры по строительству в Судане промышленных предприятий и шоссейных дорог, объектов энергетики, а также по механизации сельского хозяйства. Как следствие, произошел рост импорта из Франции оборудования, в целом увеличился товарооборот между колониями и метрополией [192, с. 13].

За послевоенные годы в Судане были пущены электростанции в Гао (1952 г.), Бугуни (1954 г.) и Мопти (1958 г.). Быстрыми темпами строились дороги с твердым покрытием: если в 1955 г. таких дорог было менее 300 км, то к 1960 г. протяженность шоссейных дорог достигла 1044 км [65, с. 209, 234]. Что касается промышленности, то за этот период сформировались два основных центра — в Бамако и в районе «Офис дю Нижер» (треугольник Сегу — Маркала — Сансандинг). Если предприятия Бамако обслуживали главным образом железную дорогу, то в ирригационный комплекс входили электростанция, ремонтно-механические мастерские, кирпичный завод, четыре рисоочистительных завода. В Нионо был построен хлопкоочистительный завод [116, с. 110]. Таким образом, промышленность Судана находилась в зачаточном состоянии и насчитывала несколько десятков мелких ремонтных предприятий и мастерских, а также объекты первичной обработки сельскохозяйственного сырья.

Основное внимание колониальные власти, как и в предвоенные годы, уделяли развитию экспортных культур на зем-

лях «Офис дю Нижер». Перед государственной фирмой была поставлена двудеяная задача — освоение новых земель под орошение и повышение урожайности, чтобы увеличить экспорт в метрополию и соседние колонии хлопка и риса. Хотя намеченные в планах контрольные цифры не были достигнуты (особенно по хлопку), интенсивное земледелие на орошаемых участках показало свои преимущества перед традиционной обработкой дедовскими способами.

На территории «Офис дю Нижер» возобновилось строительство ирригационных систем, прерванное войной. Всего с 1945 по 1959 г. было обустроено 47 тыс. га новых земель, но засевалось менее половины [149, с. 24]. Отчасти это объясняется нехваткой рабочей силы из-за нежелания крестьян-общинников терять свою свободу и становиться подневольными работниками на чужой земле. Были серьезные просчеты при проектировании магистральных и внутрихозяйственных каналов, качество строительства не всегда было высоким.

Организация труда в «Офис дю Нижер» регламентировалась министерским распоряжением от 31 декабря 1955 г. Арендаторы получали землю в пожизненное пользование (т. е. становились колонами) лишь после 10 лет работы в компании. Акт об этом выдавался от имени губернатора Судана; участок нельзя было продавать или отчуждать. Можно было его передать в наследство только сыну, если он работал вместе с отцом. Платежи за землю и воду вносились натурой, но не более $\frac{1}{2}$ урожая. Администрация имела право лишать колона его участка, если он не выполнял предусмотренную работу, предупредив его об этом за три месяца. Решение о выселении должен был утвердить губернатор; это правило имело целью не допустить произвола компании [295, 14.04.1956, с. 654—656].

Орошаемые участки были одинаковой величины: под хлопок — 12 или 20 га, под рис — 24 га. Колоны селились из расчета один человек на один гектар обрабатываемой земли, они объединялись в поселки, за которыми закреплялись 300—500 га земли. Всего на 1 июня 1955 г. в «Офис дю Нижер» насчитывался 91 поселок с населением 28 тыс. человек [285, 1955, № 16, с. 13]. На момент обретения независимости количество колонов достигло 35 тыс. Компания предоставляла переселенцам дома, точнее, хижины из необожженной глины размером 3×3 м из расчета две комнаты на 5 человек, включая детей. Руководство и контроль за полевыми работами осуществляли в каждом поселке бригадиры-африканцы, а в 4—5 поселках (площадью по 1200—2000 га) — инструкторы, как европейцы, так и африканцы. Африканцы, как правило, были выпускниками Сельскохозяйственного

училища в Катибугу. Наконец, высшее руководство было в руках двух агрономов-контролеров, которым подчинялась вся производственная деятельность на главных поливных плантациях в Нионо и Курумари [285, 1957, № 20, с. 18—24].

Компания основала три научные агрометеорологические станции, где проводились опыты по выведению новых сортов риса и хлопка, применению удобрений и инсектицидов, рациональному использованию воды для орошения [285, 1958, № 28, с. 1—4]. Эти усилия, как и упорный труд искусных земледельцев-колонов, не пропали даром: урожайность культур на землях «Офис дю Нижер» значительно выросла. Так, если в 1933/34 г. получали только по 9 ц риса с гектара, то в 50-е годы его урожайность выросла до 17 ц, а в лучшие годы — и до 20 ц с гектара. Больше стали получать и суходольного риса-падди [285, 1955, № 16, с. 2—4]. В 1959 г. производство риса по сравнению с 1945 г. выросло более чем в два раза (с 24 тыс. до 58 тыс. т), в то время как в крестьянских хозяйствах сбор увеличился незначительно [149, с. 24]. Следует учесть и то, что продукция «Офис дю Нижер» шла по преимуществу на рынок, крестьяне же производили товарного риса мало.

Другая экспортная культура — хлопок, ради которого, собственно говоря, и строились дорогостоящие ирригационные сооружения на Нигере, в послевоенные годы выращивался колонами крайне неохотно из-за низких закупочных цен. Еще в 1953 г. его было собрано менее 200 т. Только начиная с 1957 г., когда обнаружилось перепроизводство риса и возникли трудности с его сбытом, часть земель стала засеиваться хлопком. В 1959 г. им было занято 5300 га с урожайностью 600 кг с гектара. Всего было собрано 3100 т хлопка, в основном длинноволокнистых сортов на экспорт. В то же время в крестьянских хозяйствах на богаре при урожайности в три раза меньшей было собрано 5400 т. Правда, по своим свойствам он мог идти только на производство низкосортных тканей; его заготовку вела Французская компания по развитию текстиля — СФДТ. Этот хлопок в большом количестве перерабатывался на месте традиционными ремесленниками [149, с. 25].

Если перейти от «Офис дю Нижер» к состоянию крестьянских хозяйств, то следует прежде всего сказать о производстве главной экспортной культуры — арахиса, который не выращивался на орошаемых землях государственной фирмы. Арахис производили только мелкотоварные крестьянские хозяйства западной части Судана. В годы войны из-за невозможности вывоза продукции посевы под арахисом сильно сократились. Затем, несмотря на низкую урожайность, производство постепенно росло, главным образом за счет рас-

ширения занятых площадей. К середине 50-х годов в Судане собирали более 100 тыс. т арахиса при 65—75% товарности. Рекордный урожай был собран в 1958 г., благоприятном по климатическим условиям,— 122 тыс. т [116, с. 84; 149, с. 25]. Важно отметить, что рос не только экспорт арахиса, приносящий крестьянам немалые доходы, но и потребление на месте.

В послевоенные годы расширились площади под зерновые традиционного вида — просо, сорго. Хотя их урожайность оставалась низкой (5—7 ц с 1 га), общая площадь посевов в 1959 г. достигла 1,2 млн. га, поэтому сбор был большой. Наибольший урожай за весь колониальный период был собран осенью 1958 г.— 800 тыс. т; на рынок, однако, шло обычно в пределах 3—4%, остальное зерно потреблялось на месте [116, с. 84; 149, с. 23].

Оба сектора земледелия Судана — современный в лице «Офис дю Нижер» и традиционный — после войны развивались в условиях благоприятной экономической конъюнктуры. Стоимость всей сельскохозяйственной продукции (в неизменных ценах) возросла в 1,5 раза: с 24,6 млрд. фр. в 1945 г. до 35,7 млрд. фр. в 1959 г. [149, с. 30; 53, т. 1, с. 349]. В животноводстве усилилась борьба против эпизоотий, производилась массовая вакцинация скота, улучшалось обеспечение пастбищ водой. Как результат всех этих мер, выросло поголовье, экспорт живого скота за послевоенные годы увеличился в пять раз, а в стоимостном выражении рост был еще более стремительным — в 7,4 раза [149, с. 26—28].

Общее представление о развитии экономики Судана в 1945—1960 гг. дает анализ динамики экспорта. В неизменных ценах он вырос в 3,5 раза (с 2,2 млрд. до 7,8 млрд. фр.). Структура современного сектора складывалась из производства арахиса и хлопка. Рис почти не вывозился за границу и оставался по преимуществу пищей жителей городов Судана. Стоимость экспорта двух названных выше продуктов выросла с 0,4 млрд. в 1945 г. до 2,9 млрд. фр. в 1959 г., т. е. более чем в семь раз. Товары традиционного сектора (живой скот, сушеная рыба, просо) за тот же период дали стране дохода в два раза больше [149, с. 53].

2. Политическая жизнь Судана в 1945—1958 гг.

Судан в составе Французского Союза. После окончания второй мировой войны в политическом статусе Судана произошли серьезные изменения, связанные с установлением нового государственного строя метрополии. 29 сентября 1946 г. в итоге многомесячных обсуждений двумя составами

Учредительного собрания, куда входили и представители французских колоний в Африке, была принята новая конституция и провозглашена IV Республика. В конституции впервые была признана важность заморских территорий (так стала называться бывшая колониальная империя), объявлено о создании Французского Союза.

В состав Союза вошла в качестве федерации из восьми территорий, в том числе Судана, Французская Западная Африка. Политический режим, установленный конституцией 1946 г., существовал до падения IV Республики в 1958 г., хотя некоторые изменения произошли уже в 1956 г.

По конституции в высшие законодательные органы Франции — Национальное собрание и сенат, а также в Ассамблею Французского Союза должны были избираться представители заморских территорий. От Судана в Национальное собрание следовало послать трех депутатов, в сенат — четырех представителей и пятерых — в Ассамблею Союза. Кроме того, создавался Большой совет ФЗА из 40 членов, по 5 делегатов от каждой входящей в федерацию территории. Наконец, органом местного самоуправления становился генеральный совет колонии, председателем которого по должности являлся губернатор.

Одновременно с организацией власти Учредительное собрание отменило ряд прежних законов, вызывавших наибольший протест жителей колоний и не соответствовавших новому курсу. Первый закон подобного рода был принят 22 декабря 1945 г. и дополнен 20 февраля 1946 г., он ликвидировал эндиженат — систему внесудебных административных наказаний африканцев. Затем было отменено традиционное местное судопроизводство, основанное на обычном праве, и введен в действие Французский уголовный кодекс. В течение 1946 г. были приняты законы о свободе ассоциаций, давший право жителям колоний создавать различного рода организации, и о свободе печати. В заморских территориях учреждались избираемые населением местные представительные органы. Жители колоний, считавшиеся прежде подданными, стали французскими гражданами. Хотя всеобщего избирательного права африканцам пришлось ждать еще десять лет, по закону от 5 октября 1946 г. оно было распространено на новые группы населения. Всего получили право голоса 12 категорий африканцев, среди них члены и бывшие члены муниципалитетов, руководство торговых и сельскохозяйственных палат, профсоюзов, люди, имевшие не менее десяти лет стажа пребывания в кооперативах, профсоюзах, обществах взаимопомощи, а также все награжденные военными или гражданскими медалями, ветераны войны, священники, вожди, владельцы недвижимой собственности, торгов-

цы, имеющие лицензию. Наконец, избирательные права получали африканцы, у которых были удостоверения на право вождения автомобиля или охотника [302, 1956, № 1, с. 4].

Несмотря на весьма внушительный перечень профессий и должностей, дававших право голоса, число избирателей Судана на выборах в Национальное собрание Франции в ноябре 1946 г. составляло всего 160 тыс. человек, или 2% населения страны [112, с. 50]. Неудивительно поэтому, что одним из основных требований антиколониального движения было предоставление избирательных прав всему взрослому населению страны.

Принятые в 1945—1946 гг. законодательные акты стали внешним фактором вовлечения в политическую борьбу суданцев. Участие в выборах в Учредительное собрание осенью 1945 г. явилось мощным толчком для формирования нескольких политических партий, определения их лозунгов и программ, выявления наиболее авторитетных лидеров.

Основание политических партий, их программы. Возникшие в Судане в условиях демократического антифашистского подъема общественные организации стали ядром возникших в 1945—1946 гг. политических формирований. Правда, этот процесс шел с большими трудностями: низкая политическая культура или, точнее, ее отсутствие, неразвитость социальных противоречий привели к тому, что созданные партии вскоре распадались, сливались друг с другом или, напротив, единые организации раскалывались. Кроме того, ряд лет в общественной жизни Судана активную роль играли представители крупных партий метрополии — коммунистической, социалистической и католической (за ней шло большинство белого населения колонии). Определенным влиянием пользовались и социалисты соседнего Сенегала, в особенности их лидер Ламин Гей, неоднократно бывавший в Бамако с пропагандистскими выступлениями.

Раньше других в особую организацию оформились сторонники коммунистов, объявившие 14 февраля 1945 г. о создании ассоциации «Демократия Судана» (в поданной губернатору декларации был употреблен термин «партия»). В ее состав вошли рабочие и служащие Бамако. Возглавляли эту организацию французский коммунист Жакэ и местный уроженец Сикай Диаките [139, с. 137].

«Демократия Судана» весной 1945 г. была преобразована в «Национальный фронт», а в декабре того же года получила название Суданской демократической партии (СДП); ее генеральным секретарем стал француз Морле, заместителем — Идриса Диара. Имеются сведения, что среди ее членов некоторое время были и братья Кейта, Модибо и Касе [265, с. 48—49]. Партия развернула работу среди рабочих,

ремесленников и служащих Бамако; ее первичные организации возникли в Сегу, Молли, Каесе. Под ее влиянием оказалось созданное весной 1946 г. региональное объединение профсоюзов, во главе которого находился Абдулай Диало, впоследствии один из руководителей Всемирной федерации профсоюзов [139, с. 146—148]. Тем не менее, несмотря на большую организаторскую деятельность, СДП не смогла привлечь на свою сторону широкие массы избирателей, что показали состоявшиеся осенью 1945 и в июне 1956 г. выборы в Учредительное собрание Франции.

Другая политическая партия — Суданский блок — окончательно оформилась между двумя турами голосования в первое Учредительное собрание. Декретом временного правительства Франции от 21 октября 1945 г. были назначены выборы делегатов в Учредительное собрание с участием жителей заморских территорий. Избиратели делились на две курии — французских граждан и не граждана-африканцев, получивших право голоса на основе личного статуса. Судан и Нигер были объединены в один округ, в котором было зарегистрировано около 33 тыс. избирателей [265, с. 43].

Среди выдвинутых кандидатов трое имели наибольшие шансы быть избранными: Фоде Туре, Мамаду Конате и Фили Дабо Сисоко. Первый из них, популярный среди молодой интеллигенции лидер группы «Эсперанс», имел юридическое образование, но по происхождению он был гвинейцем; кроме того, на митингах говорил абстрактно и не мог привлечь на свою сторону массы избирателей. Конате, близкий по своим взглядам к социалистам, встретил, однако, противодействие колониальной администрации, во главе которой был губернатор-социалист. Широкая поддержка была оказана Сисоко, проявившему в 1945 г. большую общественную активность. На многочисленных митингах он произносил зажигательные речи по наиболее актуальным вопросам; он требовал уравнивания зарплаты африканцев и европейцев, равенства всех перед законом, ликвидации принудительного труда, эмансипации женщин, одинаковых учебных программ в школе. Он был вице-президентом ассоциации «Франция — СССР» в масштабах всей ФЗА, пропагандировал двуязычие при обучении детей в школе по опыту СССР и в то же время снижал широкую поддержку консервативных групп Судана, защищая власть и привилегии традиционной верхушки общества [243, с. 273—174].

Как в первом туре выборов, состоявшемся 21 октября 1945 г., так и во втором, месяц спустя, победил Сисоко с большим преимуществом. Конате остался на втором месте, несмотря на то что в промежуток между турами его сторонники объединились в партию Суданский блок, куда вошли

группы М. Кейты, Тиджани Сидибе и др. [139, с. 143]. С осенних выборов 1945 г. в политической жизни Судана, где возникло более десятка различных партий, начинается поляризация сил вокруг двух лидеров: Фили Дабо Сисоко и Мамаду Конате.

После выборов формирование политических партий в Судане ускорилось. Уже в январе следующего года произошла консолидация консервативных, профранцузски настроенных общественных сил, создавших Суданскую прогрессивную партию (СПП), во главе которой стал Сисоко. Партии оказывал открытую поддержку губернатор колонии. Вскоре к ней присоединился влиятельный политический деятель Жан Сильвандр, уроженец о-ва Мартиника, состоявший прежде в Суданском блоке. Руководство СПП считало, что африканские колонии, и в частности Судан, скорее добьются политической автономии не путем противостояния, а благодаря тесному сотрудничеству с Францией. В этом Сисоко находил полное понимание с министром по делам Франции М. Муте [265, с. 50—51].

В середине 1946 г. Суданский блок слился с местной секцией Французской социалистической партии и был преобразован в Социалистическую партию Судана (СПС). Связи новой партии с французскими и сенегальскими социалистами, однако, вскоре прервались из-за того, что министр и губернатор, оба социалисты, оказывали помощь соперникам из СПП. Этим в немаловажной степени объясняется и сближение Конате с братьями Кейта и другими деятелями из СДП.

На выборах во второе Учредительное собрание в июне 1946 г. вновь победил Сисоко с еще большим перевесом, чем в предыдущем году: за него было отдано 17 тыс. голосов, в то время как Конате получил чуть больше 4 тыс. Осенью предстояли новые выборы, на этот раз в Национальное собрание Франции, причем количество избирателей увеличилось в пять раз. Судан на этот раз был отделен от Нигера и составлял отдельный избирательный округ, от которого следовало выбрать трех депутатов. Выборы были назначены на ноябрь 1946 г.

Между тем в сентябре ряд видных деятелей африканских колоний, депутатов Учредительного собрания (среди них Ф. Д. Сисоко, Ф. Уфуэ-Буаньи, Г д'Арбусье) выпустили обращение, в котором призывали к созданию единого союза общественных организаций Черной Африки для борьбы против наступления колониализма и реакции. Они высказывались за расширение местного самоуправления, укрепление Французского Союза и его демократизацию, не требуя политической независимости своих стран. В обращении предлага-

лось созвать в Бамако конгресс всех политических движений для создания единой партии.

Призыв к объединению получил широкую поддержку снизу. Каждая из трех основных партий Судана — прогрессисты, социалисты (часто называвшиеся по-старому Суданским блоком) и демократы — послала на конгресс по пять делегатов. Прибыли также представители от многих территорий Западной и Экваториальной Африки, а также от французских прогрессивных организаций. Конгресс начался в торжественной обстановке 18 октября 1946 г. Правда, накануне его открытия начались закулисные маневры по его срыву: Сисоко отказывался входить в новую партию, считая, что в ней будут доминировать коммунисты. С трудом удалось уговорить его председательствовать на первом заседании. Во вступительной речи Сисоко сказал: «Нет, это ваш конгресс, потому что это маневр коммунистов. Я же, француз и традиционалист, не хочу быть коммунистом» [243, с. 275].

После продолжительных обсуждений было провозглашено создание Африканского демократического объединения, имевшего местные секции в каждой колонии, был принят его учредительный манифест. Демократическое объединение Африки (ДОА) требовало равенства политических и социальных прав, свободы личности и прав на культурное развитие, создания демократических местных органов, наконец, добровольного союза африканских народов с народом Франции [67, с. 23—24; 229, с. 24—44]. Было признано необходимым, чтобы африканские политические силы в каждой колонии соединились в одну партию и на приближавшихся выборах выступили с единым списком. Выполняя решения конгресса, три суданские партии объявили о создании Суданского союза, секции ДОА (СС — ДОА). Однако менее чем через месяц Сисоко со своими сторонниками вышел из Суданского союза и восстановил самостоятельную СПП [269, с. 16].

На выборах 10 ноября 1946 г. в Национальное собрание Франции боролись два списка; в первом, выдвинутом прогрессистами, были Сисоко и Сильвандр, другой возглавлял лидер Суданского союза М. Канате. Первый список получил 60 тыс. голосов, второй набрал более 27 тыс. голосов. В итоге политической борьбы в парламент Франции прошли три руководителя главных партий страны: СПП и СС — ДОА [243, с. 276].

Кроме названных выше двух главных партий Судана, оформившихся окончательно к концу 1946 г., на политической карте страны появился целый ряд мелких региональных партий, объединявших население на этнической почве. Они назывались по-разному: Союз жителей Каеса, Демократи-

ческий союз жителей Сегу, Союз марка-пель, Ассоциация уроженцев Сахары и др. Более крупной и влиятельной была основанная в 1947 г. партия Союз догонов. Все эти партии, возглавлявшиеся родо-племенной и феодальной знатью, на выборах поддерживали партию прогрессистов Сисоко, сторонников Суданского союза называли коммунистами и жестоко преследовали [269, с. 153]. На очередных выборах в Национальное собрание Союз догонов вступил в блок с СПП и провел своего представителя Хамадуна Дико в парламент. Третий депутат, избранный по списку прогрессистов, был кантональный вождь фульбе из Масины А. Корейси. В середине 50-х годов Союз догонов раскололся: Союз населения Бандиагары (руководители — Секу Кансаи и Ламин Доло) поддержал СС — ДОО и позже вступил в него. Другая же часть догонов, во главе которой оказался Дико, сын кантонального вождя, сохранила прежние тесные связи с СПП; сам Дико стал ближайшим союзником лидера СПП Сисоко [243, с. 279—280, 422].

Уже первые политические битвы за голоса избирателей наглядно показали, что СПП является партией деревенских и кантональных вождей; ее электорат составляют консервативные слои суданского общества, главным образом сельские жители. Лидеры партии одобряли все исходившие из Парижа директивы и циркуляры. В свою очередь, французская администрация более или менее открыто поддерживала СПП, делая все возможное для победы ее кандидатов на выборах и чиня препятствия ее противникам.

Другое дело — Суданский союз; его социальной базой было городское население, по преимуществу интеллигенция, торговцы, рабочий класс, а также часть крестьян, представители низших каст. Многие руководители партии учились в школе им. Понти в Дакаре, затем работали учителями, некоторые из них прошли через кружки по изучению коммунизма в 1943—1945 гг. Особенно ценной для Суданского союза оказалась поддержка со стороны торговцев, которые не только пополняли партийную кассу пожертвованиями на предвыборные кампании, но и проводили агитационную работу в глубинных районах, обеспечивали быструю связь со своими сторонниками.

Руководство СС — ДОО требовало от первичных организаций повседневной практической работы среди различных слоев населения. В одном из циркуляров, направленном на места, требовалось изучить условия жизни рабочих, крестьян, ремесленников, ветеранов войны, с тем чтобы партия могла оказывать им помощь и привлечь на свою сторону. Партийным функционерам предписывалось не проводить закрытых собраний только для членов партии, а охватывать

пропагандистской деятельностью массы беспартийных, в том числе неграмотных бедняков [229, с. 67—72].

Как в высшем руководстве ДОО, так и среди лидеров Суданского союза усиливались центробежные тенденции. Представители умеренного крыла все чаще стали высказываться против сотрудничества членов ДОО — депутатов Национального собрания Франции с коммунистами. Посетивший Судан в 1949 г. сотрудник колониального отдела ЦК ФКП вспоминает, что за продолжение взаимодействия с коммунистами по парламентской и профсоюзной линии высказывались Касе Кейта и Абдулай Диало; в то же время они жаловались на Конате, занимавшего более умеренные позиции [81, с. 200, 221, 222]. Усилились репрессии колониальной администрации против сторонников СС — ДОО. В начале 1950 г. в Сикасо три члена Суданского союза были избиты полицией, брошены в тюрьму по ложному обвинению [229, с. 140]. Были сфабрикованы дела против журналистов партийной газеты «Эссор», против профсоюзных активистов. Репрессии обрушились на секции ДОО и в других французских владениях, в особенности в БСК и Гвинее.

В условиях наступления реакции руководство ДОО 18 октября 1950 г. пошло на разрыв отношений с ФКП. В официальном сообщении эта мера объяснялась желанием отнять у реакционеров повод для обвинения в коммунизме. Говорилось также о том, что в создавшейся ситуации «лучшей формой защиты высших интересов Африки» будет самостоятельное существование группы депутатов заморских территорий [229, с. 160].

На выборах в Национальное собрание Франции, состоявшихся в июне 1951 г., ДОО потеряло много голосов и смогло провести лишь трех депутатов, среди них от Судана был избран М. Конате. Число избирателей многократно возросло, так как по закону от 23 мая 1951 г. право голоса получили все мужчины, являвшиеся главами семьи и платящие налоги, также женщины, имевшие не менее двух детей. Если в Судане на предыдущих выборах было 160 тыс. избирателей, то теперь их число превысило 900 тыс. Правда, участвовали в выборах лишь 340 тыс., из них за прогрессистов проголосовало 200 тыс., а за Суданский союз — 115 тыс. В парламент СПП провела трех депутатов (Сисоко, Дико и Корейси), а СС — ДОО — только одного (Конате). Примерно так же распределились голоса на выборах в территориальную ассамблею Судана в марте 1952 г. В начале 50-х годов стало ясно, что в политической жизни Судана соперничество между СПП и СС — ДОО постоянно заканчивается в пользу первой партии. Суданскому союзу понадобилась целеустремленная организаторская и пропагандистская работа в тече-

ние четырех лет, чтобы склонить чашу весов на свою сторону.

Рабочее и крестьянское движение. Окончательная победа Суданского союза в противоборстве с Суданской партией прогрессистов была обеспечена поддержкой со стороны рабочего класса и крестьянства. С самого своего зарождения СС — ДОА действовал в тесном союзе с профсоюзным движением. Организованный в 1946 г. региональный союз суданских профсоюзов входил в руководимую компартией Всеобщую конфедерацию труда (ВКТ) Франции. В первые послевоенные годы шел быстрый рост профессиональных союзов: в 1947 г. их насчитывалось 22, а в следующем году стало 36, из них в государственном секторе — 24 (2800 членов), а в частном — 12 (5800 членов) [54, с. 2, с. 420]. Профсоюзы объединяли около 25% всех работавших по найму; это была самая политически активная часть суданского рабочего класса.

Большое влияние на политическое пробуждение пролетариата Судана оказала пятимесячная забастовка железнодорожников на линии Дакар — Нигер, которая продолжалась с 10 октября 1947 г. до 19 марта 1948 г. Забастовку поддерживали африканские политические партии как Судана, так и Сенегала (стачечный комитет находился на сенегальской узловой станции в Тиесе); большую помощь предоставили французские рабочие через ВКТ. Администрация вынуждена была отступить и удовлетворить основные требования рабочих.

Уже в II съезде Суданского союза (сентябрь 1949 г.) вопрос о привлечении рабочих организаций на свою сторону был поставлен в качестве центрального. В резолюции имелся особый пункт о всемерной поддержке партией рабочих профсоюзов. Руководители регионального совета профсоюзов А. Диало и Ламин Соу были кооптированы в руководство СС — ДОА [139, с. 163]. Следует учитывать и обратную связь: многие партийные деятели возглавляли профсоюзы. Так, лидер партии М. Конате на протяжении многих лет был руководителем профсоюза учителей.

Особое внимание уделял Суданский союз работе среди крестьянства, с тем чтобы вырвать его из-под политического влияния традиционных вождей — опоры партии Сисоко. Хотя до середины 50-х годов сельские жители в своем большинстве голосовали за СПП и мелкие реакционные партии, авторитет СС — ДОА постепенно возрастал и в деревне. В 1954 г. член партии Мамаду Голого создал профсоюз сельскохозяйственных рабочих «Офис дю Нижер». В программе крестьянской организации были записаны наиболее важные требования: прекращение произвольных обысков и

изъятия зерна и скота, переход арендованной земли в полную собственность колонов, пересмотр тарифа оплаты натурой, разрешение использовать пустующие земли. Профсоюз ставил ряд политических вопросов: демократические выборы представителей трудящихся в административный совет фирмы, судебное разбирательство трудовых конфликтов, свобода торговли излишками продукции [232, с. 148—149]. Благодаря совместной работе профсоюза и местной партийной секции Суданского союза районы «Офис дю Нижер» превратились в оплот демократических сил. На выборах 1956—1957 гг. большинство голосов получила партия СС — ДОО.

В повороте крестьянства на сторону Суданского союза немаловажную роль сыграл проведенный в начале 1955 г. в Бамако крестьянский съезд. На нем были приняты обращение к земледельцам Судана и резолюция протеста против преследования властями рабочих и крестьянских организаций. Обширная программа борьбы крестьян за свои экономические и политические права включила 14 пунктов. Среди них были и такие, как уменьшение подушной подати и налога на скот, возвращение пахотной земли всем, у кого она была отобрана, признание за крестьянами профсоюзных прав и демократических свобод [131, с. 219—220].

Важным направлением деятельности антиколониальных сил Судана было требование введения трудового законодательства, соответствовавшего международным нормам. Несмотря на формальную отмену принудительного труда (по закону от 12 апреля 1946 г.), он на практике продолжал существовать. В Судане, как и до войны, призванная в армию молодежь направлялась на строительные работы. Трудовые лагеря, где содержались военнообязанные второй категории, были ликвидированы по закону от 6 февраля 1950 г., принятому Национальным собранием по предложению депутатов ДОО и ФКП [190, с. 549—550].

Состоявшийся в сентябре 1952 г. III съезд Суданского союза призвал к усилению борьбы против колониализма и поддержал требование рабочих о трудовом законодательстве. Лишь в декабре того же года после многомесячного обсуждения был принят кодекс о труде, который распространил на заморские территории демократические завоевания французского пролетариата. Среди них право на забастовки и на создание профсоюзов, 40-часовая рабочая неделя в промышленности, равная плата за равный труд, оплачиваемые отпуска, пособия на семью и на детей. Кодекс провозгласил полное запрещение любых форм принудительного труда [232, с. 143—144].

В 1952 г. число жителей Судана, имевших право голоса, увеличилось. По закону от 6 февраля избирателями станови-

лись все главы семьи (без ограничений, другими словами, все женатые мужчины. К 1955 г. политическими правами пользовалось около 1 млн. жителей Судана, или половина взрослого населения. По-прежнему оставалось в силе деление на граждан и не граждан. Распределение избирателей Судана по юридическому статусу показано в табл. 6 [302, 1956, № 1, с. 5].

Т а б л и ц а 6

**Распределение избирателей Судана
по юридическому статусу
(на 31 марта 1955 г.)**

Граждане		Лица, не являющиеся гражданами		Итого	
Всего населения	Избиратели	Всего населения	Избиратели	Всего населения	Избиратели
9800	7025	3 621 000	965 200	3 631 000	972 225

Предоставление избирательных прав всему взрослому населению, мужчинам и женщинам, грамотным и неграмотным, было одним из главных требований программы Суданского союза. По мере увеличения числа избирателей (с 33,6 тыс. на первых выборах осенью 1945 г. до 1 млн. в январе 1956 г.) росло политическое влияние СС — ДОО в массах и менялось соотношение сил между ним и СПП. Впервые Суданский союз получил на выборах больше голосов, чем СПП, на выборах в Национальное собрание Франции 2 января 1956 г.

Приход Суданского союза к власти. На этих выборах Суданский союз получил 215 тыс. голосов, в то время как СПП — только 162 тыс. Обе партии получили право послать в Национальное собрание по два депутата. СС — ДОО представляли многолетний лидер партии М. Конате и впервые избранный в парламент ее генеральный секретарь Модибо Кейта, от прогрессистов были избраны Ф. Д. Сисоко и Х. Дико. Ослабление СПП проявилось уже накануне голосования, когда из партии вышла группа Ж. Сильвандра, образовавшая Социалистическое движение в защиту интересов Судана. Спустя два года она вступила в Суданский союз [269, с. 154—155].

Большое значение для дальнейшего развития освободительного движения в Африке, и в частности в Судане, имело то обстоятельство, что на выборах 2 января 1956 г. большинство избирателей Французского Союза проголосовали за левые партии (коммунистов, социалистов, радикалов). Было создано левоцентристское правительство, в состав кото-

рого вошел лидер ДОО Ф. Уфуэ-Буаньи; М. Конате стал вице-председателем Национального собрания. Посты государственных секретарей в различных кабинетах 1956—1957 гг. занимали и другие суданские политические деятели: Ф. Д. Сисоко, М. Кейта, Х. Дико [155, с. 202]. После смерти Конате в мае 1956 г. на дополнительных выборах в Национальное собрание был избран кандидат СС — ДОО Барема Бокум, вскоре ставший мэром Мопти.

Выборы мэров крупнейших городов Судана в ноябре подтвердили сдвиг в пользу Суданского союза. Во главе его стали Бамако (М. Кейта), Сегу (Д. Кулибали), Сикасо (Ж. М. Коне), а также Мопти и Каеса. Процесс превращения СС — ДОО в господствующую партию завершился на выборах в территориальную ассамблею Судана в марте 1957 г., которые прошли на основе всеобщего избирательного права и единой курии. В этот раз число зарегистрированных избирателей превысило 2 млн. человек. Суданский союз в блоке с Союзом народов Бандиагары получил 64 мандата, в то время как СПП потерпела сокрушительное поражение. Эта партия, которая в течение 10 лет имела уверенное большинство в территориальной ассамблее, на этот раз смогла провести лишь шесть депутатов, причем ее ведущие деятели — Сисоко и Дико потерпели поражение.

Среди факторов победы СС — ДОО исследователи называют ее лучшую организацию и приход к руководству радикального крыла партии во главе с М. Кейтой, поддержку кандидатов партии со стороны профсоюзов. Немаловажную роль сыграло улучшение экономического положения африканских рабочих и служащих после принятия законов 1950—1952 гг. о равной оплате и о ликвидации принудительного труда [182, с. 18]. Наконец, победе Суданского союза способствовало и изменение общеполитической обстановки во Франции после выборов 1956 г., на которых победили левые партии.

Между тем политические полномочия территориальной ассамблеи значительно изменились. Еще 23 июня 1956 г. французский парламент принял важный «установочный» закон (или «закон-рамку»), который не только ввел в бывших колониях всеобщее избирательное право, но и обещал демократизацию местного самоуправления [302, 1956, № 4, с. 719—724]. В развитие этого закона 4 апреля 1957 г. президентским декретом вводилась новая система управления, по которой каждая территория получала право иметь собственное правительство (правительственный совет), избираемое территориальной ассамблеей. Председателем правительственного совета являлся глава территории (т. е. бывший губернатор), назначаемый метрополией. Хотя само прави-

тельство было подотчетно ассамблее и могло быть ею заменено, только французы определяли его политический курс [295, 20.04.1957, с. 823—837].

В соответствии с новым законом в мае 1957 г. было создано правительство из представителей Суданского союза; его возглавлял французский губернатор (глава территории), а заместителем председателя стал один из видных руководителей СС — ДОА — мэ́р Сикасо Сан-Мари Жоне. Несмотря на ограниченные полномочия территориальной ассамблеи и правительственного совета, новые органы власти взяли курс на проведение ряда реформ, имевших целью укрепить социальную базу победившей партии, ограничить власть колониальной администрации, устранить с политической арены оппозиционные партии и группы. Изменилось отношение правящей партии к профсоюзам. С одной стороны, руководящие деятели профсоюзов получили государственные посты; в частности, А. Диало стал министром труда. С этого, собственно говоря, началось постепенное огосударствление наиболее массовой рабочей организации. С другой стороны, партия и руководимое ею правительство в противовес профсоюзам стали активно поддерживать менее политизированные объединения трудящихся — кооперативы [232, с. 150].

В начале 1958 г. было принято решение об «африканизации» кадров административного аппарата. Предполагалась постепенная замена французских чиновников местными уроженцами. Кроме того, началась кампания по ликвидации института деревенских вождей; отныне сельское население должно было само избирать своих руководителей. Кантональных вождей следовало заменить чиновниками, назначенными правительством. Административная реформа раньше других осуществлялась в округах Сегу и Масина не только потому, что здесь особенно сильна была традиционная знать фульбе и бамбара, но потому, что прочные позиции имели политические противники СС — ДОА. Преобразования подорвали массовую базу СПП и двух этнических партий — Союза фульбе и Демократического союза населения Сегу [112, с. 85—86]. Вскоре последняя организация была распущена, а ее руководитель арестован [243, с. 421].

Общеполитические вопросы деятельности Африканского демократического объединения и его территориальных секций в новых условиях обсуждались на III конгрессе ДОА, который состоялся в Бамако в сентябре 1957 г.

Главный вопрос, обсуждавшийся на съезде африканских демократов, состоял в выборе пути дальнейшего политического развития стран Западной Африки: добиваться ли полной независимости или продолжать следовать принципу взаимозависимости в рамках франко-африканского сообщества?

Только делегат, представлявший Федерацию африканских студентов во Франции, потребовал немедленной независимости. В принятой политической резолюции напоминалось, что ДОО со дня основания признает принцип свободной ассоциации с народом Франции, поэтому высказывается за существование и демократизацию Французского Союза. Вместе с тем в резолюции высказывалось требование сохранить единство Западной Африки, не допустив ее «балканизации». Для этого предлагалось объединение автономных территорий в федерацию. На съезде была высказана важная мысль о необходимости перегруппировки политических сил Западной Африки, что предполагало объединение ДОО с другими партиями и организациями для достижения единства действий в борьбе за федерацию [302, 1959, № 2, с. 167—169]. Вместе с тем выявились определенные разногласия, поскольку президент ДОО Ф. Уфуэ-Буаньи, а вместе с ним делегации БСК и Мавритании высказались против будущей федерации. На конгрессе, таким образом, были посеяны семена раздора, приведшие в конце концов к «балканизации» ФЗА на отдельные государства.

Политическая перегруппировка привела к созданию в Судане ряда новых партий, которые оказались, однако, недолговечными. В конце 1957 — начале 1958 г. возникли Демократическое объединение Судана, Народный фронт Судана, Демократическое движение Судана. В марте 1958 г. совещание руководителей политических партий Западной Африки провозгласило создание Партии африканской перегруппировки (ПАП), в которую ДОО не вошло. В апреле несколько суданских политических организаций, в том числе СПП, объединились в Партию суданской перегруппировки (ПСП), ставшую территориальной секцией ПАП. Все эти перемены не сняли прежнего противоборства двух основных политических течений Судана — прогрессистов Сисоко, вошедших теперь в ПСП, и демократов из Суданского союза ДОО во главе с М. Кейтой. Начавшийся в мае 1958 г. в Алжире мятеж реакционных колониалистских сил привел к тому, что между ДОО и ПАП на общеафриканском уровне наметилось сближение позиций. В самом Судане ПСП не смогла поколебать монополию СС — ДОО на политическое лидерство, массовая база этой партии быстро таяла, многие ее члены требовали присоединения к Суданскому союзу.

Между тем события в метрополии развивались с огромной быстротой. 1 июня 1958 г. режим IV Республики во Франции пал, вместе с ним потерпела крах франко-африканская ассоциация, воплотившаяся во Французском Союзе. Пришедший к власти генерал де Голль начал спешную подготовку новой конституции.

3. От автономии через федерацию к независимости

Автономная Суданская республика. Проект конституции V Республики предстояло утвердить на референдуме, в котором участвовали и жители заморских территорий. Пришедшим на избирательные участки предлагалось ответить на один вопрос, внесенный в бюллетень: «Одобряете ли вы Конституцию, которая вам предложена правительством Республики?» [295, 25.08.1958, с. 1491]. Референдум был назначен на 28 сентября 1958 г., причем разрешалась свободная пропаганда политических партий как за одобрение представленного проекта, так и против него. Предусматривалось, что отрицательный ответ, получивший большинство в какой-либо заморской территории, означал предоставление ей немедленной независимости и разрыв связей с метрополией.

Будущий референдум поставил перед политическими силами Судана ответственную задачу определить свою позицию: за или против нового государственного устройства. Партия суданской перегруппировки, выполняя решения съезда ПАП в Котону, призвала своих сторонников добиваться полной независимости и ответить «нет». Однако вскоре в партии произошел раскол, вновь восстановленная СПП во главе с Х. Дико высказалась за одобрение проекта конституции [112, с. 99—100]. Территориальный совет профсоюзов Судана, ориентируясь на позицию Секу Туре, главу гвинейской секции ДООА и одновременно руководителя профсоюзной конференции Черной Африки, был против новой конституции. В середине августа 1958 г. на V съезде признано, что требование немедленной независимости Суданского союза является преждевременным. Съезд призвал избирателей страны ответить положительно на вопрос, сформулированный в бюллетене.

В референдуме из 1,8 млн. имеющих право голоса суданцев приняли участие 826 тыс., из которых более 97% сказали «да» [272, с. 376]. Новая конституция была утверждена подавляющим большинством голосов как в метрополии, так и во всех заморских территориях, за исключением Гвинеи. В ней говорилось, что принявшие эту конституцию Франция и заморские территории отныне составляют Сообщество, президентом которого является президент Франции. Правам и обязанностям члена Сообщества посвящен раздел XII конституции.

В соответствии со ст. 76, предоставившей заморским территориям право выбора трех возможных форм связи с Францией, Судан, как и другие страны ФЗА, предпочел стать автономным государством, членом Сообщества. 24 октября 1958 г. территориальная ассамблея, преобразовавшись в

Учредительное собрание, имеющее целью разработать конституцию нового государства, единогласно провозгласила автономную Суданскую республику.

Другой важный вопрос состоял в стремлении многих политических деятелей различного направления сохранить единство стран, прежде входивших в состав ФЗА. Имелось в виду создание федерации из автономных государств Западной Африки — Судана, Сенегала, Верхней Вольты, Дагомеи, Мавритании и Гвинеи, проголосовавшей на референдуме против конституции и ставшей самостоятельной. В каждой из названных стран в конце 1958 — начале 1959 г. шла острая политическая борьба между федералистами и автономистами. Единая региональная партия Африканское демократическое объединение фактически прекратила свое существование, распавшись на самостоятельные секции по страновому признаку. Ее президент Уфуэ-Буаьи высказался против федерального устройства и возглавил автономное правительство БСК. Не поддержал идею создания западноафриканской федерации и лидер Гвинеи Секу Туре.

В конце декабря 1958 г. в Бамако состоялась встреча сторонников федерации из четырех стран — Сенегала, Судана, Верхней Вольты и Дагомеи. В принятой резолюции провозглашалось намерение объединить эти страны в федерацию, остающуюся в составе Французского Сообщества. Было признано необходимым избрать делегатов на учредительную ассамблею, где намечалось принять конституцию федерации. Эта ассамблея собралась в Дакаре и 17 января 1959 г. под председательством М. Кейты объявила о создании Мали и приняла ее конституцию. В преамбуле к Основному закону говорилось, что Мали «подтверждает свою верность принципам африканского единства и обязуется уважать политические свободы, свободу человеческой личности, семьи и местных коллективов, свободу философских и религиозных убеждений всех граждан, право частной и коллективной собственности» [112, с. 107]. К федерации могли в дальнейшем присоединиться и другие африканские государства.

Высшим органом власти Федерации Мали объявлялось федеральное собрание, исполнительная власть находилась в руках правительства. Однако эти органы не были тогда созданы, так как в феврале — марте в составлявших федерацию странах должны были состояться парламентские выборы. Статья 55 объявляла Федерацию Мали демократической республикой; на основе демократических принципов этой конституции должны были быть разработаны конституции входящих в федерацию республик, за которыми сохранялась значительная автономия.

После провозглашения Федерации Мали началась борьба за ее признание со стороны руководства Французского Сообщества. В мае генерал де Голль принял М. Кейту и дал принципиальное согласие на существование нового федеративного государства. Федерация Мали просуществовала 506 дней, но только в течение двух месяцев пользовалась независимостью [182, с. 20—21].

Судан в составе Федерации Мали. Входящие в состав федерации Судан и Сенегал сохраняли по новой конституции значительную внутреннюю автономию. На основе федеральной конституции они должны были разработать свои собственные основные законы.

Вскоре Законодательное собрание Судана утвердило первую конституцию автономной республики (24 января 1959 г.). Суданская Республика объявлялась неделимым, демократическим, светским и социальным государством. Все граждане были равными перед законом, вне зависимости от происхождения, расы, пола или религиозной принадлежности. Высшая власть принадлежала Законодательному собранию, избираемому всеобщим и прямым голосованием на многопартийной основе. Исполнительную власть осуществляло правительство, глава которого наделялся очень широкими, почти диктаторскими полномочиями. Ему подчинялись администрация и полиция, а также армия в пределах, определенных законом сообщества. В особых случаях он мог управлять страной независимо от парламента, путем издания указов. Все эти ограничения представительной демократии оправдывались сложностью и трудностью задач деколонизации, необходимостью сосредоточения власти в руках национального лидера, каким к этому времени стал Модибо Кейта, руководитель правящей партии Суданский союз.

На предстоящих в марте выборах в Законодательное собрание Суданской республики решался в первую очередь вопрос об отношении к федерации. Суданский союз и примыкавшие к нему профсоюзные, молодежные и женские организации призвали отдать голоса кандидатам, выступающим за вхождение Судана в Федерацию Мали. Руководство Суданского союза обратилось к другим политическим партиям с призывом к объединению. Союз догонов самораспустился, Партия суданской перегруппировки, как теперь назывались прогрессисты, раскололась — большая ее часть вступила в ряды правящей партии. Небольшая часть прогрессистов во главе с Х. Дико, занимавшая антифедералистские позиции, осталась независимой и потерпела на выборах сокрушительное поражение. Мелкие партии на региональной и этнической основе в выборах вообще не смогли участвовать, так как процедура их проведения требовала выставле-

ния полного списка кандидатов во всех избирательных округах.

На выборах 8 марта 1959 г. Суданский союз одержал убедительную победу. Законодательное собрание отныне полностью состояло из его представителей. Главой правительства автономной республики стал лидер победившей партии Модибо Кейта. Посетивший Бамако вскоре после выборов член Всемирного Совета Мира отмечал, что политическая ситуация в Судане существенно изменилась: Суданская прогрессивная партия прекратила свое существование, организованная оппозиция фактически исчезла с политической арены. Партия Суданский союз контролировала все массовые организации страны, в том числе и очень влиятельные профсоюзы [8, л. 189].

Произошли изменения и в статусе Суданского союза. Вскоре после выборов политические организации Сенегала, Судана, Верхней Вольты, Нигера, Дагомеи, Мавритании, выступавшие за объединение государств Западной Африки, объявили о создании единой Партии африканской федерации (ПАФ). Ведущую роль в ней играли две силы: Суданский союз во главе с М. Кейтой и Прогрессивный союз Сенегала (местная секция ПАП), который возглавлял Л. С. Сенгор. Первый съезд новой партии состоялся в начале июля 1959 г. в Дакаре. На нем были представлены лишь делегаты Судана и Сенегала, поскольку федералисты других стран не смогли получить поддержку своих парламентов.

Ко времени проведения съезда ПАФ завершилась предварительная работа по созданию государственных структур Федерации Мали. В апреле была проведена организационная сессия Федерального собрания, председателем которого был избран Сенгор. Главой федерального правительства стал М. Кейта. Однако реальное объединение двух государств и двух партий шло с большими трудностями, о чем свидетельствовали горячие дискуссии на съезде ПАФ.

На съезде обнаружили серьезные разногласия между суданской и сенегальской частями партии. Суданцы высказались за провозглашение независимости Федерации Мали в 1960 г. и разрыв связей с сообществом. Представители же Сенегала стремились затянуть решение этого вопроса путем различных процедурных вопросов, хотя в принципе поддерживали требование независимости; разорвать же политические и экономические связи с бывшей метрополией они категорически отказывались. Съезд не принял по этому вопросу окончательного решения, избрав особый комитет, обязанный разработать предложения о сроках и путях провозглашения независимости.

Немало споров вызвало обсуждение программы ПАФ. В

принятом варианте подчеркивалось, что главная цель партии состоит в достижении африканского единства, первым шагом к которому является Федерация Мали, открытая для присоединения других стран. Съезд высказался за африканский путь к социализму, укрепление демократии и порядка, создание планируемой общественной экономики, преобразование сообщества в многонациональную конфедерацию независимых государств. Предлагалось, наконец, объединить все общественные организации Сенегала и Судана, в том числе профсоюзы [302, 1960, № 4, с. 568—570].

Несмотря на различный подход, противоречия между более радикальными требованиями суданской делегации и умеренными взглядами сторонников Сенгора удалось преодолеть. Для достижения полной независимости был избран медленный путь переговоров с Францией, а также поэтапной передачи в ведение каждого государства вопросов общей компетенции сообщества, после чего они переходили к федеральным органам. Трудности в переговорах с Францией прежде всего состояли в том, что в конституции V Республики в части, относящейся к правам членов сообщества, подобные казусы не предусматривались. Кроме того, правящие круги метрополии вообще отрицательно относились к идее африканского единства.

Тем не менее 28 сентября президент Французского Сообщества генерал де Голль получил меморандум, подписанный премьером Сенегала М. Диа, в котором ставился вопрос о передаче правительствам обеих стран вопросов общей компетенции. Другими словами, в документе ставился вопрос о согласии Франции на осуществление первого этапа, который должен был привести Федерацию Мали к полной независимости.

Ответ на это требование был дан в речи де Голля 13 декабря 1959 г., произнесенной в Дакаре на заседании Федерального собрания Мали. «Да,— сказал президент,— Франция и Федерация Мали вскоре начнут переговоры об изменении статуса их отношений». Далее он уточнил: «Мали получит независимость, но я предпочитаю выражение „международный суверенитет“, ибо полной независимостью никто не обладает, так как все зависимы друг от друга». Он обещал помощь будущему независимому государству [252, с. 206—207].

Одновременно с процессом объединения в федеративное государство руководство Суданской республики продолжало усилия по реализации решений V съезда правящей партии Суданский союз. Первостепенное значение имел процесс создания нового государственного аппарата. Африканизация кадров была использована для замены французских

чиновников членами партии Суданский союз. На все административные посты, за редким исключением, назначались партийные функционеры. К концу 1959 г. комендантами 20 округов стали африканцы, назначенные правительством Кейты, и лишь в одном оставался француз. Были заменены все комиссары полиции, руководители более мелких административных единиц. Министр внутренних дел Мадейра Кейта в публичном выступлении признал, что не существует разкой границы между партийными и государственными органами, поскольку лидеры партии возглавляют правительство, а руководители местных партийных организаций — аппарат управления округов и кантонов. «Следовательно, партия и правительство, партия и администрация — это одно и то же» [112, с. 123].

Слияние партийного аппарата с государственными структурами, проявившийся уже на этом этапе авторитаризм руководителя партии и правительства М. Кейты имели в недалеком будущем самые пагубные последствия для молодого государства.

В соответствии с решениями съезда экономическое строительство должно было идти по пути индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и централизованного планирования. Положение об индустриализации Судана имело чисто доктринальный смысл, чтобы подчеркнуть верность принципам социализма, так как ни объективных условий, ни какого-либо разработанного плана не существовало. Проблеме полного отсутствия накоплений правительство пыталось решить за счет иностранной государственной помощи. В 1959 г. Франция через ФИДЕС предоставила более 1 млрд. фр., а Европейский фонд развития (ЕФД), объединивший страны ЕЭС,—еще 120 млн. фр. [112, с. 117; 142, с. 249]. Эти средства, однако, лишь частично пошли на развитие промышленности и сельского хозяйства, бóльшая их часть была потрачена на строительство дорог или на содержание администрации. Уже в первый год автономного существования стали быстро расти расходы на содержание государственного аппарата, ставшего впоследствии одним из главных пожирателей национального богатства страны.

Провозглашение независимости Федерации Мали и ее распад. Несмотря на проведение ряда политических и экономических преобразований в Судане в течение 1959—1960 гг., главное внимание руководства партии и государства было сосредоточено на укреплении статуса Федерации Мали, достижение ею полной независимости. После речи де Голля перед Федеральным собранием французское правительство стало более уступчивым. 20 января 1960 г. в Париже начались переговоры между Францией и делегацией Федерации,

в которую входили Л. С. Сенгор, Модибо Кейта, Мамаду Диа, Ламин Гей, Мадейра Кейта и др. После достижения согласия по принципиальным вопросам разработку конкретных юридических документов продолжили несколько комиссий экспертов. Наконец, 4 апреля был подписан договор между Францией и отдельно Суданом и Сенегалом о «передаче компетенций сообщества», а именно: военных дел, международных отношений, высшего образования и финансов. Одновременно было парафировано соглашение о вхождении Федерации Мали в состав сообщества в качестве независимого государства и о ее сотрудничестве с Францией [272, с. 379].

Прошло еще два месяца, прежде чем эти документы были ратифицированы французским парламентом; 7 июня их утвердило Законодательное собрание Суданской республики. Одновременно были внесены некоторые изменения в конституцию, передающие часть государственного суверенитета Федерации Мали. 20 июня 1960 г. на заседании Федерального собрания в Дакаре в торжественной обстановке была провозглашена независимость нового федеративного государства.

После этого между Францией и Федерацией Мали был подписан ряд соглашений, определявших взаимоотношения в политической, экономической, дипломатической и военной сферах. Федерация продолжала оставаться в составе Французского Сообщества, но решения последнего не являлись для нее обязательными. Отношения между ними осуществлялись на договорной основе, как между двумя независимыми и суверенными сторонами. Франция обещала оказывать Мали экономическую и военную помощь в обмен на сохранение на его территории военных баз. В частности, в Судане продолжали функционировать военная база в Кати, военно-воздушные базы в Бамако, Гао и Тесалите. Если учитывать, что в это время разворачивалась вооруженная борьба за освобождение Алжира, то важность военного сотрудничества двух сторон нельзя преуменьшить [272, с. 379—380; 142, с. 240—241].

Независимая и суверенная Федерация Мали, созданная с большим трудом, просуществовала лишь два месяца. Еще до объединения Судана и Сенегала в единое государство обнаружилась политико-идеологическая несовместимость их партийных структур, различное понимание путей развития, личное соперничество лидеров. Расхождения касались не только настоящего и будущего, но и оценки прошлого. Анализ публикаций ведущих газет Суданского союза и Прогрессивного союза Сенегала, несмотря на то что эти партии формально слились, позволяет судить о том, насколько отлича-

лись их позиции. Газета «Эссор» идеализировала доколониальные порядки, постоянно представляла Францию как символ колониализма, как препятствие в исполнении справедливых чаяний африканцев. Такова позиция суданского руководства. Газета «Юните», орган ПСС, напротив, помещала статьи Сенгора и других сенегальских деятелей, в которых даются весьма положительные оценки роли Франции в Африке, вплоть до изображения ее врагом империализма. «Франция осуществила мечту древних африканских императоров», — писал Сенгор, перечисляя далее благотворные «результаты французского колониализма» [193, с. 213—214].

Между Суданом и Сенегалом возникли серьезные экономические противоречия. Народное хозяйство последнего было ориентировано на внешний рынок и тесно связано с Францией. Национализация важнейших отраслей экономики, в том числе внешней торговли, как того требовали суданские лидеры, нанесла бы деловым кругам Сенегала чувствительный урон. Неприемлемы для них были и плановое управление экономикой, коллективизация сельского хозяйства. Если обе секции Партии африканской федерации высказывались за социализм, то в это слово они вкладывали совершенно различный смысл. Сенгор, его сторонники защищали демократический социализм, соответствующий африканским реалиям, при сохранении рыночной экономики, частной собственности и политического плюрализма. Причем построение такого общества отодвигалось в далекое будущее. В Судане начался социалистический эксперимент, едва партия СС — ДОО пришла к власти. И хотя его реальные итоги были весьма скромными, пропагандистская шумиха и революционная риторика М. Кейты и его окружения напугали сенегальцев. Установление в Судане однопартийного режима, преследования оппозиции и авторитарный стиль правления Кейты дали основания французской и сенегальской прессе пугать читателей установлением тоталитаризма.

Большую тревогу как сенегальского руководства, так и правящих кругов Франции вызвала внешняя политика Федерации Мали, во главе которой был М. Кейта, бывший одновременно премьер-министром Федерации и министром иностранных дел. Малийская дипломатия выступала с критикой французской политики по наиболее важным проблемам Африки — войне в Алжире, испытаниям атомного оружия в Сахаре, вмешательству западных держав в б. Бельгийском Конго. Партия Суданский союз последовательно поддерживала право алжирского народа на свободу и независимость, именно эту линию проводил М. Кейта уже в качестве руководителя правительства Федерации Мали.

Конфликт между представителями Сенегала и Судана

достиг своего апогея при разделе постов в высших органах власти Федерации. Первое серьезное столкновение произошло в конце июля, когда Модибо Кейта, не проконсультировавшись с федеральным министром обороны Мамаду Диа, назначил начальником генерального штаба суданского полковника Сумаре. Однако наибольшей остроты достиг конфликт по вопросу о президенте Федерации, именно он привел к развалу Мали. Еще в мае была достигнута договоренность о том, что премьер-министром Федерации станет суданец, а президентом — сенегалец. Президентские выборы были назначены на 27 августа. Прогрессивный союз Сенегала выдвинул кандидатом своего лидера Л. С. Сенгора. Суданцы предложили, углубляя раскол, кандидатуру Ламина Гея, тоже сенегальца, многолетнего соперника Сенгора.

Противоборство усиливалось, и каждая из сторон в нарушение конституции стала готовиться к вооруженному столкновению. Кейта стягивал к Дакару воинские части Суданской республики, в то время как министр обороны Диа под предлогом готовящегося государственного переворота вызвал в Дакар подчиненные ему отряды сенегальской жандармерии.

Открытое столкновение произошло 19 августа 1960 г. Вечером этого дня Кейта собрал экстренное заседание совета министров, на которое сенегальские министры, за исключением одного, не явились. На нем было решено ввести на территории Федерации Мали чрезвычайное положение и сместить с должности министра обороны Диа, портфель которого Кейта взял себе. Эти решения не имели законной силы, ибо противоречили Основному закону государства.

Всю ночь с 19 на 20 августа в Дакаре происходили хаотические столкновения сторонников и противников федерального правительства. По радио выступил сначала Кейта, объявивший о решениях совета министров и призвавший к защите Федерации против сепаратистов. Вскоре, однако, радиостанция перешла в руки сенегальцев, их лидеры Сенгор и Диа обратились с призывом подавить попытку государственного переворота. Командование французских войск, размещенных в Дакаре, отказало в помощи Кейте и объявило о своем нейтралитете. Командующий малийской армией полковник Сумаре был арестован, а его войска не оказали сопротивления отрядам сенегальских жандармов, которые окружили резиденцию федерального правительства.

Модибо Кейта пытался получить помощь от президента де Голля как главы Сообщества, но ответа на свою телеграмму не получил. Осталось без ответа и его обращение к Совету Безопасности ООН. Между тем к утру сенегальская жандармерия и вооруженные отряды сторонников Сенгора

захватили все ключевые пункты Дакара (радиостанцию, почту, телефон и телеграф), закрыли границы и арестовали всех суданцев — как членов правительства, так и прибывших в Дакар для проведения президентских выборов депутатов из Судана [246, с. 132—140].

Этой же ночью было созвано Законодательное собрание Сенегала, которое приняло решение о выходе из Федерации Мали и о провозглашении независимости Республики Сенегал. Этим актом просуществовавшее всего два месяца единое федеративное государство объявлялось распущенным, а составлявшие его две части — Сенегал и Судан — вновь обретали самостоятельность.

21 августа специальный поезд, эскортируемый до границы сенегальскими солдатами, вывез политических деятелей Судана и их семьи домой. На всем протяжении пути от Каеса до Бамако поезд неоднократно останавливался, Кейта и его соратники выступали на стихийных митингах, объясняя происшедшие события.

В тот же день премьер-министр Сенегала М. Диа направил Генеральному секретарю ООН телеграмму с просьбой принять Республику Сенегал в члены международной организации в качестве суверенного и независимого государства. Сенегальские руководители стремились как можно скорее ликвидировать Федерацию Мали. 25 августа Учредительное собрание приняло конституцию Сенегала, а 5 сентября были проведены выборы президента. На этот пост, как и следовало ожидать, был избран Л. С. Сенгор. Наконец, 11 сентября правительство Франции признало суверенитет и независимость Сенегала.

Надежды М. Кейты и его окружения на восстановление Федерации окончательно исчезли. Лишь после того как стало совершенно ясно, что раскол между двумя соседними странами невозможно преодолеть, суданские руководители приняли меры по организации политической власти в пределах одной страны. 22 сентября состоялся чрезвычайный съезд партии Суданский союз, который предложил парламенту немедленно провозгласить независимость. В тот же день Законодательное собрание объявило о рождении в Африке нового суверенного государства — Республики Мали.

4. Культура и образование в колониальный период

Культура. Народы, населяющие районы верхнего и среднего течения Нигера, имеют древнюю и богатую культуру. Материальным свидетельством этого являются предметы пластического искусства, архитектурные памятники, сохра-

нившиеся до наших дней. На весь мир прославились деревянные маски и статуэтки бамбара, догонов, сенуфо. Стилизованная голова антилопы «чивара» олицетворяет культурного героя бамбара, научившего людей земледелию. Не менее известны маски догонов «канага» с крестообразным верхом. Именно это изображение находилось на государственном флаге Мали как национальный символ в первые годы независимости.

В городах на берегах Нигера (Томбукту, Дженне, Гао) сложился яркий архитектурный стиль, получивший название суданского. Культовые здания строились из необожженной глины banco и представляли собой величественные полуколонические башни с острыми зубцами, рельефным геометрическим орнаментом, многочисленными порталами. Из banco сооружались жилища и большинство общественных зданий.

Как и в других регионах Тропической Африки, народы долины Нигера не имели письменности, их культура сохранялась и развивалась в устной форме. Социальный опыт, историческая память, художественное творчество передавались от поколения к поколению словесно-речевым способом. Принято считать, что устная мифология бамбара одна из самых развитых в Африке, а вершиной африканских исторических эпосов является «Сказание о Сундиате». В основе этого эпоса лежат реальные события середины XIII в.; в нем рассказывается о деяниях основателя средневековой империи Мали. На протяжении многих веков Сундиата оставался национальным героем бамбара, малинке, сонинке и других народов долины Нигера.

Наряду с устной культурой жители Западного Судана имеют развитую письменную традицию, связанную с проникновением ислама и арабо-мусульманской литературы. Одним из крупных центров науки и культуры в средние века являлся Томбукту. В этом городе, прозванном «жемчужиной пустыни», в XV в. при мечетях насчитывалось 150 школ, где дети изучали Коран, а при мечети Санкоре была высшая школа. В ней преподавал видный ученый Ахмед Баба, знаток богословия, права и истории. В Томбукту творили историки Махмуд Кати (XVI в.), семейство ас-Сади-Гомбеле (XVII в.), создавшее знаменитые суданские хроники «Тарих ас-Судан» и «Тарих аль-фетташ» [114, с. 147—150, 209—211]. Позже, в середине XVIII в., здесь же, в Томбукту, была написана третья суданская хроника — «Тазкират ан-нисьян».

Начавшийся в XVII в. период политической раздробленности и междоусобиц, застой в экономике привели к задержке культурного развития, даже к попятному движению. К концу XIX в., когда в Западном Судане установился

французский колониальный режим, культура и образование народов этой территории находились в состоянии упадка, хотя его глубину не стоит преувеличивать. Французы — и многие очевидцы это подтверждали — не пришли на пустое в культурном отношении место.

Лучшие представители колониальной администрации начали сбор устных и письменных памятников цивилизации коренного населения долины Нигера, их изучение и публикацию. Стали проводиться археологические раскопки на месте экономических и культурных центров средневековых государств Ганы, Мали и Сонгаи. Благодаря многочисленным трудам М. Делафоса, О. Боннель де Мезьера, О. Удаса, а позже — М. Гриоля, А. Лабура, Ш. Монтея, Л. Токсье и других французских ученых культура народов Западного Судана стала достоянием мировой науки и обогатила человечество.

Вхождение большей части Западного Судана в состав Французской колониальной империи коренным образом изменило социокультурную обстановку. Начался медленный и болезненный процесс синтеза устной традиции с современной наукой, образованием, культурой. Политика ассимиляции покоренных народов требовала их приобщения к французскому языку, иным моральным и этическим ценностям, отказа от многих привычек, обычаев и традиций. Внедрение новой культуры шло с большим трудом как вследствие незначительных финансовых средств, выделяемых из колониального бюджета, так и из-за сопротивления народных масс. Слабо развивалось школьное образование, полностью отсутствовали библиотеки и другие культурные учреждения. Так, в отчете, представленном в 1913 г. генерал-губернатору, говорилось, что на территории ФЗА имелось пять публичных библиотек. Судан был единственной колонией, где их не было ни одной [34].

Вместе с тем колониальная администрация была заинтересована в познании природных и людских ресурсов покоренных стран, поэтому способствовала их научному изучению. В конце 1915 г. генерал-губернатор Ф. Клозель издал распоряжение о создании Комитета исторических и научных исследований (КИНИ) ФЗА. В нем говорилось, что знание истории, географии «исключительно полезно для хорошей организации власти и успешного управления этой страной». Власти ждали от комитета «значительных практических результатов». Министр колоний в своей телеграмме предложил в качестве первоочередной задачи подготовить для администрации справочник о народах Западной Африки, их истории, обычаях, языках, религии [27]. Созданный научный комитет, хотя почти не включал в свой состав африканцев (из

315 человек их было всего три), провел определенную работу по изучению стран Западной Африки. В мае 1930 г. открылся суданский филиал КИНИ. В 1936 г. было принято решение на базе КИНИ создать в Дакаре Французский институт Черной Африки, функционировать он стал через два года [32]. Наконец, в годы второй мировой войны возникли местные филиалы этого учреждения. Среди его сотрудников находились первые суданские интеллигенты М. Сидибэ, Амаду Ампате Ба.

В 20—30-е годы как живое воплощение синтеза двух культур — традиционной и современной — формируется местная интеллигенция. Это, как правило, выпускники расположенного в Дакаре Педагогического училища им. В. Понти. Число грамотных в Судане было меньше, чем в соседних Сенегале, Гвинее, Дагомее. Подсчитано, что с 1905 по 1947 г. в Судане было подготовлено 836 человек со средним, незаконченным средним и миссионерским образованием [243, с. 269]. Прослойка людей с европейским образованием, таким образом, была весьма тонкой.

Распространение европейской культуры тем не менее продолжалось. У молодой суданской интеллигенции пробуждается интерес к истории своей страны, фольклору, устным традициям. В 1923 г. Муса Травеле выпускает в переводе на французский язык «Пословицы и сказки бамбара». По-видимому, это — первое опубликованное произведение суданского автора. Затем появляются небольшие публицистические и исторические труды других авторов, проникнутых идеями просветительства. Среди них можно назвать очерк Ф. Д. Сисоко «Французский Судан» (1927 г.), историческое «Сказание о Сундиате», записанное Мамби Сидибэ (1937 г.).

Только в 50-е годы выходят художественные произведения (стихи, повести), которые свидетельствуют о рождении франкоязычной суданской (малийской) литературы. Первые писатели были одновременно и крупными политическими фигурами: Ф. Д. Сисоко — лидер Прогрессивной партии, Сейду Бадиян Куяте и Мамаду Голого — активисты Суданского союза. Опубликованная в 1957 г. повесть С. Бадиана «В грозу» стала заметным явлением в малийской литературе. Годом ранее вышел роман Сисоко «Страсть Джима». В эти же годы печатаются стихотворения Голого. Первые произведения страдают дидактичностью, в них преобладает описательность, характеры схематичны и психологически слабо разработаны.

Свои произведения малийские писатели творили на французском языке. Языки же местных народов, даже наиболее распространенные — бамана и фула, на которых говорят миллионы людей, оставались бесписьменными. Культура ко-

ренного населения продолжала существовать в традиционной устной форме, лишь в небольшой степени испытывая европейское влияние.

Французское колониальное господство в Западном Судане не смогло воспрепятствовать дальнейшему распространению ислама, а вместе с ним арабо-мусульманской культуры, особенно в восточной части страны. Хотя арабская грамота была известна лишь небольшому числу верующих, но традиционные контакты с арабскими странами Северной Африки, многочисленные коранические школы, паломничество в святые места ислама способствовали сохранению арабского влияния. В этом же направлении шло переселение нескольких тысяч торговцев из Сирии и Ливана после вхождения этих стран в состав Французской колониальной империи. Арабо-мусульманское культурное влияние проявилось, в частности, в архитектуре. За счет добровольных взносов населения в 1905—1907 гг. была заново отстроена по старому образцу Большая мечеть в Дженне — один из замечательных памятников средневекового зодчества. В 1924 г. была восстановлена давно лежавшая в руинах мечеть в Молти, в эти же годы подверглись реконструкции мечети Томбукту. Итогом миссионерской и культурной экспансии ислама было численное преобладание мусульман над другими конфессиями, к 1948 г. их удельный вес в общем населении страны достиг половины и продолжал увеличиваться.

Менее ощутимым было влияние христианской религии, хотя первые европейские миссионеры появились в Судане в годы его покорения. Они проводили свою работу среди сенегальских стрелков, а также в «деревнях свободы». Однако как католические, так и несколько позже протестантские миссии, несмотря на поддержку колониальной администрации, смогли привлечь в свои общины лишь небольшую часть населения крупных городов. Деятельность христианских миссионеров в сельской местности привела к ряду кровавых столкновений с анимистами и мусульманами. Эти волнения происходили в 20—30-е годы в юго-восточных округах. В целом жители Судана рассматривали христианство как религию незваных пришельцев и не питали к нему особого доверия.

Ко времени провозглашения независимости Мали итогом почти 80-летнего колониального положения в области культуры было существование небольшой прослойки европеизированной интеллигенции. Низкий уровень культуры масс коренного населения определялся главным образом слабым развитием системы образования.

Образование. Необходимость иметь грамотных помощников из местного населения заставила французов еще в пер-

вые годы завоевания основать школу для детей, насильно отобранных у родителей. В 1886 г. в Каесе была открыта «школа заложников», которая впоследствии была переименована в «школу сыновей вождей». В 1915 г. она была переведена в Бамако [104, с. 48]. Всего в школах Французского Судана в начале XX в. обучалось около 800 мальчиков.

В ноябре 1903 г. вышло распоряжение генерал-губернатора об организации школьной системы в ФЗА. Наиболее распространенной, дававшей азы образования, была сельская одноклассная школа, которую дети, как правило, посещали в течение двух-трех лет. За это время они должны были научиться читать и писать по-французски, считать и производить арифметические подсчеты в пределах четырех основных действий. Школьники получали также общее представление об истории Франции и ее владений в Африке. В мусульманских районах разрешалось обучение детей на арабском языке. В центрах округов открывались региональные трехклассные школы. Наконец, в столице колонии функционировала полная начальная (базовая) школа. Всего к 1914 г. в Судане школу посещали 3 тыс. учеников [33].

В 20—30-е годы школьное образование развивалось крайне низкими темпами. Было принято в целом разумное решение о специализации африканской школы, с тем чтобы ее выпускники имели элементарные агротехнические знания и навыки. Для этого при сельских школах были участки земли, которые обрабатывались учениками на практических занятиях. В 1934/35 учебном году в Судане насчитывалось 66 подобных школ, которые использовали 291 га земли. Интересно отметить, что юные земледельцы имели кроме традиционных мотыг и 79 плугов [283, 1936, № 3, с. 155].

Общее представление о состоянии образования в Судане дают статистические данные 1933 г. Всего насчитывалось 78 школ, в которых обучалось более 11 тыс. детей (из них девочек — менее 1 тыс.). Кроме того, в коранических школах обучалось еще 8 тыс. детей. Эти школы содержались за счет родителей, а обучение вели мусульмане. В государственных школах было 37 учителей европейцев, 144 африканца и 9 помощников учителя, т. е. всего 190 человек. Наконец, важно знать и такие факты: из казны на обучение детей тратились 5 млн. фр. при общем бюджете колонии в 75 млн. фр. [283, 1933, № 2, с. 84—85].

При таких мизерных затратах на образование (6,6%) уровень грамотности был, естественно, очень низким. Это обнаружилось во время мобилизации в армию в начале второй мировой войны. Лишь от 3,8 до 4,7% новобранцев умели читать и писать по-французски. В целом же в 1939 г. школу посещало лишь 3,6% детей школьного возраста [215,

с. 288]. Таково было положение начального (элементарного) образования.

Так же медленно развивается среднее и специальное образование. Только в 1923 г. в Бамако была открыта высшая начальная (т. е. неполная средняя) школа. Она получила статус лицея в 1949 г., которому было присвоено имя видного деятеля колониальной администрации Террасона де Фужера. После обретения независимости лицей был переименован в лицей «Аския Мохаммед».

Создание системы профессионального образования в Судане началось после первой мировой войны: в 1924 г. существовавшее в Сенегале медицинское училище открыло в Бамако свое ветеринарное отделение. Здесь же в 1939 г. было основано техническое училище.

Аграризация начальной школы поставила вопрос о подготовке учителей соответствующего профиля, поэтому по декрету от 20 июня 1934 г. было создано в Катибугу педагогическое сельскохозяйственное училище. Оно должно было готовить преподавателей агрономических и зоотехнических предметов для сельских школ как Судана; так и других колоний ФЗА. Его торжественное открытие состоялось в январе 1935 г.; всего на первый курс приняли 38 студентов [283, 1937, № 1, с. 26].

Спустя три года училище подверглось реорганизации. По новым правилам училище в Катибугу имело четырехлетний срок обучения, после чего выпускники посылались на преподавательскую работу в школы или в органы сельскохозяйственного управления. Они должны были отработать десять лет на государственной службе или же оплатить свое обучение. Перед получением диплома студенты проходили годичную стажировку в Сегу на объектах «Офис дю Нижер», получая практический опыт интенсивного земледелия [283, 1937, № 7, с. 392].

После второй мировой войны расходы на образование несколько возросли и в 1955 г. достигли 22% бюджета колонии. Увеличилось и число учащихся: если в октябре 1946 г. их было 18 тыс., то спустя десятилетие — 38 тыс. К середине 50-х годов в Судане насчитывалось около 1 тыс. учителей и других педагогических работников [65, с. 105; 243, с. 269].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕСПУБЛИКИ МАЛИ В 1960—1968 гг.

1. Образование Республики Мали

22 сентября 1960 г. Национальное политбюро Суданского союза созвало чрезвычайный партийный съезд. Осудив действия сенегальских руководителей, которые, по его мнению, разрушили Федерацию Мали [288, 23.09.1960], Модибо Кейта предложил вернуть Законодательной ассамблее те прерогативы, которые ранее были переданы федеральным органам. Однако официально малийское руководство не отказалось от идеи федерации [50, с. 57]. В тот же день, 22 сентября 1960 г., Законодательная ассамблея Судана провозгласила создание суверенной и независимой Республики Мали [59, с. 59]. Был утвержден состав временного правительства, которое возглавил Модибо Кейта.

28 сентября 1960 г. Республика Мали стала полноправным 98-м членом ООН. 8 октября ее независимость признал Советский Союз. Он заявил о готовности установить с республикой дипломатические отношения в полном объеме.

В основу программы правительства М. Кейты были положены решения чрезвычайного съезда по политическим и экономическим вопросам. Правительство объявило о выходе из Французского Сообщества и отказе от обязательств по отношению к Франции. Оно потребовало от Парижа ликвидировать свои военные базы на территории Мали (они были ликвидированы в 1961 г.) *, запретило гражданам республики служить в армии бывшей метрополии, отозвало малийских солдат, воевавших в Алжире.

Одновременно начали формироваться армия Мали, полицейские силы и корпус жандармерии. Костяк вооруженных сил образовали малийцы, бывшие военнослужащие французской армии. Правительство уделяло вооруженным силам

* В частности, базы в Гао и Тессалите. База в Кати временно осталась в распоряжении Франции. На ее территории дислоцировались части, предназначенные для эвакуации [59, с. 57]. Войска из Кати были выведены 20 января 1962 г.

большое внимание. В 60-годы армия республики получила вооружение и снаряжение как за счет эвакуированных французских войск, так и за счет иностранной помощи, в том числе социалистических стран. Многие малийские военнослужащие обучались за рубежом. Тогда же началось формирование военизированных отрядов, так называемых бригад бдительности, в которые вступали молодые активисты Суданского союза. Часть этих бригад волилась в состав армии и жандармерии.

Перестраивались и административные органы: многие чиновники-французы были заменены малийцами [59, с. 57].

Особое внимание правительство уделяло социально-экономическим проблемам. Действуя в согласии с решениями чрезвычайного съезда правящей партии, оно провозгласило курс на «экономическую деколонизацию», которая предусматривала создание новых экономических структур, переориентацию и развитие товарообмена «в рамках социалистического планирования и в соответствии с африканской действительностью». Разъясняя содержание политики правительства, М. Кейта говорил: «С нашей точки зрения, социалистическая экономика должна прежде всего отвечать следующим основным требованиям: эффективный контроль государства над производством и торговлей, исправление ненормального положения, при котором импортируются товары, имеющиеся в стране, создание государственного сектора в жизненно важных отраслях экономики, развитие кооперативного движения, самостоятельность в выборе объектов для направления капиталовложений и в предоставлении этим объектам кредитов» (цит. по [105, с. 12]).

Среди первоочередных задач назывались: расширение сельскохозяйственного производства, создание развитой транспортной сети, строительство предприятий обрабатывающей промышленности, активная разведка полезных ископаемых. Главная роль в выполнении этих задач отводилась создававшемуся государственному сектору и кооперативам.

Госсектор должен был не только занять место иностранных фирм, но и:

- 1) создать надежную экономическую базу режима;
- 2) контролировать ключевые отрасли экономики, обеспечивающие удовлетворение основных нужд населения;
- 3) дать государству средства для быстрого и гармоничного развития страны, компенсируя тем самым отсутствие частных инвестиций [222, с. 3].

Предприятия госсектора должны были стать источником доходов — для государства, источником благосостояния — для трудящихся, фактором, определяющим подъем жизненного уровня, — для всего общества [186, с. 44]. Большое вни-

мание уделялось созданию смешанного сектора. Терпимым было отношение властей к частному сектору. М. Кейта говорил, что «модификация наших экономических структур ни в коей мере не ограничит нормального функционирования частного сектора» [288, 23.09.1960]. Уже тогда правящая партия и правительство высказывались в пользу некапиталистического пути развития, который, считали они, позволит достичь «политических, экономических, социальных, культурных целей на базе подлинного социализма и прежде всего в интересах наименее обеспеченных слоев населения» [288, 23.09.1960].

Первая конституция, принятая в 1960 г., объявляла Республику Мали «неделимым, светским и социальным государством», обеспечивающим всем гражданам равенство перед законом вне зависимости от происхождения, расы, пола и религии. Конституция признавала право каждого на труд и отдых, на забастовку, на объединение в рамках кооперативов или профсоюзов.

Труд объявлялся обязанностью гражданина, при этом оговаривалось, что принуждение к труду возможно лишь в исключительных случаях. Целью государства объявлялось создание условий, необходимых для гармоничного развития личности и семьи.

Непосредственным носителем суверенитета малийского народа, высшим органом государственной власти было Национальное собрание. Оно состояло из 80 депутатов, избравшихся на пятилетний срок. Первые после провозглашения независимости выборы в собрание состоялись в 1964 г. [120, с. 83—86].

Национальное собрание имело полномочия обсуждать и принимать законы, утверждать государственный бюджет, ратифицировать международные договоры и соглашения, исполнять другие функции высшей законодательной власти. Президент, назначавшийся Национальным собранием, осуществлял функции главы правительства, т. е. обладал полномочиями законодательной и исполнительной власти. Первым президентом стал Модибо Кейта [120, с. 88].

В каждой административно-территориальной единице (области, округе, коммуне, кочевом племени и т. д.) создавались советы, избираемые населением. Исполнительную власть в областях осуществляли губернаторы, полномочные представители правительства. По рекомендации советов деревень губернаторы назначали деревенских старост. В племенах у власти традиционно стояли вожди. Им помогали избираемые советы, обладавшие совещательными функциями.

Важную роль в политической жизни страны в этот период сыграл состоявшийся в сентябре — октябре 1962 г.

VI съезд партии Суданский союз. В документах съезда подчеркивалось, что теоретической и идеологической основой деятельности партии являлся научный социализм. Изучение марксистской теории и практического опыта государственного и партийного строительства в социалистических странах вменялось в обязанность всем членам партии, особенно ответственным работникам.

VI съезд отметил успехи, достигнутые в ходе выполнения решений чрезвычайного съезда 1960 г., т. е. «деколонизацию экономической структуры». Особо отмечались «энергичные действия, направленные на создание в стране государственного сектора». Съезд считал необходимым и в дальнейшем усиливать вмешательство государства в процессы экономического развития [288, 17.09.1962].

Значительное внимание съезд уделил вопросам культуры, формированию национальной интеллигенции, развитию здравоохранения и социального обеспечения, спорта и т. д.

Съезд считал, что страна должна пройти два этапа социально-экономических преобразований.

На первом этапе, при переходе от колониальной к «полусоциалистической» экономике, должны были произойти преобразование производственных отношений, «деколонизация» экономики, частичный ее подъем с развитием отраслей, наиболее важных в существующей структуре хозяйства. Речь шла прежде всего о подъеме сельского хозяйства, о создании промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья. Говорилось также о подготовке условий для будущей индустриализации страны (разведка полезных ископаемых, развитие гидроресурсов, создание транспортно-энергетической инфраструктуры и т. п.).

На втором этапе планировалось осуществить индустриализацию народного хозяйства. Достигнув относительно высокого уровня развития производительных сил, предполагалось приступить к дальнейшему совершенствованию производственных отношений: укреплять госсектор, развивать кооперирование крестьян и ремесленников, ограничивать частный сектор (иностраный, национальный) [105, с. 13—14].

Еще до VI съезда был разработан и принят первый пятилетний план развития народного хозяйства на 1961—1965 гг. (в соответствии с решениями съезда он в 1963 г. был скорректирован). В плане упор делался на развитие и модернизацию сельского хозяйства, проведение геологической разведки (разведка нефти), развитие транспорта и энергетики, систем образования и здравоохранения, подготовку кадров, совершенствование аппарата управления. Планом предусматривалось значительное увеличение сельскохозяйственного производства, внедрение новых культур, строительство

новых промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и производству товаров первой необходимости. Для ликвидации дефицита торгового баланса предусматривалось увеличение объема экспорта, повышение его стоимости путем переработки сырья в полуфабрикаты и готовые изделия.

Расходы на осуществление плана должны были составить около 80 млрд. мал. фр. *, причем половину из них предполагалось получить из иностранных источников. Все частные компании, действовавшие в стране, обязывались инвестировать 75% своих прибылей в те отрасли, которые план считал приоритетными [149, с. 39].

Таким образом, вопрос о ликвидации иностранных предприятий не ставился. Наоборот, правительство пыталось использовать иностранный капитал, но ограничивало свободу его деятельности. Оно рассчитывало, что государственный сектор постепенно вытеснит иностранный частный сектор, позиции которого (особенно французского капитала) были весьма сильны. В соответствии с планом создавались государственные органы, которые должны были руководить важнейшими отраслями национальной экономики: Банк республики, импортно-экспортная компания, Малийский народный банк содействия развитию. Учреждались также различные национальные компании в области машиностроения, обрабатывающей, пищевой промышленности, расширялась сеть производственных сельскохозяйственных кооперативов. Главной целью пятилетнего плана была закладка основ многоотраслевой плановой экономики.

Исходя из того, что сельское хозяйство являлось ключевой отраслью экономики, правительство уделяло ему особое внимание. В плане предусматривалось увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции и полное обеспечение населения продовольствием. Намечался значительный рост производства риса (с 188 тыс. до 322 тыс. т), хлопка (до 55 тыс. т в 1965 г.).

Значительная часть хлопка предназначалась для текстильного комбината, который предполагалось построить при содействии Чехословакии. Планировалось расширить ассортимент выращиваемых культур за счет пшеницы, сахарного тростника, чая. Общий объем производимой сельскохозяйственной продукции к концу пятилетки должен был возрасти на 70%.

Особая роль в расширении сельскохозяйственного производства отводилась кооперативам. План предусматривал увеличить площади коллективных полей, с тем чтобы на

---

* С. Амин приводит цифру 78,2 млрд. мал. фр.

каждую семью, входившую в кооператив, приходилось не менее 1 га общественной земли. Значительные средства выделялись на строительство плотин и каналов, которые позволили бы расширить площади орошаемых земель.

Намечалось строительство предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции: маслодельного, хлопкоочистительного завода, кожевенной и обувной фабрики, мясохладобойни, завода по производству фруктовых соков и овощных консервов.

В более отдаленной перспективе намечалось строительство двух плотин на р. Нигер, заводов по сборке тракторов и сельскохозяйственных машин, мотоциклов и велосипедов, цементного завода и завода по производству строительных материалов. Большое место отводилось проведению многоцелевых геологоразведочных работ.

В целом план предусматривал увеличение объема производства к 1966 г. на 40% по сравнению с 1959 г., а прирост валового внутреннего продукта — в размере 8% в год. Все это должно было позволить увеличить капиталовложения в экономику и расширить экспорт [105, с. 67—69].

Для выполнения задач плана правительство создало ряд организаций. Государственный промышленный комитет руководил строительством промышленных объектов. По мере их завершения эти объекты передавались в ведение таких государственных специализированных учреждений, как Национальная компания общественных работ, Малийское общество по деревообработке и металлоконструкциям, общество по эксплуатации кирпичных заводов, общество КОМАТЕКС (текстильное производство), компания СОКОРАМ (радиопромышленность), созданная при содействии СССР Национальная компания разведки и эксплуатации минеральных ресурсов (СОНАРЕМ). К концу 1968 г. государственный сектор контролировал 90% суммарного оборота предприятий в промышленности и энергетике, 90% — в торговле, кроме торговли нефтепродуктами, 65% — на транспорте и в связи, 41% — в строительстве. Государственные предприятия объявлялись решающим завоеванием трудящихся, управлялись от имени народа и не могли отчуждаться в частную собственность [105, с. 53].

Особое место в государственном секторе занимал крупный агропромышленный комплекс «Офис дю Нижер», созданный до независимости и национализированный в мае 1961 г. Это было крупнейшее не только в Мали, но и во всей Западной Африке агропредприятие [107, с. 79]. «Офис дю Нижер» занимался производством сельскохозяйственных продуктов, прежде всего риса, сахара, хлопка. В его распоряжении было свыше 50 тыс. га орошаемых земель, сеть

ирригационных и мелиоративных сооружений, парк сельскохозяйственных машин. В долине р. Нигер «Офис дю Нижер» выделял каждой крестьянской семье орошаемые участки (площадью 1—1,5 га на человека). Государство оказывало крестьянам помощь кредитами, семенами, сельскохозяйственным инвентарем и др. Через «Офис дю Нижер» крестьяне должны были выплачивать государству 40% своих доходов от реализации выращенных продуктов. «Офис дю Нижер» в интересах государства полностью контролировал как производство, так и сбыт продукции. С 1962 г. на его землях стали создаваться государственные хозяйства, действовавшие на принципе материальной заинтересованности.

Взяв курс на укрепление государственного сектора, правительство осуществило национализацию некоторых предприятий обрабатывающей (пищевой) промышленности, железнодорожного и речного транспорта, который был выкуплен у французской компании [107, с. 45], а также электростанций, переданных государственной компании «Энержи дю Мали». Оно учредило государственные авиа- и автодорожные компании, Народный банк развития, Кредитно-депозитный банк. Особенно важным было создание в 1962 г. национального эмиссионного института — Банка Республики Мали, который давал кредиты в первую очередь государственным обществам, кооперативам и смешанным предприятиям. Для ведения внешнеторговых операций была учреждена государственная импортно-экспортная компания (СОМИЭКС), которая контролировала и внутреннюю торговлю.

В соответствии с пятилетним планом в республике началось строительство государственных промышленных предприятий. Среди них были мыловаренный, рисоочистительный, сахарный и консервный заводы, текстильная и сигаретная фабрики, маслобойня и мясохладобойни. Все эти предприятия должны были ослабить зависимость Мали от импорта.

Таким образом, госсектор в Мали создавался как за счет национализации иностранной собственности, так и за счет строительства новых предприятий. Отныне непосредственное руководство предприятием осуществлял директор. Он нес личную ответственность за всю деятельность предприятия. Будучи членом комитета управления, он отвечал также за политическую и воспитательную работу среди рабочих и служащих [105, с. 53].

Государство взяло под свой контроль все операции с землей. Оно ввело строгие ограничения на передачу земельных участков одним лицам другим.

Правительство понимало, что для ослабления экономической зависимости необходимо перестроить финансово-кредит-

ную систему республики, изменить политику в области внешней торговли. Иностранцы, прежде всего французские, банки, действовавшие в стране, оказывали противодействие любым мероприятиям малийских властей. Они, в частности, срывали финансирование операций по закупке экспортных культур (арахиса) у крестьян при посредничестве государства. Правительство особенно тревожил постоянный дефицит внешней торговли, ложившийся тяжелым бременем на малийские финансы. В 1960 г., например, импорт превысил экспорт на 2,5 млрд. афр. фр., в 1961 г. — на 5,3 млрд., в 1962 г. — на 3,9 млрд. Считая, что плановое развитие страны «немыслимо» без власти над ее финансовой сферой, правительство Мали ускорило создание национальной финансово-кредитной системы.

Еще в ноябре 1960 г. был принят закон о контроле государства над валютными операциями в рамках зоны франка. Временно — до принятия плана экономического развития страны и заключения государственных торговых соглашений — всем организациям, промышленным и торговым предприятиям запрещалось проводить валютные операции с зарубежными партнерами. Ограничения налагались и на валютные операции частных лиц. Так, малийцам и иностранным туристам разрешалось вывозить из страны не более 20 тыс. афр. фр., а иностранцам, проживающим в стране, — от 40 до 60% заработной платы. Все денежные переводы и вывоз валюты могли осуществляться лишь с разрешения малийских властей [143, с. 39].

Правительство учредило Народный банк Мали исключительно с национальным капиталом, а также смешанный кредитно-депозитный банк с преобладанием национального капитала (51% акций принадлежало государству, 49% — банку «Креди Лионнэ»). Тогда же правительство обязало государственные предприятия и граждан держать свои свободные средства в Народном банке, а также проводить все финансовые операции только через этот банк [143, с. 38].

В соответствии с малийско-французским договором об экономическом, валютном и финансовом сотрудничестве, подписанным в марте 1962 г., Мали получила право самостоятельно заключать торговые и платежные соглашения, вступать в международные валютные организации и получать от них кредиты, а также право создания национальной валюты и осуществления ее эмиссии. Таким образом, страна приобретала, по мнению властей, «валютную автономию, абсолютно необходимую государству, приступающему к плановому развитию экономики» [288, 09.07.1962].

1 июля 1962 г. малийское правительство провело денежную реформу. В обращение вводился малийский франк.

Право на его эмиссию получил созданный Центральный государственный банк Республики Мали, под контроль которого была поставлена деятельность всех коммерческих банков страны.

Малийский франк приравнивался к африканскому франку (его золотое содержание — 0,0036 г чистого золота) и мог обмениваться на него по курсу 1:1. Обращение африканских франков на территории республики было прекращено через три дня после введения малийского франка. Вывоз национальной валюты из страны запрещался.

С принятием закона о денежной реформе Республика Мали автоматически выходила из Западноафриканского валютного союза, не оставалась в зоне франка. В ответ на реформу Франция блокировала валютно-кредитный счет Мали во Французском банке. Однако месяц спустя она деблокировала этот счет. Больше того, Париж согласился отсрочить на год срок платежей Банка Республики Мали. По новому франко-малийскому валютному соглашению 1963 г. Мали могла открыть во Франции операционный счет на сумму 1,4 млрд. мал. фр. Открытие такого операционного счета означало, что республика будет по-прежнему хранить свои франковые авуары во французском казначействе. При этом дефицит платежного баланса с Францией неизбежно ограничивал возможность Мали пользоваться своей валютной выручкой [143, с. 46—47].

Сильным рычагом в руках правительства была компания СОМИЭКС, которая сумела потеснить частный, иностранный и национальный капитал в области внешней и внутренней торговли. Она обладала исключительным правом на экспорт таких продуктов малийского производства, как арахис, рис, хлопок, просо, сорго. Ей принадлежало монопольное право на импорт как продовольственных, так и промышленных товаров. Общество снабжало государственные, смешанные и кооперативные предприятия импортными товарами по твердым государственным ценам. Оно играло немаловажную роль в деятельности государственного сектора. В 60-е годы СОМИЭКС контролировала более одной трети (по стоимости) импорта и двух третей экспорта страны. Она уверенно теснила иностранный капитал в сфере обращения. Сбытом сельскохозяйственной продукции на внутреннем рынке занималось государственное управление по торговле зерновыми продуктами (ОПАМ).

Стремясь увеличить капиталовложения в экономику, правительство ограничило вывоз за границу капиталов и прибылей (для последних установлена норма — не более 25%). Не менее 75% прибылей иностранные компании были обязаны или реинвестировать, или израсходовать на при-

обретение облигаций малийского внутреннего займа. Только «конвенционные» общества (иностранные компании, имевшие особые соглашения с правительством Мали) получили право на свободный вывоз прибылей.

Первые шаги правительство сделало для создания и развития смешанного сектора. В отличие от частного, смешанный сектор давал государству возможность контролировать предприятия с участием иностранного капитала и получать определенную долю прибыли. Уже в 60-е годы появились компании, в которых доля государства колебалась между 51 и 65%. Среди них были «Энержи дю Мали», франко-малийская компания радиоэлектрической аппаратуры «СОКОРАМ» (построила в Бамако завод по сборке транзисторных приемников), малийско-французская компания по экспорту продуктов животноводства «СЕПАМ». В то же время власти стремились ограничить рост частного сектора, затормозить развитие в стране капиталистических отношений.

Большое беспокойство у правительства вызывало состояние сельского хозяйства: скотоводство и земледелие были экстенсивными и малоэффективными. Они не могли быть базой для роста национальной экономики.

В стране имелись две формы собственности на землю — общинная и государственная. Лишь небольшая часть земли находилась в собственности отдельных лиц — вождей в северо-восточных областях [105, с. 115]. В условиях преобладания общинной и фактического отсутствия частной собственности на землю, а также господства традиционных производственных отношений открывались возможности, как тогда считалось, для сравнительно легкого кооперирования крестьянства. И в 60-е годы власти начали создавать сеть производственных сельскохозяйственных кооперативов, в которых наряду с коллективными полями сохранялись индивидуальные наделы. В будущем предполагалось сделать коллективное поле главным источником доходов крестьян. Широкое распространение в тот период получили так называемые сельские группы производства и взаимопомощи, которые проводили совместную обработку земли.

В кооперативах доходы от урожая с коллективных полей поступали в общий фонд, часть которого распределялась между их членами. Работа на таких полях оценивалась в «трудоднях» и «трудочасах» [105, с. 39]. При этом в распоряжении крестьян оставались индивидуальные участки, которые и обеспечивали им основную часть натурального и денежного дохода.

Кооперативы входили в союзы сельских объединений, которые занимались вопросами рационального использования земель, ирригации, совместной эксплуатации машин, органи-

защиты труда крестьян. Каждый член кооператива, независимо от материального положения, делал равный с другими членами взнос на коллективные мероприятия, требующие расходов. Это приносило элемент уравнительности в среду кооператоров.

Кооперативы занимались вопросами сбыта своей продукции. Для этого они использовали принадлежавшие им магазины, которые торговали по твердым ценам. Таким путем крестьяне могли избавиться от скупщиков, которые обычно назначали грабительски низкие цены [105, с. 30]. Часть общего фонда шла на уплату налогов и расширение коллективного производства.

Государство помогало кооперативам решать производственные и финансово-кредитные вопросы, проблемы сбыта готовой продукции. Снабжение сельских кооператоров орудиями и инвентарем, семенами и удобрениями, ядохимикатами, многими другими товарами осуществляло государственное общество взаимопомощи сельскохозяйственному развитию. Директор общества назначался министром сельского хозяйства. Деятельность его местных представителей контролировали военные коменданты округов. Через общество взаимопомощи власти осуществляли непосредственную связь с сельским населением.

Государство поощряло также кооперирование мелких торговцев, в руках которых находился почти весь национальный частный сектор. Таким путем оно пыталось подорвать экономические основы роста местной буржуазии. Этой же цели служило введение в 1962 г. 15%-ного налога на сделки и услуги. И хотя кооперативное движение охватило торговлю, мелкокустарное производство, некоторые другие отрасли хозяйства, сельскохозяйственным кооперативам отводилась особая роль. По мнению руководителей республики, улучшение положения крестьянства, с одной стороны, и резкое возрастание производства сельскохозяйственной продукции — с другой, могли осуществляться только путем кооперации сельскохозяйственного производства. А это имело решающее значение для страны в целом. Считалось, что «хорошая деятельность сельскохозяйственных кооперативов — главное условие успеха борьбы за экономическую независимость». Путем кооперирования сельского хозяйства можно было решить и социально-политические задачи: «ограничить распространение частного землевладения, а значит, и рост эксплуататорских слоев в деревне, избавить ее от нищеты и нужды, приобщая широкие массы сельских жителей к прогрессу» [288, 07.05.1963].

Кампания кооперирования в деревне проходила быстро. К 1964 г. кооперативами было охвачено более 50% деревень.

Однако сразу же вскрылись недостатки. Часто нарушался принцип добровольности при объединении в кооператив. Во многих деревнях кооперативы нередко возглавляли представители традиционной знати, стремившиеся к личному обогащению. Крестьяне неохотно трудились на коллективных полях. Поэтому урожайность на них была в два-четыре раза ниже урожайности на индивидуальных участках. В результате площади под коллективными полями не увеличивались: в 1967—1968 гг. на их долю приходилось лишь 1,3% посевов [104, с. 116].

Широкое развитие в Мали получила снабженческая, сбытовая, заготовительная и потребительская кооперация. Она участвовала в заготовках экспортных культур, в снабжении членов кооперативов промышленными товарами. Так, например, только в районе деятельности «Офис дю Нижер» было 22 потребительских кооператива.

Заметное место в сельскохозяйственном производстве занимали государственные фермы, на полях которых собирались сравнительно высокие урожаи хлопка. На фермах выращивался скот.

Важная роль в народном хозяйстве отводилась армии. Для укрепления ее связей с населением в 1960 г. стали создаваться лагеря так называемой гражданской службы. В них молодежь еще призывного возраста получала военно-политическую подготовку и занималась сельскохозяйственными работами. Весь урожай от этих работ поступал в распоряжение государства.

Все названные выше мероприятия проводились в условиях, когда малийское общество только вступало на путь самостоятельного развития. Структура прослойки работающих по найму хорошо демонстрирует уровень этого развития.

В 1960 г. из 54,7 тыс. лиц, занятых наемным трудом (без учета работающих в сельском хозяйстве), в непроизводственных секторах было занято около 46 тыс. человек, или 83,9%. В государственных учреждениях, сфере обслуживания трудилось 29,2 тыс. человек, на транспорте, на складах, в учреждениях связи — 8,8 тыс., в торговле — 7,8 тыс. человек. А в производящих отраслях было занято только 8,8 тыс., или 16,1%. Из них более 7 тыс. работали на 11 предприятиях обрабатывающей промышленности. Таким образом, доля лиц, работающих по найму в 1960 г., составляла лишь 1,3% общей численности населения страны (подсчитано по [66, 1975, с. 237, 521, 783]).

К 1966 г. число работавших по найму сократилось. С учетом 8,3 тыс. человек, занятых в сельском хозяйстве, оно составило 51,5 тыс. Подавляющее число лиц наемного труда было занято на мелких предприятиях: 85% нанимали

менее 50 человек (почти 50% — менее 10). Лишь на текстильном комбинате в Сегу было занято более 1000 человек [104, с. 95].

Главную, а точнее, особую роль в формировании рабочего класса играл государственный сектор. Руководство республики придавало этому исключительное значение. Группы наемных рабочих, нанятых государством, отличали растущая политическая грамотность и активность, проявившиеся при обсуждении трудового кодекса 1963 г. Поэтому при создании государственного сектора руководство республики решало не только экономические, но и социально-политические задачи.

Итак, VI съезд партии Суданский союз взял курс на развитие Мали по некапиталистическому пути. В Отчетном докладе указывалось, что социализм является «наилучшим путем к окончательному освобождению Африки от последствий феодализма и колониализма». М. Кейта говорил: «Избрать социалистический путь развития — это значит передать трудящимся средства производства, сделать трудящихся хозяевами производства». Главным средством укрепления национальной экономики руководство страны считало огосударствление. Оно полагало, что сможет добиться успеха, используя специфические черты традиционного общества — солидарность и взаимопомощь, верность принципам равенства и гуманизма, — не допуская саму возможность возникновения в нем антагонистических противоречий или классовой борьбы. Именно эти черты должны были позволить пройти путь некапиталистического развития, «основываясь на национализации важных отраслей экономики, применяя кооперирование сельскохозяйственного производства и обеспечивая участие масс в построении и работе госпредприятий и кооперативов» [288, 17.09.1962].

Руководство партии Суданский союз считало, что в стране можно построить социалистическое общество без классовой борьбы и без диктатуры пролетариата.

При этом говорилось о критическом взгляде партии на социализм и о ее стремлении строить новое общество, учитывая малийские условия, темперамент, культуру, наследие и мистицизм малийцев [293, 1966, № 280, с. 31]. В то же время оно нередко официально заявляло, что Суданский союз в своей деятельности исходил из теоретической предпосылки, что «строительство нового общества в Мали возможно только на базе научного, т. е. марксистско-ленинского, учения о социализме» [288, 18.01.1965].

По мнению Суданского союза, социальная структура общества включала в себя элементы феодализма, утратившего престиж и опиравшегося на насилие, а также:

— немногочисленный пролетариат, не являющийся рабочим классом в европейском смысле слова;

— активный, но слабый слой торговцев, возможности которого ограничивались присутствием сильного иностранного частного капитала;

— бедное крестьянство, составляющее примерно 92% населения страны [186, с. 102].

Слабую дифференциацию малийского общества, неорганизованность его буржуазных слоев руководство партии рассматривало как положительный фактор, способствующий «решению задач социалистического строительства, облегчающий сплочение всех антиимпериалистических сил, национально-освободительных и демократических отрядов в едином национальном фронте вокруг такой революционной партии, как Суданский союз, в котором все возрастающую роль играл молодой рабочий класс Мали» [120, с. 55].

Религиозный фактор рассматривался как полезный и облегчающий победу социализма. М. Кейта, анализируя близость ислама к социализму, рассуждал: «Огромное большинство населения нашей страны — мусульмане. И вот нам говорят: как примирить религию и социализм? Я утверждаю, что такая постановка вопроса неправильна. Если бы в Республике Мали религия была инструментом угнетения и господства, если бы она служила интересам колониальной системы или в нашем далеком прошлом была бы орудием феодализма... тогда борьба против религии была бы оправдана. Но дело обстоит иначе. Нет религии по своему духу более близкой к социалистическим идеям, чем мусульманская, так как она проповедует следующие принципы: богатые должны отдавать свое богатство бедным, делиться с ними, облегчать страдания других» [45, с. 88].

В 60-е годы малийское руководство находилось в плену политической эйфории. Оно было уверено, что все малийское общество готово поддержать социалистические преобразования, что движение по некапиталистическому пути — в интересах всего населения, что национальный фронт, сложившийся в период борьбы за политическую независимость страны, сможет под руководством революционно-демократической партии, в роли которой выступает партия Суданский союз, не только начать, но и успешно завершить построение социализма в Мали. С высоты 90-х годов видно, что расчеты малийских лидеров были ошибочными и в известной мере наивными. В то же время их отличало искреннее стремление быстро вывести страну из состояния отсталости, построить справедливое общество.

Одной из наиболее важных мер обновления считалась демократизация общественной жизни. Без нее, по мнению ру-

ководства, было невозможно развивать инициативу масс. Демократизация предполагала слом старого бюрократического аппарата, оторванного от народа, и его замену аппаратом функционеров, вышедших из народных масс и связанных с ним; активизацию деятельности партии Суданский союз в центре и на местах; идеологическое и теоретическое обогащение партийной работы; привлечение народных масс к широкому участию в общественно-политической жизни, опору на массовые организации — профсоюзы, женские и молодежные объединения. Считалось необходимым приобщать к общественно-политической жизни и социальной активности сельское население — земледельцев, полукочевников, кочевников. Этой цели должны были служить местные организации партии Суданский союз, учреждения культуры, школа, служба информации.

В Мали концепцию «некапиталистического пути развития», «преобразований в социалистическом направлении» связывали с именем Модибо Кейты, который в течение 22 лет занимал видное место в малийской политике. В 1964 г. он был переизбран президентом на новый срок. В условиях однопартийной системы личный авторитет М. Кейты помогал партии Суданский союз и руководству республики осуществлять новый курс. Используя различные виды идеологии — от национализма до социалистических идей, — национальный лидер настойчиво проводил в жизнь те теоретические установки и практические мероприятия, которые считал для Мали прогрессивными, а потому необходимыми, что не всегда соответствовало действительности.

«Под руководством партии Суданский союз во главе с Модибо Кейтой Республика Мали вступила на путь строительства социализма» — таков идеологический лозунг периода 1960—1968 гг. [44, т. 1, с. 536]. В нем соединялось непонимание сложностей, свойственных для многоукладной социально-экономической структуры общества, и стремление втиснуть происходившие в этом обществе процессы в упрощенную черно-белую схему видения мира. На первых порах М. Кейта добился определенных успехов в политике развития по некапиталистическому пути. Эти успехи приписывались ему лично. Но позже страна стала сталкиваться с возраставшими трудностями. Поэтому, персонифицируя успехи, М. Кейта неизбежно стал персонифицировать и неудачи. А это было потенциальной угрозой ему лично и режиму.

В 1962—1963 гг. были приняты законы, направленные на разрешение социальных проблем. Так, Кодекс законов о браке и опеке (1962 г.) стал важным шагом по пути к раскрепощению малийской женщины. Единственно законными считались лишь те гражданские браки, которые заключались

при обязательном согласии невесты. Значительно ограничивались размеры брачного выкупа.

Согласно принятому в том же году Кодексу о труде (он отменил кодекс 1952 г.), запрещалась эксплуатация детского труда, декларировалось право всех трудящихся на забастовки, вводились различные пособия (по болезни, при увольнении и т. п.), надбавки за трудовой стаж.

В январе 1963 г. в речи на общемалийской конференции профсоюзных кадров М. Кейта заявил, что в обществе, к которому Мали стремится, трудящиеся будут руководить производством. «Партия, не колеблясь и несмотря на известный риск,— сказал он,— передает государственные предприятия и объединения государственной промышленности в управление трудящимся» [288, 14.01.1963].

По закону 1963 г. на государственных предприятиях создавались комитеты управления из представителей администрации и профсоюзов. Комитеты обладали широкими полномочиями в вопросах заработной платы, найма и увольнения. Профсоюзы брали на себя обязательство обеспечивать «участие всех трудящихся в управлении предприятием» [120, с. 47].

Профсоюзы создавались по отраслевому принципу. Они возникли на многих предприятиях республики. А в 1963 г. был основан Национальный союз трудящихся Мали (НСТМ), который объединил в своих рядах почти 600 тыс. человек. НСТМ стал играть важную роль в общественной жизни страны, поддерживал курс на развитие по некапиталистическому пути.

Прогрессивные мероприятия правительства активно поддерживали молодежные и женские организации, являвшиеся коллективными членами партии Суданский союз. Союз молодежи состоял из пионерской организации (объединяла детей и подростков в возрасте от 8 до 18 лет) и собственно молодежной организации (объединялись молодые люди в возрасте 18—25 лет) [120, с. 60]. Члены последней состояли одновременно в партии Суданский союз. Союз практически объединял всю молодежь страны. Под его руководством создавались бригады добровольцев для работы по ликвидации неграмотности и борьбы с преступностью, для участия в деятельности различных сельскохозяйственных и строительных мероприятий (так называемых «стройках чести»), комиссий по охране материнства и младенчества. Адресуясь к молодым людям, руководство партии постоянно повторяло: «Молодежь, ты — будущее страны. Национальное строительство нуждается в тебе. Ускоряй свои шаги к целям, определенным 22 сентября 1960 г.» [235, с. 103].

В 60-е годы Мали входила в число африканских стран,

которые, как тогда считалось, «наиболее последовательно, революционными методами» проводили социалистические преобразования.

Суданский союз неоднократно заявлял о своем намерении следовать по пути, указанному научным социализмом. Мероприятия по ограничению иностранного капитала, демократизация внутривластной жизни, ликвидация несознательности и аполитичности масс, привлечение их к управлению общественным производством способствовали росту популярности правящей партии и правительства в различных слоях малийского общества, обеспечивали относительную стабильность власти в первой половине 60-х годов. Но всего этого оказалось недостаточно для прочности режима. Новое общество «свободных индивидуумов» создавалось во исполнение предначертаний вождя, со временем все более удалявшегося от народа. При этом особая роль отводилась партийно-государственному бюрократическому аппарату, стремившемуся доказать свою необходимость быть передаточным звеном между «учителем» и народом, который сам не в состоянии найти свой «путь к счастью». Исключительно важное место в структурах Мали занимала партия Суданский союз.

Накануне провозглашения независимости страны Суданский союз был единственной партией. В своих рядах он объединил прогрессивные силы, опиравшиеся на средние слои населения, тесно связанные с трудящимися массами и беднотой. Важнейшими вехами в ее истории были чрезвычайный съезд (1960 г.), провозгласивший независимую Республику Мали, и VI съезд (1962 г.), объявивший о решении партии вести страну по некапиталистическому пути к социализму. Теоретической и идеологической основой партии провозглашался научный социализм, а организационной — принцип демократического централизма. Принцип демократического централизма должен был обеспечить жесткую «вертикальную» структуру, субординацию партийных органов [170, с. 102]. Высшим органом партии был съезд (созывался не реже одного раза в три года), в период между съездами деятельностью партии руководило Национальное политбюро, возглавлявшееся генеральным секретарем. Партия, строившаяся по территориальному признаку, была открыта для всех граждан Мали. Поскольку вступление в партию часто рассматривалось как признак лояльности режиму, то в нее вошло практически все взрослое население Мали.

Деятельностью партийных организаций на местах руководили политические бюро [120, с. 59]. В эти политбюро входили представители местных властей, чем обеспечивалась, по мнению руководства, «координация деятельности партийных

и административных органов, являвшаяся залогом плодотворной работы и... единства действий» [288, 19.02.1962].

В Мали строго соблюдался примат политического руководства над администрацией, повышения бдительности в соблюдении принципов демократического централизма и в подборе кадров. Особое внимание уделялось охране единства партии, осуждались «регионализм, сепаратизм и расизм». Партийные кадры представляли собой «либо новый административный аппарат, либо традиционные власти» [188, с. 136]. Многие рядовые члены партии были политически и идеологически неграмотными. Руководство партии Суданский союз находилось в руках представителей революционной демократической интеллигенции. Партия имела прочную поддержку в широких массах крестьянства [120, с. 40]. Она занимала главенствующее положение в политической структуре и жизни страны, опиралась на профсоюзы и другие общественные организации. В ее структуру были интегрированы женские и молодежные объединения. Имея такую «горизонтальную» основу, Суданский союз стремился привлечь народные массы к активному участию в социально-экономических преобразованиях, добиться их поддержки в укреплении государственного сектора в экономике, кооперировании и модернизации сельскохозяйственного производства. Все это мыслилось как создание экономических, социальных и политических условий для строительства социализма в стране.

На международной арене правящая партия и сформированное ею правительство проводили активную политику неприсоединения, курс на мирное урегулирование международных конфликтов и споров, ликвидацию иностранных военных баз на чужих территориях, всеобщее и полное разоружение, на превращение Африки в зону, свободную от ядерного оружия. «Мы избрали путь сотрудничества со всеми странами без исключения. Мы избрали путь нейтралитета, который, как мы полагали, остается наилучшим подтверждением нашей решимости сохранить независимость и обеспечить гармоничное развитие нашей страны»,— говорил М. Кейта [120, с. 44].

В сотрудничестве с другими странами, особенно молодыми государствами «третьего мира», Мали активно боролась за ликвидацию остатков колониальной системы на Африканском континенте и в других районах земного шара, против неокOLONиализма, расовой дискриминации и апартеида. «Мы остаемся непоколебимыми в нашей политике неприсоединения, в осуждении и разоблачении колонизаторских и империалистических происков, в борьбе объединенного фронта народов за ликвидацию империализма и его колониальной системы, старой и новой» [288, 01.03.1965].

Руководство Суданского союза поддерживало деловые отношения как с правящими партиями молодых государств, в первую очередь африканских и азиатских, так и с коммунистическими и рабочими партиями различных стран. Связи между КПСС и Суданским союзом были установлены в 1961 г. Делегация партии Суданский союз принимала участие в работе XXII и XXIII съездов КПСС. В 1962 г. состоялся визит генерального секретаря партии Суданский союз, президента Мали М. Кейта в СССР, ему была присуждена Международная премия мира.

В 1960—1968 гг. основным союзником партии Суданский союз были профсоюзы страны, объединившиеся в единый профсоюзный центр — Национальный союз трудящихся Мали (НСТМ). На начальном этапе между НСТМ и партией, особенно в верхних эшелонах власти, установились отношения тесного сотрудничества и взаимопонимания, полностью отвечавшие требованиям движения по некапиталистическому пути. В дальнейшем, однако, произошли изменения. В результате проведения политики огосударствления профсоюзов последние, по существу, стали придатком и инструментом партии, точнее, ее верхушки. Руководство профсоюзов утратило право самостоятельно действовать и принимать важные решения. Подобное подчинение ослабляло профсоюзы. Жесткая регламентация функций и задач НСТМ, почти полное игнорирование интересов трудящихся дали негативные результаты: в решающий момент (в 1968 г.) профсоюзы не выступили на защиту революционно-демократического режима [127, с. 131].

Политическую пассивность профсоюзов в какой-то степени объясняет их социальный состав. Молодой и малочисленный пролетариат растворялся в огромной массе крестьян-отходников, слившейся с прослойками городской мелкой буржуазии.

Бюрократизм и коррупция не обошли стороной профсоюзные структуры, как, впрочем, и многие другие общественные организации.

Профсоюзы Мали имели широкие международные связи. Малийская профсоюзная делегация участвовала в работе Учредительного конгресса африканских профсоюзов в 1961 г. НСТМ был членом Всеафриканской федерации профсоюзов. С трибуны этой федерации и других международных форумов малийские профсоюзы выступали за единство африканских трудящихся, международную солидарность людей труда, в защиту политической и экономической независимости молодых африканских государств, за воспитание трудящихся Мали в духе взаимопомощи, единства и прогресса. В 1966 г. глава малийских профсоюзов Мамаду Сиссоко был избран

генеральным секретарем Всеафриканской федерации профсоюзов [147, с. 37].

Столь же активно на политической арене Мали действовали молодежные, ветеранские и женские объединения, организации сторонников мира. Особенно высоко оценивалась роль женских объединений. Официально признавалось, что женщины в социально-экономическом плане вели себя более активно, чем мужчины [170, с. 104—106].

2. Экономическое и социальное развитие

Накануне завоевания независимости Мали была одной из наименее развитых стран Африки. Сельское хозяйство было отсталым, а промышленность находилась в зачаточном состоянии. Процессы классовообразования происходили замедленно и противоречиво.

В экономике Мали сосуществовали пять общественно-экономических укладов: государственно-капиталистический, частнокапиталистический, смешанный, мелкотоварный, патриархальный [107, с. 43]. Формирование современных социальных групп — рабочего класса, национальной буржуазии (городской, сельской), национальной интеллигенции — находилось на начальной стадии. На VI съезде Суданского союза говорилось: «Колониальная система, препятствуя развитию нашей торговли и нашего режима, нарушила нормальное развитие нашего общества и воспрепятствовала... формированию национальной буржуазии» [288, 03.10.1962]. Сильнее позиции частного сектора были в торговле, особенно мелкой.

Национальная интеллигенция была слабой и немногочисленной, но при этом проявляла значительную политическую активность. Она была весьма неоднородна и выражала политические взгляды различных социальных слоев и групп. Некоторые представители старой интеллигенции, вышедшей из слоев колониального общества, сохраняли тесные связи с крестьянскими массами [108, с. 56].

За период 1960—1968 гг. удалось создать и укрепить госсектор. В стране было построено 30 промышленных объектов. Это было больше, чем в соседних африканских странах [186, с. 182]. Среди них следует назвать завод фруктовых соков и овощных консервов (мощностью 1,7 тыс. т), две мясохладобойни (13 тыс. т), завод по производству арахисового масла (10 тыс. т), сахарный завод (4 тыс. т), спичечную фабрику (45 млн. коробков), табачную фабрику (24 млн. пачек сигарет), фабрику пластмассовой обуви (600 тыс. пар), керамический завод (500 т), завод по сборке транзисторных

радиоприемников (14 тыс.), текстильный комбинат (перерабатывал 2,4 тыс. т хлопкового волокна), завод мраморных плит (20 тыс. кв. м) и др. На р. Нигер была построена первая очередь ГЭС Сотюба (ниже Бамако), которая произвела 12 млн. кВт в 1966 г. Производство электроэнергии за период 1960—1966 гг. возросло более чем вдвое: с 14,9 млн. до 32 млн. кВт. Мощность рисоочистительных заводов увеличилась до 74 тыс. т в год, хлопкоочистительных — до 45 тыс. т.

В годы выполнения первого пятилетнего плана (1961—1966) * проводилась политика диверсификации сельскохозяйственного производства. Увеличились сборы сорго и проса (с 800 тыс. до 900 тыс. т), риса (с 170 тыс. до 206 тыс. т), хлопка (с 10 тыс. до 25 тыс. т), кукурузы (с 65 тыс. до 70 тыс. т). Сбор арахиса снизился со 120 тыс. до 60 тыс. т. На созданной с помощью Болгарии государственной ферме (площадью 3,3 тыс. га) выращивались томаты и манго [288, 28.06.1965]. Приведенные данные показывают, что плановые задания по сельскому хозяйству были выполнены лишь частично. Острой оставалась проблема обеспечения населения продовольствием и вывоза сельскохозяйственных продуктов. Между тем более 80% экспортной выручки Мали приходилось на долю сельского хозяйства и рыболовства (в том числе арахиса — 25%, хлопка — 15, живого скота — 20, рыбы копченой и вяленой — 20%). Рыбаки народности бодо славятся своим умением по всему судано-сегальскому региону [234, с. 83].

Большие усилия прилагались для развития дорожной сети. На это было затрачено около 15 млрд. мал. фр. В 1960—1964 гг. было построено 320 км шоссейных дорог, значительно увеличен автомобильный парк и подвижной состав на железных дорогах, создан государственный воздушный транспорт. В 1969 г. Мали имела 50 аэродромов различного класса, а в распоряжении авиакомпании «Эр Мали» было девять самолетов. Самолеты компании летали в Дакар, Аккру, Ниамей, Конакри, Браззавиль, а также в Джидду и Париж [107, с. 112]. На внутренних и международных линиях (их количество достигало 20) использовались самолеты Ил-14, Ил-18, Ан-2 [106, с. 112].

Разведка минеральных ресурсов позволила открыть промышленные запасы бокситов, марганца, известняка.

В целом пятилетний план не был выполнен. Вместо запланированных 80 млрд. фр. в народное хозяйство было вложено только 50 млрд. Из них почти 70% инвестиций приходилось на долю внешних источников финансирования и

---

* План разрабатывали известные экономисты — Самир Амин (Египет) и Жан Бернар (Франция) [262, с. 108].

лишь 10% — внутренних. Около 20% обеспечивали кредиты СССР. Госсектор в промышленности на 92% создавался за счет иностранной (прежде всего государственной) помощи [122, с. 203]. При выполнении пятилетнего плана Мали должна была получить из внешних источников 560 млн. долл. Известно, что из этой суммы было освоено примерно 375 млн. Помощь оказывали международные организации, а также капиталистические и социалистические страны [107, с. 202]. Прямые инвестиции частного иностранного капитала были незначительными: малийские власти строго контролировали деятельность зарубежных компаний и фирм.

Отсталые социально-экономические структуры порождали многочисленные проблемы. Особенно острой была нехватка квалифицированных кадров. В 60-е годы значительных изменений в социальной структуре населения не произошло. Свыше 90% [120, с. 48] малийцев по-прежнему проживало в сельской местности, занималось земледелием, скотоводством, рыболовством, охотой, собиранием дикорастущих плодов. В эти годы наблюдались неблагоприятные тенденции в финансовой сфере, сельском хозяйстве и торговле. Подобные тенденции в промышленности стали проявляться несколько позднее. Тем не менее малийское руководство было настроено оптимистически. Оно переоценивало первые успехи движения страны по некапиталистическому пути и явно недооценивало трудности. Руководство Суданского союза в 1966 г. объявило: «Прошло лишь шесть лет с момента провозглашения независимости, а малийский народ уже пользуется плодами новой жизни. Благодаря усилиям трудящихся масс, правильному курсу и руководству нашей партии Суданский союз, благодаря помощи СССР и других дружественных стран в Мали идет процесс гармоничного развития материальной основы народного хозяйства путем расширения государственного сектора, организующего и контролирующего основные отрасли экономики». Это говорилось тогда, когда стало ясно, что пятилетний план не будет, не может быть выполнен. «Наша страна,— утверждало руководство,— приступает к созданию промышленности. В результате кооперирования коренным образом меняется наше крестьянство. Жизнь нашего народа перестроена на демократических основах» [44, т. 1, с. 436].

Не менее радужными были оценки внутри- и внешнеполитического положения страны:

«Массовые демократические организации профсоюзов, молодежи и женщин активно поддерживают партию в деле осуществления программы экономического и социального развития и всемерно способствуют дальнейшему усилению борьбы нашего народа на пути строительства социализма...»

«День ото дня народ отдает все больше своих сил защите завоеваний революции, борьбе с империализмом, который, ведя подрывную работу, всячески изощряется, стремясь уничтожить наш революционный строй» [44, т. 1, с. 436].

Будущее развитие показало, что было верным и что правильным в этих оценках. Тем не менее следует отметить, что энтузиазм трудящихся обеспечил достижение страной определенных успехов в социально-экономической жизни. В проявлении этого энтузиазма немаловажную роль сыграли политический курс партии Суданский союз, интернациональные связи молодой республики с развивающимися и социалистическими странами.

3. Сотрудничество с СССР

Вскоре после провозглашения независимости руководство Мали установило дружественные отношения с Советским Союзом. Уже в марте 1961 г. было подписано малийско-советское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. СССР предоставил Мали кредит в размере 45 млн. руб. на 12 лет из расчета 2,5% годовых. Советские специалисты проводили работы по геологической разведке, модернизации сельского хозяйства, строительству цементного завода. Начались переговоры о сооружении в Мали крупного металлургического завода. Широкие связи налаживались между «Офис дю Нижер» и советскими организациями. В счет советского кредита, при советской технической помощи была создана государственная авиакомпания «Эр Мали». При содействии СССР в Бамако были сооружены Дом радио, профессиональный учебный центр на 300 учащихся, стадион на 25 тыс. мест. В ряде случаев советское содействие было безвозмездным.

Между двумя странами успешно развивалась взаимовыгодная торговля. В 1964 г. доля СССР в экспорте арахиса из Мали составляла 34%. Почти за весь арахис Москва рассчитывалась свободно конвертируемой валютой. Более 72% советского экспорта в Мали в 1964 г. составляли машины и оборудование. В 1963—1964 гг. Мали удовлетворяла свыше 20% своих потребностей в машинах и оборудовании за счет ввоза из Советского Союза [194, с. 263—265].

Советские геологи открыли новые месторождения высококачественного цементного сырья. Они проводили также изыскания на нефть, золото, алмазы.

Учитывая важность развития сельского хозяйства для молодой республики, СССР в октябре 1962 г. предоставил Мали дополнительный кредит в размере 10 млн. руб. Совет-

ские эксперты помогали малийцам в проведении проектно-исследовательских работ, в строительстве ирригационных и мелиоративных объектов. СССР предоставлял Мали различные машины и сельскохозяйственный инвентарь. С советской помощью было освоено под рис около 9 тыс. га новых земель [132, с. 10]. Мали закупала в СССР товары на весьма выгодных условиях (эти товары облагались низкими налоговыми и таможенными сборами) [235, с. 93]. Советский Союз оказывал Мали содействие в создании национальной армии. С его помощью были сооружены и оснащены Высшая административная школа на 250 учащихся и медицинское училище на 200 учащихся [134, с. 219].

Успешно развивалось сотрудничество между Суданским Союзом и КПСС. Зачастую руководство Мали пыталось копировать некоторые направления советского развития. При этом игнорировались национальные условия. Весьма неудачной была попытка внедрить в Мали командно-административную систему, стремившуюся воздействовать на экономику внеэкономическими методами.

4. Здравоохранение и социальное обеспечение

В области охраны здоровья руководство Мали достигло ощутимых результатов. К концу 60-х годов в стране насчитывалось 44 больницы, 48 медпунктов, 9 родильных домов, 205 диспансеров, 7 лепрозориев, 54 центра по охране матери и ребенка, кишечно-биологическая лаборатория и пункт переливания крови [107, с. 49; 186, с. 88]. Активно велась борьба с малярией, бичом (особенно в сезон дождей) Мали, осуществлялись профилактические мероприятия против таких опасных заболеваний, как шистосоматоз, проказа, туберкулез, оспа, амебиаз, венерические болезни, трахома, полиомиелит, менингит, столбняк, желтая лихорадка и др. Впервые в Мали были созданы противотуберкулезные диспансеры и пункты рентгеновского контроля [107, с. 49]. Особое внимание уделялось борьбе с детскими заболеваниями, прежде всего с корью и дизентерией.

Большую работу проводили созданные в 1961 г. министерство здравоохранения, его службы на общенациональном, региональном и местном уровне. Нехватка ресурсов и кадров препятствовала созданию современной и эффективной системы здравоохранения. Смягчить остроту этой проблемы пытались как путем подготовки национальных кадров, так и привлечением в Мали врачей из-за рубежа. В 60-е годы здесь наряду с медицинскими работниками из многих государств работали и врачи из СССР. В страну ввозили со-

ветское медицинское оборудование и медикаменты. Постепенно увеличивался контингент медицинских работников из числа малийцев. В начале 60-х годов их было 726 (650 фельдшеров и медицинских сестер, 75 врачей), в конце 1968 г. стало 1229 (соответственно 1194 и 135) [288, 22.09.1968].

Интересным был опыт создания сети «народных аптек». Объединение всех аптек в единую систему имело целью обеспечить населению возможность приобретения лекарств по низким ценам.

В 1960—1968 гг. предпринимались меры по созданию в Мали системы реальной социальной защиты населения. Был учрежден Национальный институт социального обеспечения, был принят новый закон по социальному страхованию (1967 г.). Закон устанавливал: размер пособий по временной нетрудоспособности приравнивается к средней заработной плате, пенсии по старости назначаются после 30 лет работы в размере 40% среднегодовой заработной платы. Вводились пособия по беременности и родам (в размере полного заработка), оплачиваемый декретный отпуск (продолжительностью 14 недель). Работавшие женщины имели право на бесплатное (за счет Национального института социального обеспечения) медицинское обслуживание в течение всего отпуска по беременности и родам. В случае смерти кормильца из-за производственной травмы его семья (вдова и дети до 14-летнего возраста) получала пенсию. (Учившиеся дети могли получать ее до 21 года.) Закон 1967 г. также обязывал хозяев обеспечивать наемный персонал своих предприятий бесплатным медицинским обслуживанием [122, с. 221].

В соответствии с новым законодательством улучшилось социальное положение женщин. Замужество разрешалось только с 15-летнего возраста и с согласия женщины. Законным считался лишь гражданский брак. Муж не мог расторгнуть его без соответствующей юридической процедуры. Если он женился на первой жене на условиях моногамного брака, то не мог взять вторую жену без согласия первой.

В существовавших в 60-е годы социально-экономических условиях проводить в жизнь прогрессивное социальное законодательство было нелегким делом. Как, например, можно было обеспечить все трудоспособное население работой, а значит, и регулярными доходами? Между тем в 60-е годы в Мали уже были зарегистрированы первые безработные (в списках 1961 г. их было 400).

Трудно говорить о безработице как о явлении социально-экономическом в условиях страны, где подавляющую часть населения составляли сельские жители, жившие полунатуральным и даже натуральным хозяйством. Патриар-

хальный уклад жизни сельской общины 60-х годов включал в себя институт взаимопомощи, который позволял создать своеобразную «систему социального обеспечения». При такой системе значительная часть нуждавшихся и безработных сельских жителей могла обеспечивать свое существование за счет родственников, земляков и др. Поэтому среди зарегистрированных в городах безработных были люди, в основном порвавшие связи с деревней. Как бы то ни было, проблема безработицы возникла и ее приходилось решать.

5. Образование

Руководство Мали понимало, что невозможно добиться прогресса без проведения научно обоснованной политики в области подготовки национальных кадров, прежде всего технических. Но для этого требовалось резко поднять уровень школьного образования. VI съезд партии Суданский союз подчеркивал настоятельную необходимость усовершенствования системы образования. На съезде говорилось о создании современной школы, разработке письменности на языках всех народов страны, превращении этих языков в средство школьного обучения. Короче, была необходима реформа образования, служившая целям «общей политики деколонизации» и «призванная полностью пересмотреть задачи и методы обучения» [289, 1974, № 10, с. 721].

В соответствии с реформой 1962 г. девятилетняя начальная школа готовила учащихся либо для средней образовательной школы, либо для технических и сельскохозяйственных учебных заведений. В Мали было создано около 600 центров по ликвидации неграмотности среди взрослых, в которых осуществлялась разработанная при содействии ЮНЕСКО экспериментальная программа обучения [105, с. 93].

Число учащихся средних учебных заведений выросло более чем в 5 раз: с 3914 в 1960 г. до 22 285 в 1968 г. А всего в 1968 г. в государственных школах училось 175,5 тыс. детей, или втрое больше, чем в 1960 г. В Мали были созданы политехнический институт, медицинское и педагогическое училища [104, с. 171], центр по профессионально-техническому образованию.

В стране проводились также мероприятия по распространению агротехнических знаний в сельской местности. Считалось, что «профессиональное обучение крестьян станет самым мощным рычагом сельскохозяйственного (а следовательно, и всеобщего) прогресса в Тропической Африке» [188, с. 50].

Заметный вклад в развитие национального образования в Мали внесли советские педагоги. В 1962/63 учебном году в стране работали 157 преподавателей из СССР [122, с. 26].

С 1963 г. в начальных школах вводилось обучение на местных африканских языках, развернулась кампания по борьбе с неграмотностью. Для создания письменности у народов, таковой не имевших, правительство обратилось за содействием к Советскому Союзу. В страну прибыла лингвистическая экспедиция АН СССР во главе с известным африканистом-этнографом, членом-корреспондентом АН СССР Д. А. Ольдерогге. Экспедиция оказала Мали большую помощь в разработке письменности народов страны.

Само по себе получение образования не обязательно приводило к формированию компетентного и квалифицированного работника. Считалось, что школа «открывает путь в привилегированную касту». При этом, однако, признавалось, что «дипломированные служащие зачастую становятся не активными работниками, а просто пополняют ряды бюрократов» [188, с. 79, 116].

Несмотря на значительные усилия, не удалось достичь больших результатов в работе по ликвидации неграмотности. Об этом говорят данные об общеобразовательной подготовке лиц наемного труда. В 1966 г. среди них полностью неграмотные составляли 51,4%, начальное образование имело 34,6, среднее — около 9 и только 1% — законченное высшее образование [183, с. 171].

И все же в 60-е годы страна добилась заметных достижений в области образования. В Мали появились первые высшие учебные заведения — Высшая педагогическая школа, Высшая административная школа, Институт сельского хозяйства, были основаны или расширены также первые научно-исследовательские учреждения: Институт тропических агрикультур, Институт экономики сельского хозяйства, Институт тропической медицины, Институт гуманитарных наук, Национальный институт топографии. Созданный в 1962 г. Национальный педагогический институт вел разработку новых учебных программ, осуществлял подготовку квалифицированных учителей. Он действовал в рамках «деколонизации образования», его «африканизации».

Многие малийцы (1,2 тыс. человек) прошли стажировку за границей [152, с. 36].

В 1960—1968 гг. руководство страны сделало немало, чтобы приспособить систему образования к национальной действительности, подготовить необходимые стране национальные кадры, сделать образование достоянием масс. Однако ему так и не удалось добиться осуществления поставленных целей.

6. Социальная и экономическая обстановка в стране во второй половине 60-х годов

К концу 60-х годов республика не стала страной, где, как рассчитывало государство, «не будет ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, где не может быть законов, противоречащих интересам трудящихся масс». Одно лишь избрание пути социалистического развития и движение по этому пути не привели к передаче «трудящимся средств производства», не сделали «трудящихся хозяевами производства» [288, 30.09.1964].

В середине 60-х годов Мали оставалась в числе беднейших стран Африканского континента. Ее национальный доход на душу населения не превышал 65 долл. в год (данные 1960 г.) [166, с. 47]. У других бывших французских колоний он был выше: у Сенегала — 200 долл., Камеруна — 125, Того — 90 долл. И по темпам роста национального дохода Мали также уступала Сенегалу, который входил в группу стран капиталистической ориентации [134, с. 147].

Несмотря на обещанное руководством значительное улучшение социально-экономического положения страны, оно, напротив, ухудшалось. Жизненный уровень населения вопреки официальным прогнозам начала 60-х годов снижался.

Малийское руководство понимало, какие колоссальные проблемы — внутренние и внешние — стоят перед страной. Многие трудности, неудачи оно объясняло отсталостью, унаследованной от колониализма, десятилетиями колониального грабежа, отсутствием накоплений, необходимых для реального продвижения вперед. Руководители Мали отказывались признать, что неудачи порождены их политическим курсом, прежде всего внедрением сверху новых производственных отношений, которым не соответствовали существующие производительные силы. Среди наиболее острых проблем следует назвать трудности пускового периода государственных предприятий (1965—1968), застой и даже регресс в сельском хозяйстве, нехватка и некомпетентность национальных кадров, бюрократизация административного аппарата, слабость, а то и отсутствие учета и контроля. Крупные ошибки допускали хозяйственные руководители. Эти ошибки стали одной из многих причин убыточности государственного сектора, низкой производительности труда на его предприятиях.

В результате первый пятилетний план (1961—1966) не был выполнен по многим показателям. Национальный доход в 1966 г. оставался на уровне 1960 г. (в сопоставимых ценах) [104, с. 78]. В ряде случаев производство сокращалось [105, с. 72], не произошло планировавшегося резкого подъе-

ма сельского хозяйства. Страна по-прежнему была вынуждена ввозить продовольственные товары: зерно, молочные продукты, сахар и др. В 1965—1966 гг. роста ВВП не наблюдалось. Одновременно увеличивались внутренние и внешние долги. Страна попала в тяжелое финансовое положение.

Курс малийского руководства на прогрессивные преобразования встречал растущее сопротивление консервативных сил как внутри страны, так и за ее пределами. Лозунги партии Суданский Союз о том, что ее члены стали «могильщиками капитализма в Мали, как того хотел Модибо Кейта» [288, 30.09.1964], не привели к реальным результатам. Утопическими были призывы руководства к «привилегированной части» населения «покончить с имущественным неравенством» [166, с. 31]. Владельцы земли не хотели расставаться со своими привилегиями, богатые не думали уступать свое имущество бедным или делиться с ними.

Свои трудности переживала малийская деревня. Производственные кооперативы не смогли обеспечить необходимого прироста товарной продукции. Причинами тому были не только приверженность крестьян традиционным экстенсивным методам и формам ведения хозяйства, но и нежелание традиционной деревенской знати поступаться хотя бы частью своих привилегий. Из-за отсутствия опыта власти совершали серьезные ошибки при кооперировании и организации совместного труда. Многие кооперативы создавались наспех, без необходимой разъяснительной работы. Такие действия вызывали неодобрение и пассивное сопротивление крестьян. Они не считали нужным трудиться изо всех сил на государство или на коллектив, т. е. на «кого-то чужого». В кооперативах процветали бесхозяйственность, коррупция, спекуляция, другие злоупотребления [105, с. 46]. Низкие закупочные цены и монополия государства на скупку сельскохозяйственных продуктов вели к стагнации производства. Трудности сельского хозяйства усугубляли и внешние факторы, прежде всего неустойчивые цены на традиционные товары малийского экспорта на мировых рынках. Экспортная выручка Мали то росла, то резко падала. Доходы крестьян имели тенденцию к понижению. Поэтому заинтересованность крестьянских масс в производстве была невысокой. А молодое государство не обладало ресурсами, чтобы оказывать непосредственным производителям эффективную помощь.

Решение Мали в июне 1962 г. выйти из зоны франка, заменить франк национальной денежной единицей — малийским франком — имело свои плюсы и минусы. С одной стороны, страна установила полный контроль над собственной валютно-финансовой системой и в какой-то мере приостановила утечку капиталов. Но с другой — произошел разрыв

традиционных экономических и торговых связей, который породил внутреннюю социальную и политическую напряженность (попытка государственного переворота в июле 1962 г.). Для установления новых экономических и торговых связей потребовались значительные усилия и время.

Многие малийцы были недовольны решением правительства. Торговцы отказывались принимать новый малийский франк*. 20 июля 1962 г. они провели демонстрацию под антиправительственными и профранцузскими лозунгами. При разгоне демонстрации два человека погибли, 10 были ранены и свыше 200 арестованы. Трое были приговорены к смертной казни, 75 человек — к различным срокам заключения [262, с. 110].

VI съезд партии Суданский союз признал «важную экономическую и социальную роль частного сектора торговли на этапе перехода к социализму». Не считая возможным ликвидировать национальный частный сектор, съезд призвал привлечь к выполнению задач социалистического развития этот сектор посредством «придания его деятельности социалистических форм» [120, с. 50]. Тем не менее власти сделали шаги по пути расширения государственной и кооперативной торговли за счет ограничения деятельности частных торговцев. Они усилили контроль за их внешнеторговыми и валютными операциями, ужесточили налоговую политику и политику цен. В перерабатывающую промышленность частный капитал допускался только при условии его согласия с государственным планом, постановлениями правительства относительно прибылей, исключительным правом государства определять цены и осуществлять общий контроль. Наконец, частный капитал должен был принять правительственную программу технической подготовки африканских кадров [107, с. 103]. Власть прекратили выдачу индивидуальных патентов на частную торговлю. Патент могли получать только общества, имевшие не менее семи участников [105, с. 59].

Чрезмерное администрирование, основанное на стремлении властей придать деятельности частного сектора «социалистические формы», вызвало жесткие ограничения в области торговли. Специальный закон — «Общие положения о профессии коммерсанта» — от 25 марта 1964 г. возводил на пути деятельности тысяч частных торговцев, крупных и мелких, различные административные и финансовые препоны. В результате внутренняя частная торговля вступила в полосу затяжного кризиса.

Вместе с тем власти не сумели найти оптимальный ва-

---

* На одной из купюр был изображен М. Кейта.

риант сочетания государственной и частной торговли, что, в свою очередь, породило перебои в поставках товаров, повышение (часто искусственное взвинчивание) цен, спекуляцию, контрабанду. Быстро росла инфляция, обесценивалась национальная валюта.

Значительные убытки принесли государству такие «престижные» проекты, как строительство президентского дворца, гостиницы и др.

В сельском хозяйстве трудности переживали не только кооперативы, но и государственные предприятия типа «Офис дю Нижер».

Французские специалисты покинули страну. Мали лишилась агротехнического интеллектуального потенциала, накопленного в течение многих лет. В короткие сроки возместить этот потенциал было крайне затруднительно. Высокообразованных малийцев не было, а иностранцы, кроме покинувших страну французов, не имели малийского опыта [188, с. 206]. И уже в 1964—1966 гг. началось сокращение производства многих культур. К этой беде добавилась новая: решение администрации лишить арендаторов возможности распоряжаться оставшейся после уплаты аренды частью урожая привело к тому, что только в 1967 г. «Офис дю Нижер» покинуло почти 3 тыс. человек [172, с. 18].

Жестокий удар по сельскому хозяйству Мали нанесла засуха, продолжавшаяся с 1968 по 1974 г., охватившая всю зону Сахеля. Огромный ущерб был причинен скотоводству (погибли сотни тысяч голов скота) и земледелию (резко сократились посевные площади и производство продуктов). Ухудшились сами природные условия: был разрушен почвенный и растительный покров, мелели реки, высыхали колодцы. Чтобы улучшить положение в стране, Национальная дирекция кооперации (создана в 1967 г.) в мае 1968 г. приняла решения об ускоренном развитии производственной кооперации, противодействии развитию капиталистических отношений, ликвидации остатков феодальной эксплуатации, расширению коллективных полей, укреплении руководящей роли партии в деревне. Одна часть этих мер была несвоевременной, другая — нереалистичной.

Все более сложным становилось финансовое положение страны. С 1964—1965 гг. начиналась выплата процентов по внешним займам, которые Мали получила для финансирования плана социально-экономического развития. При проведении своей финансовой политики властям пришлось столкнуться с сопротивлением мелкой буржуазии, недовольной курсом некапиталистического развития Мали. Это сопротивление принимало формы спекуляции, контрабандной торговли с соседними странами, тайного вывоза капиталов и цен-

ностей за границу. Сложное финансовое положение вынудило правительство резко сократить импорт, в том числе товаров широкого потребления. На право ввоза в страну требовалась лицензия министерства торговли и промышленности, удостоверяющая, что импорт той или иной партии товаров производится в соответствии с импортными планами правительства. Одновременно создавались специальные органы контроля над всеми внешнеторговыми операциями частных лиц. Что касается вывоза, то экспортеры были обязаны вносить валютную выручку на соответствующий счет, открытый в Банке Республики [143, с. 46, 48].

Перечисленные выше меры не дали тех результатов, на которые рассчитывало правительство. Более того, они привели к увеличению численности бюрократического аппарата. На предпринимателей были надеты новые оковы. Те ответили усилением спекуляции, укреплением «черного рынка». Как и следовало ожидать, административные меры по борьбе со спекуляцией и контролю за деятельностью торговой буржуазии, не подкрепленные экономическими, не могли принести и не принесли желаемого результата. Они обострили недовольство частного сектора и традиционной знати. Еще более опасным было недовольство сельского населения, вызванное понижением закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию и введением дополнительных налогов. В 1965 и 1966 гг. крестьяне некоторых районов страны стали отказываться от обязательных поставок зерна государству. Властям пришлось направить в эти районы армейские подразделения.

Большую тревогу у правительства вызывали растущая инфляция и порожденная ею девальвация малийского франка. Инфляция к 1967 г. приняла катастрофические размеры: по сравнению с 1962 г. денежная масса в обращении увеличилась на 82% (по другим данным — на 100%) [105, с. 107]. Это происходило несмотря на обмен денежных знаков в 1966 г., когда из обращения было изъято 3 млрд. мал. фр. [222, с. 19]. В результате инфляции и девальвации реальная заработная плата малийцев к 1962 г. сократилась примерно в два раза [105, с. 107].

В 60-е годы правительство М. Кейты намеревалось решать аграрную проблему путем перехода от традиционных методов обработки земли к современным, кооперирования сельских жителей, перевода скотоводов-кочевников на оседлый образ жизни [107, с. 66]. К 1966 г. стали очевидны крупные недостатки сельскохозяйственной политики. М. Кейта признавал: «Жизнь показывает, что социалистическое переустройство сельской экономики и миллионов крестьянских хозяйств, составляющих более 90% нашего населения, явля-

ется чрезвычайно трудной задачей». Основную причину трудностей он видел в том, что переустройство «неизбежно наталкивается на более или менее сильное сопротивление тех, кто в той или иной мере эксплуатирует крестьян» [105, с. 45].

Жизнь заставляла правительство корректировать свой курс. Осенью 1966 г. оно улучшило методы проведения коллективизации, повысило материальную заинтересованность крестьян. Ему пришлось учитывать как политические, так и экономические факторы. Модибо Кейта говорил корреспонденту журнала «Жён Африк»: «Нам придется внести некоторые исправления в методы, использовавшиеся до сих пор, особенно в области организации крестьянства... Мы констатируем, что делали слишком большой упор на коллективные поля...» * «Сегодня,— продолжал он,— мы считаем необходимым заинтересовать крестьянина в том, что он делает, заинтересовать его в повышении производительности труда... А для этого необходимо, чтобы в основу была положена выгода, нужно, чтобы крестьянин знал, что то, что он делает, будет приносить ему доход в соответствии с его трудом» [293, 05.10.1966].

Одновременно правительство собиралось провести и другие меры, например увеличить число образцовых хозяйств с коллективными полями, где крестьяне получали бы помощь от государства. Предполагалось, что такие хозяйства будут стимулировать интерес крестьян к коллективной обработке земли. При этом крестьянам внушалось, что главный жизненный источник — личное хозяйство также может успешно развиваться. Таким образом, изменения в аграрной политике правительства вели к усилению дифференциации крестьянских хозяйств, стимулированию частнособственнических интересов [105, с. 45].

Экономические преобразования часто носили поверхностный характер. Они не вели к перестройке глубинных традиционных отношений, но дополняли и обременяли их отношениями бюрократическими. В результате процессы самовоспроизводства экономики стали замедляться, а ее жизнеспособность и конкурентоспособность ослабевать. Кризисные явления в экономике порождали кризисные явления в области внутренней политики и социальных отношений. Все острее становился кризис руководства страны. Общество поразил «синдром усталости», порожденный поспешными переменами и непродуманными решениями властей. Усиливалась тяга к более устойчивым традиционным формам жизни. Это

* Продукция с коллективного поля, шедшая на расширение производства, не распределялась между членами кооператива, что, естественно, порождало нежелание работать на нем.

была естественная реакция общества на некомпетентность и импровизации правящего режима.

Инфляция, связанная с кризисными явлениями в экономике, привела к резкому повышению розничных цен на основные продукты питания. В 1965 и 1966 гг. цены в государственной торговле на мясо, зерновые и молочные продукты возросли в среднем на 30—50 % [105, с. 107]. В частной торговле цены были еще выше.

Некоторая часть торговцев, владельцев транспортных средств, консервативная прослойка интеллигенции, группа традиционных вождей использовали экономические трудности для развязывания антиправительственной кампании.

7. Политические процессы в малийском обществе

Антиправительственные силы делали ставку на компрометацию политики правящего режима, и прежде всего на подрыв его курса на некапиталистическое развитие.

Руководство для контроля по горизонтали и вертикали нуждается в аппарате как в центре, так и на местах. Аппарат в центре был подобран самим М. Кейтой, на местах — его сторонниками. Бюрократия не только подчинялась воле высшего руководителя, но и защищала собственные интересы. Признавая «правомерность» руководителей вести за собой народ, бюрократия стремилась укреплять свое привилегированное положение в обществе и в то же самое время не брать на себя ответственности за ошибки и просчеты, которые совершал партийно-государственный аппарат. Аппарат, бюрократия и на пути некапиталистического развития искала и находила возможности блюсти собственные интересы.

В административно-директивной системе, утвердившейся в Мали, процветали взяточничество, кумовство, использование служебного положения в целях обогащения. Коррумпированный и непомерно разросшийся бюрократический аппарат стал тяжелым бременем для бюджета республики (в 1965 г. на его содержание было израсходовано около 50% бюджетных средств). Верхушка этого аппарата начала вкладывать деньги, полученные «честным» (высокие оклады) или «нечестным» (взятки) путем, в торговлю, строительное дело, приобретение транспортных средств, создание сельскохозяйственных ферм [107, с. 56]. В дополнение к прочным связям с традиционными эксплуататорскими группами происходило ее слияние с частным предпринимательством.

Естественно, что такой аппарат не мог и не хотел эффективно проводить в жизнь те меры правительства, которые были направлены на защиту социалистического выбора, и

противодействовать замыслам противников режима. Огосударствление и обобществление средств производства, проводившиеся руководством страны, были не реальными, а формальными. Более того, государственная собственность становилась не столько общественной, сколько «казенной». И верхушка пользовалась таким положением.

Например, крупные чиновники, как и нарождавшиеся частные предприниматели, скупали земли в пригородах Бамако. На приобретенных участках они строили виллы и терпеливо ждали резкого повышения цен на землю, необходимую для жилищного и другого городского строительства [188, с. 129]. Таким образом, земля изымалась из сельскохозяйственного оборота и становилась не только объектом спекуляции.

Формировавшаяся бюрократическая буржуазия уже обрела реальную власть. Нередко она успешно блокировала попытки не только ограничить ее доходы и влияние, но и ущемить интересы частных предпринимателей. Осуществление закона об ограничении деятельности частного капитала в стране (1965 г.) * и закона, запрещающего служащим государственного, смешанного и частного секторов заниматься прямо или косвенно частным предпринимательством, столкнулось с большими трудностями [94, с. 311].

Правительство Мали видело опасность процессов, захватывавших верхние эшелоны власти. Еще на VI съезде партии Суданский союз (1962 г.) внимание ее членов обращалось на угрозы социалистическому пути развития со стороны бюрократической буржуазии. Съезд осудил «роскошь и паразитический образ жизни, включая покупку шикарных автомобилей и вилл, которые потом сдавались внаем с целью увеличения прибыли. В то же время их хозяева продолжали жить на „государственных“ виллах». На съезде клеймили «широко распространенные коррупцию и протекционизм, а также полную оторванность бюрократической буржуазии от жизни и проблем простого народа» [284, 1988, т. 4(56), с. 316]. В 1964 г. правительство приняло экстренные меры по сокращению расходов государственного бюджета на содержание административного аппарата. Увольнялись чиновники, достигшие пенсионного возраста, ограничивался прием на работу новых служащих, снижалось количество заграничных командировок, сокращались число дипломатических представителей Мали за рубежом и их расходы. Часть чиновников направлялась в сферу материального производства.

---

* Закон о профессии торговца, принятый в июне 1965 г., строго регламентировал деятельность частных торговцев, увеличивал уголовную ответственность за нарушение правил торговли и налогообложения.

Однако многие меры правительства остались на бумаге. Бюрократическая прослойка продолжала набирать силу.

Широко практиковались так называемые «трудовые вложения», т. е. бесплатный труд населения на различных объектах госсектора. В 1960—1962 гг. такой труд принес государству 400 млн. мал. фр. Власти ввели также 10%-ный чрезвычайный налог на доходы всех работников наемного труда (как и в государственном секторе). Последняя мера вызвала массовое возмущение. В 1966 г. непопулярный налог пришлось отменить.

В 1965—1967 гг. финансовое положение Мали стало тревожным. Дефицит государственного бюджета к 1967 г. составлял 7,5 млрд. мал. фр. [234, с. 71]. Правительство прибегнуло к чрезвычайным мерам. В мае 1967 г. оно в соответствии с франко-малийскими финансовыми соглашениями от февраля 1967 г. осуществило 50%-ную девальвацию малийского франка. Несмотря на финансовую помощь Франции и признание ею малийского франка конвертируемой валютой (в марте 1968 г.), значительного улучшения финансового положения страны до конца 1968 г. так и не произошло. Вместо решительного сокращения числа хозяйственных функций, выполняемых непосредственно государством, устранения излишней регламентации экономической жизни, децентрализации при сохранении командных высот в руках государства правительство ограничилось полумерами. Такие полумеры показали также неспособность руководства включить Мали в мировые экономические процессы и таким образом укрепить экономическое положение страны. Правительство признало наличие кризиса, но не предлагало эффективной программы выхода из него. А это неизбежно вело к ухудшению социальной обстановки.

В обострении социальной обстановки не последнее место занимал и религиозный фактор. В начале 60-х годов число мусульман составляло 60% населения [109, с. 173]. Мусульманским торговцам принадлежали важнейшие позиции в экономике. Мусульманские фундаменталисты пользовались большим влиянием, их деятельность имела не только культурное и социальное, но и политическое значение [109, с. 50]. По мере ухудшения социального и экономического положения страны отношения между руководством партии Суданский союз и мусульманским духовенством обострялись. С одной стороны, раздавались призывы разрушить мечети, а с другой — усиливались оппозиционные настроения среди мусульманских городских и сельских низов по отношению к властям [109, с. 180].

Руководство страны учитывало религиозный фактор. В апреле 1962 г. [120, с. 107] Службе государственной безопас-

ности (создана в апреле 1962 г.) вменялось постоянное наблюдение за деятельностью «организаций, ассоциаций и союзов религиозного и политического характера, действующих на территории Мали». Попытки режима создать идеологический гибрид из научного социализма и ислама не увенчались успехом. В целом мусульманское население отличали пассивность и равнодушие по отношению к существовавшим порядкам. Меры руководства по преобразованию малийского общества встречали в основном негативную реакцию со стороны прокапиталистических и бюрократических сил.

Во второй половине 60-х годов все яснее обнаруживали себя недостатки однопартийной системы. По мнению некоторых африканских деятелей и ученых (например, профессора Б. Сиссоко), аргументы в пользу однопартийности в Африке, и в частности в Мали, оказались несостоятельными. Обычно утверждалось, что эта система обеспечивает национальное единство, социально-классовый мир, успех в борьбе с трибализмом и сепаратизмом. Б. Сиссоко, однако, считает, что однопартийность не может обеспечить ни стабильности, ни национального единства в условиях, когда за преобладающие позиции в стране борются различные внешние силы. Не может она и помешать классовой борьбе, когда компрадорские элементы в руководстве государства и партии объединяются с подготовленной еще в колониальное время военной верхушкой ради захвата власти и установления неоколониальных порядков. При однопартийности формирование и функционирование партийных организаций способствуют развитию трибализма и сепаратизма, так как руководители обычно представляют какой-либо этнос или район, набирают там свои кадры, выражают его интересы. История военных переворотов в Африке показывает, что однопартийная система не может служить и гарантией против иностранного вмешательства [289, 1974, № 10, с. 69].

Ход событий в Мали в 60-е годы во многом свидетельствует о том, что однопартийная авторитарная система не способна самосовершенствоваться в той мере, в какой это необходимо для развития страны.

Крупные ошибки руководства, не выполненные им обещания, а самое главное — резкое падение уровня жизни во второй половине 60-х годов вызвали разочарование у большей части населения Мали. Авторитарность режима М. Кейты, проявлявшаяся в неприкрытом произволе властей и нарушении ими прав личности, прогрессирующее снижение жизненного уровня порождали у масс населения политическую апатию. Что касается руководства, то оно все больше демонстрировало свою неспособность критически пересмотреть собственную политику, выйти за пределы администра-

тивных методов в политике. Административные перегибы стали, в свою очередь, катализатором дальнейшего нарастания кризисных явлений, угрожая перерасти в общий кризис. Ухудшение в 1966 г. валютно-финансового положения страны уже не ограничилось экономической сферой. Она стала приобретать политическую окраску. В правительстве Мали и Политбюро партии Суданский союз возникли разногласия, грозившие перерасти в раскол. Появились «прокитайская» и «просоветская» фракции. «Левые» члены Политбюро требовали еще более решительных шагов по пути «некапиталистического развития», «умеренные», напротив, добивались внесения хотя бы частичных изменений в политический курс. Они настаивали на ликвидации убыточных государственных предприятий, их денационализации, широком привлечении иностранного капитала, отмене монополии внешней торговли, пересмотре в сторону расширения экономических отношений с бывшей метрополией, другими капиталистическими странами.

Борьба фракций нередко приобретала личностный характер, когда сталкивались не столько различные политические позиции, сколько личные, групповые амбиции. При этом часть политически безынициативных и формальных членов партии становилась еще более пассивной, фактически самоустранилась от активной деятельности. А это, в свою очередь, не могло не вести к дальнейшему снижению авторитета партии в массах.

Все эти процессы происходили в условиях новой нестабильности в Африке. Особую тревогу в Мали вызвал февральский военный переворот в Гане в 1966 г., когда был свергнут один из лидеров новой Африки — Кваме Нкрума.

Руководители Мали охарактеризовали произошедшее в Гане как «подлый государственный переворот» [288, 21.03.1966]. Во избежание подобного развития событий в Мали 1 марта 1966 г. был учрежден Национальный комитет защиты революции (НКЗР) во главе с Модибо Кейтой. НКЗР стал вторым наряду с Политбюро партии «высшим органом малийской революции». В его состав вошли люди, в личной преданности которых М. Кейта не сомневался [284, 1988, т. 4 (56), с. 317].

События в Гане послужили уроком для руководства республики. Оно попыталось улучшить положение в стране, стремясь различными, иногда противоречивыми методами вывести ее из финансово-экономического кризиса. Усилился контроль над кредитами для капиталовложений, сократились дотации государственным учреждениям. В марте 1968 г. была проведена реорганизация всей банковской системы, создан Банк развития Мали [105, с. 107—110].

Одновременно с экономическими мерами М. Кейта пытался достигнуть компромисса между различными социально-политическими силами, проводить более уравновешенную и реалистическую политику, отвечающую действительным потребностям общества.

В феврале 1967 г. правительство Мали решило начать постепенное возвращение в зону франка. Страна стала полноправным членом зоны, согласившись на ряд условий Франции, которая потребовала провести реорганизацию государственного сектора, сократить бюджетные расходы, либерализовать внешнюю торговлю, девальвировать малийский франк. Правительство приступило к реорганизации государственного административного аппарата. Отвечая на требования масс, оно приняло ряд мер, направленных против коррупции и спекуляции. Для осуществления этих мер оно привлекло представителей молодежи и профсоюзов. Однако все эти шаги дали лишь частичный эффект. Кризисная ситуация продолжала углубляться.

Особое недовольство выражали торговцы, которые больше, чем другие слои, страдали от курса правительства на ограничение капиталистических элементов. Еще в 1962 г., когда была введена национальная валюта и страна вышла из зоны франка, торговцы активно участвовали в демонстрациях протеста. Власти квалифицировали эти демонстрации как антинациональные акции, организованные предателями Мали, поддерживаемыми и направляемыми «империалистами из-за рубежа» [284, 1988, т. 4 (56), с. 322].

В 1965 г. был издан Кодекс коммерсанта, который еще больше ограничил права и возможности торговцев. Согласно кодексу, лицензия на торговлю выдавалась только лицам не моложе 30 лет, они должны были внести в Банк Республики 10 млн. мал. фр. Вплоть до 1968 г. число частных торговцев, а также торговых обществ неуклонно сокращалось, их оборот снизился примерно в три раза [105, 59, 186, с. 46].

Однако нажим на частных торговцев не дал желаемых результатов. Государственная торговля оказалась неспособной занять их место. Рынок стало лихорадить. А это не могло не ухудшить положение в стране, где «малые» рынки играли не только важную экономическую, но и социальную, а нередко и политическую роль. В 1967—1968 гг. правительство М. Кейты сделало ряд послаблений сектору частной торговли: разрешило ввоз товаров на сумму, составляющую 75% стоимости экспорта, ввело новые, более либеральные таможенные тарифы. Но местная торговая буржуазная прослойка требовала большего.

В 1967—1968 гг. все более ощутимо стали проявляться расхождения между относительно сплоченной верхушкой

партии Суданский союз и неустойчивой ее базой — радикально настроенными городскими средними слоями, немногочисленным, но политически активным отрядом лиц наемного труда, аполитичными сельскими массами. Руководство партии, ее лидер М. Кейта уже не могли рассчитывать на безоговорочную поддержку широких народных масс. По мере нарастания объективных и субъективных трудностей изоляция руководства Суданского Союза усиливалась, а социальная база партии сужалась. Массы, не получая обещанного, все меньше верили в цели, поставленные руководством страны. А это вело к их идеологическому конформизму, бездумному подчинению руководителям. Постепенно массы превращались в своего рода зрителей, пассивных исполнителей воли верхних эшелонов власти. Они утрачивали чувства сопричастности и гражданской ответственности за судьбу страны. Отчуждение масс, их пассивность усилились по мере «обюрокращения» руководства.

Концентрация в руках руководителей и аппарата всех рычагов власти приходила в противоречие с провозглашенными целями и задачами. Верхушка не допускала к управлению (на местном и общенациональном уровне) как новые сформировавшиеся социальные силы, так и ту часть традиционных сил, которые опирались на трудящиеся слои, имели возможность организовать их. Наступил момент, когда деструктивность процессов стала принимать угрожающие масштабы, поскольку разрушение старых форм общественно-экономической жизни не сопровождалось (или крайне запаздывало) созданием новых форм. Старые формы не всегда разрушались до конца: они либо изменялись, либо приспособлялись, тормозили проводимые реформы.

Проводившиеся преобразования приводили к поляризации отдельных групп малийского общества. Они вызывали недовольство тех, чьи интересы ущемлялись. Преобразования обычно персонифицировались, т. е. конкретно увязывались с руководством партии Суданский союз, правительства, а главное, с М. Кейтой.

На дальнейший ход событий в Мали оказал влияние и такой фактор, как неумение (или невозможность) осуществить демократизацию армии. Влияние прогрессивных сил на армию все еще было слабым. Отсутствовали прочные связи армии с населением, прежде всего с трудящимися массами.

В Мали национальная армия была олицетворением суверенитета, считалась символом свободы и независимости. К тому же массы сельских жителей всегда относились к вооруженному человеку в форме со страхом и почти религиозным поклонением. Поэтому лозунги типа «политика командует оружием, а не оружие политикой», которые звучали в

январе 1968 г. на демонстрации, посвященной 7-й годовщине эвакуации французских войск, были скорее декларацией, чем реальностью. Несмотря на утверждения, что «каждый офицер, каждый унтер-офицер, каждый солдат» являются «активистами партии Суданский союз» [288, 17.09.1962], армия не стала «демократической и революционной силой», стоящей на «страже демократического режима» [120, с. 106]. Не были надежной опорой режима М. Кейты Служба государственной безопасности, жандармерия и полиция. Правда, в 1965 г. вооруженные силы страны показали свою эффективность во время обострения этнополитического конфликта.

В Мали проживают 25 этнических групп, в том числе [103, с. 47] оседлые, полукочевые и кочевые [120, с. 126]. Административные и политические границы между ними, как правило, не совпадали. А это нередко создавало внутреннюю напряженность. Власти предпринимали меры, чтобы мирно разрешить межэтнические и межплеменные противоречия. Однако эти противоречия сохранялись, время от времени открыто выходя на политическую арену. Интересы этноплеменных групп выражали организации, которые обладали малым опытом политической борьбы. Их руководители были выходцами из традиционной знати. Этнические факторы в программах этих организаций обычно брали верх над факторами идеологическими, организационными, тактическими и др., особенно в критические моменты. Процессы превращения бывших «колониальных туземцев» в «сознательных граждан независимой страны» в Мали только начинались [284, 1988, т. 4 (56), с. 319].

В 1962—1963 гг. на северо-западе страны вели повстанческую борьбу некоторые туарегские племена (в частности, племя кель-эффель). Центром движения был горный массив Адрар. Восставшие игнорировали призывы М. Кейты сложить оружие. В военных действиях против туарегов приняла участие авиация.

Положение в северо-западных районах осложнялось тем, что центральная власть крайне нуждалась в поддержке традиционных вождей местных этноплеменных групп, прежде всего кочевников. В соответствии с существовавшей территориальной организацией во главе этих групп, всегда ревностно отстаивавших свою самостоятельность, стояли вожди и выборные советы. Поэтому решения вождей, недовольных наступлением правительства на их права, легко могли вызвать конфликты на этнической основе. Такой конфликт произошел в 1964 г., когда власти, пытаясь упорядочить налоговую систему, начали перепись скота у туарегов. Племена туарегов восприняли эту попытку как стремление правительства увеличить налоги и начали открытую вооруженную

борьбу, утверждая также, что они воевали за независимость, чтобы «восстановить ислам», а новые власти ввели семейный кодекс, который «еще хуже французского» [288, 14.11.1991]. Кровопролитные бои между военными формированиями туарегов и подразделениями армии продолжались долго и закончились победой центрального правительства. Но этнических проблем подобные победы не могли решить и не решились.

Летом 1967 г. внутривластная обстановка вновь обострилась. Противники некапиталистического развития распространили в Бамако листовки, в которых содержались материалы, направленные против леворадикальных деятелей в руководстве партии Суданский союз и правительства. Вину за распространение листовок «пораженческого и контрреволюционного характера» власти возложили на местных контрреволюционеров, спекулирующих на временных трудностях страны. Они организовали контрвыступления, получившие название «активная революция». По стране прокатилась волна массовых митингов и демонстраций, проведенных молодежными и женскими организациями, профсоюзами, военнослужащими. На митингах провозглашалась верность политике, направленной на создание в стране «основ социалистического общества», а также выражалось полное доверие главе государства и правительства. Выступая на митинге в Бамако, М. Кейта призвал молодежь сообщать ему, как генеральному секретарю партии, о «реакционерах и контрреволюционерах» [288, 22.07.1967].

В то же время росла критика руководства страной со стороны профсоюзов, молодежных, других общественных организаций. Звучали требования незамедлительного проведения решительных мер, чтобы вывести Мали из сложного экономического и финансового положения. Раздавались призывы к борьбе с коррупцией и бюрократией. В кампанию против «реакции» и «контрреволюции» включились печать и радио, разоблачавшие «империалистов» и людей, спекулировавших на экономических трудностях страны. При этом утверждалось, что «революций без трудностей не бывает», что вместо разговоров о трудностях надо искать пути их преодоления, укреплять «демократическую диктатуру партии и народа» [288, 08.07.1967].

Особую ставку руководство делало на молодежь. Молодежным организациям поручали выявление с помощью полиции и других правоохранительных органов спекулянтов, контрабандистов и перерожденцев всех уровней, чье «революционное пламя погасло», а также «оппортунистов, защищавших лишь свои интересы и готовых сотрудничать с любым режимом в будущем» [288, 11.07.1967].

Руководство выражало уверенность, что партия Суданский союз останется «авангардной», что ее «ориентацию и правильную политику поддерживает каждый малиец, который не пожалеет ни времени, ни сил на строительство социалистической родины, на борьбу с пораженческой линией капиталистической буржуазии, консерваторами, соглашателями, правыми и левыми оппортунистами». Делались заявления, что малийцам «надо много работать, чтобы построить новое социалистическое общество». «Нам (руководителям) надо сделать все, чтобы молодежь поняла, что мы все еще очень бедная страна, что положение не может радикально измениться за короткое время, что только объединенными усилиями можно построить богатое и могущественное государство. Социалистическая система, утверждали руководители, открыла перед нами путь в будущее идеальное общество, но надо хорошо работать, чтобы сделать мечту реальностью» [288, 13.07.1967].

Забыв свои прежние заявления о бесклассовом малийском обществе, партия призывала «не колеблясь начать классовую борьбу» [186, с. 96].

18 июля 1967 г. на митинге в Бамако представители народной милиции, «бригад бдительности», военнослужащих, пионеров требовали очистить партию от перерожденцев и оппортунистов. Они провозгласили М. Кейту «единственным вождем малийской революции».

В ответ М. Кейта призвал молодежь заняться «охотой на внутренних врагов режима», «оппортунистов, перерожденцев, замаскировавшихся», «выдохшихся» и особенно «лжеактивистов и руководителей», вступивших «на буржуазную колею, уклоняющихся от линии партии и прикрывающихся более или менее демагогическими лозунгами» [288, 21.07.1967]. С июля 1967 г. по ноябрь 1968 г. по стране прокатилась волна демонстраций и показательных судов, подобных устраивавшимся хунвэйбинами во время «культурной революции» в Китае, с призывами «раздавить врагов социализма и малийского народа» [186, с. 93].

20 июля 1967 г. состоялся новый митинг, на этот раз организованный профсоюзами. На нем выступил М. Кейта. Он говорил о пережитках колониализма в сознании малийцев, относя к ним недостаток интереса к общественным делам, преклонение перед всем иностранным и пренебрежение к отечественному, сохранившийся комплекс неполноценности, культивировавшийся при колониальном режиме. Без совершенствования людей, считал он, революция погибнет. М. Кейта закончил выступление словами: «Надо преследовать всех противников нашего выбора, всех, кто хочет отрицать или компрометировать опыт нашей революции,

всех, кто думает, что более или менее демагогическими заявлениями они смогут... обмануть нашу бдительность... и предать 20 лет нашей борьбы» [288, 22.07.1967]. Митинг выразил полную поддержку М. Кейте, а также потребовал развернуть борьбу против «купцов и спекулянтов, пытающихся поднять цены на товары первой необходимости, буржуазных элементов в партийных и государственных организациях, стремящихся повести страну по капиталистическому пути и установить диктатуру буржуазии».

В стране развернулась кампания за установление «диктатуры народа», которая подавит тех, кто своим «паразитическим и эгоистическим образом жизни противопоставил себя народу [284, 1988, т. 4 (56), с. 324]. В нее включилась и армия. На митинге в военной школе в Кати выступил начальник Генерального штаба, полковник Секу Траоре, который заявил о полной поддержке военными курса М. Кейты.

Важнейшую роль в кампании сыграла народная милиция. Неграмотные как в политическом, так и в буквальном смысле слова, сотрудники милиции получили почти неограниченную власть над соотечественниками [186, с. 17]. Народная милиция, или «вооруженный народ», фактически оказалась никому не подконтрольным вооруженным формированием. Выявление «выдохшихся» часто превращалось в заурядную «охоту на ведьм», в сведение личных счетов, нередко порожденное корыстью: члены народной милиции не получали заработной платы и должны были сами находить себе источники доходов. Любой гражданин, накануне считавшийся «активистом», мог быть объявлен «выдохшимся» на следующий день. Члены народной милиции вмешивались даже в сферу личной жизни: например, запрещали или разрешали разводы. Они могли задержать любого человека, кроме военнослужащих в форме. Так, они арестовали на улице члена правительства А. Н. Дуре и потребовали, чтобы тот доказал, что его спутница действительно является его женой. В качестве «методов воздействия» милиция нередко применяли избиения и пытки [262, с. 156—159].

Несмотря на ряд успешных операций по борьбе с коррупцией, народная милиция оставила о себе скорее печальную память.

Кампания была шумной и крупномасштабной, но она проходила в рамках скорее формальной, чем фактической демократизации общества и государственной системы. Народные массы, как и раньше, оставались либо зрителями, либо пассивными участниками общественной и политической жизни. Они фактически не имели возможности влиять на принятие решений по жизненно важным для них вопросам. Инициатива масс подменялась инициативой бюрократическо-

го партийно-государственного аппарата, присваивавшего себе право выступать от имени народа, который не мог контролировать этот аппарат. Не удивительно, что массы все больше разочаровывались в партии и правительстве, в их руководителях. Отчуждение и равнодушие масс усиливались именно в то время, когда их творческая активность и подлинная инициатива были крайне необходимы, чтобы осуществлять в стране преобразования в интересах большинства народа.

Между тем аппарат как раз и не хотел подлинных демократических преобразований. Руководство страны по-прежнему стремилось играть роль поводырей и «воспитателей» масс, не проводя подлинной демократизации общественной жизни страны.

2 сентября 1967 г. Модибо Кейта выступил по радио с обращением к малийскому народу. Сделав анализ положения в стране, он сообщил о роспуске Национального политбюро партии Суданский союз, как не пользующегося более доверием демократической общественности. Он признал, что в последние годы в Политбюро не было единства, а поэтому оно не могло решать стоящие перед страной задачи. Функции и прерогативы Политбюро передавались созданному еще в марте 1966 г., но практически не действовавшему Комитету защиты революции. В его состав вошли многие члены распущенного Национального политбюро партии Суданский союз, а также представители армии и профсоюзов.

Таким образом, М. Кейта расширил руководящее ядро за счет усиления роли армии и общественных организаций. Одновременно он укрепил свою личную власть. Однако меры президента означали лишь выигрыш времени. Они не ослабили противоречий, перераставших в кризис. Социально-экономическое положение страны продолжало ухудшаться. Среди руководителей не было единства во мнениях о путях разрешения острых проблем. Поэтому шаги, предпринятые М. Кейтой, не могли удовлетворить ни «левых», ни «правых», ни «умеренных». Вновь делались попытки решить экономические проблемы в основном политическими, административными методами. Снова раздавались призывы к мобилизации масс, консолидации усилий народа, ликвидации тех течений, которые не отвечали идеалам и нуждам «социалистической ориентации». Уже в который раз «особое внимание» уделялось обеспечению «широкого и систематического политического и идеологического образования масс». Опять говорилось о необходимости расширить внутрипартийную демократию, чтобы «все члены партии выражали свое мнение, и выражали его свободно», что не следует «считать антипартийными элементами тех... кто имеет смелость вы-

сказывать свое мнение на партийных собраниях» [288, 20.09.1967]. Однако все эти декларации так и остались декларациями. Они никого не удовлетворили. «Левые» были разочарованы тем, что «умеренные» оставались на своих постах, а также отсутствием решительных действий против деятелей, отвергавших путь некапиталистического развития. «Умеренных» разочаровало то, что руководство не изменяло политического курса в направлении либерализации, на что они рассчитывали. И уже обе стороны были недовольны недемократическими методами, прибегнув к которым М. Кейта провел реорганизацию руководящих органов — без созыва съезда партии, без консультаций с представителями массовых общественно-политических организаций. Съезды партии не собирались с 1962 г., но по Уставу должны были созываться раз в три года [120, с. 57]. Фактически Модибо Кейта взял на себя всю полноту ответственности за положение в стране, хотя его социальная и политическая база сужалась, а авторитет падал.

Кризис в Мали принимал угрожающие размеры. Это видели и понимали даже за пределами страны* Экономическое положение не улучшалось. Неконструктивное вмешательство государства в дела экономики продолжалось. Меры и программы правительства уже не соответствовали тому масштабу и трудностям, которые испытывала страна. Становилось ясным, что НКЗР также не выполнял свою миссию, поскольку не улучшалась и политическая ситуация. Режим М. Кейты был не способен к эффективной коррекции собственного поведения, тем более к решительным реформам. Он не располагал ни экономическими, ни политическими (основанными на демократии) регуляторами хозяйственной и общественной жизни. Вместо того чтобы стимулировать решительные перемены**, НКЗР своими действиями сковывал деятельность партии Суданский союз, ограничивал функционирование государственного административного аппарата. Более того, НКЗР не пользовался в обществе и партии авторитетом, поскольку был неконституционным, надпартийным

* В книге «Африка выбирает путь» (М., 1970) В. Г. Солодовников пишет о том, что «сотрудники Института Африки АН СССР Г. Кондратьев и Г. Максимова, проанализировав положение в Мали в связи с этими событиями, писали в сентябре 1967 г.: „В ближайшее время в Мали, вероятно, произойдут новые серьезные события политического характера, ибо НКЗР не является — в силу своего неоднородного состава — более работоспособным органом, чем прежнее Национальное политбюро. Следует учитывать также, что фактический роспуск партии Суданский союз дезориентировал массы, а этим могут воспользоваться... и офицеры армии и госбезопасности...“». Этот прогноз сбылся через год [134, с. 161—162].

** Отсутствие достаточно решительных и последовательных шагов революционных демократов Мали привело, по мнению Г. Кондратьева [112, с. 172], к потере ими государственной власти.

органом, принимавшим решения, обычно входившие в компетенцию партийной конференции или съезда. Между тем последние лишь намечались, но так и не были созданы. Таким образом, обещание М. Кейты подготовить условия для обновления партийных инстанций, сделанное им при передаче власти НКЗР, оставалось невыполненным. Становилось ясным, что М. Кейта исчерпал свои возможности для организационных изменений в работе верхушки аппарата, в повышении его эффективности. Что касается самого аппарата, то он саботировал те реформы, которые ставили под угрозу если не его существование, то хотя бы его привилегии. Режим М. Кейты искал и не находил выхода из тупика.

В январе 1968 г. была распущена Национальная ассамблея. Самороспуск парламента, по мнению выступавших депутатов, «отражал линию масс» [182, с. 167]. Его функции были переданы Законодательной делегации, в которую вошло 28 делегатов. Президент решил управлять страной посредством ордонансов [234, с. 71], как это делалось при введении чрезвычайного положения. Однако летом 1968 г. он распустил и Законодательную делегацию.

Напряженность в стране росла, во время беспорядков в июне 1968 г. в г. Улесубугу погибли два человека и 10 были ранены [262, с. 174]. В сентябре 1968 г. НКЗР развернул общенациональную кампанию самокритики. Каждый функционер и рядовой труженик должны были ответить на вопрос, что они сделали «положительного» или «отрицательного» для «активной революции» [147, с. 39].

Между тем борьба между расколовшимся руководством страны и партийно-административной бюрократией принимала все более острые формы. Бюрократия ожесточенно сопротивлялась намерениям руководства оздоровить обстановку в стране, реорганизуя государственные структуры, принимая меры против коррупции, внедряя какие-то элементы социальной справедливости.

Сосредоточение власти в одних руках (М. Кейты), реорганизация партийных и государственных структур не дали желаемых результатов. Некоторое время М. Кейте еще удавалось играть роль арбитра и в партии, и в обществе, сохранять, по крайней мере внешне, их единство. Однако к концу 60-х годов между лидером и массами трудящихся произошел раскол. Их изолировал друг от друга бюрократический аппарат, понимавший, что подлинная демократизация и активизация делает его ненужным. Аппарат поддерживал только те меры по обновлению, которые помогали ему оставаться на плаву.

Анализ экономической политики М. Кейты показывает, что баланс между конструктивными результатами и крити-

ко-деструктивными акциями (по отношению к старым формам экономики) окажется не в пользу первых. Главная же экономическая неудача состояла в том, что глава государства не интегрировал страну в мировую систему хозяйства, а, наоборот, отгородился от нее. Правда, некоторые африканские исследователи (например, Абамба Натионе Зенто) считают, что, несмотря на решительные шаги по деколонизации, М. Кейта принадлежит к тем деятелям Африки, которые проводили «медленную деколонизацию: с сохранением связей с метрополией». В этом он отличался от таких лидеров, как Нкрума, Нето, Кабрал, сторонников «деколонизации разрыва» (с колониальной системой) [176, с. 185]. Будущее, однако, показало, что и тот и другой курсы оказались неэффективными. В этом не было личной вины М. Кейты и других лидеров.

Социально-экономические и другие проблемы Мали в конце 60-х годов приобретали столь большие масштабы, что политические изменения в стране стали неизбежными.

ОТ ВОЕННОГО РЕЖИМА К III РЕСПУБЛИКЕ

1. Военный режим в Мали

В середине ноября 1968 г. Модибо Кейта отправился в поездку по стране. В различных местностях «ликующие толпы малийцев приветствовали своего вождя». Когда президент плыл по Нигеру на теплоходе «Генерал Сумаре», ему сообщили, что в Бамако готовится военный переворот. М. Кейта воспринял известие спокойно и приказал не принимать никаких мер. Он и прежде с пренебрежением относился к подобным сигналам. Еще за несколько месяцев до военного переворота он заявил на национальной конференции административных и политических работников: «Если армия недовольна, то пусть берет власть в свои руки!» 19 ноября М. Кейта прибыл в Куликоро, где его встречали пионеры с цветами. Для возвращения в Бамако он пересел в автомобиль, так как на участке от Куликоро до Бамако Нигер не судоходен. По дороге президентский кортеж был остановлен отрядом военнослужащих. М. Кейта и сопровождавшие его лица были арестованы.

Власть в Бамако к этому времени уже захватили офицеры. Сопrotивления им фактически оказано не было. Недовольство военным переворотом выражали лишь отдельные группы студентов и учащихся. Штаб-квартира «бригады бдительности» и народной милиции была окружена военнослужащими. Осажденные были разоружены. На призыв молодых активистов провести митинг в поддержку президента никто не откликнулся. В руководстве армии мало кто сохранил верность М. Кейте. Среди них был начальник Генерального штаба Секу Траоре, который отверг предложение заговорщиков о сотрудничестве.

Так завершился важный период в истории страны. По мнению малийского историка Бинту Саненкуа, падение Модибо Кейты стало не просто поражением одного политического деятеля, но провалом правящей партии и созданных ею политических структур [262, с. 161].

Вместе с Кейтой были арестованы руководители НКЗР,

члены Политбюро партии Суданский Союз, ряд общественных, в первую очередь профсоюзных, деятелей. Партия Суданский союз, другие общественные организации прекратили свое существование, была распущена народная милиция. Впоследствии арестованных постепенно освобождали, но М. Кейта умер в заключении в июле 1977 г. Переворот, свергнувший в 1968 г. Модибо Кейту, был по счету 17-м в истории независимой Африки.

Власть в стране перешла в руки профессиональных военных. Во главе правящего Военного комитета национального освобождения (ВКНО) встал лейтенант Мусса Траоре, в начале 60-х годов проходивший военную службу в Алжире. Временное правительство, в состав которого входили офицеры и «умеренные» министры из кабинета Модибо Кейты, возглавил капитан Йоро Диаките.

Народная милиция перестала существовать, ее распустил бывший преподаватель лагеря военной подготовки милиционеров лейтенант Мусса Траоре [262, с. 67, 76, 168].

ВКНО объявил о либерализации экономики, выражавшейся в сосуществовании государственного, смешанного и частного секторов, упразднении непопулярных «коллективных полей» кооперативов, проведении мер по привлечению в страну иностранного капитала. Новые власти не ставили под сомнение социалистический выбор предшествовавшего режима. Они заявили лишь о стремлении исправить его ошибки, оздоровить экономику, придать ей «новое ускорение». Они объявили о введении «нового порядка», основанного на труде, дисциплине и справедливости, порядка, предусматривавшего «консультации с народом» путем всеобщего голосования. Новые власти обещали начать «беспощадную войну с коррупцией». ВКНО не стал определять политическую ориентацию, оставив это на усмотрение будущего гражданского правительства [104, с. 67].

Вскоре ВКНО принял меры, направленные на повышение рентабельности предприятий и компаний госсектора, но не достиг существенных результатов. Чиновники не провели анализа причины убыточности, поскольку это грозило значительным сокращением аппарата. Военные, со своей стороны, также опасались сокращать численность работников госсектора, что могло бы вызвать социальную напряженность.

Все же экономическая политика ВКНО на первых порах если и не привела к улучшению экономической жизни в стране, то по меньшей мере временно ослабила остроту хозяйственных проблем. Политика эта была компромиссом, направленным на уменьшение трудностей, порожденных экономическим курсом М. Кейты, и одновременно сохранение тех преимуществ, которые давал госсектор. Вот почему

наряду с либерализацией в области мелкой торговли и промышленности продолжалось строительство крупных предприятий: были введены в строй заводы по сборке велосипедов и мопедов, по производству сельхозинвентаря, второй текстильный комбинат, завершилось строительство цементного завода. Повышались цены на продукцию госпредприятий, увеличивались и предоставляемые им государственные дотации. Росло и число мелких частных и более крупных, с участием иностранного капитала, государственных предприятий. Повышались заработная плата, а также закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию.

Однако все эти меры давали не более чем временные результаты. К концу периода военного правления власти практически вернулись от «войны с коррупцией» и «оздоровления экономики» к таким амбициозным проектам, как строительство большого количества плотин [147, с. 111].

Разрешить экономические проблемы и тем более обеспечить стабильное развитие страны ВКНО (как в целом и режим Траоре) не смог. Он не смог даже провести административную реформу, позволив непомерно раздутому еще при Модибо Кейте бюрократическому слою продолжать существовать за счет народного хозяйства. Значительно увеличилась задолженность госсектора: с 34,7 млрд. афр. фр. в 1972 г. до 76,3 млрд. в 1977 г. [222, с. 5].

В течение всего периода правления военных существовала оппозиция режиму. В 1969, 1971—1972, 1977 гг. происходили выступления студентов и учащихся. Их поддерживали преподаватели и учителя, многие другие представители интеллигенции. Не было единства и среди самих военных. Уже в 1969 г. был раскрыт заговор 33 офицеров, пытавшихся, согласно официальной версии, восстановить свергнутый режим. В 1971 г. был арестован бывший председатель временного правительства Йоро Диаките. Постепенно М. Траоре сконцентрировал ключевые посты в своих руках. Помимо того, что он был председателем ВКНО, он возглавил правительство. В 1976 г. вновь было объявлено о раскрытии заговора и перед судом предстали 20 армейских офицеров.

Политическую жизнь этого периода осложняли отношения между ВКНО и профсоюзами. Сразу же после переворота военные власти арестовали профсоюзных лидеров, распустили руководящие органы НСТМ, закрыли газету «Баракела». Среди арестованных оказался генеральный секретарь НСТМ Мамаду Сиссоко, который одновременно был генеральным секретарем Всеафриканской федерации профсоюзов [147, с. 37]. Однако 22 ноября группа профсоюзных руководителей, одобрив государственный переворот, призвала профсоюзы оказать поддержку новым властям [157, с. 42].

В феврале 1969 г. сформировалось новое руководство НСТМ — временный консультативный комитет профсоюзов во главе с Бугури Диарра. В мае того же года ряд профсоюзных деятелей выступил с призывом «покончить с переходной ситуацией», вернуться к конституционному правлению. В ответ военные власти потребовали, чтобы НСТМ перестал быть «прикрытием для демагогов» [147, с. 44]. В 1970 г. на съезде профсоюза учителей и преподавателей вновь прозвучали требования немедленного возврата к конституционному правлению, поддержки и расширения госсектора, усиления и «революционизирования» самих профсоюзов. Подобные требования были высказаны также на съездах строителей, шахтеров, работников энергетических предприятий.

В сентябре 1970 г. состоялся II национальный съезд НСТМ. Съезд потребовал продолжить строительство социализма в Мали и освободить политических заключенных. Он призвал армию «немедленно вернуться в казармы», т. е. отказаться от политического руководства, вернуть стране конституционные формы правления. Одновременно профсоюзы заявили о своей независимости от государственных структур.

На съезде выступил М. Траоре. Он говорил об «опасности демагогии и романтики в революции», о соблюдении принципа аполитичности в деятельности профсоюзов. Делегаты съезда, в свою очередь, напомнили ему об обещаниях ВКНО передать власть конституционным органам, предложили незамедлительно создать для этого специальный комитет. Съезд требовал гарантий прав профсоюзов на забастовки, собрания, свободу печати. Он призвал к установлению постоянного честного и прямого диалога между профсоюзами и властями.

Ответ властей был жестким. 19 октября 1970 г. ВКНО распустил избранный на съезде Исполком НСТМ, обвинив его в «превышении своих прав и фактическом создании политической партии». Официально сам НСТМ не был распущен, но с января 1971 г. прошла волна арестов профсоюзных активистов. В марте за попытку издания газеты «Баракела Мурутила» («Восставший рабочий») были арестованы три малийца и «один итальянский коммунист» [131, с. 44].

Все же профсоюзы были слишком сильным противником. В июле 1971 г. ВКНО санкционировал создание координационного комитета профсоюзов Мали во главе с Сейду Диалло. В его состав от каждого из 13 профсоюзов Мали вошли два представителя. Комитет должен был разработать меры по привлечению профсоюзов к активному участию в решении задач социально-экономического развития страны [131, с. 46]. С июня 1973 г. начался процесс организационного укрепления

ния профсоюзов на всех уровнях. Это встревожило военных. В 1974 г. М. Траоре заявил, что «армия никогда не отдаст власть профсоюзным анархистам» [131, с. 76]. Вместе с тем он рассчитывал на соглашение с профсоюзами.

ВКНО и руководители НСТМ понимали необходимость компромисса. Такой компромисс был оформлен на III съезде НСТМ (апрель 1974 г.). Профсоюзы согласились на «ответственное участие» в политике ВКНО. При этом съезд продолжал настаивать на восстановлении личных и профсоюзных свобод, возврате к конституционному режиму. На съезде высказывались требования пересмотреть новые (по мнению НСТМ — невыгодные для Мали) соглашения с Францией, а также призывы расширять и укреплять госсектор («рабочий класс строит будущее для новых поколений») [147, с. 63].

Аналогичные призывы звучали и на IV съезде НСТМ в 1978 г. Съезд пытался развивать свои отношения с вновь созданной правящей партией Демократический союз малийского народа (ДСМН). Он исходил из того, что и НСТМ и ДСМН «стремятся к демократии, прогрессу и справедливости». НСТМ объявил себя «школой демократии и революционным профсоюзом, борющимся — в соответствии со своими принципами свободы и справедливости — с любой формой империалистической и мелкобуржуазной идеологии, с неокOLONIALИЗМОМ». Профцентр заявил, что воспитывает своих членов в духе пролетарского интернационализма. Он объявил, что сохраняет организационную независимость, а в качестве созидающей силы стремится сочетать свои действия с действиями ДСМН, направленными на построение в Мали политически стабильного и экономически процветающего государства [147, с. 64].

Позиции сторон постепенно сближались. С 1976 г. возобновляется издание газеты «Баракела». В феврале 1978 г. НСТМ одобрил действия властей, арестовавших трех армейских офицеров по обвинению «в заговоре с целью государственного переворота». 1 мая Сейду Диалло, генеральный секретарь НСТМ, заверил правительство в полной поддержке со стороны профсоюзов. Правда, уже через 17 дней он был снят со своего поста за «нарушение дисциплины, безответственность и нарушение принципов демократического централизма» [147, с. 51; 54].

В середине 70-х годов М. Траоре, укрепивший личную власть, приступил к модификации военного режима, выразившейся в его внешней «конституционализации» и «демократизации». Делалось это для того, чтобы придать правительству большую гибкость и популярность. Началось формальное восстановление демократических свобод. В 1974 г. сос-

тоялся референдум по вопросу о новой конституции страны, которая предусматривала пятилетний срок перехода к гражданскому правлению, создание единой политической партии и конституционных органов власти. Согласно проекту новой конституции запрещались как прием в новую правящую партию, так и выборы на ответственные государственные должности бывших руководителей партии Суданский союз, ее молодежной и женской организаций, прежних профсоюзов, а также членов НКЗР, «бригад бдительности», народной милиции периода НКЗР, и «активной революции». Новая конституция должна была законодательно оформить однопартийную систему, в которой руководство правящей партии играло бы главенствующую роль во всех политических структурах, а обладавшему громадной личной властью вождю фактически подчинялись бы формально независимые правительство и парламент (Национальное собрание), Верховный суд и Высший суд правосудия. Естественно, что в стране, в которой уже давно ощущалась нарастающая апатия населения, лишенного идеалов и ушедшего от политики, проект новой конституции был одобрен: за нее было подано 99,77% голосов [199, с. 11].

В 1975 г. была объявлена амнистия политических заключенных. Все известные политические, партийные и профсоюзные деятели прежнего режима, за исключением экс-президента *, были выпущены на свободу. Но амнистия не стала шагом к подлинной демократизации политической жизни. В 70-е и 80-е годы по политическим мотивам в малийских тюрьмах содержалось немало число малийцев. В октябре 1979 г., т. е. уже при «гражданском правлении», в тюрьме оказались Мамаду Голого, писатель и врач, организатор знаменитых забастовок в «Офис дю Нижер» в колониальные времена [172, с. 39], а также Идрисса Диаките. Им вменялись в вину «создание секретной организации» и «хранение огнестрельного оружия без соответствующего разрешения». В 1988 г. М. Траоре заявил, что после закрытия тюрьмы в сахарском городке Тауденни в Мали не осталось ни одного политического заключенного [262, с. 174, 182], однако подобным заявлениям мало кто верил как внутри страны, так и далеко за ее пределами.

Формальное построение «конституционной власти» продолжалось. В 1977 г. был опубликован и принят после «всемирного обсуждения» проект программы и устава новой партии — Демократического союза малийского народа

---

* Похороны скончавшегося в заключении М. Кейты в июле 1977 г. стали «ареной антиправительственных демонстраций», при разгоне которых многие профсоюзные деятели были арестованы, а 33 человека погибли [147, с. 60].

(ДСМН). Наступило время II Республики*, время «гражданского правления» Муссы Траоре.

10-летнее правление военных формально закончилось в 1979 г. Власть перешла к «конституционным» органам. Однако руководство республики по-прежнему возглавлял генерал Мусса Траоре, избранный в конце 1979 г. президентом. Тогда же состоялись и первые — после военного переворота — выборы депутатов в Национальное собрание. Военный комитет национального освобождения был распущен. Новый режим получил название конституционного, поскольку представлял собой коалицию гражданских и военных деятелей.

Таким образом, гражданское правление восстановили сами военные. Этот шаг был вынужденным. Военные не сумели обеспечить эффективное правление исключительно собственными силами. Не меньшую роль в смене режима сыграло демократическое, антиавторитарное движение. Главной его силой были средние слои: студенты, учащиеся старших классов, служащие, представители интеллигенции. Их активно поддержали молодая национальная буржуазия, часть трудящихся и маргинальных прослоек. Объединившись в борьбе с диктатурой, упомянутые социальные группы преследовали, однако, разные цели. Если низшие эшелоны средних слоев выступали против социальной и экономической политики военных, привилегий и обогащения правящих групп, за справедливый социальный порядок, то высшие — зачастую требовали возвращения или передачи им части реальной власти [129, с. 214].

Как и в большинстве африканских стран, в Мали в 60—70-е годы политическая борьба носила преимущественно верхушечный характер, т. е. велась внутри правящих групп. Одна группа (или коалиция) пыталась расширить и укрепить свои позиции, оттеснить и заменить другую группу (или коалицию). В те годы подобные формы борьбы в значительной степени стимулировались дисбалансом между социальными и экономическими процессами, с одной стороны, и политической институционализацией — с другой. К концу 70-х годов ситуация усложнилась. Все более важную роль в социально-политической жизни страны стали играть студенчество, школьная молодежь, представители интеллигенции.

В сложившейся обстановке (пример тому — «заговор младших офицеров» армии против М. Траоре в 1980 г.) руководству страны, однако, удавалось в течение десятилетия

* Согласно малийской историографии, I Республикой считается период правления Модибо Кейты, II — с конца военного правления до падения Муссы Траоре в марте 1991 г., когда наступило время III Республики.

удержать власть и вести страну по избранному пути. Оно проявило определенную политическую гибкость, правильно оценив суть происходивших процессов и предприняв шаги, которые соответствовали развитию этих процессов.

В марте 1979 г. состоялся Учредительный съезд новой политической партии — Демократического союза малийского народа (ДСМН). Съезд принял программу, Устав, внутренний регламент.

В программе содержался анализ тенденций и проблем развития современного мира — капиталистического и социалистического. В принципе ДСМН, говорилось в документе, предпочел бы социалистический путь. Однако, учитывая специфику развития Мали, особенности национальной борьбы за свободу и независимость, ошибки, совершенные в прошлом, ДСМН считал, что в стране пока отсутствуют социально-экономические и политические предпосылки для построения социализма. Поэтому партия видела свою задачу в создании «независимой планируемой национальной экономики, предполагающей в качестве предварительного социально-исторического условия существования государства национальной демократии».

Съезд избрал Национальный совет, высший орган, руководивший партией в периоды между съездами. Национальный совет, в свою очередь, избрал генерального секретаря. Им стал Мусса Траоре, с 1982 г. генерал армии.

В Национальный совет ДСМН вошли высшие офицеры и начальники воинских частей и гарнизонов. В структуры партии были интегрированы крупнейшие массовые организации, в том числе Национальный союз малийской молодежи (НСММ), который объединял более 70% активной части населения страны [288, 19.02.1990], а также Национальный союз малийских женщин (НСМЖ).

В последующий период в Устав и внутренний регламент ДСМН вносились поправки, которые вызвали изменения в статьях конституции, касающихся партии, ее генерального секретаря. Президент республики (им был М. Траоре) мог переизбираться на этот пост неограниченное число раз. Разрешалось совмещение постов в Центральном исполнительном бюро (ЦИБ) — руководящем органе Национального совета, в правительстве и Национальном собрании. Депутатами последнего могли быть только члены ДСМН. Ячейки партии создавались на уровне деревни и кочевого племени [173, с. 27]. Со временем численный состав делегатов съезда расширился за счет верхних эшелонов армии и госбезопасности, которые при голосовании имели право решающего голоса. Таким образом, произошла фактическая интеграция структур бывшего военного режима в систему конституцион-

ного правления. Больше того, верховная законодательная и исполнительная власть сохранилась в руках высшего военного командования, а конкретно — генерала армии М. Траоре. Несмотря на проведение вышеперечисленных мероприятий, обстановка в Мали была беспокойной.

Широкие студенческие волнения, начавшиеся в ноябре, фактически сорвали весь учебный 1979/80 год. Студенты и учащиеся лицеев требовали расширения самоуправления и облегчения их финансовых трудностей.

Поводом к студенческим выступлениям послужило введение конкурсных экзаменов для поступления в вузы и на государственную службу. Национальный союз студентов и школьников призвал провести демонстрации протеста. К студентам и школьникам присоединились преподаватели, представители других отрядов интеллигенции. Взрослые выражали недовольство тем, что армия сохраняла сильные позиции в конституционных органах власти. Для подавления выступлений были использованы вооруженные силы*. При столкновениях в марте 1980 г. погибло 18 человек [147, с. 68]. Конкурсные экзамены, однако, властям пришлось в этот раз отменить. Обстановка в студенческой и школьной среде оставалась напряженной.

Студенческие волнения ускорили процесс перехода власти от военных органов к конституционным. Они заставили правительство понять необходимость значительных перемен в системе образования, все больше ориентируя ее на подготовку тех кадров, в которых нуждается народное хозяйство страны. Одновременно правительство решило усилить свой контроль над министерством национального образования, назначив министром полковника Секу Ли (позже он стал генералом).

В 1985 г. Мусса Траоре был переизбран президентом страны на новый шестилетний срок.

Важнейшим документом, определяющим ориентацию страны в 80-е годы, стала «Хартия национальной ориентации и принципов общественной жизни», которую часто называют Национальной хартией.

Руководство страны и партии ДСМН подготовило проект этого программного документа партии во второй половине 80-х годов. Документ, по сути дела, представлял собой новую программу дальнейшего политического и социально-экономического развития Мали. После широкой дискуссии в стране Хартия была принята внеочередным съездом ДСМН, состоявшимся в 1987 г. В ней особо выделялась основная

---

* Председатель Национального союза студентов и школьников Абду Камара был осужден и умер в тюремном заключении.

цель — «построение государства национальной демократии, базирующегося на независимой и планируемой национальной экономике». Говорилось о недопустимости «захвата государственного аппарата и средств производства буржуазными и реакционными элементами». Вновь подчеркивалась руководящая роль ДСМН в политической системе, осуществляемая через монопольное право партии на выдвижение кандидатов на выборные государственные и административные посты.

Для укрепления собственного единства и усиления влияния на общество партия включила в Хартию принцип консенсуса, ранее применявшийся лишь во внутрипартийной жизни. В ДСМН этот принцип позволял «заставить соблюдать партийную дисциплину, применять санкции к стороне, не согласной с общим мнением».

Хартия провозгласила «новую экономическую политику», отличавшуюся большей, чем прежде, «либерализацией». Из нее были изъяты чрезмерно резкие оценки капиталистического пути. Одновременно подвергались критике такие «ошибочные» методы, как «чрезмерное внедрение государства в экономику», «командное руководство предприятиями», «прямое принуждение», «излишнее административное вмешательство в экономическую жизнь». Выражалась решимость сократить масштабы деятельности и функции госсектора. Предлагалось оставить в ведении государства лишь нерентабельные отрасли, например энергетику, водоснабжение, инфраструктуру, а также общественные службы. Государство должно было создать «благоприятные условия для роста занятости в промышленности и сельском хозяйстве, в сфере обслуживания, туризме, ремеслах». Хартия требовала значительно расширить поле деятельности для частного сектора. Малайский частный капитал мог действовать не только самостоятельно, но и совместно с иностранным капиталом, что способствовало бы притоку инвестиций, получению современных технологий, ускорению процессов подготовки кадров, выходу на внешний рынок [104, с. 73—74].

Вскоре после чрезвычайного съезда, принявшего Хартию, руководство ДСМН создало специальную комиссию по оказанию помощи генеральному секретарю ДСМН в претворении положений этого документа в жизнь. В комиссию вошли руководители партии и государства, многие депутаты Национального собрания, представители общественных организаций и деловых кругов (например, председатель Торгово-промышленной палаты и президент Национальной федерации работодателей), высшие армейские офицеры. Деятельность по претворению Национальной хартии в жизнь совпала с отчетно-выборной кампанией в партийных организаци-

ях. Поэтому избравшиеся вновь или переизбравшиеся руководители этих организаций должны были сделать заявление о своем согласии с положениями Хартии.

Принятие Хартии не предотвратило нарастания напряженности в стране. Недовольство различных сил ощущалось уже при обсуждении в конце 1986 г. «Хартии национальной ориентации и принципов общественной жизни». Оно несло в себе опасность серьезного кризиса доверия к руководству страны. Профсоюзы резко критиковали правительство за ухудшение положения трудящихся, особенно в государственном секторе, связанное с проводимой либерализацией экономики, которая привела к увольнениям, увеличению безработицы, задержкам выдачи зарплаты. Лидеры молодежных организаций требовали расширения демократии, решения тех проблем, которые особенно остро затрагивали интересы молодежи, например, ликвидации безработицы и др. Со своей стороны, представители национальной буржуазии считали необходимым изменить политическую ориентацию ДСМН, страны в целом, отказаться от ориентации на социализм и строить «свободное общество свободных индивидуумов». Они добивались увеличения представительства, а значит, и усиления позиций национальной буржуазии в руководстве партии и государства.

Чтобы сбить нарастающую волну критики, президент М. Траоре провел встречи с руководством общественных организаций, с представителями торгово-промышленных кругов. Ему удалось погасить на время недовольство, устранить или смягчить разногласия. Отвергнув требования национальной буржуазии, провозгласив лозунг борьбы с «буржуазными реакционерами», правительство Мали тем не менее продолжало курс на «либерализацию» экономики. Признавалось, что именно удушение частной инициативы, разрушение финансовой системы явились результатом чрезмерного вмешательства государства, а также дальнейшего огосударствления экономики.

Понимая роль, которую играет молодежь в политической жизни страны, правительство предприняло шаги, которые могли разрешить или хотя бы смягчить конфликтные ситуации в студенческой и молодежной среде. Для этого оно избрало довольно своеобразный путь. Еще в январе 1985 г. была создана полувоенная организация — Национальная служба молодежи (НСМ), которая рассматривалась как резерв армии. Каждый малийский юноша, каждая девушка в возрасте от 18 до 21 года были обязаны провести два года в этой организации. Помимо обучения по программе службы они занимались различными работами — строительством дорог, лесопосадками для борьбы с засухой и др. НСМ дол-

жна была ослабить проблему безработицы среди молодых малийцев [104, с. 71—72].

В марте 1988 г. состоялся III съезд ДСМН. Съезд подтвердил неизменность курса ДСМН на упрочение национального суверенитета и создание в Мали самостоятельной плановой экономики, определил задачи в области партийного строительства и политического воспитания кадров. Особое внимание было уделено укреплению связей ДСМН с массами, молодежными организациями, профсоюзами.

В 80-е годы НСТМ объединял 13 отраслевых профсоюзов. Союз издавал ежемесячную газету «Баракела» («Рабочий») [127, с. 132]. V съезд НСТМ (1985 г.) подтвердил верность некапиталистическому пути развития. Особое внимание НСТМ уделял решению проблемы занятости. Он настаивал, чтобы каждый план социального и экономического развития предусматривал увеличение числа рабочих мест, предотвращение массовой безработицы [288, 20.02.1990]. Летом 1987 г. НСТМ сумел отстоять несколько государственных предприятий, отсрочить их ликвидацию (позже они были проданы частникам или закрыты). Он участвовал в решении проблем убыточности госпредприятий. Многие из них были преобразованы в кооперативные или акционерные. Совладельцами последних становились частные предприниматели, работники самих предприятий, профсоюзы.

Тесное сотрудничество с ДСМН не освобождало НСТМ от защиты прав и интересов трудящихся. В стране не прекращалось забастовочное движение. В декабре 1985 г. профсоюз учителей возглавил забастовку протеста против снижения реальной зарплаты государственных служащих (в том числе учителей). В декабре 1986 г. снова бастовали учителя, а также работники здравоохранения, которые протестовали против задержек, а нередко и невыплаты жалованья работникам общественных служб [173, с. 27]. Важную роль профсоюзы сыграли в мартовских событиях 1991 г.

Тем не менее в 80-е годы профсоюзы, входящие в НСТМ, оставались слабыми общественными организациями. Это было связано со многими причинами: экономической отсталостью и противоречиями внутреннего развития.

Запрещенный в 1968 г. после военного переворота Национальный союз малийской молодежи (НСММ) возобновил свою деятельность в 1978 г., незадолго до перехода к гражданскому правлению. На состоявшемся тогда же Учредительном съезде декларировалось, что НСММ является организацией передовой части молодежи, выступающей за прогрессивный путь развития Мали. НСММ стал коллективным членом ДСМН и, естественно, разделял его программные цели. НСММ намеревался активно бороться за ликвидацию

неграмотности, против коррупции и преступности и т. д. Он также занимался организацией политического образования молодежи и ее быта, решением других проблем молодых мальтийцев. Структура НСММ совпадала со структурой ДСМН.

2. Экономическое развитие Мали в 80-е годы

С 1981 г. правительство Мали осуществляло программу реформ, которую МВФ определил как необходимое условие предоставления республике внешней финансовой помощи. Программа имела целью либерализацию зернового рынка, снижение субсидий на продовольствие, продававшееся городскому населению, сокращение числа рабочих мест в государственной администрации [173, с. 27]. Поэтому план развития на 1981—1985 гг. предусматривал освоение водных ресурсов, меры, направленные на достижение самообеспечения продовольствием к 1990 г., восстановление поголовья скота, погибшего во время засух 70—80-х годов, борьбу с опустыниванием, реформу госсектора.

Гражданское правительство последовательно проводило курс на создание смешанной экономики при всемерном поощрении частного предпринимательства. Доля госсектора сокращалась. В 80-е годы была отменена монополия государственных торговых компаний на скупку продукции сельского хозяйства, принято решение о ликвидации или приватизации $\frac{2}{3}$ убыточных и нерентабельных государственных предприятий и компаний. Эти меры отвечали условиям помощи, которые поставили Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (МБРР). Деятельность крупной государственной экспортно-импортной компании СОМИЭКС (экспортировала хлопок и арахис, контролировала внутреннюю торговлю) была резко ограничена, принадлежавшие ей магазины (свыше 100) проданы частным предпринимателям. Компания сохранила монополию на реализацию лишь таких товаров, как соль, сахар, молоко, арахисовое масло, мыло (все — продукты малийского производства). Монополию на торговлю зерном утратила и государственная компания ОПАМ.

Выполнение требований МВФ привело к тому, что к 90-м годам в госсекторе сохранилось всего семь крупных предприятий и компаний — ОПАМ (закупка зерна для армии, администрации и больниц), «Офис дю Нижер», «Энержи дю Мали», гидротехнический комплекс в Селинге, Управление железных дорог, Малийская компания речного судоходства КОМАНВ, служба почт и телекоммуникаций.

В эти годы предпринимались попытки повысить конку-

рентоспособность госсектора: осуществлялись реорганизации, слияния или укрепления предприятий. В результате подобных мер позиции некоторых госпредприятий, например компании ОПАМ, несколько укрепились, они стали рентабельными. Сложности, которые испытывал госсектор, лишь подтверждали факт, что ему пока не было замены [104, с. 108]. В 1986 г. из 160 промышленных предприятий 28 были государственными [104, с. 133]. Государственный сектор оставался основным орудием выполнения программ национального развития. Тем не менее темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) в 80-е годы, когда осуществлялся третий пятилетний план (1981—1985), были самыми низкими за весь период независимости: в среднем они не превышали 0,2% в год. Столь низкий прирост ВВП объясняется тяжелым положением хозяйства, вызванным как жестокими засухами, так и трудностями, просчетами и ошибками в ходе либерализации экономики. Что касается смешанного сектора, то либерализация пошла ему на пользу.

Несмотря на усилия правительства, стране не удавалось выйти из кризисного состояния. Из-за засухи дефицит зерна вырос со 110 тыс. т в 1978 г. до 370 тыс. т в 1985 г. [57, с. 5]. Производство риса снижалось примерно на 9% ежегодно. Темпы строительства снижались (на 5% в 1987 г.).

Иностранные (Франция) и международные (МВФ и МБРР) вкладчики ставили свою помощь в прямую зависимость от готовности правительства Мали отказаться сначала от поддержки государственного сектора, а затем и полностью его ликвидировать [199, с. 234]. Правительство, со своей стороны, понимало, что сокращение госсектора, не говоря уже о его ликвидации, усилит напряженность в обществе, поскольку резко увеличится армия безработных, в которую волеются уволенные с госпредприятий. Вот почему в конце 70-х — начале 80-х годов руководство Мали неоднократно опровергало слухи о предстоящей либерализации экономики. Например, в мае 1980 г. в Бамако состоялся митинг, в котором участвовали члены правительства и депутаты Национального собрания. На митинге выступил президент М. Траоре, который заверял, что ДСМН и правительство хотят не только сохранить, но и расширить госсектор, остающийся «основой национальной экономики». Он утверждал, что вопрос о ликвидации госсектора никогда не стоял на повестке дня.

Однако, отступая перед растущими экономическими трудностями и усилением нажима со стороны иностранных и международных инвесторов, руководство Мали объявило, что приступает к либерализации экономики. Стремясь успокоить общество, оно заверило, что этот процесс будет носить

эволюционный, постепенный и спокойный характер. На первых порах либерализация коснулась деятельности двух государственных торговых компаний, считавшихся виновными в ухудшении продовольственного положения страны. Отныне к торговле продовольствием (в первую очередь зерном) допускались и частные торговцы. За СОМИЭКС через потребительские кооперативы временно сохранялась лишь торговля некоторыми товарами широкого потребления. Но компания лишилась права участвовать во внешней торговле.

Первые результаты либерализации были положительными: увеличились закупочные цены на зерно, снизились цены на потребительские товары. «Черный рынок» практически исчез. Приостановился отток капиталов из страны. Выросли доходы государства от таможенных сборов. Расширилась торговля Мали с соседями. Динамика развития экономической и социальной жизни становилась более благоприятной.

Заметным событием в экономической жизни Мали стало возвращение республики (в июне 1984 г.) в Западноафриканский валютный союз, после которого был разрешен обмен малийских франков на африканские франки [173, с. 46]. Обмен этот производился по курсу — за один африканский франк платили два малийских франка.

Однако правительству все же не удалось стабилизировать цены на продукты питания и промышленные товары, хотя оно и обещало заморозить одновременно как цены, так и зарплату. Чтобы сбить нарастающую волну напряженности в стране, в начале 1985 г. оно повысило заработную плату работникам, занятым в государственных и смешанных предприятиях. Несмотря на все меры, по малийской экономике больно ударило падение цен на хлопок на мировом рынке, из-за которого только в 1986 г. Мали потеряла 20 млрд. афр. фр. [104, с. 154].

Несмотря на общую тенденцию к либерализации экономики, правительству приходилось неоднократно опираться на государственный сектор. В закупках продовольствия (и вообще во всей внутренней торговле) не удалось заменить государственные компании частными (последние упорно пытались сбивать закупочные цены). Поэтому правительство решило повысить конкурентоспособность предприятий госсектора, в частности компании ОПАМ. Компания, получив финансовую помощь от Национального фонда продовольственного самообеспечения и часть средств из дара Ливии, смогла на «свободном рынке» опередить всех своих конкурентов, немного повысив закупочные цены. Она сделала в 1986 г. рекордные закупки зерна (85 тыс. т). Позиции ОПАМ еще более укрепились, когда смешанная малийско-французская компания КФДТ заключила контракт на про-

дажу риса и кукурузы, выращенных в зоне ее деятельности. Усилению влияния ОПАМ также послужили ее операции по закупке и хранению зерна, доставке зерна в районы, которые испытывали его недостаток, распределению иностранной продовольственной помощи.

Иной была судьба компании СОМИЭКС. В 1985 г. ее долги в сумме 1,5 млрд. афр. фр. были аннулированы. Монополия компании на торговлю потребительскими товарами была восстановлена. Однако СОМИЭКС обанкротилась и в 1988 г. была ликвидирована.

Не менее сложным было положение государственных предприятий в промышленности. Эти крупные предприятия было трудно приватизировать. В Мали было мало частных покупателей. К тому же эти покупатели не были готовы не только приобрести убыточное государственное предприятие, но и вступать в конфликты с профсоюзными организациями. А такие конфликты были неизбежны при сокращении штатов предприятий с целью повышения их рентабельности. Иностранные частные капиталы также обходили стороной предприятия госсектора, предпочитая нечто более надежное. Поэтому речь могла идти не о приватизации, а о закрытии и даже ликвидации этих предприятий. Правительству приходилось маневрировать, изыскивая неординарные пути решения проблемы убыточных госпредприятий. Они сливались, укреплялись, переходили к статусу смешанных. Иногда эти меры приводили к успеху, предприятия становились рентабельными.

Таким образом, положение в экономике в 1981—1985 гг. мало изменилось к лучшему. Темпы прироста ВВП оставались минимальными — 0,2%. Правда, в этот период были построены при иностранном содействии ГЭС Селинге, золотодобывающее предприятие Калана, новый хлопкоочистительный завод, участок транссахарской автомобильной магистрали Севаре — Гао. Но это не привело к стабилизации экономики, тем более к ее подъему.

Либерализация экономики, сопровождавшаяся сокращением госсектора, означала также проведение политики стимулирования, активизации деятельности частного сектора в основных отраслях хозяйства.

Напомним, что Хартия национальной ориентации и принципов общественной жизни определяла частный сектор как «одну из основных составляющих, на которые партия и правительство опираются в достижении целей экономического развития». Власти принимали программы развития частной инициативы, рассчитывая на успех. Успехи частного сектора в первой половине 80-х годов были невелики [173, с. 40].

Положение экономики оставалось тяжелым и во второй

половине 80-х годов. К 1987 г. задолженность предприятий государственных и смешанных секторов достигла 32 млрд. афр. фр. А для их сохранения требовалась сумма, примерно в два раза превышающая эту задолженность. Необходимость принятия решительных мер в экономике становилась все более настоятельной. В августе 1987 г. парламент принял закон «О принципах образования и деятельности общественных и государственных промышленных и торговых обществ и предприятий». Закон давал предприятиям большую автономию.

Автономия государственных предприятий и обществ должна была сократить государственные расходы на их содержание. Она в какой-то степени снизила остроту ситуации при ликвидации убыточных государственных предприятий. Но автономия не разрешила до конца самой проблемы. Государству приходилось маневрировать: с одной стороны, оно сохраняло в госсекторе лишь те предприятия, где частный капитал не мог обеспечить себе прибыль, а с другой — оставляло в госсекторе возможно большее число предприятий, даже нерентабельных, чтобы поддерживать социальную стабильность. Поскольку число безработных продолжало расти, а приватизация предприятий или их ликвидация вели к увеличению безработицы, власти, опираясь на иностранную и международную (в первую очередь МВФ и МБРР) помощь, старались смягчить процесс приватизации. Практически каждый уволенный с работы получал выходное пособие в размере трехгодовой зарплаты. Это пособие он мог использовать как пай в кооперативе, создававшемся в сельском хозяйстве или на базе того или иного ликвидированного предприятия.

К началу 90-х годов в руках государства оставались лишь стратегические отрасли народного хозяйства — социальные учреждения и службы, инфраструктура, энергетика. В его задачу по-прежнему входило создание благоприятных условий для увеличения занятости в сельском хозяйстве, а также в отраслях, где превалировал национальный частный сектор (сфера обслуживания, туризм, кустарная и мелкая промышленность). Однако национальная буржуазия была все еще слишком слаба, чтобы потеснить государство в области экономического строительства.

Главной задачей пятилетнего плана развития на 1987—1991 гг. было стабильное обеспечение населения продовольствием. Чтобы достичь этой цели, правительство обещало крестьянам постоянные и относительно высокие доходы, что, по мнению правительства, должно было стимулировать в сельском хозяйстве как производство, так и накопление. В плане предусматривалась также финансовая помощь го-

сударства развитию села. Планировалась переориентация капиталовложений в те отрасли промышленности, которые производили продовольственные товары [57, с. 16].

Большое место в плане отводилось мерам по борьбе с последствиями засухи и опустынивания (намечались работы, обеспечивающие переход на более рациональное использование воды), защите окружающей среды, расширению медицинской помощи населению, дальнейшему развитию школьного образования и профессионально-технического обучения. Правительство предусматривало увеличение числа рабочих мест и повышение занятости населения.

В основу плана был положен принцип демократизации: областям, районам, округам, коммунам предоставлялись большие права как в решении социально-экономических вопросов, так и в выборе плановых объектов [104, с. 114]. Расширение автономии на местах должно было, по мнению правительства, обеспечить выполнение плана.

Руководство Мали надеялось, что безрадостная картина в хозяйстве 80-х годов останется в прошлом. Его надежды основывались прежде всего на том, что в 80-е годы в недрах республики открыли месторождения некоторых полезных ископаемых, имеющих промышленное значение. К ним относились месторождения золота вблизи Сикассо (Сиам). В стране были найдены алмазы, уран, бокситы, мрамор, нефть.

В 1988 г. был принят Горный кодекс, который предоставлял большие льготы частным компаниям, в том числе иностранным, ведущим геологическую разведку на территории Мали. Кодекс полностью освобождал иностранный капитал от налогов на ввоз оборудования и на прибыль в течение нескольких (до десяти) лет с начала эксплуатации. Иностранным компаниям разрешался неограниченный вывоз прибылей. К разработкам малийских месторождений полезных ископаемых проявил интерес западноевропейский, североамериканский, австралийский и иной капитал. Но главную роль в горнодобывающей промышленности Мали стремились играть французские компании. Уже с начала 80-х годов они вели разработку золотых и алмазных месторождений. Они же изучали возможности эксплуатации месторождений вольфрама, олова, меди, серебра, свинца и цинка, золота (в частности, в области Каес).

Западногерманский капитал вел поиск месторождений нефти в Сахаре и прилегающих к ней районах, японский — урана, американский — золота. Американская компания «Юта Интернейшнл Инк» открыла перспективные месторождения золота Сиам и стала участницей смешанного предприятия. За период 1974—1984 гг. добыча золота в Мали выросла с 28 до 500 кг [66, с. 38].

Правительство Мали установило тесные контакты с международными финансовыми организациями. Специалисты МВФ разрабатывали программы стабилизации и оздоровления экономики и финансов страны, в которых нередко рекомендовались такие меры, как повышение налогов, усиление контроля над финансами, государственными инвестициями, ценами, кредитами, над внутренней и внешней торговлей, деятельностью госпредприятий и др. Например, в 1968 г., выполняя условия соглашения с МВФ, правительство Мали ввело режим строгой экономии. Такие же рекомендации правительству Мали давали МБРР, Центральный банк государств Западной Африки (ЦБГЗА). С упомянутыми международными организациями сотрудничал государственный Банк развития Мали (БРМ), административный совет которого возглавлял министр финансов.

Возраставшее воздействие МВФ, МБРР, ЦБГЗА на финансовую и экономическую политику Мали приносило свои плоды. С 1983 г. финансирование частного сектора увеличилось, а госсектора — сократилось, но оставался дефицит платежного баланса [270, с. 59].

Во второй половине 80-х годов правительство продолжало ограничивать госсектор и поощрять частный. Оно приняло новый кодекс законов о налогах, программу экономической реформы, финансируемой США и рассчитанной на трехлетний период.

Налоговое бремя частного сектора было несколько ослаблено. В то же время государственные предприятия, за исключением семи перечисленных ранее, по рекомендации МБРР были разделены на три категории. Входящие в первую подлежали полной приватизации: в нее вошли Малийская компания по развитию текстильного производства (текстильный комбинат), компания по производству табака и спичек (СОНАТАМ), фармацевтическое объединение, общество по производству сельскохозяйственного оборудования и др. Предприятия второй категории подлежали полной ликвидации. Среди них оказались малийская компания автомобильных перевозок, Малийская компания по экспорту и импорту (СОМИЭКС). В третью категорию включались предприятия, которые могли быть либо приватизированы, либо ликвидированы. В их числе были компания общественных работ — СОНЕТРА, малийская текстильная компания КОМАТЭКС и др. [199, с. 235—236].

Поскольку в стране продолжали преобладать докапиталистические производственные отношения и традиционные формы хозяйства, важнейшей задачей, вставшей перед руководством Мали в 80-е годы, была структурная перестройка экономики, повышение ее эффективности. Для более ус-

пешной разработки и осуществления планов национального развития все плановые органы (включая национальные и местные плановые комиссии, национальную комиссию по капиталовложениям и др.), в том числе и министерство планирования, в 1981 г. были поставлены под контроль Высшего совета планирования, возглавляемого президентом республики. Право окончательного утверждения планов закреплялось за Национальным собранием.

С начала 80-х годов смешанный сектор экономики стал, как и частный, развиваться независимо от государственных планов. Однако руководство уделяло его деятельности повышенное внимание. В малийских условиях смешанные предприятия могли бы стать школой подготовки хозяйственников. Смешанные предприятия имели преимущества: обладали автономией, овладевали технологией производства и опытом управления зарубежных фирм. Когда иностранные компании вкладывали капитал в приоритетные отрасли экономики Мали, то они освобождались от уплаты налогов на 25 лет. Среди таких отраслей была обрабатывающая, в том числе пищевая, промышленность [96, с. 164].

Руководство Мали проявляло большой интерес к развитию межафриканских хозяйственных связей. Жестокие засухи в Сахеле стимулировали его стремление к экономической интеграции с государствами Западной Африки.

Примером субрегиональных хозяйственных связей служило сотрудничество Мали с Сенегалом и Мавританией в рамках Организации по освоению бассейна р. Сенегал (ОМВС), действующей с 1964 г. ОМВС ставила своей целью осуществление комплексной программы интегрированного развития сельского хозяйства, добывающей промышленности, электроэнергетики, рыболовства и судоходства.

В финансировании первого этапа принимали участие более 20 стран, в том числе арабских, многие международные организации — МБРР, Африканский банк развития, Африканский фонд развития, Программа развития ООН и др.

Осуществление проектов ОМВС позволило изменить ярко выраженный аграрный характер экономики Мали. В 1976 г. ОМВС приняла комплексную программу интегрированного развития сельского хозяйства, добывающей промышленности, электроэнергетики, рыболовства и судоходства. Программа, рассчитанная на 40-летний период, осуществлялась в три этапа. На первом этапе создается региональная инфраструктура, строятся плотина Манантали (Мали) для орошения 400 тыс. га земли и ГЭС мощностью 100 тыс. кВт. Одновременно улучшаются условия навигации на р. Сенегал от ее устья до г. Каес. В дельте Сенегала сооружается плотина Диаман, препятствующая подъему океанской воды в

реку и позволяющая оросить более 30 тыс. га земли. Проводится модернизация речного и морского порта Сен-Луи, реконструируются девять промежуточных портов на р. Сенегал вплоть до Каеса. На последующих двух этапах предполагается построить еще четыре плотины, чтобы расширить зоны ирригации, создать свыше 200 промышленных и сельскохозяйственных предприятий, среди которых — комплексы по разработке месторождений железной руды в Сенегале (Фалеме) и Мали (Бале), производству алюминия в Мали, добыче фосфоритов в Мавритании, металлургический завод, который будет сооружаться усилиями трех стран. Объекты, сооружение которых осуществляется на первом этапе, носит региональный характер, а многие проекты второго и третьего этапов — национальный. В финансировании первого этапа принимают участие более 20 стран, в том числе арабских, многие международные организации — МБРР, Африканский банк развития, Африканский фонд развития, Программа развития ООН и др.

Как говорилось выше, частная собственность на землю не получила в Мали широкого развития. В стране преобладало общинное землевладение. В 1983 г. был принят закон, по которому все земли (за исключением немногих частных участков, расположенных в основном в городах и пригородах) перешли в собственность государства. Закон поставил под государственный контроль все земельные сделки, но не ограничил права общин на владение и пользование землей.

Неудачи режима М. Кейты в организации кооперативного движения в деревне, ухудшение положения сельского хозяйства в годы правления военных заставили новое руководство Мали подойти критически к прежним методам аграрных преобразований. Уже в программе ДСМН от 1979 г. предлагалось вернуться к развитию сельскохозяйственной кооперации («там, где условия позволяют»). Программа требовала осуществлять кооперацию на базе общины — «деревенской ассоциации», строго на добровольных началах [123, с. 151]. Кооперативам предоставляли значительную самостоятельность в организационных вопросах, в выборе направления развития. Финансовые ресурсы кооперативов должны были складываться из их собственных доходов, а в отдельных случаях дополняться за счет государственных субсидий. Доходы распределялись следующим образом: 95% поступлений от продажи продукции получал производитель, 5% шли на нужды кооператива. Помимо производственных функций кооператив брал на себя потребительско-сбытовые функции и был посредником между непосредственными производителями и государственными организациями [104, с. 119].

С конца 60-х годов в Мали стали проводиться региональные мероприятия, получившие название «операций». Эти операции были нацелены на подъем производства основных сельскохозяйственных культур путем повышения производительности труда на базе внедрения современной агротехники, усовершенствования орудий труда, использования удобрений и пестицидов и т. п. Одни операции (операция «хлопок», осуществленная смешанной компанией КМДТ) приносили успех, другие заканчивались неудачей. Например, в операции «рис Мопти» (1984 г.) участвовало более 12 тыс. землевладельцев, на ее осуществление было затрачено 45 млн. долл. Однако результаты оказались разочаровывающими [123, с. 35, 132].

Кооперация особенно успешно развивалась в зонах проведения операций и там, где действовали такие крупные сельскохозяйственные предприятия, как «Офис дю Нижер». Именно здесь она получила ощутимую помощь со стороны государства. Часть доходов, полученных рентабельными кооперативами, шла на строительство социальных объектов — родильных домов, больниц или амбулаторий, домов молодежи и др., а также на закупку сельскохозяйственного инвентаря. Успехи кооперативов (и крупных государственных сельскохозяйственных предприятий) позволили правительству начать экспорт продовольственных товаров. Однако высокопроизводительных кооперативов в стране было чрезвычайно мало.

Подъему сельскохозяйственного производства могла бы способствовать ирригация. Однако она в Мали не получила необходимого развития. На орошаемых полях размещалось всего 5% посевов. Эти земли использовались либо компанией «Офис дю Нижер», либо компаниями, проводящими ту или иную операцию (по производству риса). Ирригационные системы являются собственностью государства. Оно взимает плату с арендаторов «Офис дю Нижер» и крестьян тех районов, где осуществляются операции по производству риса, сахарного тростника и других культур.

Как и раньше, важную роль в сельскохозяйственном производстве 80-х годов играла компания «Офис дю Нижер». Ее деятельность не была стабильной: до 1979 г. отмечался непрерывный рост производства и доходов, а с 1980 г. началось снижение урожаев и сокращение посевных площадей. Эта тенденция объяснялась как ухудшением обработки земель из-за износа техники и оборудования, так и грубыми ошибками администрации [199, с. 229]. К концу 1981 г. дефицит «Офис дю Нижер» достиг 7 млрд. фр., а в 1984 г. только краткосрочные долги компании составили 20 млрд. фр. при ее торговом обороте в 18 млрд. фр. [123, с. 150].

Фондатели компании (Франция, Голландия, МБРР) требовали от ее правления принятия срочных мер по увеличению и стабилизации производства.

Нелегкие времена переживало скотоводство Мали. «Каждый малиец в душе скотовод» [199, с. 233]. К 1983 г. поголовье скота, резко сократившееся в период засухи 1969—1972 гг., было восстановлено [173, с. 38]. Однако засуха 1982—1985 гг. нанесла новый тяжелый удар по скотоводству. Страна имела возможность экспортировать часть продуктов животноводства.

Продукция животноводства (вместе с продуктами рыбной ловли) составляет половину сельскохозяйственного ВВП страны. Выручка от экспорта только живых животных в соседние страны достигает 15 млрд. афр. фр. Кроме того, Мали вывозит шкуры и кожи. Главными покупателями малийского скота являются Кот-д'Ивуар, Нигерия, Гана, Либерия, Сенегал. Наряду с Мавританией, Нигером и Буркина-Фасо Мали является одним из поставщиков мяса в западноафриканские страны [199, с. 233].

В 80-е годы страна не смогла решить продовольственную проблему. Практически обеспечивавшая себя продуктами питания в 60-е годы, она до сих пор ввозит многие виды продовольствия. Вот почему самообеспечение продуктами питания было главной темой 1-й Международной конференции по экономическому развитию Мали, состоявшейся в 1985 г. в Бамако. Выступив на конференции, президент республики заверил, что «политика развития Мали в течение ближайших десяти лет будет основана на продовольственной стратегии, на борьбе против засухи и опустынивания, а также на использовании вод республики с целью достижения самообеспечения продовольствием» [199, с. 238]. В рамках этой стратегии намечалось осуществить 12 сельскохозяйственных проектов. Прежде всего предполагалось удвоить производство риса и сахара путем укрепления хозяйства «Офис дю Нижер», осуществления ирригационных работ на площади 100 тыс. га, возобновления посевов на использовавшихся ранее землях в районах Ньяфунке, Гундам и Джире, расширения площадей под рисом около Сегу и у плотины Селинге.

Один из проектов предусматривал улучшение селекции семян, чтобы повысить урожайность зерновых. Намечались также комплексная программа сельскохозяйственного развития в районе Каеса, строительство сооружений по задержанию вод в районе Киты, создание комплекса по переработке сахарного тростника близ Бамако мощностью 30 тыс. т, создание мелких и средних предприятий агроживотноводческого направления [199, с. 238].

В проектах уделялось внимание традиционному строи-

тельству запруд, которые позволили, с одной стороны, сохранять воду на рисовых полях, а с другой — защищать посевы риса от рыб, питающихся молодыми побегам.

Грозную проблему, стоящую перед страной, представляет опустынивание. В Мали Сахара наступает по фронту в 2 тыс. км и ежегодно продвигается на юг на 5 км. Пески засыпают пастбища и поля, реки и озера. Они поглотили оз. Фагибин, которое занимало площадь длиной 140 км и шириной 20 км. Мелеют и исчезают некоторые притоки Нигера. Канал, соединяющий г. Томбукту с портом Кабара на Нигере, практически высох [199, с. 242—244].

С опустыниванием предполагалось бороться в основном с помощью комплекса дорогостоящих мер (например, подъем подземных вод посредством использования солнечной энергии). При нынешнем тяжелом экономическом и финансовом положении страны такие меры вряд ли смогут остановить наступление Сахары.

Засуха породила немало социальных проблем. Одна из них — массовое переселение скотоводов туарегов и фульбе вместе со своими стадами на юг. Переселение вызвано падежом скота. Но оно не спасло положения — падеж продолжался. Животные не выносили длительных переходов и условий влажных лесов. Кроме того, появление в небогатых южных районах большого числа кочевников не могло не вызвать рост межэтнической напряженности. К тому же засуха не щадила ни кочевников, ни земледельцев юга. Засуха 1984 г. погубила посевы зерновых культур. Запасы продовольствия в стране катастрофически уменьшались. Массового голода удалось избежать лишь благодаря экстренной международной помощи.

Обильные дожди 1985 г. позволили несколько поправить ситуацию с продовольствием. Часть рекордного урожая (178 тыс. т) была реализована даже на внешнем рынке [173, с. 35]. Однако в 1987 г. Мали испытала удары новой засухи. К засухе прибавилось массовое нашествие саранчи на поля. Властям пришлось опять обращаться за иностранной продовольственной помощью [199, с. 247]. За период 1980—1985 гг. такая помощь увеличилась со 21,8 тыс. до 268,7 тыс., или более чем в 12 раз [133, с. 77].

Бедственное положение экономики руководство страны намеревалось исправлять посредством активизации внешней торговли и внешнеэкономических связей. Однако здесь его подстерегали трудности.

Главный экспортный продукт — арахис с 1980 г. практически не вывозился, поскольку валовые его сборы сокращались. Внутреннее потребление арахиса возрастало, почти весь урожай стал перерабатываться на местных маслодель-

ных заводах. Чтобы увеличить производство арахиса, в 1981 г. было создано управление комплексного развития арахиса и зерновых. Но заметных улучшений с производством арахиса и зерна так и не произошло.

Лучше обстояли дела с экспортом других культур, прежде всего хлопчатника. Мали вывозила также масло, жмых, семена, фрукты и ранние овощи (в Западную Европу), живой скот. Последний экспортировали в Сенегал, Ливию, Кот-д'Ивуар. Продукты животноводства вывозились также в ФРГ, Францию, Японию.

Во второй половине 80-х годов Мали стала экспортировать золото. В 1986 г. она вывезла 1,4 т, в 1987 г. — 1,7 т [104, с. 154].

В конце 80-х годов благодаря начавшейся диверсификации сельского хозяйства и производству новых культур [173, с. 38], а также росту промышленной добычи золота, созданию промышленных и энергетических предприятий произошли заметные изменения в ассортименте экспорта и импорта. Так, сократился по объему ввоз нефтепродуктов, цемента, тканей, ряда продовольственных товаров (сахара, чая и др.).

Во внешнеэкономическом сотрудничестве Мали большое место занимали связи в области финансов. Финансирование третьего пятилетнего плана на 91% осуществлялось за счет внешних источников. Главными формами финансирования являются кредиты и субсидии, которые страна получает как по двусторонним соглашениям (с Францией, Италией, Японией, Канадой, ФРГ, США), так и от международных организаций. Финансовую помощь республике стали оказывать «братские мусульманские страны», в частности арабские. В конце 1989 г., например, Саудовская Аравия предоставила Мали кредит на сумму 7 млн. реалов (600 млн. афр. фр.) [288, 29.12.1989]. Значительную помощь Мали как ассоциированный член получала от Европейского экономического сообщества (через Европейский фонд развития). ЕЭС финансирует многие проекты в области сельского хозяйства, социальной инфраструктуры, причем большая часть помощи ЕЭС является безвозмездной. Финансовую помощь оказывают Мали и страны — члены ОПЕК [133, с. 65].

Большую продовольственную помощь Мали оказывали, особенно в периоды засухи, США. Мали входит в число пяти стран, на примере которых Соединенные Штаты решили продемонстрировать, как успешно может частный сектор поднять сельское хозяйство. Во время визита М. Траоре в США в 1988 г. было подтверждено желание сторон развивать и углублять как политические, так и экономические связи [104, с. 160].

Одним из первых западноевропейских государств, при-

знавших независимость Мали, была ФРГ. В последнее время ФРГ была одним из важнейших партнеров Мали. Только на организацию выборов в 1990 г. она получила от ФРГ помощь в размере 114 млн. марок (1,7 млрд. афр. фр.). Правительство Мали в целом высоко оценивало сотрудничество с ФРГ, характеризуя его как образец связей «Север — Юг» [137, с. 15; 288, 26.10.1991].

От Бонна не хотели отставать другие страны Запада. Франция, традиционно главный внешнеэкономический партнер Мали, объявила в мае 1989 г. о своем решении погасить все долги 35 наименее развитых государств, в число которых входит и Мали. Канадская помощь Бамако не связывалась с какими-либо политическими условиями и, главное, являлась безвозмездной.

Таким образом, в 80-е годы экономическое и политическое сотрудничество Мали с западными странами сыграло первостепенную роль во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности республики. Что касается сотрудничества с социалистическими странами, то в 80-е годы возникли серьезные препятствия. Чтобы получить заем или кредит от этих стран, требуется согласие МВФ. Последний такое согласие давал редко, поскольку средства, предоставляемые социалистическими странами, обычно шли на развитие госсектора. А МВФ ужесточал свои условия: от требования приватизации $\frac{2}{3}$ государственного сектора он перешел к требованию приватизировать абсолютное большинство его предприятий. Попытки Мали отстоять свою независимость в вопросах получения внешних кредитов и займов не всегда были успешными.

Главным кредитором и экономическим партнером Мали была Франция, которая предоставляла значительные суммы (до 300 млн. фр.) как по линии Фонда помощи сотрудничеству, так и через французские и международные банки. В 1984 г. Париж предоставил Бамако огромный кредит (1,5 млрд. фр.) на оздоровление экономики, оформление его возвращения в Западноафриканский валютный союз. Франция участвовала в осуществлении многих малийских проектов. Она приняла у себя более 30 тыс. рабочих Мали, что немаловажно как для сокращения безработицы в стране, так и для подготовки квалифицированной малийской рабочей силы. В 1987 г. было подписано франко-малийское соглашение, по которому Франция обязывалась оказывать малийским рабочим, репатрируемым французскими властями или желающим вернуться на родину, финансовую помощь в размере от 8 тыс. до 18 тыс. фр. [104, с. 158; 133, с. 172].

Расширилось сотрудничество Мали с США. Вашингтон предоставил Бамако продовольственную помощь на сумму

свыше 50 млн. долл. во время жестокой засухи в Сахеле в 1982—1984 гг. С 1986 г. они финансировали трехлетнюю программу реорганизации зернового рынка, а также провели мероприятия, связанные с проведением курса на самообеспечение продовольствием (исследования в области сельского хозяйства, подготовка для него кадров, поощрение частного комплексного сельскохозяйственного производства). Американский фонд развития Африки осуществлял работы по социально-экономическому развитию сельских районов республики, которые включали строительство больниц и школ, организацию кооперативов, создание курсов по ликвидации неграмотности и др.

Заметно расширялось сотрудничество между Мали и ФРГ. Западногерманские фирмы строили шоссейные дороги (в том числе часть транссахарской магистрали), осуществляли модернизацию речного транспорта. Они сооружали крупные зернохранилища, вели изыскания на пресную воду, бурили артезианские колодцы в пустынных и полупустынных районах. ФРГ поставляла транспортные средства (грузовые автомобили, речные пассажирские и грузовые суда), сельскохозяйственные машины и инвентарь.

Канада осуществила прокладку высоковольтной линии на участке Селинге — Бамако, а также поставляла транспортное оборудование для авиации и железной дороги [104, с. 150—160].

Доля иностранной помощи постоянно росла. Финансирование пятилетнего плана на 1987—1991 гг. на 87% обеспечивалось за счет внешних источников (495,9 млрд. афр. фр.).

Увеличение иностранной помощи вело к росту задолженности Мали. В период 1984—1987 гг. внешний долг страны вырос с 706 млрд. до 830 млрд. афр. фр., или на 17,5%. В 1988 г. только на погашение долгов тратилось 14% доходов от экспорта (в 1970 г. лишь 1%). В целом внешний долг Мали к началу 90-х годов достиг суммы 2,2 млрд. долл. США [57, с. 8, 10, 15; 298, 27.03.1991], что в пять раз превышает годовую экспортную выручку страны.

По мнению экспертов ООН, «Мали в 80-е годы переживала значительные финансово-экономические трудности, обусловленные низким национальным доходом и критическим состоянием финансов, а также сложным социальным положением, в первую очередь ростом безработицы, особенно среди молодежи» [57, с. 2].

3. Здравоохранение и образование

Недостаточная эффективность системы здравоохранения заставила руководство республики принять ряд важных мер. В соответствии с решениями Учредительного съезда ДСМН была разработана новая стратегия в области охраны здоровья, приоритетной становилась первичная медико-санитарная помощь населению. Ставилась задача в течение десяти лет (1981—1991) ликвидировать все виды недоедания, особенно детского, установить общегосударственный эпидемиологический контроль, провести вакцинацию детей (в возрасте до шести лет) против наиболее распространенных болезней, обеспечить бесперебойное снабжение всех жителей Мали медикаментами и питьевой водой. Новая стратегия включала проведение кампании за соблюдение индивидуальной и коллективной гигиены.

Уже в начале 80-х годов были предприняты шаги к улучшению структуры медико-санитарных учреждений и к усовершенствованию всей системы управления здравоохранения. Правительство учредило четыре национальные дирекции: здравоохранения, общественной гигиены и санитарии, планирования и санитарно-социального образования, а также социальных дел (ведало вопросами социального обеспечения). Для общей координации в 1980 г. был создан Национальный консультативный совет здравоохранения, в который вошли представители министерства и ведомств, занимавшиеся вопросами продовольствия, обеспечения населения питьевой водой, строительством санитарных и медицинских объектов, охраной окружающей среды и т. п. При совете был образован специальный комитет, который отвечал за ориентацию и координацию социально-санитарных программ и исследований.

10-летний план развития здравоохранения предусматривал реформу фармацевтического обслуживания населения. Цены на лекарства оставались высокими, часто недоступными для большинства малийцев [173, с. 24]. В 1984 г. вошел в строй созданный с помощью КНР фармацевтический завод. Параллельно делались попытки расширить области применения традиционной народной медицины.

Координировать общегосударственные, региональные и международные программы должен был Институт биологии человека, преобразованный в 1981 г. в Национальный институт исследований в области общественного здравоохранения. Институт являлся опорным пунктом Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) в регионе.

Важное место в стратегии развития здравоохранения заняли работы по изменению медико-санитарной структуры Мали. Дело в том, что медицинские училища были распреде-

лены по территории страны неравномерно. Поэтому значительная часть населения была лишена элементарной помощи. Так, в 1985 г. в Бамако (в самом городе и его пригородах) сосредоточилось 60% врачей и 64% среднего медицинского персонала. В столице больничная койка приходилась на 400 человек, в областных центрах — на 5—7 тыс. В сельской местности, где проживало около 85% населения, положение с медицинским обслуживанием было тяжелым [104, с. 232]. По сведениям ООН, лишь 15% населения Мали могли пользоваться эффективной медицинской помощью [57, с. 2].

К середине 80-х годов (1984 г.) в Мали функционировали три больницы общенационального уровня, пять больниц областного, четыре больницы второй категории, 51 родильный дом, 503 родильных пункта, более 50 районных лечебных комплексов (поликлиника и стационар на несколько коек). Действовали также такие учреждения, как местные амбулатории, диспансеры, лепрозории и др. Существовали так называемые центры планирования семьи, в задачу которых входило давать консультации по ограничению рождаемости и оказывать помощь при бесплодии [99, с. 34]. Программы развития предусматривали построить во второй половине 80-х годов 1,2 тыс. сельских акушерских пунктов, подготовить для них более 10 тыс. санитаров.

В 80-е годы в Мали работали иностранные врачи, командированные как отдельными странами (например, Францией, СССР), так и международными организациями (ВОЗ, «Врачи без границ» и др.). Их роль в борьбе с эпидемиями, проведении вакцинаций, развитии службы защиты детства и материнства была весьма ценной. По некоторым данным, в 80-е годы около 90% финансовых средств, которые республика расходовала на здравоохранение, обеспечивалось за счет внешних источников [104, с. 233]. Национальные кадры готовились внутри страны и за рубежом. В Мали в медицинском институте и медицинском училище работали иностранные (в том числе советские) специалисты. В 1986 г. между СССР и Мали был подписан протокол о безвозмездной поставке советского оборудования для центральной больницы — госпиталя им. Габриэля Туре.

В 1985 г. был принят закон о приватизации некоторых медицинских учреждений. И уже в 1986 г. число врачей в стране увеличилось.

Несмотря на большие усилия властей, в конце 80-х годов в Мали, как и раньше, были распространены такие опасные болезни, как малярия, туберкулез, лепра (проказа), холера (в 1984 и 1987 гг. приняла характер эпидемии), дифтерит, столбняк, трахома, а также шистосоматоз и другие кишечные

заболевания. В стране были выявлены первые носители вируса СПИД. В 1987 г. был создан комитет для борьбы с этим заболеванием. Все еще высокой оставалась детская смертность. В 1987 г. умерло около 100 тыс. детей. Специалисты утверждали, что 50% заболеваний составляют болезни, передающиеся через воду. Поэтому проблему очищения воды (в первую очередь питьевой) стали считать общенациональной [199, с. 247].

Трудности здравоохранения можно объяснить, во-первых, общей отсталостью страны и, во-вторых, слабым вниманием властей. Доля здравоохранения в бюджетных ассигнованиях упала с 12% в 70-е годы до 5% в середине 80-х годов. Положение здравоохранения было трудным как в годы военного режима, так и при конституционных правительствах. Мало помогли и попытки властей привлечь население к участию в расходах на здравоохранение. Все же за счет взносов общественности удалось построить несколько медицинских и акушерских пунктов, медпунктов, обеспечить жалованием их работников. Итоги развития здравоохранения в 80-е годы, по мнению газеты «Эссор», были малоутешительными [288, 19.02.1990].

Несколько лучше обстояли дела в области образования. В середине 80-х годов на его нужды отпускалось до 30% бюджетных ассигнований. Большое внимание уделялось подготовке кадров. В 1986 г. действовали педагогические училища в Бамако, Каесе, Сикасо и Дире. Они готовили преподавателей для начальных и средних школ. С целью повышения квалификации учителей срок обучения в педагогических училищах был увеличен с двух до четырех лет. Их выпускники получили возможность сдавать экзамены на диплом бакалавра. Хотя образование в Мали считается бесплатным, малийцам приходится так или иначе участвовать в расходах на его нужды. Взрослые делают взносы в фонды «ассоциаций родителей учеников» и «деревенских ассоциаций». На эти средства приобретает школьное оборудование, строятся и ремонтируются школьные помещения. Но классов и преподавателей, как и прежде, не хватает. Даже в 80-е годы только 20—25% детей посещало школу [288, 29.12.1989]. Большинство из них дальше начальных или неполных средних (так называемые базовые) школ так и не пошли. Многие учащиеся были вынуждены оставлять школы, не закончив курс обучения. К концу 80-х годов, по данным газеты «Эссор», их число возросло: в средних школах они составляли уже 37,7% учащихся [104, с. 168].

Финансовые трудности и обострившиеся проблемы молодежи вынуждали руководство страны принимать срочные меры. Они организовали кампании по расширению связи

школ с трудовой деятельностью, особенно сельскохозяйственной, подкрепляли школьное обучение трудовым воспитанием. Создавались специальные центры сельскохозяйственных знаний, центры по обучению молодых земледельцев, группы послешкольного сельского обучения и т. д. Эти центры и группы должны были передавать молодым сельским жителям теоретические знания и практические навыки, добиваясь повышения производительности труда. Еще в 70-е годы профессионально-техническим обучением было охвачено свыше 20% всех учащихся средней школы [99, с. 145].

Часть доходов, полученных от реализации созданной или выращенной учащимися продукции, предполагалось направлять на самофинансирование школ. Учащиеся помимо общего образования приобретали навыки работы в поле, животноводстве, садоводстве, рыболовстве и др. Предпринимавшиеся меры должны были ограничить, если не остановить, миграцию молодых людей из деревни в город.

С 1980 г. несколько школ в районе Сикасо проводили эксперимент. В них были созданы мастерские. Они приобрели сельскохозяйственный инвентарь на средства, полученные от Детского фонда ООН. Эксперимент прошел успешно. Опыт школ района Сикасо стал внедряться во всех школах Мали. Некоторые из них получали доходы, позволявшие приобретать различные орудия и инструменты, даже сложную сельскохозяйственную технику. К середине 80-х годов внедрение трудового воспитания в общеобразовательный процесс стало ведущей тенденцией в развитии системы национального образования Мали. Второй важной тенденцией стало расширение преподавания в школах на языках различных этнических групп.

Эксперимент по обучению на этих языках начался в 1979 г. В четырех начальных школах некоторые предметы стали преподаваться на бамбара. Затем было введено обучение на фула, сонгай и томашек. Расширялась подготовка специалистов для таких школ, число которых к 1985 г. превысило 100 [104, с. 169].

В 80-е годы продолжалась кампания по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, в которой участвовали не только специалисты, но и активисты-добровольцы. Функционировали тысячи центров, разбросанных по всей стране. Их работа осуществлялась в рамках операций по сельскохозяйственному развитию: активисты и сотрудники таких операций становились добровольными преподавателями и учителями. На проведение операций нередко направлялась иностранная помощь, особенно со стороны международных организаций.

В 80-е годы наблюдалась тенденция сокращения числа

учащихся в средних общеобразовательных школах и колледжах (лицеях): если в 1982 г. в них обучалось около 13,5 тыс. человек, то в 1984 г. — немногим более 9 тыс. Если в 1982 г. лицеи закончили 2277 человек, то в 1984 г. — 1524. Одной из причин сокращения был низкий уровень обучения в начальной школе. Другой причиной была общенациональная кампания по привлечению учеников, закончивших общеобразовательные школы, к обучению в средних специальных и в профессионально-технических учебных заведениях. И уже в 1986 г. в таких заведениях (их было 2014) обучалось около 20 тыс. человек. В них молодые люди получали специальности квалифицированных рабочих и служащих. Так власти Мали пытались уменьшить безработицу и сократить дефицит в кадрах [104, с. 171].

Несмотря на предпринимавшиеся меры, в конце 80-х годов, по данным ООН, неграмотными в Мали было 77% мужчин и 89% женщин, начальные школы посещало 27% мальчиков и 16% девочек, средние — соответственно 9 и 5%, а вузы заканчивало немногим более 1000 человек ежегодно [57, с. 19].

В семи высших учебных заведениях Мали в середине 80-х годов обучалось более 7 тыс. студентов. Они также испытывали трудности: не были полностью укомплектованы квалифицированными преподавателями, не хватало учебников и учебных пособий, не расширялись учебные площади, несмотря на рост числа студентов. Все это негативно сказывалось как на качестве обучения, так и особенно на качестве практических и лабораторных работ.

В конце 80-х годов высшее образование столкнулось с такой проблемой: поскольку государство не контролировало выбор профессий (его осуществляли сами студенты), произошло перепроизводство специалистов непроизводящих, зато престижных специальностей. Подавляющее большинство выпускников стремились стать чиновниками и без того чрезмерно раздутого бюрократического аппарата. Властям пришлось принимать меры, чтобы исправить положение. Они решили расширить подготовку специалистов, необходимых для экономических отраслей и социальных учреждений, переориентировать высшее образование с гуманитарных дисциплин на преимущественно политехнические и сельскохозяйственные. Они основали Высший институт сельскохозяйственных наук и прикладных исследований. В рамках переориентации проводились работы по улучшению учебных программ, преследуя цель повышения практических знаний, получаемых в стенах вузов [104, с. 172]. Предпринимаются также меры, направленные на улучшение подготовки педагогических кадров, повышение материального обеспечения

всей системы образования. К концу 80-х годов в Мали выросло число исламских колледжей и других религиозных учебных заведений [57, с. 5].

В 80-е годы предпринимались шаги по децентрализации высшей школы. Власти пытались сократить размеры миграции молодежи в Бамако и одновременно повысить уровень образования на периферии. И достичь этого намеревались путем регионализации среднего образования и перевода в провинцию части высших учебных заведений из столицы. При создании Малийского национального университета планировалось разместить часть его институтов и факультетов как в столице, так и в областных центрах. Однако осуществление всех этих проектов наталкивалось на значительные финансовые трудности. Нередко задерживалась выдача заработной платы преподавателям и стипендий студентам.

Интересными были эксперименты, проводимые на селе в рамках программы развития так называемой функциональной грамотности (в связи с созданием деревенских ассоциаций). Предполагалось давать крестьянину на его родном языке элементы общего начального образования, а также профессиональную подготовку, отвечающую его среде обитания. Считалось, что все это поможет жителям деревни в решении их повседневных проблем, таких, как проблемы питания, сохранения здоровья, сбыта производимых ими продуктов, управления общиной и деревенской собственностью и т. п. Эту программу начали осуществлять еще в 1976 г. при содействии ЮНЕСКО и международных неправительственных организаций, представленных в Мали. Ею охвачены практически все деревенские семьи, и в первую очередь молодые люди в возрасте от 15 до 35 лет. Обучение проводилось под контролем деревенского «комитета по грамотности» и разбито на несколько циклов. Каждый цикл длился 15—20 недель (по три-четыре занятия в неделю). Три-четыре года спустя в деревнях появились группы грамотных людей, которые, в свою очередь, могли помочь в обучении других, включая женщин и детей. Но в целом общий уровень грамотности деревенского населения и в 80-е годы оставался низким (около 10%), среди взрослого населения — 9% [57, с. 6].

Значительное число малийцев получало образование за рубежом. Учеба за границей, естественно, имела свои недостатки: прежде всего отсутствовала координация между программами подготовки специалистов и программами социально-экономического развития страны. Существовала угроза «утечки мозгов», порождаемая сложностями по трудоустройству на родине после окончания учебы за рубежом. Тем не менее альтернативы обучению малийских кадров за грани-

цей не было. В середине 80-х годов там обучалось более полутора тысяч малийцев. В СССР в эти годы образование получили свыше 800 граждан Мали [104, с. 173].

Несмотря на успехи в развитии образования, стране не хватало высококвалифицированных специалистов, особенно в области точных наук. В высших средних учебных заведениях трудилось большое число иностранных преподавателей, в том числе советских. Министр национального образования генерал Секу Ли в 1990 г. признавал, что в последнее десятилетие XX в. Мали и другие страны Сахеля по-прежнему стоят перед «жгучей проблемой развития своих систем образования» [288, 16.01.1990].

4. Социальная структура

Крестьянство по-прежнему оставалось самой крупной группой населения, хотя его удельный вес в общей массе населения сократился с 93% в 1965 г. до 73% в 1981 г. [173, с. 33].

Доля рабочего класса начиная с 60-х годов значительно увеличилась. В 80-е годы большинство трудилось на мелком производстве. В 1986 г. Мали имела 160 промышленных предприятий. Это были в основном небольшие фабрики и заводы с числом занятых менее 50 человек [104, с. 133]. В армии наемного труда были представлены либо пролетарии или полупролетарии в первом поколении, либо мигранты (из наиболее отсталых и бедных районов). Одни мигранты стремились завести свое небольшое дело, другие пытались совмещать сезонный наемный труд в городе с сезонной работой в сельском хозяйстве.

Несбалансированный характер развития экономики, общая ее отсталость определяли очаговый характер формирования пролетариата. Наемные рабочие были выходцами из различных социально-экономических укладов и являлись носителями различных групповых мировоззрений. Воздействие на сознание рабочих в условиях модернизации промышленного производства, некоторое повышение уровня жизни и улучшение условий труда тех или иных отрядов наемных рабочих, распространение современного образования в значительной степени нейтрализовалось влиянием общинных институтов, традиционной идеологией. А потому элементы современных идеологий проникали в их сознание медленно и неравномерно, что особенно сильно ощущалось за пределами предприятий, вне сферы чисто профессиональных интересов, в частности в политической жизни. Все еще сильное влияние традиционализма на социальную психологию соеди-

нялось с проникающими в рабочую среду мелкобуржуазными стереотипами и идеями. Естественно, что под натиском частнособственнической идеологии, при постоянном пополнении рядов рабочих вчерашними мелкими собственниками города и деревни, в условиях экономической нестабильности и усложнения социальных проблем усиливались тенденции к «депролетаризации» отдельных групп рабочих. Стремление к созданию собственного хозяйства, к мелкому предпринимательству наблюдалось прежде всего среди хорошо оплачиваемых квалифицированных и обученных рабочих. В широком распространении мелкобуржуазного сознания в рабочей среде играли традиционно высокая престижность статуса самостоятельного хозяина, особенно торговца [129, с. 210—211].

В 70—80-е годы продолжались процессы расслоения крестьянства. Процессы эти проходили медленно — сказывалось устойчивое преобладание общинной собственности на землю. Вместе с тем множились случаи сдачи земли в аренду и даже ее продажи. Исследования специалистов показали, что в малийской деревне уже существовали различия между группами крестьян; не только по размерам земельных участков, но и по объему производимой продукции, по производительности труда. Зажиточная прослойка крестьянства, применявшая современную агротехнику, все активнее входившая в рынок, постепенно выделялась из общей массы мелких потребительских хозяйств.

Немаловажную роль в экономической общественно-политической жизни Мали играли традиционные торговцы-мусульмане. В годы огосударствления торговли число этих торговцев сократилось. Однако их влияние не только не уменьшалось, но с конца 70-х годов даже увеличилось. Являясь традиционной основой мусульманского общества, материально поддерживая религиозные объединения (ордены или братства) и священнослужителей, они продолжали играть роль третейских судей и посредников, особенно при возникновении политических и социальных конфликтов. К их голосу нередко прислушивалась молодежь [109, с. 178].

К 80-м годам значительно увеличился удельный вес частного сектора. Соответственно возросла и роль молодой национальной буржуазии, особенно чиновничье-бюрократических слоев, тесно связанных с ней и иностранным капиталом [173, с. 33].

Малийское руководство признавало наличие в стране социальных контрастов. Существование небольшой богатой прослойки, состоявшей из высших государственных чиновников и крупных коммерсантов и ведущей роскошный образ жизни, вызывало справедливое недовольство. В обществе ут-

верждалось, что «меры по экономии» имеют «одностороннее движение» [199, с. 237].

В марте 1986 г. решением Национального совета ДСМН была создана комиссия по контролю за выполнением закона 1981 г. о «незаконном обогащении». По этому же поводу неоднократно выступал М. Траоре.

Меры по либерализации экономики еще больше обострили проблему хронической безработицы. По официальным данным, опубликованным в марте 1987 г., из 7,6 млн. жителей не были заняты 2,8 млн. Среди занятых 80% имели работу лишь в течение 160 дней в году. Ежегодно на рынок труда приходило до 5 тыс. молодых людей, имевших те или иные дипломы об образовании. В 1985 г. среди искавших работу 80% составляли лица в возрасте от 20 до 40 лет [199, с. 216]. Создание новых рабочих мест постоянно отставало от увеличения численности трудоспособного населения. В результате на рынке труда ежегодно появлялось до 90 тыс. новых, в основном молодых безработных. В 1988 г. число безработных дипломированных специалистов достигло 10 тыс., это число ежегодно увеличивалось на 2,5 тыс. [288, 20.02.1990].

На обострение проблемы безработицы влияли как демографические, так и социально-экономические факторы. После катастрофической засухи 1985 г. миграция в города возросла с 5 до 7% в год. Бамако, Сегу, Куликоро, Мопти были перенаселены. Кроме того, в 80-е годы практически во всех отраслях экономики (кроме строительства) в связи с закрытием государственных предприятий число рабочих мест сокращалось: за период с 1979 по 1989 г. работу потеряли 5800 человек [288, 20.02.1990]. Ухудшение экономической ситуации в Европе и в соседних странах свело практически на нет эмиграцию малийской рабочей силы, а в конце 80-х годов началась ее репатриация из Франции.

Столь же острыми были и этнические проблемы. Раньше они имели этнорелигиозный базис, основывались на традиционном соперничестве этнических групп и религиозных обществ. Теперь к старым добавились новые причины: разница в уровнях развития, прежде всего социально-экономического, близость к власти, претензии к властям по поводу несправедливого отношения к нуждам и интересам той или иной этнической группы населения.

Проблема участия кочевого населения в социально-экономической жизни страны крайне обострилась в связи с засухой 1985 г. Кочевые племена, составляя лишь 7% всего населения Мали, занимают $\frac{2}{3}$ ее территории. Засуха, приведшая к гибели скота, лишила кочевников их традиционно места в экономической и социальной системе общества.

Спасаясь от засухи, кочевники заселяли созданные для беженцев лагеря близ городов (таких лагерей было около 300) и деревень, которые сами страдали от избытка нуждавшегося населения [173, с. 28]. Экономические трудности усиливали этнические трения. Гордые традиционные вожди кочевых племен не желали подчиняться местной, тем более этнически чужой, администрации. Попытки перевести кочевников на оседлый образ жизни, наделяя их землей, были в основном безрезультатными. У кочевников отсутствовали навыки и психология земледельцев. К тому же им выделяли худшие — даже по меркам Сахеля — земли. По мнению министра окружающей среды и сельского хозяйства Салмана Сиссе, лишь немногие кочевники смогли приспособиться к оседлой жизни. Большинство же, приобретя несколько голов скота и воспользовавшись улучшением погодных условий, уходило в саванну и полупустыню. К этому их подталкивало и враждебное отношение оседлого населения, которое считало земли, выделяемые кочевникам, традиционно своими. Враждебность в отношениях кочевников и оседлого населения нередко приводила к столкновениям и человеческим жертвам [299, 1989, № 4, с. 303, 285].

Несмотря на развитие процессов классообразования и социального расслоения, в обществе Мали сохранялись и играли большую роль традиционные структуры. Например, по-прежнему прочной была полупатриархальная и полупфеодальная структура у туарегов. Но у этих племен уже наблюдалось размывание граней между господствующими группами (воинами, марабутами) и зависимыми (ремесленниками, слугами и др.) [199, с. 166].

По-прежнему важную роль в социальной жизни играл религиозный фактор. Население страны исповедовало различные религии: традиционные, христианство, ислам. Последний преобладает: в 70—80-е годы мусульман в Мали было почти 70%*. В 1987 г. в Бамако насчитывалось более 200 мечетей [104, с. 46]. В этом же году там открылся и финансируемый Ливией и Кувейтом исламский культурный центр [199, с. 166].

Ислам не был объявлен государственной религией, но его роль оставалась значительной, хотя и не столь заметной, как в соседних арабских странах. Синтез традиционного мировоззрения и исламских догм является источником мировоззрения и уклада жизни простых мусульман. А поскольку в стране одновременно развивались демократические тенденции разложения традиционного общества и тенденция «исламского взрыва», то неизбежно возрастало значение му-

* По другим данным, в начале 90-х годов мусульман было 54%, христиан — 40%.

сульманских клерикальных кругов. В массах распространялась идея о том, что только Коран и другие исламские священные книги могут дать ответ на многие вопросы современности. Укреплению позиций ислама способствовали ухудшение материального положения масс, расширение пропасти между богатством и бедностью. Кроме того, современные идеологические течения коснулись небольшой, европеизированной части местного населения. Что касается ислама, то он все чаще выступал как национальное и прогрессивное движение [109, с. 245].

Ислам и его институты в Мали не были неподвижными и монолитными. В стране, где ислам сосуществовал с традиционными религиозными культурами, было неизбежным появление новых орденов (тарикатов) и групп и их ответвлений. В самих тарикатах, объединяющих различные этносоциальные группы, возникали группы реформаторов фундаменталистского либо модернистского толка, которые зачастую были нетерпимы не только к инакомыслящим, но и к традиционно богатым или властью имущим. Картина осложнялась возраставшим влиянием сил, действовавших из-за рубежа, конкретно исламской пропагандой, которая исходила со стороны мусульманских государств. Многие арабские страны, особенно богатые государства Персидского залива, делали большие капиталовложения в развитие малийской экономики. Они же осуществляли культурные проекты, нередко включавшие в себя строительство мечетей и центров исламского образования. В таких условиях влияние ислама на общественно-политическую жизнь в стране усиливалось. Религиозные деятели выразили свое недовольство жестоким подавлением студенческих волнений в 1979 и 1980 гг. В декабре 1980 г. два марабута были обвинены в попытке убить президента М. Траоре. В том же году был учрежден Специальный суд безопасности для рассмотрения дел о заговорах и государственной измене [109, с. 49, 50, 180—181].

С восстановлением гражданского правления влияние исламских клерикалов на административно-политические органы возросло. Вот что писал журнал «Африк-Ази»: «Они (т. е. мусульманские богословы) так могущественны в партийном аппарате, что многие малийцы считают их тайными советниками властей» [109, с. 18]. В 1983 г. правительство впервые по требованию клерикалов закрыло в месяц рамадан все бары, рестораны, клубы и другие увеселительные учреждения. «Немыслимо,— писала правительственная газета „Эссор“,— чтобы во время, когда мечети и улицы наших городов трепещут при именах Аллаха, Моисея, Авраама, Иисуса и Мухаммеда, немыслимо, говорим мы, чтобы шампанское и виски лились рекой, чтобы места веселья и разврата

множились и процветали» [288, 24.06.1983]. Тогда же, в 1983 г., была создана Малийская ассоциация за прогресс и единство ислама, которая должна была объединить (официально) всех мусульман страны.

В 80-е годы укрепились позиции исламских кругов в области образования. «Религия и религиозное воспитание являются защитой нашей молодежи от деградации»,— писала газета «Эссор». Частные школы, которые принадлежали мусульманам, усиливали пропаганду исламских идей среди молодежи. В том же направлении действовали мусульманские учебные заведения, находившиеся под контролем правительства. Всего на рубеже 70—80-х годов в стране функционировали 1653 коранические школы, в которых обучалось 12,5% всех детей, охваченных школьным образованием. Наиболее популярными были медресе аль-Фалах в г. Сегу, Школа африканского полумесяца, Школа исламской культуры, Франко-арабский колледж [109, с. 247]. В 1984 г. вопрос об обучении в коранических школах и медресе обсуждался на заседании Высшего совета по образованию и культуре. Совет разработал меры по трудоустройству учащихся, заканчивавших исламские учебные заведения.

С начала 80-х годов руководство Мали стало применять некоторые нормы шариата, в частности для усиления борьбы против алкоголизма и преступности. В городах Каес и Мопти с помощью Саудовской Аравии были созданы исламские трибуналы. С 1983 г. малийские юристы начали участвовать в работе Исламской академии права при Организации исламской конференции.

Политику исламизации образования, проводимую в Мали, поддержали многие арабские страны, прежде всего нефтедобывающие в районе Персидского залива. Они предоставляли малийцам стипендии для изучения теологических дисциплин в своих университетах, строили (или финансировали строительство) в Мали исламские учебные заведения и мечети [109, с. 182].

Руководство Мали признавало возрастающую роль ислама в общественной жизни республики. Президент М. Траоре на III встрече в верхах руководителей мусульманских государств в г. Таифе (Саудовская Аравия) заявил: «Республика Мали, имея большое историческое наследие, с момента завоевания независимости проводит политику национального строительства, составными элементами которой являются: возрождение арабо-исламской культуры, поиск и утверждение своего культурного своеобразия, находящегося в тесной связи с мусульманской культурой, развитие внешней политики, направленной на постоянное сближение с арабским миром, неустанное продолжение арабо-африканского диалога

и сотрудничества и, наконец, нерушимая верность принципам исламской солидарности» [288, 07.02.1990].

Таким образом, в 80-е годы социально-экономическая и политическая ситуация в Мали была тяжелой. Снижалось производство ВВП, из-за роста цен и замораживания заработной платы падала покупательная способность населения, увеличивалась явная и скрытая безработица. Мали по-прежнему входила в число беднейших стран мира [173, с. 31]. Все это, а также антидемократические методы правления президента Муссы Траоре привели к социальному и политическому кризису конца 1990 — начала 1991 г.

В январе 1991 г. в Бамако начались антиправительственные выступления молодежи, протестовавшей против ареста лидера студенческой ассоциации Умаро Мариико и требовавшей введения в стране многопартийной системы. Манифестации прошли также в г. Сегу. В обоих городах произошли столкновения манифестантов с полицией, сопровождавшиеся человеческими жертвами [276, 24.01.1991]. К третьей декаде марта положение резко обострилось. Оппозиционные группировки еще более решительно выступали за развитие демократических процессов, введение многопартийности. Они требовали отставки «диктатора» Муссы Траоре, виновного в «геноциде против собственного народа». В Бамако не прекращались демонстрации. Против демонстрантов была применена сила. Солдаты, например, согнали десятки людей в городской торговый центр и подожгли его. Тела погибших в стычках с силами порядка на улицах города (в их числе были дети) полицейские и солдаты обрасывали в р. Нигер. Они же устроили кровавое побоище на городском кладбище во время похорон жертв [308, 14.02.1991].

М. Траоре, уверенный в поддержке армии, заявил, что не уйдет в отставку. Одновременно президент обещал провести досрочные выборы в парламент и сказал, что «он не против многопартийности» [298, 27.03.1991]. Заявления и обещания М. Траоре, однако, не удовлетворили противников режима.

По призыву оппозиции и НСТМ в стране началась бессрочная всеобщая забастовка с требованием отставки президента и правительства, роспуска парламента. Забаррикадовавшись в своем дворце, президент упорно отказывался уйти в отставку. Лидеры оппозиции призывали к созданию комитета общественного спасения, который должен управлять страной до проведения демократических выборов. Тогда на сцену вышли военные. Они заявили, что стремятся «предотвратить дальнейшее ухудшение обстановки и избежать кровавой вакханалии». Вечером 25 марта в аэропорту Бамако был арестован Мусса Траоре в тот момент, когда он собрался покинуть страну. Военные создали Национальный совет

примирения (НСП), в который вошли 17 представителей армии и полиции. НСП возглавил подполковник Амаду Тумани Туре, бывший командующий десантными войсками. Новый орган власти приостановил действие конституции, распустил правительство и партию ДСМН. В столице вводился комендантский час, закрылись границы и аэропорты, прервалась телефонная и телеграфная связь с внешним миром.

В своих первых коммюнике НСП утверждал, что взять власть его вынудило «упрямство режима Муссы Траоре», что он «решил навсегда покончить с коррупцией, спекуляцией и nepотизмом». Комитет обещал создать условия для введения многопартийности, а также провести свободные выборы (от местных до президентских) в 1991 г. До выборов страной должно было править назначенное НСП Временное правительство, так называемый «переходный комитет спасения народа» в составе 25 членов. 15 мест предоставлялись таким демократическим движениям, как Союз за демократию в Мали, Малийская ассоциация прав человека и Союз студентов и школьников Мали. 10 мест в комитете должны были занимать военные. НСП обещал также передать власть гражданским лицам не позднее 20 января 1992 г., подтвердив свою решимость построить в Мали правовое государство [298, 27.03.1991]. Главой временного правительства был назначен Сумани Сако, популярный государственный деятель, экономист, бывший министр финансов и торговли.

НСП взял на себя обязательство соблюдать все подписанные Мали соглашения, региональные и международные, а также договор между центральным малийским правительством и туарегами, заключенный в январе 1991 г. в Таманрасете. В течение многих лет конфликт между оседлым и кочевым населением Мали является главной этнополитической проблемой, кровоточащей раной страны. В частности, проблема «Севера» приобрела особую остроту в 1992 г., когда часть туарегов (а их на территории Мали около 300 тыс. человек [290, 1991, № 2061, с. 42]) сочла договоренности о предоставлении территории Азавака * автономии недостаточными. Стали звучать требования о «полной независимости», кровь начала проливаться не только в пустыне, но и вблизи берегов Нигера (в районах Менаки, Ансонго и Гао [288, 14.11.1991]). Вооруженные современным автоматическим оружием и гранатометами, гаубицами и противотанковыми ракетными установками [290, 1991, № 2061, с. 42], туареги, имеющие вездеходы, нападали не только на армейские и административные посты, но даже на сотрудников неправительственных организаций, осуществлявших оказание междуна-

---

* Исконно туарегские земли в Мали и Нигере.

родной гуманитарной помощи беднейшим слоям малийцев, в том числе и самим туарегам.

Брошенная против «синих призраков пустыни», как называют иногда туарегов, армия мало чего добилась [276, 14.01.1992], и правительство Бамако поспешило достигнуть договоренности с «братьями-туарегами». Очередное соглашение о прекращении враждебных действий и начале работ по осуществлению программ развития туарегских районов было подписано с Фронтом освобождения Азавака в 1992 г.

Новое правительство строго придерживалось курса на демократизацию. Уже 6 апреля деятельность политических партий была разрешена, и в стране возникло много политических партий, возобновил свою деятельность и запрещенный ранее Суданский Союз. В июле 1991 г. состоялся его первый с 1962 г. съезд. Наибольшую популярность, однако, приобрела новая партия — АДЕМА (Альянс за демократию в Мали), назвавшая в своей программе главными задачами в социально-экономической области увеличение числа рабочих мест путем всемерного поощрения частного сектора и создания везде, где это возможно, малых и средних предприятий, решение продовольственной и энергетической проблем, а также строительство дешевого жилья.

12 января 1992 г. референдумом была одобрена конституция III Республики, официально вводившая в стране многопартийность и президентскую форму правления.

В феврале состоялись выборы в Национальное собрание, в результате которых АДЕМА получила 74 места в парламенте (из 116), партия Национальный конгресс демократической инициативы — девять, Суданский союз — восемь. Остальные 25 мест поделили еще восемь партий.

В апреле состоялись первые демократические выборы президента страны. Президентом стал Альфа Умар Конаре, 46-летний археолог, историк, журналист и политический деятель. А. У. Конаре известен своими трудами в Мали и за ее пределами. В 1979 г. он стал министром по делам молодежи и спорта в правительстве Муссы Траоре, но уже в 1980 г. вышел из правительства. Принимал участие в деятельности созданного в 1986 г. Национального демократического народного фронта, объединившего подпольные оппозиционные организации. С марта 1989 г. он стал выпускать газету «Эко» — первую в стране газету, оппозиционную режиму Траоре. С октября 1990 г. возглавляет созданную им партию АДЕМА. 26 апреля 1992 г. за А. У. Конаре проголосовало около 70% избирателей. Деятели НСП свои кандидатуры на пост президента не выставляли.

Новое правительство энергично приступило к решению стоящих перед страной задач.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ МАЛИ

Малийская внешняя политика отличалась последовательностью и стабильностью. Она была продолжением того внутривластного курса, который проводился в 1960—1968 гг. Ее основные принципы оставались неизменными и при военном режиме, и при конституционном правлении. Эти принципы определялись такими факторами, как историческое наследие и традиции борьбы за независимость, особенности малийского национализма, географическое положение страны, не имеющей выхода к морю, десятилетия складывавшихся связей с бывшей метрополией, этническое, конфессиональное и языковое многообразие в обществе, идеология правящих партий и режимов, изменения в экономике страны и регионе. Внешняя политика Бамако выполняла задачи защиты и укрепления суверенитета и независимости страны, создания благоприятных условий для выполнения планов внутреннего строительства, усиления позиций республики на Африканском континенте, в Движении неприсоединения [137, с. 12].

Особое внимание уделялось укреплению африканского единства. Во внешней политике страны выступала против «балканизации» Африки. По мнению М. Кейты, африканские страны «не смогут никогда стать по-настоящему независимыми, если останутся небольшими, противостоящими друг другу государствами, не желающими учитывать интересы соседей» [233, с. 37]. Конституции страны (1960 и 1974 гг.) предусматривали подчинение внешней политики Мали делу укрепления африканского единства [270, с. 33], полный или частичный отказ от суверенитета ради этой цели [233, с. 1]. Прообразом единой Африки стал Союз африканских государств. Этот союз в какой-то мере был реализацией проекта Федерации Западной Африки, выдвинутого еще в 1945 г. на 5-м Панафриканском конгрессе. Союз (как и его преемница ОАЕ) был размытой политической ассоциацией. Разногласия внутри его проявились уже в «конголезском вопросе» — К. Нкрума отказал в военной поддержке режиму А. Гизенпи в Стенливиле и сохранил ганский контингент в

составе войск ООН, в то время как Мали и Гвинея вывели свои части из этих войск. Тем не менее содружество трех стран сыграло большую роль в становлении ОАЕ [233, с. 31; 186, с. 34].

В период 1960—1991 гг. все правительства Мали во внешней политике руководствовались принципами мирного сосуществования и добрососедства, позитивного нейтралитета*, взаимовыгодного сотрудничества со всеми без исключения странами, независимо от идеологии правящих в них политических режимов, активного антиколониализма, борьбы за единство африканских народов, уважения их независимости и национального суверенитета, участия в Движении неприсоединения [57, с. 14]. Последовательное соблюдение этих принципов завоевало внешнеполитическому курсу Бамако уважение и авторитет как на континенте, так и за его пределами. Это не значит, что Мали не испытывала трудностей на международной арене в отношениях с африканскими государствами. Так, разрыв в 1960 г. (распад Федерации Мали) с Сенегалом привел к приостановке (до 1963 г.) железнодорожной связи Мали с портами Атлантического океана. До 1963 г. существовали пограничные споры между Бамако и Нуакшотом, урегулированные соглашением о передаче Мали нескольких селений, в которых проживают сонинке и бамбара.

Сам М. Кейта пользовался авторитетом на международной арене, и его слово имело большой вес не только на Африканском континенте. Президент де Голль говорил, что Кейта — «единственный в мире глава государства, с которым де Голлю не приходится наклонять голову при переговорах» [262, с. 99].

События ноября 1968 г. сказались скорее на внутренней политике, чем на внешнеполитическом курсе. Как ВКНО, так и правительство М. Траоре продолжали поддерживать дружественные отношения с Советским Союзом и странами Восточной Европы. Республика, как и прежде, проводила политику активного антиколониализма, особенно в рамках Организации африканского единства (ОАЕ), выступала против режима апартеида на Юге Африки, в поддержку Анголы и Мозамбика, борющихся за независимость.

В конце 70-х годов правящая партия ДСМН в своих программных документах неоднократно заявляла о решимости бороться за мир, проводить политику взаимовыгодного сотрудничества, основанную на принципах мирного сосуществования государств с различными социальными системами,

---

* «Африканскими» задачами политики позитивного нейтралитета считались полное освобождение континента, утверждение африканской самобытности и достижение африканского единства [233, с. 4].

признавать международные и двусторонние обязательства, активно действовать в рамках неприсоединения, вносить реальный вклад в укрепление африканского единства. Внешнеполитическая деятельность республики претерпевала изменения по мере изменения условий как внутри страны, так и вне ее. В 70—80-е годы одним из ее главных, определяющих направлений стали отношения с ведущими капиталистическими странами, которые рассматривались руководством страны как основные источники получения помощи — от чрезвычайной продовольственной до долгосрочной финансово-экономической. Расширение связей с западными странами не означало свертывания отношений с СССР и другими социалистическими странами. Напротив, сначала военное, а затем и конституционное руководство во главе с М. Траоре стремилось сохранить и развить тот положительный опыт сотрудничества с названными странами, и прежде всего с Советским Союзом, который был накоплен в 60-е годы. В 70-е и 80-е годы такое сотрудничество развивалось по восходящей линии. Сотрудничество с этой группой стран основывалось на близости, а часто и совпадении позиций по самым важным международным проблемам, таким, как проблемы войны и мира, борьбы за всеобщее разоружение, ликвидацию очагов напряженности на Африканском континенте, поиски мирных путей решения конфликтов. Мнения сторон совпадали и по многим вопросам глобального экономического характера: они выступали за установление нового мирового экономического порядка, за уважение права народов развивающихся стран на эквивалентный торгово-экономический обмен с промышленно развитыми странами.

Анализ тенденций внешнеполитической деятельности Мали позволяет согласиться с выводами, которые делает малийский исследователь Усман Траоре в диссертации «Внешняя политика Республики Мали в 1960—1980-е годы». Автор утверждает, что «внешняя политика Республики Мали в течение последних двух десятилетий постепенно приобретала черты прагматической направленности», что «фактически сформировалась концепция развития международных политических и экономических связей» по всем направлениям и в то же время без каких-либо идеологических привязок. Чтобы в какой-то степени «нейтрализовать угрозу экономического и политического подчинения западному блоку, сохранить определенные пределы отступления перед ним, периодически снижать уровень внутренней напряженности, малийское руководство в 80-е годы настойчиво стремится расширять участие Мали в межафриканском и афро-арабском сотрудничестве, поддерживать на высоком уровне многоплановые дружественные связи с Советским Союзом, а также за-

ручиться возрастающей помощью и поддержкой со стороны Китая и Корейской Народно-Демократической Республики» [137, с. 17—18].

Миролюбивая внешняя политика Мали в 80-е годы способствовала дальнейшему упрочению международного авторитета Мали. В мае 1988 г. президент М. Траоре был избран на пост председателя ОАЕ. Это позволило еще больше активизировать политику республики как в региональном, африканском масштабе, так и на мировой арене. Выступая в качестве председателя ОАЕ на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в феврале 1989 г., М. Траоре выдвинул ряд важных инициатив. В частности, он предложил проект резолюции о полном запрещении захоронений на Африканском континенте токсичных промышленных отходов и транзитных перевозок таких отходов через территории африканских государств. Этот проект, подготовленный ОАЕ, был принят большинством членов ООН. М. Траоре предложил также резолюцию о самоопределении Западной Сахары. Его заявление о возможных переговорах с лидером ЮАР П. Ботой вызвало отрицательную реакцию у большинства африканских лидеров, в первую очередь у лидеров прифронтовых государств, и даже у тех, кто уже практиковал встречи и переговоры с руководителями или политическими деятелями ЮАР. Разъясняя свою позицию по данному вопросу, М. Траоре сказал, что, пока сохраняется система апартеида, отношение ОАЕ к ЮАР не изменится и, естественно, не может быть и речи о приеме представителя ЮАР в ОАЕ. Однако он, как председатель этой организации, не осуждает глав тех африканских государств, которые посчитали необходимым встретиться с П. Ботой. Такие встречи, утверждал он, могут помочь делу, за которое борются африканские страны. Дальнейшее развитие событий на Юге Африки, и в частности шаги президента ЮАР де Клерка в 1990—1991 гг., направленные на достижение компромисса, показали правомерность позиции М. Траоре на 43-й сессии ГА ООН.

Заметную роль Мали играла в разрешении конфликтных ситуаций в Африке. Еще М. Кейта заявил, что «Республика Мали нейтральна в международном плане, но она отнюдь не нейтральна в африканском плане» [102, с. 50]. Являясь одной из стран — учредителей ОАЕ в 1963 г. и активным членом этой организации, Мали неоднократно предпринимала шаги, направленные на мирное урегулирование этнических или территориальных разногласий, приведших к возникновению вооруженных конфликтов между теми или иными африканскими государствами. Как председатель ОАЕ и лидер Мали, М. Траоре способствовал урегулированию многолет-

него конфликта между Чадом и Ливией. Его посредническая миссия сыграла роль в смягчении сенегало-мавританского конфликта, оказала влияние на ход переговоров противоборствующих сторон во время гражданской войны в Либерии. Положительный вклад в развитие проблем Анголы и Замбии внесли визиты в эти страны М. Траоре.

Однако в середине 80-х годов впервые за период независимости республика стала участницей вооруженного конфликта. В конце 1985 г. вспыхнула так называемая война бедняков, в которой Мали столкнулась с Буркина-Фасо из-за спорной территории Агашер. На этой бедной и малонаселенной территории, которую делит граница, проведенная еще в колониальное время, живут племена, принадлежащие к этнической группе сенуфо. Существуют прогнозы, что территория Агашер богата крупными месторождениями марганца, титана, природного газа. Но особую ценность представляют воды р. Бели (по-туарегски Агашер), которые буквально спасают многочисленные стада, страдающие от частых засух.

По мнению некоторых исследователей (например, Шарля Аргрова [293, 1989, № 1469, с. 32]), территориальный конфликт (он возник еще в 1974 г.) позволял руководству обеих стран разжигать дух национализма и тем самым отвлекать внимание масс и общественности от острых экономических проблем.

Вопрос об Агашере имел и другую сторону. Руководители Верхней Вольты (Буркина-Фасо) противились вступлению Мали в Валютный союз Западной Африки и зону африканского франка, добиваясь благоприятного для них урегулирования территориального спора. Лишь в 1983 г. Уагадугу отказался от этого условия. Но отказ не предотвратил вооруженного столкновения в конце 1985 г.

30 декабря 1985 г. в рамках Соглашения о ненападении и взаимопомощи в вопросах обороны (АНАД) удалось добиться прекращения огня. Однако переговоры между делегациями Мали и Буркина-Фасо, проходившие в Алжире, оказались бесплодными. Бамако и Уагадугу обратились в Международный суд в Гааге, который помог урегулировать конфликт. Вскоре была произведена демаркация границы на участке 275 км (из 1300).

В 80-е годы руководство Мали усилило внимание к региональному сотрудничеству. В конце 1981 г. Бамако присоединился к Соглашению о ненападении и взаимопомощи в вопросах обороны (АНАД), западноафриканскому военному союзу, в который также входят Сенегал, Мавритания, Кот-д'Ивуар, Нигер, Буркина-Фасо, Того. В соответствии с договором Мали должна была провести унификацию воору-

женных сил, участвовать в координации действий в случае стихийных бедствий, в борьбе с контрабандой, в охране природных ресурсов. Особенно важным для страны, не имеющей выхода к морю, было получить право на использование портов Сенегала, Кот-д'Ивуара, Того для транзита малийских грузов. Мали является членом Постоянного межгосударственного комитета по борьбе с засухой в Сахеле, Западноафриканского экономического сообщества (СЕАО), Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС), Центрального банка западноафриканских государств, Западноафриканского банка развития и др. [57, с. 15].

Укрепление позиций ислама в Мали и в Африке подталкивало малийских руководителей к расширению связей с мусульманскими и арабскими странами. Полученные благодаря этим связям нефтедоллары помогли Мали компенсировать в 80-е годы расходы на импорт подорожавшей нефти [109, с. 11].

Главным партнером Мали во внешнеполитических и внешнеэкономических связях традиционно оставалась Франция. В 80-е годы расширилось малийско-французское сотрудничество и в военной области. Из Франции в Мали стали поступать партии военного снаряжения.

Весьма важной (в том числе и в международном плане) оставалась проблема эмиграции. По мнению малийских исследователей-социологов, наибольшую часть эмигрантов составляют лица наиболее активного трудового возраста (от 20 до 44 лет) — 71%. За рубежом — как в Африке, так и в Европе — работают тысячи малийцев. Они приносят доходы своей родине и стране, принявшей их. В 60-е годы в Париже проживало 35 тыс. малийцев, примерно столько же, сколько их жило в то время в Бамако. Малийцы шутили, называя Париж вторым после Бамако городом Мали [152, с. 20]. Эмигранты часто страдали при возникновении политических или дипломатических конфликтов: в 1985 г. из Нигерии было выслано 8,5 тыс. малийцев, из Ливии — свыше 3 тыс. [152, с. 13].

Малийско-советское сотрудничество

С 1960 г. между Мали и Советским Союзом установилось взаимопонимание по основным мировым проблемам. После переворота 1968 г. отношения между двумя странами на какое-то время как бы застыли. Они активизировались, когда в 1971 г. Москва оказала Бамако значительную помощь.

В 1978 г. между двумя странами было подписано торговое соглашение, в соответствии с которым форма взаимных

финансовых расчетов была изменена — от расчетов по клирингу стороны перешли к расчетам в свободно конвертируемой валюте. Советские организации участвовали в строительстве золотодобывающих предприятий в Калане, в геологической разведке на золото. В 1984 г., когда золотодобывающее предприятие вступило в строй, республика начала экспортировать золото. В 1987 г. в рамках финансового и технического сотрудничества было завершено строительство аэродрома в Гао, внесшего вклад в развитие транспортной сети в труднодоступных районах Сахеля и Сахары. Как и в 60—70-е годы, в стране работали советские врачи, учителя, мастера производственного обучения. СССР продолжал готовить у себя и в Мали (учебный центр) национальные кадры. Мали получала из СССР медицинское оборудование и медикаменты.

В 70—80-е годы установлено и развивалось сотрудничество между ДСМН и КПСС.

Уже на Учредительном съезде ДСМН в марте 1979 г. присутствовала делегация КПСС. В декабре того же года СССР посетила малийская партийная делегация. В феврале — марте 1981 г. делегация ДСМН приняла участие в работе XXVI съезда КПСС. Ее руководитель, политический секретарь ДСМН С. Кулибали в своем выступлении на съезде сказал, что обе страны связаны долговременными и последовательными связями [279, 13.03.1991].

Мали и СССР активно сотрудничали в области культуры. В Бамако работали советский культурный центр, магазин советской книги. В стране проводились конкурсы на лучшее знание СССР, недели советского кино, гастроли советских артистов. В СССР гастролеровали артисты из Мали, проводились малийские выставки, регулярно отмечались знаменательные даты республики. В советских художественных училищах и вузах учились студенты, стажировались представители малийской творческой интеллигенции.

Судьба малийцев — выпускников советских вузов складывалась по-разному. Наряду с преуспевающими врачами и преподавателями встречалось немало малийцев, работавших не по специальности или не имевших работы (преподаватели русского языка, металлурги и нефтяники, экономисты по специальности «социалистическая экономика»).

В 1986 г. президент Мали М. Траоре совершил официальный визит в СССР. Во время его пребывания в Москве были подписаны совместная Декларация о дальнейшем развитии отношений дружбы и сотрудничества между СССР и Республикой Мали, соглашение о сотрудничестве между КПСС и ДСМН, в соответствии с которым КПСС взяла на себя обязательство оказывать помощь ДСМН в подготовке

партийных кадров. Малийское руководство с интересом восприняло идеи перестройки и обновления КПСС и советского общества. Малийские политические и общественные деятели в своих выступлениях неоднократно подчеркивали, что опыт перестройки в СССР важен и для Мали, где также решили отказаться от догматических представлений и взглядов на такие кардинальные проблемы, как роль государства в экономике, вопросы собственности и т. п.

Конец 80-х годов был отмечен активным обменом делегациями. В марте 1988 г. на III съезде ДСМН присутствовала делегация КПСС. В августе 1988 г. СССР с целью ознакомления с ходом перестройки посетила группа депутатов Национального собрания Мали. В декабре 1989 г. в Бамако находилась делегация КПСС, которая подписала план межпартийного сотрудничества на 1990—1991 гг.

В 1991 г. обе партии прекратили свою деятельность. В 1992 г., в связи с распадом СССР и образованием СНГ, МИД Мали заявил, что малийское правительство, верное принципам свободного выбора народов, приняло решение признать Российскую Федерацию, Украину, Беларусь, Молдову, Армению, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан. Посол Мали в Москве, аккредитованный в СССР, стал послом Мали в Российской Федерации.

Обе стороны продолжают выполнять взаимные обязательства. Намечались и новые формы сотрудничества — трехсторонние, как, например, малийско-российско-французское партнерство в подготовке медицинского персонала. Новые власти Мали заявили о своей заинтересованности в развитии отношений со всеми государствами бывшего СССР.

КУЛЬТУРНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Африканскую культуру еще предстоит открыть — так считает известный малийский писатель и кинорежиссер Сулейман Сиссе [307, 1991, № 29, с. 9]. Для этого надо восстановить и познать богатейшую традиционную культуру, отражающую «душу» малийского народа, и развивать культуру современную, основывающуюся как на традиционных, так и на общечеловеческих ценностях [282, 1988, № 5—6, с. 37]. В условиях фактического неравенства различных народностей Мали (в силу их различного уровня развития и исторических особенностей) культурное строительство должно опираться на диалектическую взаимосвязь между центро-стремительными национальными процессами, с одной стороны, и внутренним этнокультурным развитием народностей — с другой. Осторожное, бережливое отношение к традициям и культурам различных этнических групп в сочетании с тенденцией к объединению, синтезу их культур в рамках единой национальной культуры являются, по-видимому, единственным путем формирования как единой нации, так и нового человека в условиях этой единой нации, а значит, и гражданина в условиях новой единой страны. Задачей культурного строительства и является формирование такого нового человека, гражданина своей родины, способного правильно сориентироваться в борьбе нового со старым, истинно прогрессивного с безнадежно отсталым — в реалиях традиционного общества, способного, преодолевая трибалистскую идеологию и племенной сепаратизм, не отказаться от истинных культурных, духовных и моральных ценностей, имеющих непреходящее или долговременное значение [115, с. 103].

Еще в колониальный период в Мали (Французском Судане) начала складываться африканская образованная прослойка, которая сознательно встала на защиту традиционных культурных ценностей народов страны. Ее представители стремились также направить становление современной малийской культуры в русло общенационального социально-политического развития. При этом защиту культуры наро-

дов страны они использовали как одну из форм борьбы против колониальных порядков.

Однако в условиях колониального режима пути развития национальной культуры были весьма сложными, как бы лежащими между двумя крайностями. С одной стороны, часть населения, особенно та, которая получила образование и воспитание в миссионерских школах, слепо преклонялась перед образом жизни европейцев, перед европейской культурой, фактически отрицала ценности африканского образа жизни и традиционных культур. Но с другой — немалое число африканцев идеализировало свое прошлое, отвергало европейскую культуру, а иногда и европейскую цивилизацию в целом, хотя и не могло не пользоваться ее достижениями.

Колониальное общество наложило своей отпечаток на культурную жизнь страны. Политика властей в области культуры была направлена на сохранение и укрепление господства колонизаторов, на сдерживание и ослабление освободительного движения африканцев. Эта политика проводилась в рамках официальной доктрины Франции, провозглашавшей, что повышение образовательного уровня и соответствующее воспитание африканского населения помогут приобщить его к прогрессу и «благам цивилизованного общества». Доктрина утверждала, что такое приобщение будет возможным лишь для тех, кто воспримет французскую культуру с ее языком, поведением, образом мышления [115, с. 178].

Следовательно, доктрина колонизаторов не имела запретительного характера. Она допускала, хотя и не поощряла, сохранение и развитие традиционных культур. К тому же потребности колониальной администрации в расширении своей социальной базы в местном обществе объективно способствовали формированию группы не только настроенных прозападно, но и входивших в антиколониальную оппозицию.

Французский язык власти вводили как обязательное средство школьного обучения. Они утверждали, что этот язык поможет наладить общение в стране, где различные народности не понимали друг друга и поэтому не могли общаться. С 1937 г. преподавание на местных языках в школах было запрещено. Расчеты колонизаторов на то, что они «смогут «оторвать учащихся от местной среды», «европеизировать» их не оправдались. Однако им удалось надолго задержать создание национальной письменности. Создание ее практически началось лишь после завоевания независимости.

По мнению африканских деятелей культуры, даже владение европейским языком в совершенстве не делает его родным. А. Диоп, бывший генеральный секретарь Африканского общества культуры, говорил: «Традиции и каноны европей-

ских языков не всегда правильно доносят до читателя ритм, эмоциональный комплекс, ход мысли и мирозерцание африканского народа» [140, с. 189]. Действительно, африканские реалии полноценно раскрываются лишь при использовании африканских языков, тем более что практически все литературное наследие, восходящее к XIII—XIV вв., передавалось от поколения к поколению в форме устного фольклора.

Вскоре после провозглашения независимости Мали руководство страны приступило к разработке программы развития образования, отвечавшего потребностям и условиям малийского общества. Ставилось целью создание системы, при которой образование должно стать массовым и высококачественным, способным при минимальных затратах времени и средств подготовить специалистов, необходимых для выполнения планов национального развития Мали, способным обеспечить культурный уровень, позволяющий стране войти в число развитых государств,— образование, которое позволит освоить не только африканские или малийские ценности, но и ценности мировые, и, наконец, образование, способное привести к деколонизации духа [186, с. 69].

В программе, принятой в 1962 г., предусматривались введение всеобщего обязательного и бесплатного начального образования, улучшение качества обучения в школах и вузах, подготовка квалифицированных учителей, разработка новых программ и учебников. В ней особо подчеркивалось, что программы обучения должны отвечать задачам экономического и социального развития страны. Поэтому предусматривались создание политехнического направления средней школы с целью подготовки квалифицированных технических специалистов, а также перестройка сельских школ с учетом нужд и интересов сельского хозяйства. Намечались меры, обеспечивающие молодым малийцам продолжение образования в высших учебных заведениях.

Особое внимание правительство уделяло вопросам подготовки специалистов с высшим образованием. Однако в 60-е годы более половины малийцев, изучавших технические и естественные науки, все еще обучались за рубежом [122, с. 248]. Становление и развитие наук гуманитарного профиля в самой республике, прежде всего истории, этнографии и археологии, зависели от формирования историко-культурного наследия [280, 1990, № 3, с. 136]. В свою очередь, создание квалифицированных национальных кадров обуславливало этот процесс. Исторические и социологические исследования с 1962 г. велись в Институте гуманитарных исследований при Высшем научном совете министерства национального просвещения. В структуру института были включены нацио-

нальный музей, национальный архив, национальная библиотека и созданы сектора лингвистики, социологии и этнологии, истории, археологии и исследования устной традиции [280, 1990, № 3, с. 137]. Позднее в институте были созданы отделы исторического наследия и этнографии. С начала 70-х годов в вузах СССР стали готовиться малийские кадры археологов и этнографов.

Народные формы исполнительского искусства оставались важной частью традиционной системы коммуникаций, что, естественно, повышало их роль. На празднествах и фестивалях, включавших традиционные ритуалы, религиозные церемонии и другие мероприятия духовно-социальной жизни, были широко представлены танцы, песни, театры кукол и теней и др. Последние содержали элементы не только развлечения, но и информации и воспитания. Исторически народные формы исполнительского искусства сохраняли традиции, служили инструментом пропаганды культурных, религиозных, политических ценностей и идей. В них использовались монологи, сопровождаемые музыкой, танцами, звукоподражаниями. В сельских районах, оторванных от современных средств информации, традиционная система коммуникации все еще действовала как замкнутая, самостоятельная система, служившая удовлетворению нужд сельского населения, которое почти полностью полагалось на традиционные источники информации [115, с. 141].

В малийском обществе, особенно в сельских районах, «устное народное творчество — это все еще поиск самого себя, а не только изучение истории. Это в то же время и мифология, и искусство, и наука, и мистика. Это — самосознание человека» [119, с. 113]. Оно представляло собой подлинный курс обучения, переходивший от поколения к поколению, причем не столько в семье или деревне, сколько в рамках всего или даже нескольких этносов. Глубоко укоренившаяся в обществе традиция устного народного творчества объясняла мир, историю, окружающую действительность, отношения между людьми. Хранителями культурного наследия были профессиональные певцы-гриоты.

Устное народное творчество — традиции фольклора различных народностей Мали — оказалось более стойким, чем арабоязычная литература средневековья, развивавшаяся в основном в исламских религиозных центрах (например, в Томбукту). Развитие культуры религиозных хроник, дидактических песен, а также продолжение письменной литературы фульбе, мандинго и хауса, созданной на основе арабского алфавита и достигшей расцвета к XVIII в., были приостановлены европейской колонизацией. Устная же проза и поэзия, театрализованные исторические хроники, эпос о великих

африканских героях Сундиате и Чаке непрерывно развивались и обогащались гриотами.

Часто музыка использовалась в представлениях на религиозную тематику в рамках как традиционных религий, так и ислама. Например, мабе, профессиональные музыканты у кочевников-туарегов, под музыку рассказывали о биографии пророка Мухаммеда, читали отрывки из его учения. Каждый этнос имел своих, известных всем малийцам исполнителей. С другой стороны, в представлениях обычно участвовали и музыканты-любители из числа земледельцев, пастухов и др. На музыкальных инструментах играли мужчины. Правда, у туарегов женщины могли играть на скрипке, называемой «имзад», а также на тамбуре и калембасе. Поскольку знатым мужчинам у туарегов запрещалось прикасаться к музыкальным инструментам, то их женам дозволялось услаждать их слух игрой на этих инструментах, скрытых где-то в углах помещений.

В малийском обществе огромное значение имело непосредственное общение людей. Такое общение, например, на рыночных площадях в селениях между представителями различных народностей играло важную роль в традиционной системе коммуникации. Использование традиционных средств коммуникации требовало меньших финансовых затрат, чем современные технически оснащенные средства массовой информации. К тому же значительная гибкость многих традиционных форм позволяла им легко приспособляться к новым условиям [115, с. 142].

Значение и преимущества многих приемов традиционных средств коммуникации столь велики, что сотрудники современных средств массовой информации республики стараются использовать их в своей деятельности. Так, радиопрограммы, особенно для сельских слушателей, широко используют трансляцию традиционной музыки, песен и т. д., причем эти программы пользуются большой популярностью не только у сельских, но и у городских жителей.

Мали — страна, где различные этносы обладают богатейшей традиционной культурой, содержание которой проявляется во многих формах — от ремесленного изобразительного искусства до театральных представлений. Всемирной известностью пользуются культура и искусство догонов — одной из древнейших народностей Мали (их численность — 250 тыс. человек, или 4% страны) [104, с. 26].

Язык догонов подразделяется на 15 наречий. Он никогда не имел своей письменности. Культура догонов включает традиции устного творчества, многие тысячи наскальных рисунков, религиозные скульптуры сложной символики, маски и т. п.

Культура догонов, по-видимому, одна из наиболее ярких и самобытных среди культур народов Мали. Наибольшую известность она приобрела своими церемониями масок — ритуалом, игравшим (и играющим до сих пор) значительную роль в духовной жизни догонов. Сами маски являются произведениями высокого искусства. Маски изображают те или иные образы из догонской мифологии, а также женщин, богов, животных и даже многоэтажные дома, достигающие несколько метров в высоту [234, с. 156]. Один из самых известных образов — образ птицы Балако: танцор в маске Канага изображает движение птицы с распростертыми крыльями. По мнению Б. И. Шаревской, танец маски Канага, по-видимому, «эпизод из космогонического мифа, в котором на спустившийся с неба ковчег с прапредками напало гигантское мифологическое насекомое и стало прогрызать его дно» [140, с. 202].

Мифы догонов, занимая значительное место в духовной культуре, продолжают играть свою роль и в быту народа, в его традициях. Конечно, ритуалы и обряды с масками стали терять свое сакральное содержание, превращаясь в праздничные шествия с танцевальными и игровыми элементами*, причем теперь эти элементы включают не только мифы, но и современные образы и сюжеты. Таким образом, в театрализованных ритуалах догонов воплощаются как исторические традиции, так и современное развитие культуры народа, что вызывает особый интерес к ним. «Мифы догонов, — писала Б. И. Шаревская, — это некая сакральная, мистическая реальность, каким бы фантастическим ни было их содержание. Для догонов миф — не вымысел, не символика, а мистическая правда, сохраняющая до сих пор силу откровения... мифы догонов — еще живые мифы, т. е. в большинстве своем не потерявшие своего сакрального характера» [104, с. 204].

Очень важное место в общественной жизни догонов занимает культ Лэбэ — культ земли, ее плодоносящей силы, олицетворенной в образе умирающей осени и воскресающей весной растительности. Культ Лэбэ — это также культ животворящего солнца и огня. По мнению французского этнографа М. Гриоля, культы догонов раскрывают философское мировоззрение африканцев. «Здесь миф у африканцев — это экзотерическое, предназначенное для всех, т. е. непосвященных, повествование, под которым скрывается эзотерическое,

---

* Любопытно, что маски как «объекты смерти» могут надевать только мужчины. Женщинам, смысл существования которых, согласно философии догонов, — давать жизнь, категорически запрещается не только дотрагиваться до масок, но и просто приближаться к танцующим в масках или к месту изготовления и хранения масок.

т. е. доступное пониманию только посвященных, приведенное в систему философское и метафизическое учение» [140, с. 209].

По религиозным мифам догонов, бог Амма начал создавать мир в соответствии со своими замыслами, заложив свое семя в землю* Однако одно из существ, родившееся из этого семени до положенного срока и, следовательно, оставшееся без своей пары (по замыслу Аммы, должны были рождаться двуполые близнецы), начало создавать в мире беспорядок и впустило в него смерть**. Порядок постепенно восстанавливался, но изгнать смерть из мира уже невозможно, и борьба злого и доброго начал («детей» Аммы) составляет теперь суть жизни на земле. Поэтому целью религиозных ритуалов догонов является общение со всемогущим богом и его помощниками — посредниками между богом и людьми, обращение к богу и духам с просьбой повести человека по правильному пути в условиях вездесущей борьбы добра и зла. Ритуалы эти являются неотъемлемой и постоянно развивающейся живой культурной традицией устного народного творчества.

Несколько слов следует сказать об архитектуре догонских деревень. Из-за острейшего недостатка обрабатываемой земли все дома догонов располагаются на скалистых и каменных участках. В расщелинах скал (иногда на высоте нескольких десятков метров) размещаются догонские кладбища. Сюда с помощью веревок доставляются тела умерших и их личные вещи, а также различные ритуальные предметы. Солнце и птицы служат могильщиками. На одном из таких «вертикальных» кладбищ, недалеко от плотины Гона, в могиле-расщелине «покоится» манекен известного французского этнографа Марселя Гриоля, посвятившего большую часть своих исследований догонам, их культуре, истории, жизни. «Похороны» манекена сопровождалась необходимыми ритуалами в честь уважаемого догонами покойного.

Традиционное устное народное творчество оказывало

---

* Амаду Ампате Ба описывает происхождение человека и вселенной. По верованиям манде, высшее существо Маа Ндала, творец, создал себе собеседника — человека как синтез всего сущего, обладающего творческой энергией и разумом, и посвятил человека в тайны бытия (цит. по [121, с. 60]).

** Бог Амма создал звезды, разбрасывая кусочки земли по космосу; из красной меди он сделал солнце, из белой — луну... Из глины он создал землю в форме женщины, лежащей по направлению с севера на юг. Лоном женщины стал муравейник, клитором — термитник. Амма соединился с этой женщиной (землей), и у них родились два существа: красноглазый Номмо (дух воды) и шакал Йуругу. Номмо, увидев мать обнаженной, подарил ей одежду из водяных струй, но его брат-шакал все же „проник в муравейник“, и земля стала нечистой от первородного греха. После этого Амма сотворил из глины людей; те, которых он лепил при свете солнца, стали черными, а слепленные при свете луны — белыми» [242, с. 12].

большое влияние на современную художественную литературу страны. В экономическом плане Мали — бедная страна, в литературном — богатая. Еще в XVI в. Лев Африканский писал о Томбукту: «В этом городе самой прибыльной является торговля книгами» [71, с. 157]. Народы Мали хорошо сохранили свои традиции.

Книги современных авторов Амаду Ампате Ба, патриарха малийской литературы и философии, Сейду Бадиана, Фили Дабо Сиссоко, Паскаля Кулибали, Массы Макана Диабате Гауссу Диавара, Мамаду Голого, Сидики Дембеле, многих других обогатили не только малийскую, но и африканскую литературу.

Амаду Ампате Ба сыграл важную роль и в становлении малийского образования. Так, в 1966 г. именно он предложил два варианта алфавита (латинского и арабского), которые соответствовали тем или иным основным местным языкам. Избран был латинский алфавит. Однако и арабский алфавит остается распространенным; например, многие предствители народности фульбе могут читать Коран по-арабски.

Немаловажную «просветительскую» роль сыграл и бывший учитель, писатель Исса Баба Траорэ, известный своими книгами «Куми Диоссэ», «Тень прошлого», «Направление на счастье».

Большинству малийских писателей приходилось выполнять очень сложную задачу: живя в среде того или иного народа, думая и творя, например, на языках бамбара, малинке, фульфульде, догон или др., они писали на французском языке, т. е. на языке, на котором не всегда возможно выразить африканские реалии или традиционную психологию. Но в целом малийской литературе удается отражать сложившийся в стране комплекс культур — современной традиционной, исламской [282, 1988, № 5—6, с. 37].

Исследованиями устной традиции и народного творчества в 60—80-е годы занимались Амаду Ампате Ба, М. М. Диабате, И. Д. Траоре, Мамби Сидибэ.

Изучение устного творчества представляет трудности, так как традиции, нередко сохраняя сакральный характер, становятся почти недоступными лицу, не принадлежащему к определенному роду, клану или племени [194, с. 342]. Но такое изучение может принести неоценимые результаты, которые иногда служат единственным источником по истории этноса или района.

Как отмечалось, современная малийская литература выросла на богатой почве традиций устного народного творчества. В своих произведениях малийские литераторы в основном пишут о жизни народа, общества, ставят вопросы

и отвечают на них по волнующим морально-нравственным, бытовым проблемам, анализируют современный образ жизни и традиционное африканское мышление. Много внимания уделяется и историческим, историко-культурным сюжетам. В стране был основан Союз писателей, а с 1986 г. стал выходить литературно-художественный журнал.

Как отметил российский ученый В. Л. Коптелов, именно распространение культуры является фактором, определяющим темпы развития литературного процесса в Мали. Во-первых, расширяется читательская аудитория, во-вторых, растет число людей, потенциально способных заниматься литературным творчеством, и, в-третьих, происходит более активный культурный обмен внутри национальной общности, формирующий как читателя, так и писателя [141, с. 45].

Развитие малийской литературы происходило в трудных условиях. В первые годы независимости книги малийских авторов издавались главным образом во Франции. Государственные издательства «Либрери популер» и «Эдиссон популер дю Мали» выпускали лишь малотиражную и дешевую продукцию. Постепенно национальное издательство окрепло, но не настолько, чтобы успешно конкурировать с зарубежными издательствами, которые заполняют своей продукцией полки национальных прилавков и библиотек страны.

Малийские писатели наиболее известны среди литераторов Западной Африки. В повести С. Дембеле «Бесполезные», в 1958 г. получившей еще в рукописи литературную премию Кот-д'Ивуара, уделяется особое внимание проблемам современной африканской общины. В начале 60-х годов в литературе преобладали антиколониальные тенденции. В 1962 г. была опубликована повесть Ф. Д. Сиссоко «Красная саванна», а в 1963 г. — роман Мамаду Голого «Спасшийся от алкоголя» (Париж, 1963 г.). В романе описывается жизнь малийца, увлекшегося «пороком колониализма» — пьянством и избавившегося от него с помощью африканской традиционной медицины и магии. К концу 60-х годов в литературе наметилась другая направленность. Наиболее известный роман этого времени, «Долг насилия» Ямбо Уологема (Париж, 1968), отражает неприятие автором преклонения перед африканским традиционным обществом, противопоставление его ценностей мировой (т. е. европейской) цивилизации. Весьма популярными были сатирические произведения Я. Уологема. Тогда же, в конце 60-х годов, малийские авторы создали произведения, затрагивающие такие важные проблемы, как взаимоотношения людей, коллизии социальной жизни, духовные и этические ценности.

В 60-е годы зародилась и детская литература. В 1967 г. М. М. Диабате издал книгу «Когда угасал огонь», представ-

лявшую собой сборник сказок, преданий и легенд, обработанный специально для детей. А в 70-е годы малийская литература поднимается на качественно новую ступень развития, расширяется ее жанровый и тематический диапазон. В эти годы происходит формирование самых различных направлений художественного творчества [141, с. 45]. Появляется немало интересных, зрелых работ. Таковы книги «Дружеская рука» Йоро Диаките (1969 г.), «Тень прошлого» И. Б. Траоре (1972 г.), «В преисподней» Сайду Бокума (1974 г.), «Золотой нож» Сейду Диарра (1976 г.), «Кровоточащие маски» и «Священная свадьба» С. Бадиана (1976 и 1977 гг.). В этих произведениях дается анализ отношений между городом и деревней, между африканской и западной цивилизациями, многих других социальных проблем. О тех же проблемах говорится в таких произведениях, как «Тревоги старого мира» П. Б. Кулубали (1980 г.), трилогия М. М. Диабате «Лейтенант из Кубы» (1979 г.), «Парикмахер из Кубы» (1980 г.) и «Мясник из Кубы», объединенная общим местом действия, его же книга «Как укус осы» (1980 г.), «Чагуа, рожденный от усопшего» и «Кровосмешение и отцеубийство» Н. У Дембеле (1978, 1982 гг.), «Странная судьба Вангрена» Амаду Ампате Ба, «Цена души» М. Конате (1981 г.), «Сахель! Кровавая засуха» М. А. Диарра (1981 г.). С этим романом связан приход в малийскую литературу нового поколения авторов, в числе которых получили известность Ибраима Ли (роман «Паутина», 1982 г.), И. С. Траоре («Улы столицы», 1982 г.), впоследствии (в 1985 г.) ставший генеральным секретарем Союза малийских писателей, М. С. Кейта («Лучник Басари», 1984 г.). Последний роман получил «Гран-при» писателей Черной Африки и литературную премию Союза французских журналистов и писателей. Большой популярностью пользовалась книга М. М. Диабате «Ассамблея джиннов» (1985 г.) — роман о гриотах, Ахмаду Курума (по происхождению малинке), получивший известность своей книгой «Солнце независимости» (1970 г.), в 1990 г. опубликовал роман «Моннэ, удар и поражение», посвященный истории страны в XIX в. [288, 23.02.90; 104, с. 184—193].

Время зарождения современной малийской поэзии относится к концу 50-х — началу 60-х годов. Уже в первых своих произведениях авторы в стихах на французском языке стремились (и часто небезуспешно) отразить реалии и ценности африканского общества.

Малийская поэзия 60-х годов была представлена главным образом Мамаду Голого, Гауссу Диаварра и Сириманом Сиссоко, издававшимися в основном за рубежом (в том числе в СССР). В 70-е годы к ним присоединились Абдулай Ас-

жюфар, Алкали Каба, Амадун Иссебере, Албака Кунта, а в 80-е годы — Шиака Диарасуби, М'Балисса Суитур, Буа Сиссэ.

С конца 70-х годов книги малийских авторов начали издаваться не только на французском, но и на языках народностей Мали — на бамбара и сонинке.

Драматургия и современный национальный театр, родившиеся в независимой Мали, также широко использовали традиции народных театрализованно-церемониальных представлений.

Драматическая традиция уходит своими корнями в доисламский период истории Мали. Следует напомнить о театрализованных представлениях при дворе суданских правителей, об искусстве гриотов, культовых церемониях бамбара [104, с. 199].

В колониальный период в ряде учебных заведений (например, в школе им. Вильяма Понти) студенты ставили спектакли как французских авторов, так и свои собственные. В последних пьесах утверждалась личность африканцев. Среди них можно назвать «Сундиату», «Женитьбу сика», «Хитрость Джиуэ» и т. д. В 1959 г. был основан малийский национальный театр.

В 1964 г. открылся Национальный институт искусств, где готовились драматические артисты, музыканты, художники.

Любительские театры 60-х годов и национальная труппа балета под руководством получившего известность еще в 30—50-е годы Мамаду Бадиан Куйате (основатель национального театра) представляли театральное искусство страны за рубежом. В 1969 г. был создан национальный театр, который включал драматическую труппу, инструментально-вокальный ансамбль, национальную группу балета, труппу традиционного кукольного театра.

Драматическому искусству периода независимости положила начало пьеса С. Баунаса «Смерть Чаки» (1961 г.). За ней последовали произведения Сидики Дембеле «Песнь Мадди» (1965 г.), «Одна женщина, одна любовь» (1969 г.), историческая драма М. М. Диабале «Такой прекрасный урок терпения» (1970 г.), пьесы «Люди бакшиша» Алкали и Диамы Каба (1971 г.), А. Каба «А что вы сделали, негры» (1971 г.), «Великая судьбы Сундьяты» Сора Конаке (1972 г.), «Умереть, чтобы жить» А. Каба (1976 г.). В 80-е годы широкую известность получили пьесы Г. Диавара «Мориба Ясса, или Данное слово» и «Час выбора» (1982 и 1983 гг.), М. Конате «Золото дьявола» и «Судьба женщины» (1985 г.).

Продолжает развивать свои традиции так называемый театр «До» или «театр священного», содержание спектаклей которого выполняет роль молитв, обращенных к духам, уп-

равляющим, согласно верованиям бамбара, жизнью людей; в спектаклях «До» могут принимать участие и зрители. В 70-е годы возрождается традиционный театр «Котеба» с его веселыми сатирическими сценками.

С 1985 г. в Мали стали ставиться спектакли зарубежных авторов, часто оригинально срежиссированные для лучшего понимания их африканцами.

Еще в 1969 г. на panaфриканском фестивале в Алжире труппа малийского балета получила высшую награду — золотую медаль. А в 1989 г. в Марокко на фестивале культуры франкоязычных стран балет национального театра завоевал серебряную медаль [288, 28.02.1990].

По-прежнему важное место в народном творчестве занимала музыка. Передававшиеся из поколения в поколение музыкальные традиции существуют и развиваются поныне. Связанная тесным образом с социальной и бытовой стороной жизни, народная музыка часто используется во время церемоний. В 1966 г. Национальный инструментальный ансамбль Мали получил высокую оценку на первом Всемирном фестивале. Его отметили также золотой медалью Panaфриканского фестиваля искусств. Международной известности добиваются и исполнители поп-музыки (ее синтезируют с традиционной). В 70—80-е годы Салиа Кейта был самым знаменитым певцом в стране. Наиболее популярными певцами в начале 90-х годов наряду с С. Кейта были Жана Диабате, Маман Сиссоко, Ами Коута, Тата Бамбо, Фанта Демба и Сали Сидибе.

В 1987 г. в Сегу состоялся первый музыкальный фестиваль, в котором приняли участие малийские певцы и музыканты, а также музыкальные коллективы из Буркина-Фасо [104, с. 213]. В 1987 г. в Бамако был проведен Международный фестиваль устного народного творчества ряда франкоязычных стран.

Национальная служба кинематографии была основана в 1961 г. В 60-е годы создавались лишь информационные киноленты. С середины 70-х годов в Мали стали сниматься полнометражные художественные фильмы. За пределами страны известны кинорежиссеры Сулейман Сиссэ (учился в СССР), И. Ф. Траоре, Дьянбере Кулибали, Джибриил Куяте (их фильмы «Работа», «Ветер», «Судьба», «Дуэль в скалах», «Фамато»). Призом зрителей Panaфриканского кинофестиваля в Уагадугу в 1987 г. был награжден фильм Шейка Хиара Сиссоко «Урок уборки мусора». Ранее на фестивалях в Каннах (1982 г.), Карфагене (1982 г.), Panaфриканском кинофестивале в 1983 г. в Уагадугу отмечалась призами лента «Ветер» Сулеймана Сиссэ. В 1987 г. на Каннском фестивале жюри отметило новый фильм Сиссэ — «Свет». Это

был первый фильм из Черной Африки, представленный на столь престижном форуме. Фильм, показывающий африканские духовные ценности, был снят на языке бамбара.

Наиболее известным художником-постановщиком в кино Мали считается догон Ламин Доло.

Мали участвует в совместном с зарубежными странами кинопроизводстве. К этому принуждает крайне тяжелое финансовое положение страны.

Кино в Мали относится к тем средствам массовой информации, роль которых в воспитании и просвещении народных масс трудно переоценить. Подобно радио и телевидению, оно играет все большую культурно-просветительскую роль.

Традиции декоративно-прикладного искусства, восходящие к доисламским временам, продолжали развиваться, особенно среди догонов, бамбара, сенуфо. Школа ремесел Судана, открытая в 1933 г. и преобразованная позже в «Дом ремесленников», сыграла положительную роль в подготовке художников и распространении декоративно-прикладного искусства. Еще большую роль играет Национальный институт искусств, созданный в 1964 г. Он готовит художников не только для коммерческих (как «Дом ремесленников») целей, но и для развития национальных художественных традиций. В стране и за ее пределами известна живопись Мамаду Соме Кулибали, Бубакара Кейты, Исмаила Диабагате и многих других художников. Восстанавливается и традиция народов манде — рисунок по ткани «боголан».

Важную роль в культурной жизни продолжают играть традиционные ремесла. В городах и крупных деревнях в базарные дни можно приобрести искусные произведения из дерева, металлов, тканей, керамики и других материалов. Славятся изделия догонских кузнецов, обладающих многими секретами изготовления ювелирных изделий.

В 1982 г. в Бамако был открыт новый Национальный музей. Он построен с помощью Франции на месте старого Музея Западного Судана (основан в 1953 г.).

По мнению известного малийского историка и археолога, директора Национального музея К. Саного, малийцам «для самоутверждения нужно самопознание». Познать самого себя для того, чтобы понять окружающий мир и овладеть им, чтобы расцвести, участвуя в процессе творения, — вот задачи, которые определяют культурную политику Мали. А знания о себе черпают из двух источников: из устного народного творчества и из археологических работ [253, с. 7].

Проводились многочисленные археологические экспедиции: лейтенанта Деляплага (1903 г.), Ф. Зелтнера (1906, 1911, 1924 гг.), П. Лафаржа (1923, 1925 гг.), Т. Моно (1931, 1935, 1955, 1958 гг.), Ж. Шумовского (1954—1957 гг.) [253,

с. 32, 250, 269]. С 1980 г. началась перепись археологических, в частности мегалитических, площадок в дельте Нигера от Мопти до Томбукту, сопровождаемая исследованиями по истории устной традиции [253, с. 181, 500].

Мали богата архитектурными традициями, уходящими корнями в глубокое прошлое. В 1325 г. император Канкан Мусса во время паломничества в Мекку познакомился с архитектором Эль-Сахели, испанцем, принявшим ислам, и пригласил его к себе. Ныне Эль-Сахели считается основоположником так называемого «стиля Томбукту» — архитектуры глинобитных домов, фасады которых украшены пилястрами, подобными пилястрам древнеегипетских храмов. В промежутках между пилястрами располагаются резные окна с деревянными перекладинами [234, с. 3].

Важнейшая черта малийской архитектуры — ее традиционализм. От средневековья до наших дней она остается почти неизменной как во внешнем облике построек, так и в строительных материалах. В малийской «глубинке» встречаются постройки, аналогичные тем, что видели Рене Кайе в 1828 г. и средневековые путешественники, побывавшие в Мали за 400—500 лет до него [234, с. 59]. Здесь достаточно упомянуть знаменитую мечеть в Дженне, постройка которой началась в XIII в., и земляную крепость в Сикассо, столице Кенедугу, построенную в 1885 г. Дома, построенные в начале XVI в. строителями-бара (полумистическая ассоциация каменщиков-кочевников), стоят в Дженне и по сей день [234, с. 60].

В стране немало зданий «колониального стиля». В 30—40-е годы XX в. возводились европейские постройки с традиционной «западносуданской» архитектурой (например, рынок в Бамако, президентский дворец, административное здание «Офис дю Нижер» в Сегу и т. д.). В годы независимости построен ряд административных сооружений, в архитектуре которых сочетаются современные и традиционные элементы. Таковы здания Национального музея в Бамако, гостиницы «Канага» в Мопти и «Азалай» в Томбукту.

Средства массовой информации контролирует в основном государство. Наиболее крупными и влиятельными в стране являются газета «Эссор», еженедельник «Эссор-Эбдомадэр» (выходит с 1959 г.), общественно-политический журнал «Сундиата» (с 1978 г.). Все эти издания издаются на французском языке. С 1972 г. на бамбара выходит ежемесячная газета «Кибару» («Новости»), а с 1983 г. на фула «Каабара». С 1985 г. выходил журнал «Ямана» («Родина»), посвященный культурным проблемам страны. Весьма популярен иллюстрированный еженедельник «Подюм» (основан в 1977 г.), выходящий на французском языке.

Радио Мали считается наиболее популярным и эффективным средством информации в условиях неграмотности населения [104, с. 183]. Вещание ведется на французском и восьми местных языках: бамбара, сонгаи, фула, томашек, бобо, сонинке, сенуфо, бозо на местном диалекте арабского языка. С 1983 г. работает телевидение. Некоторые его программы также ведутся на национальных языках.

По воскресеньям радио передает еженедельный обзор малийской прессы.

В феврале 1976 г. было создано Национальное управление искусства и культуры. Частью его структуры является Дирекция культурного наследия, в чьи задачи входят учет и охрана компонентов национальной культуры (памятников, различных видов народного искусства и устной традиции), сбор предметов и документов по истории, археологии и искусству, осуществление руководства этнографическими и археологическими исследованиями, в том числе комплексными экспедициями по изучению отдельных районов. В 1984 г. было принято постановление о Национальном музее. В 1985 г. был издан закон об охране и развитии национально-культурного достояния, по которому государство обязалось защищать это достояние. В стране проводились меры по учету памятников, созданию музеев, прежде всего этнографических: в Гао (этнография туарегов), Саиге (этнография догонов) и других местах.

В 1986 г. был принят закон о профессии торговца антиквариатом. Торговцы, вывозившие скрытно за границу уникальные предметы исторического прошлого и произведения искусства, привлекались к строгой ответственности.

В 1987 г. в Бамако была проведена конференция, посвященная охране памятников истории и культуры. Сурово осуждались такие факты, как разграбление и вывоз за границу предметов из имеющего неограниченное историко-культурное значение комплекса памятников Джене-Джено [280, 1990, № 3, с. 137]. Несмотря на принимавшиеся властями меры, положение с таким явлением, как вывоз антиквариата, предметов культуры и искусства, оставалось тревожным.

Власти Мали широко прибегали к международной помощи в культурном строительстве. В 70—80-е годы была осуществлена совместная франко-малийская операция «Публичное чтение». Небольшими библиотеками (до 1 тыс. томов) были обеспечены все административные центры Мали. Активную работу проводят библиотеки при французском, американском и российском культурных центрах. С 1982 г. на средства Программы развития ООН в стране осуществляется проект «Сельские аудиотеки», благодаря которому неграмотные люди смогут получать различные звукозаписи.

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской империи

1. Фонд 133 «Канцелярия», оп. 470, 1880, д. 124; 1881, д. 105, 106; 1884, д. 23, 24; 1890, д. 74; 1893, д. 69; 1894, д. 67; 1896, д. 139; 1897, д. 86; 1898, д. 79; 1899, д. 75; 1913, д. 122.
2. Фонд 187 «Посольство в Париже», оп. 524, д. 2069.

Государственный архив Российской Федерации

3. Фонд 9576 «Союз советских обществ дружбы с зарубежными странами», оп. 12, д. 36.

Российский центр хранения и изучения документов новой истории

4. Фонд 17 «Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б)», оп. 137, д. 166.
5. Фонд 534 «Профинтерн», оп. 3, д. 546, 669.

Центр хранения историко-документальных коллекций

6. Фонд 59 «Министр колоний Франции Э. Шотан», оп. 1, д. 53.

Российский государственный военно-исторический архив

7. Фонд 401 «Военно-ученый комитет», оп. 4, д. 11; оп. 5, д. 2, 118.
8. Фонд 440 «Франция», оп. 1, д. 209.
9. Фонд 452 «Государства Африки», оп. 1, д. 228, 293.

Archives Nationales du Mali

10. Operations militaires. № 1, dossier 5: Révolte des Habbés Correspondance et rapports. 1906—1913.

Archives Nationales (France). Depot d'outre-mer

11. Affaires Politiques (Aff. Polit.), carton 536, dossier 1: Rapport d'ensemble des services du Gouvernement Général de l'AOF, 1927.
12. Aff. Polit., carton 536, dossier 2: Rapport politique, 1926.
13. Aff. Polit., carton 536, dossier 3: Rapport d'ensemble, 1925.
14. Aff. Polit., carton 536, dossier 4: Rapport politique, 1924.
15. Aff. Polit., carton 536, dossier 5: Rapport politique, 1923.
16. Aff. Polit., carton 537, dossier 4: Rapport politique, 1929.

17. Aff. Polit., carton 537, dossier 5: Rapport politique, 1928.
18. Aff. Polit., carton 538, dossier 1: Rapport d'ensemble, 1931.
19. Aff. Polit., carton 538, dossier 2: Rapport politique, 1932.
20. Aff. Polit., carton 538, dossier 3: Rapport politique, 1928.
21. Aff. Polit., carton 538, dossier 7: Le Gouverneur Général à M. le Ministre des Colonies, 6.03.1921.
22. Aff. Polit., carton 539, dossier 1. Rapport de M. Giscard d'Estaing sur sa mission en AOF, décembre 1931 — mai 1932.
23. Aff. Polit., carton 539, dossier 2. Rapport politique d'ensemble, 1933.
24. Aff. Polit., carton 539, dossier 3. Rapport annuel. Police, sureté, 1934.
25. Aff. Polit., carton 539, dossier 5. Rapport politique, 1936.
26. Aff. Polit., carton 539, dossier 6. Rapport politique, 1937.
27. Aff. Polit., carton 543, dossier 6. Comité d'études historiques et scientifiques, 1915—1939.
28. Aff. Polit., carton 924, dossier 4. Presse et partis politiques. Communisme, 1941—1942.
29. Archives du Sénégal. Fonds AOF (moderne). 2 G, dossier 23—16: Rapport annuel d'ensemble. Soudan, 1923.
30. Archives du Sénégal. Fonds AOF (moderne). 2 G, dossier 23—21: Rapport annuel. Haute Volta, 1923.
31. Archives du Sénégal. Fonds AOF (moderne). 2 G, dossier 24—16: Rapport annuel. Soudan, 1924.
32. Archives du Sénégal. Fonds AOF (moderne). 2 G, dossier 39—70: Institut Français d'Afrique Noire. Rapport 1938/39.
33. Archives du Sénégal. Fonds AOF (moderne). J, dossier 56: Enseignement en AOF, 1907—1915.
34. Archives du Sénégal. Fonds AOF (moderne). J, dossier 103: Rapport sur la situation des Archives et bibliothèques en AOF, 1913.
35. Fonds Guernut, A-13. Voyage d'enquête en AOF (janvier—février 1937).
36. Fonds Guernut, B-24. Réponse du Soudan à l'enquête sur l'industrie.
37. Fonds Moutet, PA-28, dossier 1.A: Conférence des Gouverneurs généraux, novembre 1936.
38. Fonds Moutet, PA-28, dossier 1.B. Politique républicaine coloniale.
39. Fonds Moutet, PA-28, dossier 1.C. Note sur l'action menée au Ministère des colonies depuis le 4.06.1936. Les réalisations.
40. Fonds Moutet, PA-28, dossier 1.D. Bilan de l'action politique du Ministère de juin 1936 à octobre 1937.
41. SLOTFOM, III, carton 78. Divers rapports d'agents sur la situation politique, 1937.
42. SLOTFOM, XIII, carton 1. Note d'ensemble sur les différents organismes nègres.

Документы и материалы. Статистические и справочные издания

43. XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962.
44. XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1966.
45. Кейта Модибо. Речи и выступления. М., 1965.
46. Année coloniale 1947—1938. P., 1938.
47. Annuaire de la marine et des colonies 1880. P., 1880.
48. Annuaire du Sénégal et Dépendances 1889. Saint—Louis, 1889.
49. Annuaire du Gouvernement Général de l'Afrique Occidentale Française 1911. P., 1911.
50. Annuaire du Gouvernement Général de l'Afrique Occidentale Française 1913—1914. P., 1914.
51. Annuaire du Gouvernement Général de l'Afrique Occidentale Française 1922. P., 1922.

52. Annuaire économique coloniale 1930. Marseille, 1930.
53. Annuaire statistique de la France 1919—1920. P., 1921.
54. Annuaire statistique de l'Union Française 1939—1949. T. 1—2. P., 1951.
55. Banning E. Le partage politique de l'Afrique d'après les transactions internationales les plus récentes. Bruxelles, 1888.
56. Compte-rendu sommaire d'une mission d'Etude a l'office du Niger (Rép. du Mali) sur la mise en valeur de périmètres irrigués pour le développement des pays d'Afrique. P., 1961.
57. Country Presentation. Mali. N. Y., 1990.
58. Creation et Organisation des Milices populaires en République du Mali. Bamako, 1964.
59. Documentation Française. Notes et Etudes Documentaires. La République du Mali. P., 1961.
60. Documents diplomatiques. Affaires du Congo et de l'Afrique Occidentale. P., 1985.
61. Documents diplomatiques. Convention relative à la délimitation des possessions françaises du Dahomey et du Soudan et des possessions allemandes du Togo. P., 1897.
62. Documents diplomatiques. Correspondance concernant la déclaration additionnelle du 21 mars 1899 à la Convention franco-anglaise du 14 juin 1898. P., 1899.
63. Documents diplomatiques. Correspondance et documents relatifs à la Convention franco—anglaise du 14 juin 1898. P., 1899.
64. France and West Africa. An Anthology of Historical Documents. L., 1969.
65. *Imperato P. J., Imperato E.* Mali. A Handbook of Historical Statistics. Boston, 1982.
66. Industrial Statistics Yearbook 1986. N. Y., 1987.
67. Rassemblement Démocratique Africain dans la lutte anti-impérialiste. P., 1948.
68. Reporters de l'histoire. La France colonisatrice. P., 1983.
69. Rouard de Card E. Traités de protectorat conclus par la France en Afrique 1870—1895. P., 1897.

Свидетельства очевидцев и современников. Записи устной исторической традиции. Мемуары

70. История Африки в древних и средневековых источниках. М., 1990.
71. *Лев Африканский.* Африка — третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть. Л., 1983.
72. {*Маж*}. Западный Судан. Путешествие капитана Мажа. СПб., 1872.
73. Суданские хроники. М., 1984.
74. Сундиата. Мандингский эпос. М.—Л., 1963.
75. *Barth H.* Travels and Discoveries in North and Central Africa. Vol. 3. L., 1965.
76. *Binger L. G.* Du Niger au Golf de Guinée par le pays de Kong et le Mossi. Vol. 1—2. P., 1892.
77. *Binger L. G.* Une vie d'explorateur. Carnet de route. P., 1938.
78. *Cailié R.* Journal d'un voyage a Tomboctou et à Jenne dans l'Afrique Centrale. T. 1—3. P., 1830.
79. *Cissé Y. T., Kamissoko W.* La grande geste du Mali des origines à la fondation de l'Empire. P., 1988.
80. *Delafosse M.* Les frontières de la Cote d'Ivoire, de la Côte d'Or et du Soudan. P., 1908.
81. *Donnat G.* Afin que nul n'oublie. L'itinéraire d'un anti-colonialiste. P., 1986.

82. *Duval J.* Politique coloniale de la France.— Revue des Deux Mondes. P., 1858, t. 17.
83. *Gallieni J.* Deux campagnes au Soudan francais. P., 1891.
84. *Gouraud* (Général). Au Soudan. Souvenirs d'un Africain. P., 1939.
85. *Innes G. Sunjata.* Three Mandinka Versions. L., 1974.
86. *Mage E. A.* «Je vous écris de Segou». Lettres présentées par Y. Saint-Martin.— Revue française d'histoire d'outre-mer. P., 1882, № 1.
87. Mémoires de l'Afrique. Des origines à nos jours. P., 1972.
88. *Monteil P. L.* De Saint—Louis a Tripoli par le lac Tchad. P., 1895.
89. *Monteil P. L.* Vingt-sept mois à travers l'Afrique.— Revue politique et littéraire. P., 1893, t. 51.
90. *Ordinaire P.* Deux campagnes au Soudan.— Revue politique et littéraire. P., 1893, t. 52.
91. *Park M.* Voyages dans l'intérieur de l'Afrique. T. 1—2. P. [б. г.]
92. *Peroz E.* Au Soudan francais. Souvenirs de guerre et de mission. P., 1891.
93. *Raffenel A.* Voyage dans l'Afrique Occidentale. P., 1846.

ЛИТЕРАТУРА

94. Антиимпериалистическая революция в Африке. М., 1967.
95. *Арсеньев В. Р.* Звери—боги—люди. М., 1991.
96. Африка в 70—80-е годы. Становление национальной экономики и стратегия развития. М., 1986.
97. Африка. Культурное наследие и современность. М., 1985.
98. Африка. Проблемы истории. М., 1986.
99. Африка. Трудовые ресурсы. М., 1981.
100. *Берзина С. Я.* Предпосылки образования древней Ганы.— Народы Азии и Африки. М., 1970, № 1.
101. Борьба народов против колониализма. М., 1965.
102. *Васянин А.* Республика Мали. М., 1963.
103. *Витухина Г. О.* Мали. М., 1987.
104. *Витухина Г. О., Онучко В. Г.* Республика Мали. Справочник. М., 1989.
105. *Владимирова К. В., Жалнин В. В.* Республика Мали. Социально-экономические проблемы. М., 1970.
106. Внешняя политика стран Африки. М., 1981.
107. *Данилов Н., Светлов В.* Мали. М., 1970.
108. *Дементьев Ю. Н.* Республика Мали. М., 1962.
109. Ислам в Западной Африке. М., 1988.
110. Историческая наука в странах Африки. М., 1979.
111. История Тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.). М., 1984.
112. *Кондратьев Г. С.* Путь Мали к независимости. 1945—1960. М., 1968.
113. *Куббель Л. Е.* Сонгайская держава. Опыт исследования социально-политического строя. М., 1974.
114. *Куббель Л. Е.* «Страна золота» — века, культуры, государства. М., 1990.
115. Культура и политика в странах Азии и Африки. М., 1986.
116. *Летнев А. Б.* Деревня Западного Мали. Социально-экономический очерк. М., 1964.
117. *Летнев А. Б.* Общественная мысль в Западной Африке. 1918—1939. М., 1983.
118. *Летнев А. Б.* Французская Западная Африка в годы второй мировой войны.— Вопросы африканской истории. М., 1983.
119. *Марфуниев А. С.* История золота. М., 1987.
120. *Мерзляков Н. С.* Становление национальной государственности Республики Мали. М., 1966.
121. *Мосейко А. Н.* Идеология в странах Тропической Африки. М., 1985.

122. Независимые страны Африки. М., 1965.
123. *Онушко В. Г.* Малийские этюды. М., 1986.
124. Политические партии современной Африки. М., 1984.
125. Производительные силы стран Африки. Обрабатывающая промышленность. М., 1981.
126. Рабочий класс и рабочее движение в Африке (60—70-е гг. XX в.). М., 1979.
127. Рабочий класс стран Африки. М., 1983.
128. *Радченко Г. Ф.* Республика Мали. М., 1969.
129. Развивающиеся страны в современном мире. М., 1986.
130. Революционный процесс в странах Азии и Африки. Тбилиси, 1984.
131. *Скоров Г. Е.* Французский империализм в Западной Африке. М., 1956.
132. Советско-африканские отношения. М., 1982.
133. Современный империализм и освободившиеся страны Африки. М., 1986.
134. *Солодовников В. Г.* Африка выбирает путь. М., 1970.
135. Средние городские слои в странах Тропической Африки. М., 1985.
136. *Субботин В. А.* Колонии Франции в 1870—1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. М., 1973.
137. *Траоре У* Внешняя политика Республики Мали в 1960—1980-е годы. М., 1989.
138. *Урсу Д. П.* У истоков африканской революционной демократии.— Вопросы истории. М., 1983, № 3.
139. *Филипенко Д. Н.* Разбитые оковы. Из истории антиколониальной борьбы малийского народа. Киев, 1974.
140. Фольклор и литература народов Африки. М., 1970.
141. Франкоязычные литературы Тропической Африки. М., 1989.
142. *Черкасов П. П.* Распад колониальной империи Франции. Кризис французской колониальной политики в 1939—1985 гг. М., 1985.
143. Экономика Африки. М., 1965.
144. Экономическая история Африки. М., 1966.
145. Afrique et la crise de 1930. Actes du colloque. P., 1976.
146. Afrique Noire depuis la Conférence de Berlin. Colloque International. P., 1985.
147. *Agaly Boubacar.* Evolution du mouvement syndicale au Mali de 1960 a nos jours. Bamako, 1987.
148. *Ageron C.-R.* L'Anticolonialisme en France de 1871 à 1914. P., 1973.
149. *Amin S.* Trois expériences africaines de développement: La Guinée, le Mali et le Ghana. P., 1965.
150. L'An I de la révolution. Bamako, 1968.
151. *Ba A. H., Daget J.* L'Empire peul du Macina 1818—1853. P., 1962.
152. *Bakhagu Abdrahamane.* Contribution a l'étude du phénomène de l'émigration au Mali. 1960—1985. Bamako, 1986.
153. *Baldé M. S.* L'Esclavage et la guerre sainte au Foute-Jalon. L'Esclavage en Afrique précoloniale. P., 1975.
154. *Bernard—Duquet N.* Le Sénégal et le Front Populaire. P., 1985.
155. *Blanchet A.* L'Itinéraire des partis africains depuis Bamako. P., 1958.
156. *Bouche D.* L'enseignement dans les territoires français de l'Afrique Occidentale de 1817 à 1910. T. 1—2. Lille, 1975.
157. *Bouche D.* Les villages de liberté en Afrique noire française 1887—1910. P., 1968.
158. *Bourcart R.* Le Grand Conseil de l'Afrique Occidentale Française. P., 1955.
159. *Boutiller J. L.* Les captifs en AOF (1903—1905).— Bulletin de l'IFAN. Dakar, 1968, № 2.
160. *Brown R. G.* Fashoda Reconsidered. The Impact of Domestic Politics on French Policy in Africa. Baltimore, 1970.
161. *Brunschwig H.* L'Afrique Noire au temps de l'Empire Français. P., 1960.

162. *Brunschwig H.* Mythes et réalités de l'impérialisme colonial français. P., 1980.
163. Chemins de la décolonisation de l'empire colonial français. Colloque. P., 1986.
164. *Chesi Gert.* Les Derniers Africains. P., 1976.
165. *Cissé B.* Les peuls du Soudan Occidental origine et fractionnement. Chronologie des chefs du Macine.— Etudes Maliennes. Bamako, 1973, N° 5.
166. *Cissoko S. M.* Contribution à l'histoire politique du Khasso dans le Haut-Sénégal des origines à 1854. P., 1986.
167. *Cissoko S. M.* Le Khasso face à l'empire toucouleur et la France dans le Haut-Sénégal 1854—1890. P., 1988.
168. *Cissoko S. M.* Tombouctou et l'empire songhay. Epanouissement du Soudan Nigérien aux XV—XVI siècle. Dakar, 1975.
169. Colonialism in Africa. Vol. 1. The History and Politics of Colonialism 1870—1914. Cambridge, 1969.
170. Connaissance de la République du Mali. Bamako.
171. *Coquery-Vidrovitch C.* L'impact des intérêts coloniaux. SCOA et CFAO dans l'Ouest Africain 1910—1965.— Journal of African History. L., 1975, N° 4.
172. Coulibaly Cheik. Lutttes politiques et syndicales à l'Office du Niger (1945—1960). Bamako, 1988.
173. Country Profile. Guinea, Mali, Mauritania. L., 1987.
174. Danioko Charles Abdoulaye. Contribution à l'étude des partis politiques au Mali de 1945 à 1960. P., 1975.
175. *Dao Tiemoko.* Les organisations para-militaires de l'US-RDA 1960—1968. Bamako, 1968.
176. Décolonisation de l'Afrique vue par des Africains. P., 1987.
177. *Decraene Ph.* Le Mali. P., 1980.
178. *Delafosse M.* Haut-Sénégal—Niger. T. 2. Histoire. P., 1912.
179. *Dembélé M.* Histoire et tradition orale.— Recherches archéologiques au Mali. P., 1991.
180. *Devisse J.* Routes de commerce et échanges en Afrique Occidentale en relation avec la Méditerranée.— Revue d'histoire économique et sociale. P., 1972, N° 1, 3.
181. *Diallo Paul Isidore.* Contribution à l'étude de l'histoire des mouvements de jeunesse au Mali 1960—1968. Bamako, 1987.
182. *Diarrah C. O.* Le Mali de Modibo Keita. P., 1986.
183. *Diop M.* Histoire des classes sociales dans l'Afrique de l'Ouest. T. 1. Le Mali. P., 1971.
184. *Diop M.* Naissance et croissance du prolétariat en Afrique occidentale francophone: quelques données statistiques.— Etudes Maliennes. Bamako, 1972, N° 2.
185. Double Impact. France and Africa in the Age of Imperialism Westport, 1985.
186. *Doumbia Moriba.* Definition de la stratégie du développement d'un parti politique africain: Cas de l'Union Soudanaise — RDA 1960—1968. Bamako, 1987.
187. Duboc (Général). L'épopée coloniale en AOF. P., 1938.
188. *Dumont R.* L'Afrique Noire est mal partie. P., 1973.
189. *Echenberg M.* Slaves into Soldiers.— Africa in Bondage. Studies in Slavery and the Slave Trade. Madison, 1986.
190. *Echenberg M., Filipovich J.* African Military Labour and the Building of the Office du Niger Installations.— Journal of African History. L., 1986, N° 3.
191. *d'Esme J.* Gallieni. Destin hors série. P., 1965.
192. Fieldhouse D. K. Black Africa 1945—1980: Economic Decolonisation and Arrested Development. L., 1986.

193. *Foltz W.* From French West Africa to the Mali Federation. New Haven, 1965.
194. *Fonti Orali.* Antropologia e Storia. Milano, 1978.
195. *Francois G., Mariol H.* Législation coloniale. P., 1929.
196. *Gaffarel P.* Les colonies francaises. P., 1908.
197. *Gaffarel P.* Notre expansion coloniale en Afrique de 1870 a nos jours. P., 1918.
198. *Gatelet.* Histoire de la conquete du Soudan francais 1878—1899. P., 1901.
199. *Gaudio A.* Le Mali. P., 1988.
200. *Géraud L., Guy C., Proust L.* La main-d'oeuvre agricole au colonies. P., 1928.
201. *Gologo Mamadou.* Le Rescape de l'ethylos. P., 1963.
202. *Guy C.* Les colonies francaises. La mise en valeur de notre domaine colonial. P., 1900.
203. *Hardy G.* Histoire sociale de la colonisation francaise. P., 1953.
204. *Hardy G.* Nos grands problèmes coloniaux. P., 1933.
205. *Hargreaves J.* Prelude to the Partition of West Africa. L., 1963.
206. *Hargreaves J.* West Africa: The Former French States. Englewood Cliffs, 1967.
207. *Hargreaves J.* West Africa Partitioned. Vol. 1. The Loaded Pause. L., 1974.
208. *Hargreaves J.* West Africa Partititoned. Vol. 2. The Elephants and the Grass. L., 1985.
209. *Harmand J.* Domination et colonisation. P., 1919.
210. *Harrison C.* France and Islam in West Africa, 1860—1906. Cambridge, 1988.
211. Histoire Générale de l'Afrique. Vol. 7. L'Afrique sous domination coloniale, 1880—1935. P., 1987.
212. History of West Africa. Vol. 2. N. Y., 1973.
213. *Hopkins A.* An Economic History of West Africa. N. Y., 1973.
214. *Hopkins N.* Popular Government in an African Town: Kita, Mali. Chicago, 1972.
215. *Joly V.* La mobilisation au Soudan en 1939—1940.—Revue francaise de l'histoire d'outre-mer. P., 1986, № 272.
216. *Kanya-Forstner A.* The Conquest of the Western Sudan. A Study in French Military Imperialism. Cambridge, 1969.
217. *Keita R. N.* Kayes et le Haut Sénégal. Les étapes de la croissance urbaine. T. 1. Bamako, 1972.
218. *Klein M. A.* Slave Trade in the Western Sudan during XIX-Century.—Journal of Comparative Studies. L., 1892, № 1.
219. *Konaré A. O., Konaré-Ba A.* Grand dates du Mali. Bamako, 1983.
220. *Konaré-Ba A.* L'épopée de Segou. Da Monzon: un pouvoir guerrier. Lausanne, 1987
221. *Konaté M.* Mali. Ils ont assassiné l'espoir. P., 1990.
222. *Koné Abdoulaye et Traoré Souleiman Drissa Traoré.* La Restructuration de l'emploi dans les sociétés et Entre prises d'Etat au Mali: Reflection pour une politique de recasement des personnes licenciés en 1984 (Air—Mali, Comatex-Somiex). Bamako, 1985.
223. *Labouret H.* A la recherche d'une politique indigène dans l'Ouest African. P., 1931.
224. *Lecaillon J. et Morrisson Ch.* Politiques économiques et performances agricoles. Le cas du Mali: 1960—1983. P., 1986.
225. *Legassick M.* Firearms, Horses and Samorian Army Organisation 1870—1889.—Journal of African History. L., 1966, № 1.
226. *Leroy-Beaulieu P.* De la colonisation chez les peuples modernes. P., 1880.

227. *Leroy-Beaulieu P.* Le Sahara, le Soudan et les chemins de fer trans-sahariens. P., 1904.
228. *Levtzion N.* Ancient Ghana and Mali. L., 1973.
229. *Lisette G.* Le Combat du Rassemblement Democratique Africain pour la décolonisation pacifique de l'Afrique Noire. P., 1983.
230. *Ly-Tall M.* Contribution a l'histoire de l'Empire du Mali (XIII—XVI siècles). Dakar—Abidjan, 1977.
231. *Mackenzie J.* The Partition of Africa 1880—1900. and European Imperialism in the 19th Century. London—New York, 1983.
232. *Magasa A.* Papa-Commandant a jeté un grand filet devant nous. Les exploités des rives du Niger, 1900—1962. P., 1978.
233. *Maiga Abdoul Chagaiboun.* La politique africaine du Mali de 1960 à 1980. Bamako, 1983.
234. Mali. Bamako.
235. Le Mali en marche. Bamako, 1962.
236. *Manchuelle F.* Slavery, Emancipation and Labour Migration in West Africa. The Case of Soninke.—Journal of African History. L., 1989, № 1.
237. *Meillassoux C.* Urbanization of an African Community. Seattle, 1968.
238. *Méniand J.* Haut-Sénégal—Niger (Soudan Français). Géographie économique. T. 1—2. P., 1912.
239. *Méniand J.* Les pionniers du Soudan avant, avec et après Archinard. T. 1—2. P., 1931.
240. *Michel M.* L'appel à l'Afrique. Contribution et réactions à l'effort de guerre. 1914—1919. P., 1982.
241. *Monteil C.* Les Bambara du Ségou et du Kaarta. P., 1924.
242. *Morba Ousmante.* Contribution à l'histoire des Dogons: Les Houmbébé. Bamako, 1986.
243. *Morgentau R.* Political Parties in French-Speaking West Africa. Oxf., 1964.
244. *N'Diaye B.* Les castes au Mali. Bamako. 1970.
245. *N'Diaye B.* Groupes ethniques du Mali. Bamako, 1970.
246. *Ndiaye G.* L'échec de la Fédération du Mali. Dakar, 1980.
247. *Newbury C. W.* The Formation of the Government General of French West Africa.—Journal of African History. L., 1960, № 1.
248. Office du Niger. P., 1956.
249. *Person Y.* Samori. Une révolution Dyula. T. 1—3. Dakar, 1968—1975.
250. Politique alimentaire et structures sociales en Afrique Noire. P., 1985.
251. *Porch D.* The Conquest of the Sahara. L., 1985.
252. *Quantin P.* Les méandres d'un discours-fleuve. Les cas de la représentation de l'Afrique noire dans le discours de Charles de Gaulle. Bordeaux, 1978.
253. *Raimbault Michel et Klena Sanogo.* Recherches archéologiques au Mali. P., 1991.
254. Recherches archéologiques au Mali. P., 1991.
255. *Renault F.* L'abolition de l'esclavage au Sénégal. L'attitude de l'administration française 1848—1905. P., 1972.
256. *Renault F.* Lavigerie, l'esclavage africain et l'Europe. Vol. 1—2. P., 1971.
257. *Roberts R.* The End of Slavery in the French Sudan, 1905—1914.—The End of Slavery in Africa. Madison, 1988.
258. *Roberts R.* Warriors, Merchants and Slaves. The State and the Economy in the Middle Niger Valley. Stanford, 1987.
259. *Saad E.* Social History of Timbuktu. The Role of Muslim Scholars and Notables, 1400—1900. N. Y., 1983.
260. *Saint-Martin Y.* L'Empire toucouleur 1848—1897. P., 1970.
261. *Salifou A.* Kaoussan ou la révolte senoussiste. Niamey, 1973.
262. *Sananqua Bintou.* La chute de Modibo Keita. P., 1990.
263. *Sarraut A.* La mise en valeur des colonies françaises. P., 1923.

264. *Schreyger E.* L'Office du Niger au Mali 1932 à 1982. La problématique d'une grande entreprise agricole dans la zone du Sahel. Wiesbaden, 1984.
265. *Snyder F. G.* One-Party Government in Mali. Transition toward Control. New Haven, 1965.
266. *Suret-Canale J.* Afrique Noire Occidentale et Centrale. T. 3. De la colonisation aux indépendances (1945—1960). P., 1972.
267. *Suret-Canale J.* Essais d'histoire africaine. De la traite des Noirs au néocolonialisme. P., 1980.
268. *Tauxier L.* Histoire des Bambara. P., 1942.
269. *Thompson V., Adloff R.* French West Africa. L., 1958.
270. *Touré Ibrahima.* Le Mali dans le système de relations internationales de 1960 à 1980. Bamako, 1983.
271. *Tymowski M.* Dzieje Timbuktu. Wrocław, 1979.
272. *Tymowski M.* Historia Mali. Wrocław, 1979.
273. *Tymowski M.* Karabin i władza w Afryce XIX w. Państwa i armie Samoriego i Kenedugu. Warszawa, 1985.
274. *Urvoay Y.* Histoire des populations du Soudan Central. P., 1936.
275. West African Resistance. The Military Response to Colonial Occupation. N. Y., 1971.

ПЕРИОДИКА

276. Известия. М.
277. Курьер ЮНЕСКО. Париж.
278. Народы Азии и Африки. М.
279. Правда. М.
280. Советская этнография. М.
281. Africa Confidential.
282. Afrika. Munchen.
283. Afrique Francaise. P.
284. Archiv Orientalni. Praha.
285. Archives de l'Office du Niger. P.
286. Bulletin du Comité de l'Afrique Francaise. P.
287. L'Echo. Bamako.
288. L'Essor. Bamako.
289. Etudes Maliennes. Bamako.
290. L'Express. P.
291. Le Figaro. P.
292. Frères d'Armes. Bamako.
293. Jeune Afrique. P.
294. Journal of African History. L.
295. Journal officiel de l'AOF. Dakar.
296. Le Mali. Bamako.
297. Mali-Magazine. Bamako.
298. El Moudjahid-Alger.
299. Politique Africaine. P.
300. Renseignements coloniaux et documents. P.
301. Revue diplomatique et coloniale. P.
302. Revue juridique et politique de l'Union Francaise. P.
303. Revue politique et littéraire. P.
304. Revue politique et parlementaire. P.
305. Sankore. Bamako.
306. Le Temps. P.
307. UNESCO — SOURCES. P.
308. La Vérité. Bamako.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АНАД — Соглашение о ненападении и взаимопомощи в вопросах обороны
- БРМ — Банк развития Мали
- БСК — Берег Слоновой Кости (Кот-д'Ивуар)
- ВВП — Валовой внутренний продукт
- ВКНО — Военный комитет национального освобождения
- ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения
- ВСН — Верхний Сенегал—Нигер
- ГА — Генеральная Ассамблея (ООН)
- ДОА — Демократическое объединение Африки
- ДСМН — Демократический союз малийского народа
- КЭАО — Экономическое сообщество Западной Африки
- КИНИ — Комитет исторических и научных исследований
- КОМАНВ — Малийская компания речного судоходства
- КОМАТЕКС — Текстильный комбинат Сегу
- КФДТ — Французская компания по внедрению хлопка и других волокнистых культур
- МБРР — Международный банк реконструкции и развития
- МВФ — Международный валютный фонд
- НКЗР — Национальный комитет защиты революции
- НСМЖ — Национальный союз малийских женщин
- НСММ — Национальный союз малийской молодежи
- НСП — Национальный совет примирения
- НСТМ — Национальный союз трудящихся Мали
- ОАЕ — Организация африканского единства
- ОАЭ — Объединенные Арабские Эмираты
- ОМВС — Организация по освоению долины реки Сенегал
- ОПАМ — Управление по скупке и реализации зерна
- ОПЕК — Организация стран—экспортеров нефти
- ПАП — Партия африканской перегруппировки
- ПАФ — Партия африканской федерации
- СДП — Суданская демократическая партия
- СОКОРАМ — Фабрика транзисторных приемников
- СОМИЭКС — Малийская внешнеторговая компания
- СОНАРЕМ — Национальное общество по разведке и эксплуатации минеральных ресурсов
- СОНАТАМ — Национальное общество по производству сигарет и спичек
- СПП — Суданская прогрессивная партия
- СПС — Социалистическая партия Судана
- СС—ДОА — Суданский союз—Демократическое объединение Африки
- ФЕД — Европейский фонд развития
- ФЗА — Французская Западная Африка
- ФИДЕС — Фонд экономического и социального развития заморских территорий
- ФКНО — Французский комитет национального освобождения
- ФКП — Французская коммунистическая партия
- ЦБГЗА — Центральный банк государств Западной Африки
- ЦИБ — Центральное исполнительное бюро
- ЭКОВАС — Экономическое сообщество стран Западной Африки

**УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

- Абиссиния 75
Австралия 101
Адрар 197
Азербайджан 254
Азия 44
    Юго-Восточная 77
Аккра 177
Алжир 8, 45, 46, 49, 59, 68, 72, 79,
    113, 116, 148, 157, 206, 251,
    266, 270
Англия 37, 44, 53, 59, 65, 67, 68
Ангола 248, 251
Ансонго 25, 84, 245
Антага-Де 85
Антага-Леи 85
арабо-берберы кунга, этн. 7
Арибинда 91
арма, этн. 25
Армения 254
Атлантический океан 22, 39, 248
Аудагост 16, 17
Африка 5, 9, 26, 44, 111, 118, 128,
    206, 252
    Восточная 59
    Западная 7, 8, 10, 12, 24, 37,
    39, 43, 45, 46, 52, 53, 59, 69,
    94, 96, 99, 111, 113, 122, 132,
    139, 153, 223, 224, 251, 263
    Северная 7, 16, 18, 24, 27, 117,
    154
    Тропическая 15, 47, 66, 151,
    182
    Центральная 59
    Экваториальная 132
    Южная 101, 250
Багоэ, р. 42
Бадумбе 51, 52
Бакель 33, 34, 55, 81
Бакой 47, 55, 58
Бамако 39, 46, 49—52, 55, 57, 60,
    68, 70, 74, 76—79, 82, 83, 87,
    95, 99, 100, 107, 108, 114, 118,
    124, 129, 130, 132, 139, 147,
    156, 191, 198, 199, 205, 218,
    230, 231, 233, 234, 240, 246,
    254, 267, 269
бамана, этн. 153
бамбара, этн. 6, 20, 25—32, 34—
    39, 41, 49, 61, 62, 70, 71, 87,
    88, 95, 109, 151, 235, 265, 268
Бамбук 18, 19, 20, 24, 40, 47, 75
Банамба 39, 83
Банбугу 26
Бандама, р. 70
Бандиагара 6, 35, 36, 61, 62, 85,
    99
Бани, р. 27, 61, 88
Барке 85, 86
Баруэли 100
Бауле, р. 51
Бафинг, р. 6, 47, 48, 58, 60
Бафулабе 28, 47, 49, 52, 69
бва, этн. 88
Бейла 69
Беларусь 254
Белая Вольга, р. 88
Бельгия 86
Берег Слоновой Кости (БСК) 9,
    63, 65, 66, 70, 84, 99, 114, 133,
    140
Бисандугу 39, 56, 63
бобо, этн. 88, 269
Бобо-Днуласо 65, 79, 88, 113
Боке, ист. 54
Болгария 177
Бонн 230
Бордо 7, 45, 59
Борну 22
Бразавиль 117—119, 177
Бугуни 77, 79, 82, 83, 99, 100, 124
Буну 66, 70
Буре, р. 19, 24, 26, 42, 75
Бурем 56, 84
Буркина-Фасо 227, 251, 266
Бусу 66
Вагаду 15, 18
Валата 19, 20
Вахигуя 65, 91
Вашингтон 230
Венеция 17
Верхний Сенегал-Нигер (ВСН, см.
    Французский Судан) 68, 70—
    72, 77, 78, 81, 83, 84, 86—88,
    90, 109

Верхняя Вольта 63, 65, 90, 91, 95,
99, 100, 103, 120, 251

Виши 117

Гаага 251

Гавр 59

Гдугу 53

Галам 26

Гамбия 6, 27, 50, 54

Гамбия, р. 19, 37, 117

Гана 11, 15—18, 20, 22, 26, 227

Гана (Вагаду, Кайямага) 17, 18

Гао 6, 19—21, 25, 68, 84, 85, 88,

89, 124, 151, 245, 253

Гвинейский залив 5, 7, 24

Гвинейское нагорье 41, 69, 74

Гвинея 8, 9, 65, 69, 78, 84, 87, 107,

134, 141

Германия 43, 44, 53, 229

Голландия 226

Губанко 50, 51

Гудам 227

Гумбу 82

гурма, этн. 66

Гурма-Рарус 113

Гурунси 69

гурунси, этн. 66, 88, 99

Дагомея 66, 68—70, 142

Дакар 8, 50, 51, 78, 100, 104, 106,

115, 133, 142, 150, 153

Дедугу 88, 91, 113

Денди 26

Дженне 18—22, 25, 27, 30, 38, 62,

76, 106, 151

Джидда 177

Джире 227

Диамбоко 47

Дина 30, 35

Дингирай 33, 36, 54, 69

Дире 65, 234

диула, этн. 29

догоны, этн. 6, 35, 85, 87, 99, 133,

151, 259, 260, 261, 267

Дори 69, 91

Европа 24, 43, 44, 86, 102, 105, 116

Западная 16, 229

Египет 44, 45, 75

Замбия 251

Зиндер 70

Золотой Берег 66, 76, 84, 99

Индокитай 53

Исса-Бер 113

Италия 229

Каарта 26, 27, 28, 34, 36, 37, 42,
47, 60—63, 71, 81

Кабара, порт 64

Каес 11, 28, 46, 58, 60, 61, 69, 76—

78, 81, 82, 93, 95, 99, 104, 109,

117, 118, 155, 222, 224, 225,

227, 234

Казахстан 254

Камерун 184

Канада 229

Кангаба 55

Кангаба, р. 55

Канкан 27, 62, 69, 100

Кано 22

Карза 85

Касо 28, 29, 33, 34

касонке, этн. 28, 34, 38

Кати 147, 200

Катибугу 106, 126, 156

Каэди 114

кель-антасар, этн. 197

Кенедугу 42, 48, 56—58, 65, 66

Кениеба-Кура 55

Керуане 63

Кибара 86

Кисидугу 69

Кита 18, 33, 50, 51, 53, 55, 74, 99,

227

Китайская Народно-Демократиче-

ская Республика (КНР) 232, 250

Киффе 114

Корейская Народно-Демократиче-

ская Республика (КНДР) 250

Комоз, р. 70

Конакри 177

Конго 26, 67, 75, 148

Кониакари 29

Кори-Кори 62

Кот-д'Ивуар 227, 229, 251, 252, 263

Кувейт 241

Кукийя 19, 21

Куликоро 8, 78, 79, 82, 100, 109,

205

Кулуба 51

Кумби С але 16, 17

Кунду 52

Кунта 30, 35, 85

Курумари 126

Куруса 27, 69

Кутиала 77, 82, 88, 114, 115

Кхасо 42, 47

Кыргызстан 254

Либерия 67, 69, 227, 251

Ливан 154

Ливия 229, 241, 251

Липтако 65, 70

Лион 7, 59

Мавритания 15, 107, 114, 120, 140, 224, 251

мавры, этн. 18, 95, 115

Мали 5—11, 14, 15, 22, 32, 39, 68, 72, 154, 156, 159, 163, 166, 169, 170—187, 190, 193, 194—198, 202, 204, 208—239, 243, 244, 249, 251, 252, 256, 262, 265—270

малинке, этн. 6, 18, 25, 28, 33, 38, 95, 115, 264

Мандинг 5, 6, 18, 25, 45, 49, 51, 55, 56

мандинго, этн. 24

Маркала 101, 102, 104, 115, 124

Марокко 22, 25, 78, 270

Марсель 7, 45, 59

Мартиника 131

Масина 20, 25—27, 29, 30, 35, 36, 62, 90, 101, 123, 133

Медина 39, 40, 46—51, 69

Мекка 21, 33, 268

Менака 89, 245

Мило, р. 63

минианка, этн. 88, 95

Мозамбик 248

Молдова 254

Мопти 30, 62, 91, 113, 124, 130, 268

Моси 69

моси, этн. 20, 66, 91, 99, 113

Москва 252, 253, 254

Нанго 50, 51

Нара 99

Ниасгела 55

Ниако 57

Ниамей 177

Ниамина 83

Ниани 18, 21

Нигер 251

Нигер, р. 5, 6, 7, 16, 19, 21, 23, 26, 29, 32, 35, 37, 40, 41, 50, 51, 55, 57, 80, 100, 101, 103, 107, 109, 115, 126, 150, 151, 163, 245

Нигерия 21, 24, 99, 227

Никки 66

Нил, р. 37, 65, 67

Нионо 103, 124, 126

Ниоро-Мунтанга 27, 34, 36, 54, 61, 69, 79, 82, 99, 113, 114

Нонко 87

Нуакшот 248

Ньяфунке 227

Париж 10, 43, 49, 51, 55, 67, 111, 177, 263

Россия, Российская федерация 33, 43, 44, 52, 59, 254

Сай 59

Сай-Баруа 59, 66

Сако 54

Самори 56, 57, 62

Сан 77, 88, 113

Сансандинг 35, 37, 61, 101, 124

Саро 32

Сатадугу 69

Саудовская Аравия 229, 243

Сахара, пустыня 5, 6, 19, 20, 27, 34, 38, 50, 51, 59, 61, 78, 83, 133, 148, 228

Сахель 6, 15, 16, 26, 27, 69, 101, 187, 231, 238, 252

Севире-Гао 220

Сегу 20, 26, 27, 30, 32, 34—36, 39, 40, 42, 47, 49—52, 62, 71, 95, 101, 103, 104, 113, 130, 133, 169

Селинге 220, 231

Сенегал 35, 39, 41, 46, 47, 49—51, 69, 78—80, 84, 87, 99, 107, 109, 115, 129, 224, 251

Сенегал, р. 5—8, 19, 27, 29, 32, 46, 79, 104

Сен-Луи 45, 46, 50, 51, 79, 225

сенуфо, этн. 6, 42, 61, 87, 95, 151, 267, 269

Сигири 55—57, 69, 84

Сикасо 27, 39, 42, 65, 66, 77, 82, 87, 95, 117, 268

Сикассо (Сиама) 57, 138, 139, 222, 234

Сирия 154

СНГ (Союз Независимых государств) 254

Соколо 54

Сокото, р. 21, 30, 45

Сонгаи 6, 15, 20—22, 26

сонгаи, этн. 21, 25, 26, 89, 95, 152, 235

сонинке, этн. 6, 18, 25, 55, 82, 83, 88, 95, 115, 265, 269

Соединенные Штаты Америки (США) 100, 103, 123, 233, 229, 230, 231

Соко 17, 18

Сотуба 78, 100—103

Союз Советских Социалистических

- Республик (СССР) 108, 118, 130, 157, 175, 178, 179, 180, 183, 233, 238, 248, 249, 252, 254, 258
- Стенливилль 247
- Судан 8, 10, 11, 17, 49, 54, 58, 59, 64, 69, 73—76, 81, 92, 94—98, 100, 102, 103, 105, 107—112, 116, 117, 120—125, 127—129, 131, 132, 135
- Западный 7, 15, 18, 20, 21, 24, 26, 28, 29, 36, 38, 40, 43, 47, 48, 58, 60, 63, 65, 80, 154
- Сьерра-Леоне 50, 51, 62, 63, 69
- Таби 112
- Таджикистан 254
- Таиф 243
- Такубао 64, 65
- Тауденни 22, 210
- Тегазза 19, 22, 23
- Тегдауст (арх.) 16
- тенгередиф, этн. 65, 84
- Тесалит 147
- Тиесу 78, 109, 110
- Тинкисо, р. 55, 56
- Того 66, 252
- томашек, этн. 235, 269
- Томбукту 6, 20, 21, 22, 25—27, 30—32, 35, 37, 38, 48, 64—66, 68, 76, 84, 95, 112, 151, 228, 262, 268
- Тондиби 23
- Триполитания 24, 37
- туареги, этн. 6, 20, 25, 26, 31, 32, 64, 84, 85, 88, 89, 113, 241, 258, 269
- тукулёры, этн. 29, 32, 33, 35, 36, 41, 46, 47, 49, 50, 60, 61, 71
- Тунис 75
- Туркменистан 254
- Уагадугу 65, 88, 113, 251, 266
- Узбекистан 254
- Украина 254
- Улессубугу 63, 203
- Фалеме, р. 33, 38, 54, 77
- Федеративная Республика Германия (ФРГ) 229—231
- Фелу 104
- Флоренция 17
- Фолона 42
- Франция 7, 8, 11, 17, 39—44, 47—49, 51—54, 56, 59, 62, 68, 76, 80, 81, 86, 87, 94, 100, 105, 108, 111, 115, 118, 121, 123, 124, 129, 132, 134, 150, 191
- Французская Западная Африка (ФЗА) 8, 9, 70, 71, 82, 87, 91, 92, 93, 96, 101, 103, 104, 105, 107, 108, 110, 112, 115, 116, 128, 130, 141, 142—156
- Французский Судан (Верхний Сенегал-Нигер) 9, 10, 69, 84, 90, 91, 93, 95, 104, 110, 113, 255
- Фритаун 38
- Фуладугу 47
- фульбе, этн. 6, 20, 25, 26—31, 33, 35, 38, 41, 95, 97, 115, 123, 133, 139, 258, 261
- Фута—Джаллон, плато 6, 19, 20, 27, 33, 34, 36, 38, 56, 58
- Фута—Торо 18, 27, 32, 33, 61
- Хамдаллахи 30, 32, 35
- хауса, этн. 30, 258
- Хомбори 99, 112
- Чад, оз. 5, 59, 66, 67
- Черная Вольта, р. 88, 91
- Чехословакия 161
- Эльзас 43
- Эфиопия 32
- юллиминден, этн. 84, 85
- Янгасо 88
- Япония 229
- Ятенга 65, 91

- Абамба Натионе Зенто 204
 Абдаллах 51
 Авраам 242
 Агибу 62, 71
 Акarakор 89
 Алакамеса 73
 Амаду Амаду 32, 35
 Амаду 30
 Амаду Муса 109
 Амаду Тиаму 108
 Амаду Хамади Бубу 30
 Амаду Шеку 30, 32
 Амин С. 12, 103, 104
 Ампате Ба Амаду 153, 261, 262, 264
 Арбусье Г. де 131
 Аргров Ш. 251
 Арди Ж. 10, 93
 Аршинар Л. 53, 57, 58, 60, 62, 64
 Аскофар А. 265
 Ахмаду 35, 36, 40—42, 48—52, 58, 60—62

 Баба Ахмед 151
 Бабемба 57, 65, 66
 Баднан С. 262
 Бамбо Т. 266
 Барт Г. 39, 47
 Баси 53
 Баунас С. 265
 аль-Бекри 16, 17
 Белим Э. 100, 101
 Бере Али 21
 Бисмарк О. 43
 Бинту Саннакуа 11, 205
 Боднан 61, 62
 Бокар Н'Дий 32
 Бокум Б. 138
 Бокум С. 264
 Бонасье Г. 85
 Боннель Мезьера О. де 152
 Борни-Деборд 50, 51, 60
 Бота П. 250
 Бревие 93
 Буассон П. 117
 Букарн Фофана 60
 Буш Д. 12, 31

 Ван Волленховен Й. 71
 Витухина Г. О. 13

 Галлиени Ж. 10, 48—51, 53, 56, 58
 Гаррисон К. 12, 114
 Гатле 10
 Гаффарель П. 10
 Гей Ламин 129, 147, 149
 Гизенга А. 247
 Гнинг Ф. 109
 Годио А. 12
 Голль Ш. де 117, 140, 143, 146, 149, 248
 Голого М. 135, 153, 210, 263
 Гриоль М. 152, 260, 261
 Гро Ш. 110
 Гуро А. 10
 Гюго В. 44

 Данилова П. П.
 Дауд 22
 Девис Ж. 19
 Делафосс М. 10, 72, 152
 Делькассе Т. 64, 65
 Деляплаг 267
 Демба 73
 Демба Сеги 28
 Демба Ф. 266
 Дембеле Н. У. 264
 Дембеле С. 262, 263, 265
 Джара Али 35
 Диа М. 145, 147, 149, 150
 Диабагате И. 267
 Диабате Ж. 266
 Диабате М. М. 262—265
 Диаварра Г. 262, 264, 265
 Диаките Идрис 210
 Диаките Йоро 206, 207, 264
 Диаките Сикай 118, 129
 Диалло А. 134, 135, 139
 Диалло С. 208
 Диань Блез 87
 Диара Бафи 61
 Диара Мари 60, 70
 Диара Идрис 129
 Диара Ш. 11, 61
 Диарасуби Ш. 265

- Диарра С. 27, 264
 Дико Х. 133, 134, 137, 138, 141, 143
 Диоп И. 111
 Диоп М. 11
 Дипа-Мангаса 88
 Доло Ламин 133, 267
 Дуре А. Н. 200
 Дюбок 10
 Дюваль Ж. 39, 40
 Елисеев А. В. 113
 Жакэ 129
 Жорес Ж. 45
 Зелтнер Ф. 267
 Ибн Баттута 19
 Ибн Сауд 32
 Ибн Хальдун 19
 Ибн Хаукаль 19
 аль-Идрисси 16, 17
 Иисус 242
 Исса Тесуге 102
 Иссебере А. 265
 Ка да Мосто 19
 Каба А. 265
 Каба Д. 265
 Кабрал А. Л. 204
 Казо 85
 Кайе Р. 37, 39, 47
 Кайла Л. 116
 Канку Муса 19
 Кансан С. 133
 Канья-Форстнер А. 11
 Кейта Б. 267
 Кейта Касе 129, 134
 Кейта М. 11, 107, 117, 129, 131, 137, 138, 140, 142—150, 157—159, 169—172, 185, 188—190, 193—207, 225, 247, 248, 250
 Кейта М. С. 146, 147, 265
 Кейта Р. 10, 41
 Клейн М. 39
 Клерк де 250
 Клозель Ф. 72, 87, 152
 Колэн А. 21
 Комаре-Ба А. 27
 Конаре А. У. 246
 Конате М. 107, 108, 112, 117, 118, 130, 132, 134, 135, 137, 138, 264, 265
 Конате С. 138
 Кондратьев Г. С. 13, 202
 Конне Ж. М. 138, 139
 Коппе М. де 111
 Колтелов В. Г. 263
 Корейси А. 133, 134
 Коута А. 266
 Куббель Л. Е. 13, 17, 20, 22
 Куйате М. Б. 265
 Куяте Д. 266
 Куяте Т. Г. 107, 108, 111
 Кулибали Б. 26, 28, 61, 71, 264
 Кулибали Д. 138, 266
 Кулибали М. 267
 Кулибали П. 262, 264
 Кулибали С. 253
 Кумба Йоро 73
 Курума А. 264
 Лабуре А. 10, 152
 Лавижери Ш. 45
 Лафарж П. 267
 Лев Африканский 22, 23, 37
 Леруа-Болье П. 10, 45, 60, 76
 Летнев А. Б. 13, 14, 108
 Ли И. 264
 Ли С. 213, 238
 Ли-Талл М. 21
 Лэнг А. 37
 Магаса А. 11
 Маж А. 35
 Маж Э. 33, 38—40
 Мажино А. 10, 101
 Максимова Г. 202
 Макумба Макан 111
 Макумбу М. 117
 Малал 73
 Малиду 84
 Мамаду Диоп 118
 Мамаду Расин 61, 73
 Марико У. 244
 Махмуд Кати 151
 Меньо Ж. 10, 72
 Мерзляков Н. С. 13
 Мерлен М. 91
 Мишель М. 12
 да Монзон 27
 Мойсей 242
 Моно Т. 267
 Монтей П. Л. 10
 Монтей Ш. 152
 Моргентау Р. 12
 Морле П. 117, 129
 Мохаммед А. 156
 Муниру 61
 Мусса Канкан 268
 Муте М. 94, 103, 111, 131
 Мухаммед 19, 21, 242, 259
 Нголо Джара 26
 Ндьяй аль-Бури 61

- Нето А. А. 204
 Нкрума К. 194, 204, 247
 Новиков С. С. 14
- Ольдерогге Д. А. 183
 Омар Саиду Таль 33
 аль-Омари 17
 Осман дан Фодно 30
- Парк М. 37, 39, 47
 Перике Л. 87
 Пероз Э. 10
 Персон И. 11
 Петен Ф. 117
 Понти В. 71, 133, 153, 265
- Радченко Г. Ф. 13
 Раффенель А. 38, 39
 Робертс Р. 73, 80
 Ружье Ф. 94, 95, 111, 116
 Руш Э. 103
- ас-Сади-Гомбеле 151
 Самори 41, 42, 52, 53, 58, 62, 63,
 67, 74
 Саного К. 267
 Сарро А. 10, 100
 Сега Демба 29
 Сега Дуа 28
 Сенгор Л. С. 111, 144, 145, 147—
 150
 Сен-Мартен И. 11
 Си Мадемба 71
 Сидибэ М. 31, 107, 112, 153, 262
 Сидибэ С. 266
 Сидибэ Т. 131
 Сикай Диаките 118, 129
 Сильвандр Ж. 131, 132, 137
 Сила Ф. 115
 Сила Я. 114
 Сиссоко Б. 193
 Сиссоко Г. Б. 117, 134
 Сиссоко М. 28, 266
 Сиссоко С. 264, 266
 Сиссоко Ф. Д. 107, 108, 112, 118,
 130, 131, 137, 153, 262, 263
 Сиссэ Б. 265
 Сиссэ С. 241, 255, 266
 Снайдер Ф. 12
 Солейе П. 47
 Солодовников В. Г. 202
 Соу Ламин 135
 Субботин В. А. 13
 Сулейман 20
 Сумаоро 17
- Сумаре 205
 Сундията 17, 18, 151, 259, 265
 Сунтура М. 265
 Сюрэ-Каналь Ж. 12, 118
- Тенгелла 20
 Тиеба 42, 56, 58, 62
 Токсье Л. 152
 Травеле Муса 153
 Траоре Д. 87, 88
 Траоре И. Б. 262, 264, 266
 Траоре И. С. 264
 Траоре М. 11, 206—211, 211—213,
 215, 229, 242, 243—246, 248—
 251, 253, 269
 Траоре С. 200, 205
 Траоре У. 14, 249
 Туре Г. 233
 Туре М. 21
 Туре Секу 141, 142
 Туре Ф. 117, 130
 Тымовский М. 12, 14
- Удас О. 152
 Умару 57
 Уологем Я. 263
 Усман эль Мадан 117
 Уфуэ-Буаньи Ф. 131, 138, 140,
 142
- аль-Фазари 15
 Файет М. 117
 Федерб Л. 34, 35, 40, 47, 48, 73
 Федугинов Ю. Ю. 13
 Фернандиш В. 19
 Филипенко Д. Н. 13
 Фирхун 85, 88, 89
 Фольц У. 12
 Фужер Т. де 156
- аль-Хадж Омар 32—36, 39, 40, 47,
 61
 Хамаллах Шериф 113—116
 Хамоади 85
 Харгривс Д. 12, 43, 57
 Хаукал Ибн 16
- Чака 259
- Шаревская Б. И. 13, 260
 Шейбун 84
 Шотан Э. 69
 Шрейгер Э. 12
 Шумовский Ж. 267
- аль-Якуби 17

SUMMARY

Modern and Contemporary History of Mali is the fruit of joint efforts of academics of the Institute for African Studies (RAS) and Simferopol University who worked in Mali for many years.

Chapter I deals with the pre-colonial history of that big West-African country, its social development, the economic, social and cultural life in the states that existed in the Middle Ages on Mali's territory and the appearance of Arabs and Europeans in the Senegal and the Niger interfluve.

Chapter II looks at the events of the second half of the nineteenth — early twentieth century. It was the time when the French conquered this land and established the colonial regime there. Much attention is given to the Africans' resistance (the el-Haj Omar, Ahmadu and Samori wars and the Tuareg uprising).

Chapter III describes the development of the French Sudan in 1918—1945 — the methods of colonial administration, changes in social and economic life, emergence of new social forces and formation of the first political and professional associations in Mali.

Chapter IV traces the hard way that the country travelled from a colony through the internal autonomy and ephemeral unity with Senegal. The authors look at how France's colonial policy changed after the Second World War, especially at the specific features of the country's social and economic development.

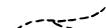
Chapter V discusses the period of the so-called First republic — the years of Modibo Keita's rule, losses and gains of the socialist orientation and the rise and fall of one of the most popular leaders of Young Africa.

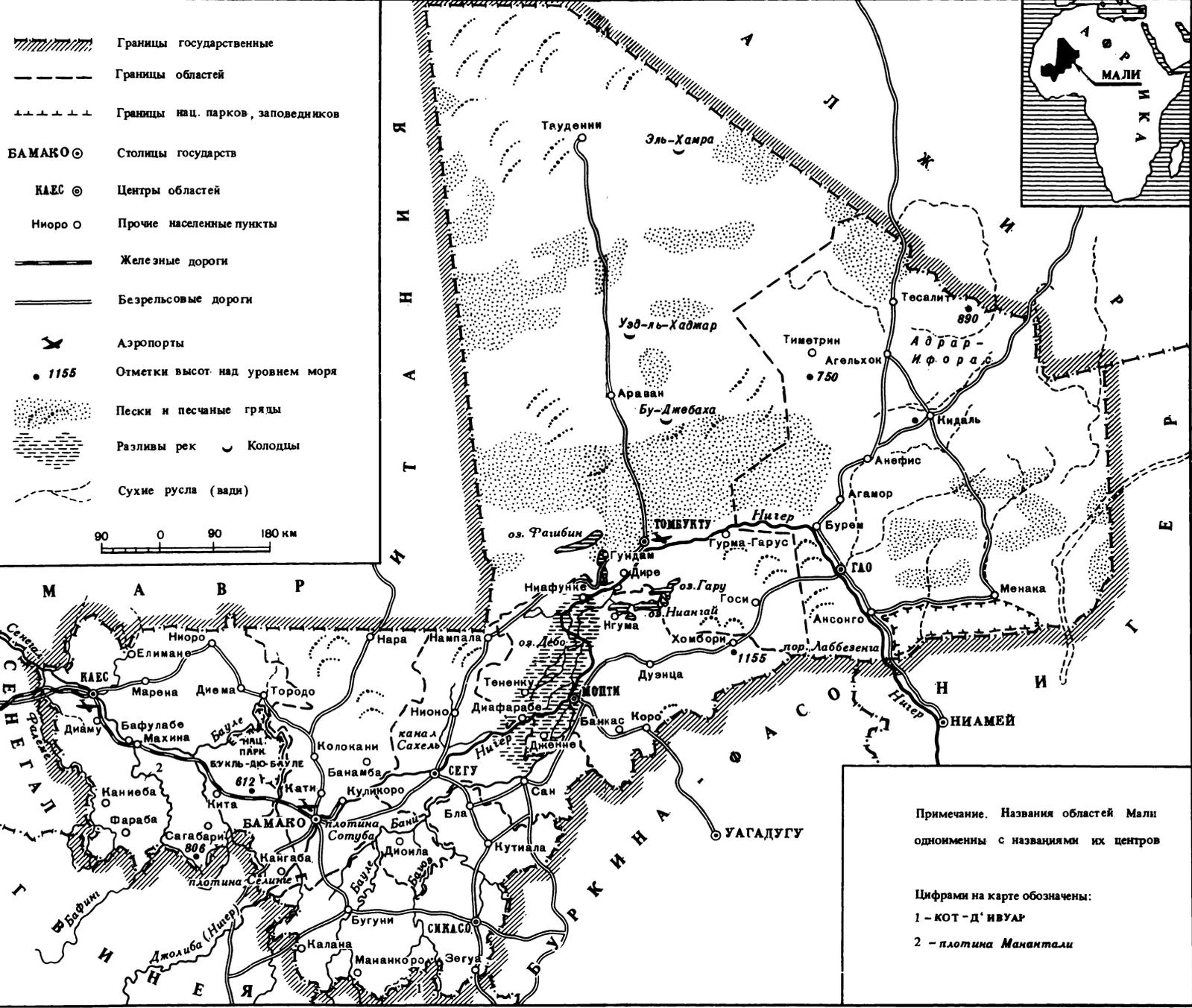
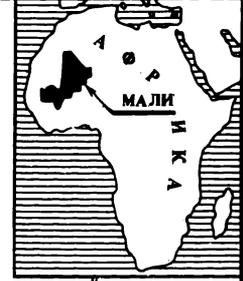
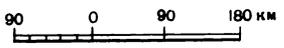
Chapter VI describes the military regime of Traore and the transition from military dictatorship to civil society. The chapter ends with the establishment of the Third Republic.

Chapter VII analyses Mali's foreign policy, especially the Soviet-Mali and the Russian-Mali relations from the sixties to our days.

The concluding, eighth, chapter surveys the original and rich culture of Mali and the achievements of the cultural development in the republic.

Введение	5
Глава I. Доколониальная история Мали	15
1. Западный Судан на пороге нового времени	15
2. Западный Судан в XVII—XVIII вв.	23
3. Западный Судан в первой половине XIX в.	29
Глава II. Установление колониального режима в верховьях Сенегала и Нигера (1880—1918)	41
1. Завоевание французами Западного Судана	41
2. Система колониального управления	68
3. Экономические и социальные перемены	73
4. Повстанческие движения 1899—1914 гг.	84
5. Верхний Сенегал-Нигер в годы первой мировой войны	86
Глава III. Колониальный режим и становление новых политических сил (1918—1945)	90
1. Перемены в системе управления	90
2. Социально-экономическое развитие	95
3. Формирование новых общественных сил	105
4. Французский Судан в годы второй мировой войны	115
Глава IV. Судан на пути к независимости (1945—1960)	120
1. Социальное и экономическое развитие	120
2. Политическая жизнь Судана в 1945—1958 гг.	127
3. От автономии через федерацию к независимости	141
4. Культура и образование в колониальный период	150
Глава V. Социально-экономическое и политическое развитие Республики Мали в 1960—1968 гг.	157
1. Образование Республики Мали	157
2. Экономическое и социальное развитие	176
3. Сотрудничество с СССР	179
4. здравоохранение и социальное обеспечение	180
5. Образование	182
6. Социальная и экономическая обстановка в стране во второй половине 60-х годов	184
7. Политические процессы в малийском обществе	190
Глава VI. От военного режима к III Республике	205
1. Военный режим в Мали	205
2. Экономическое развитие Мали в 80-е годы	217
3. здравоохранение и образование	232
4. Социальная структура	238
Глава VII. Внешняя политика Республики Мали	247
Малийско-советское сотрудничество	252
Глава VIII. Культурное строительство	255
Библиографический список	270
Список сокращений	279
Указатель географических и этнических названий	280
Указатель имен	284
Summary	287

- Границы государственные
- Границы областей
- Границы нац. парков, заповедников
- БАМАКО** Столицы государств
- КАЕС** Центры областей
- Ниоро** Прочие населенные пункты
- Железные дороги
- Безрельсовые дороги
- Аэропорты
- Отметки высот над уровнем моря
- Пески и песчаные гряды
- Разливы рек
- Колодцы
- Сухие русла (вади)

Примечание. Названия областей Мали
одноименны с названиями их центров

Цифрами на карте обозначены:
1 - кот-д'ивуар
2 - плотина Манантала